

**АНДРЕЙ
СТРИГИН**

**ПЛАТО
ЧЁРНОГО
СПЕЛЕОЛОГА**

2017

Был ли глобальный катаклизм в ходе, которого тысячи городов погрузились в морскую пучину результатом неудачного испытания климатического оружия? Возможно. Сейчас трудно об этом судить. Известно лишь, что в результате мировой катастрофы огромные материки оказались под водой и только высокогорные плато и горы трансформировались в острова, на которых чудом цепляются за жизнь остатки могучего в былом человечества.

Андрей Николаевич Стригин
Плато чёрного спелеолога

Хуже одичавших собак могут быть только — одичавшие люди.

Глава 1

Прекрасен древний Херсонес в мягкое, солнечное утро. Корявые фисташки зеленеют среди таинственных развалин, белые колонны торжественно высятся в прозрачном воздухе, золотой купол Владимирского собора, словно парит, в пространстве... звук колокола тяжело прокатился над древним городом и тихо исчез, как брызги холодного водопада, пулемётной очередью упавшие в воду.

Как странно, вокруг звенящая тишина, полное спокойствие, даже ветер, что обязан ранним утром поднимать лёгкую рябь на море, впал в транс и забыл своё предназначение — обычно, так бывает перед смертью, всё затихает и ждёт своего часа.

Замерло всё, солнце застыло, и напоследок, мягко согревает оцепеневшую от неожиданности землю. Море очистилось до безумной прозрачности, что даже под водой вспыхнули радуги. Морской ёрш забыл напасть на глупую зеленушку, большой краб заснул на плоском камне, лишь медуза слабо колышет ажурными щупальцами, да рапаны медленно ползут по песку, оставляя за собой волнистый след.

Молодой мужчина сидит на плоском валуне с непонятым вниманием смотрит на прозрачную воду, а в глазах недоумение и ожидание. Вроде здорово полностью расслабиться и отдаться своим мыслям, забыть о беспокойной жизни и мечтать. Как это не похоже на характер молодого человека, об этом говорит его энергичное лицо, обманчиво мягкий взгляд, худощавое, но сильное тело.

Предчувствие, вот что его гнетёт. Можно в него верить, или нет, но оно есть у всех в той или иной степени. Что-то надвигается неотвратимое и страшное, Виктор знает об этом, это как вера в бога, не нужно никаких доказательств.

Горизонт чист словно хрусталь, кромка моря плавно сливается с небом, но солнце почему-то окутывается густой пеленой и тёплые лучи меркнут, подул ветер, вздыбливается крупная рябь, ленивый краб соскользнул в расщелину, зеленушка дёрнулась, но ёрш делает стремительный рывок, настигает свою жертву и вновь замирает.

Виктор напрягается, приподнимается с камня, пристально смотрит вдаль, озноб пробегает по телу, но не от холодного ветра, которые неожиданно врывается на берег, утреннее солнце медленно тонет за горизонтом. Моментально темнеет, словно наступает ночь. Что это? Волосы поднимаются дыбом, Виктор отшатнулся, он понял, происходит нечто ужасное, это не солнце поменяло направление, а горизонт стремительно поднимается. Цунами? Но на Чёрном море такого быть не может! Надо бежать от берега! Виктор разворачивается, видит застывших людей, они тоже заметили огромную волну, которая заслонила солнце. Кто-то истошно крикнул, и толпа, с выпученными глазами, понеслась прочь от берега. Виктор бросился следом, но неожиданно останавливается, вновь оборачивается, горизонт поднялся ещё выше. Быть такого не может, эта волна больше гор, на берегу нет спасения, она обрушится и всё перемелет в кровавую кашу!

Море не отступило, как это всегда бывает при возникновении цунами, напротив, оно без единого пузырька заполняет пляж и стремительно врывается в древние развалины Херсонеса. А вот здесь и начинает клокотать, словно набирается ярости, налетает на стены, захватывает всяческий мусор, срывается клокочущим водопадом в колодцы, мгновенно их, заполняя и устремляясь дальше. Нет, это не цунами — гигантский вал воды, пришедший извне, и несущейся к берегу. Вероятно, срабатывает интуиция, Виктор делает шаг вперёд,

затем бросается в воду и бешено гребёт навстречу приближающемуся апокалипсису. Станный поступок. Неужели молодой мужчина желает быстрой смерти? Нет, это не так, Виктор как никогда хочет жить.

А на берегу творится кошмар, немногие люди, застигнутые врасплох стремительно поднявшейся волной, отчаянно барахтаются во мгновение вскипевшей воде, тщетно стараются выбраться на берег, но их швыряет на скалы и морская пена приобретает красный цвет. Шансов спастись нет, море всех перетирает в кровавую кашу, слышны вопли стоны, но всё теряется в мощном гуле приливной волны.

Виктор уже не один час лихорадочно гребёт прочь от берега и чувствует, как взлетает ввысь. Он поднимается всё выше и выше, он на гигантской волне, но не видно её начала и края, просто поднимается горизонт и из поля видимости исчезает береговая линия и... город.

Пена щекочет тело, ощущение, что словно в невесомости, и был бы он тяжелее, провалился в воду, словно в омут, настолько сильно море насыщено воздухом и потеряло свою плотность.

Вся надежда доплыть до ближайших судов, там спасение, Виктор гребёт из последних сил. Внезапно один из кораблей словно срывается со скалы, затем тонет другой, следом ещё один.

— Как же так! — срывается с губ вопль. Виктор не сразу понял, что кричит он сам. Мелькает паскудная мысль, сложить руки вдоль тела и ринуться вниз в насмешку текущим проблемам, но нет, он уверенно гонит её из своего сознания. Да, он один, вокруг поднимается море, город полностью затоплен, мало кто спасётся. Но раз он пока жив, есть шанс и за него необходимо держаться.

Рыдания до судорог словно выворачивают его наизнанку. Он понимает, все, кого он любил, знал, с кем дружил, ненавидел, погребены Потопом. А это именно Великий Потоп все самые разрушительные цунами в истории Земли на его фоне были бы едва заметной рябью. Но откуда он взялся, что растопило вечные льды на полюсах? Безусловно — это гений человеческой мысли! Наконец-то он создал оружие, способное снести всё живое!

Море продолжает подниматься, ущелья и долины исчезают, возникают новые острова, горы мельчают. Испуганные птицы не выдерживают натиска стихии и, как люди, кончают жизнь самоубийством, целые стаи бросаются в воду, чтобы найти в смерти забвение. Даже дельфины потрясены, они ещё не понимают, что скоро станут полноправными хозяевами на планете.

Небольшое стадо выныривает рядом с человеком, с шумом пускают фонтанчики, фыркают, осторожно подплывают, глядя на него умными глазами и призывно стрекоча.

— Вам весело, а мне не очень, — напрягшись, говорит Виктор, с опаской наблюдая за сильными животными. — Помогли бы, лучше, — усмехаясь, и без всякой надежды говорит он. Виктор не очень верит в истории спасения дельфинами людей.

Крупное животное подплывает совсем близко, едва не касаясь человека своим сильным телом.

— Ты зачем так близко поплыл? — испытывая страх, произносит Виктор, но непроизвольно тянется к жёсткому плавнику и неуверенно хватается за него. Он ожидал, что дельфин дёрнется и уйдёт на глубину, но нет, тот неожиданно плавно поплыл.

— Ты что, меня спасаешь? — ещё не веря в происходящее, спрашивает Виктор.

Дельфин уверенно рассекает воду, а рядом ныряют и выныривают его сородичи, весело

стрекоча, для них это развлечение, а для Виктора надежда избежать смерти. Удивительно, почему не проносятся пенные шквалы, волны не вздымаются, а лишь поднимаются из глубин бесчисленные завесы из пузырьков? Ветра нет, небо синее как в сказке, без единой тучки и этот контраст с текущими событиями — ужасен. Но вдруг, нечто подернулось, высоко в небе появляется яркое сияние. Те птицы, что не решились последовать за своими сородичами в пучину моря, вспыхивают, словно спички в шаловливой руке мальчугана и выползает из-за горизонта тяжёлый гул. Словно катящиеся камни с горы страшные звуки, вздыбливают море и вверх, взлетает тысяча смерчей и молний.

— Что это?! — в диком ужасе вскрикивает Виктор и буквально сливается с телом дельфина.

Животное ощущает ужас человека и ему страшно. Дельфины бросаются прочь от надвигающегося кошмара, но их настигает первый шквал, взлетают вверх блестящие тела, тяжёлый звук плющит, словно о наковальню молотом, затем всех засасывает в бесчисленные воронки злобных смерчей и разносит по всему небу.

Виктор мёртвой хваткой вцепился в плавник несчастного дельфина, животное дёргается в судорогах, вероятно, погибает. Его жалко до слёз, хотя вернее, нужно пожалеть себя самого, но Виктор обнимает дельфина и плачет, ему кажется, это последнее живое существо, на планете которого он видит и прощается навсегда.

— Прости, — шепчет он дельфину. — Во всём виноваты мы, люди... прости.

Словно во сне он видит сквозь око гигантского торнадо насмешливые звёзды, его тянет к ним, не хватает воздуха, скоро его вышвырнет в космос и он, растопырив руки, будет нестись по орбите мёртвой Земли. Но причём тут дельфин?! В чём он виноват?!!

Как на подушке из мягкого пуха их опускает на поверхность почему-то успокоившегося моря, смерч рассыпается, напоследок пролившись сильнейшим ливнем. Это уже не море, океан проник в него вместе со своими обитателями, Виктор сразу это ощущает. Дельфин не подаёт признаков жизни и медленно скользит в глубину.

— Ну, нет! — Виктор подныривает под него и старается тащить его наверх.

О, чудо! Дельфин слабо шевельнул плавниками, выпускает тонкий фонтанчик и неожиданно резко стрекочет.

— Ты жив! — Виктор целует его как родного. Дельфин вздыхает как человек, смотрит грустными глазами. Затем, позволяет обхватить его за плавник и уверенно плывёт, к зависшей над горизонтом, мощной облачности.

Нешадно палит солнце, мучает жажда и голод, кожа распухла от длительного пребывания в воде, вот-вот лопнет и появится кровь. На мгновение показался чёрный плавник акулы, но хищница не решается связываться с дельфином и уходит в глубину. Виктор ещё сильнее хватается за плавник, испуганно озирается по сторонам. После всего пережитого, когда он уже прощался с жизнью, но словно воскрес, не хочется стать пищей для акул.

Тучи на горизонте уплотняются, сквозь них, как мираж, высвечиваются далёкие скальные выступы, озаряемые вспышками молний. Земля! Биение сердца зашкаливает в бешеном ритме.

— Быстрее, милый! — кричит Виктор и даже начинает грести одной рукой, помогая дельфину.

Мимо медленно проплывает всякий хлам: доски, пустые канистры из-под бензина, вывороченные с корнем деревья и целая сетка с кокосами.

— Кокосовое молоко! — озаряет Виктора догадка, от жажды едва не теряет рассудок, тянет руку, но из груды мусора выплывает труп женщины и наезжает мёртвым телом на лохматые плоды, обхватывая растопыренными руками.

С криком отдёргивает руку, но когда опомнился, кокосы и женщина уже отплыли далеко.

— А ведь это был шанс, — сам себе говорит Виктор, — пытаюсь сглотнуть липкую слюну, но едва не расцарапал гортань.

Конечно, можно было бы отплыть от дельфина и броситься в погоню за кокосами, но не факт, что животное будет его ждать, а земля столь далека, в одиночку не доплыть.

Океан по имени Чёрное море, вновь очищается от мусора. Жутко ощущать, что где-то в его пучине скрываются затопленные города и сёла, повсюду вода и только как призрак в густой дымке земля подаёт сигналы на жизнь. Вот только нужна ли она?

Дельфин энергично рассекает воду, пенные струи обтекают тело, приятно щекоча, принося осмысление в воспалённое сознание. Остро захотелось жить — невероятное желание в мире, наполненном смертью. Виктор крутит головой, высматривает далёкие скальные образования, пытается понять, где он. Неожиданно в контурах земли он узнаёт знакомые очертания высокогорного плато Караби-яйлы, но странно его видеть омываемое морем. Под его каменистой поверхностью раскинул свои «щупальца» целый подземный мир, страшный и непредсказуемый, но и одновременно прекрасный.

«Плато чёрного спелеолога» — вспоминает Виктор легенду о суровом духе пещер и про себя горько рассмеялся.

Отплывший холмик из мусора, внезапно оказывается справа, его завернуло течением, и он вновь приближается к Виктору. На этот раз мужчина решает не малодушничать и выдрать из мёртвых рук утопленницы плоды, наполненные живительной влагой.

Женщина словно держится за кокосы, её светлые волосы колышутся в такт колебаний волн, и создаётся ощущение, что она жива и от этого становится ещё более жутко. Виктор вновь смалодушничал и упускает возможность схватить орехи, он не может переступить через себя и отобрать даже у мёртвой, принадлежащие ей вещи. Как глупо! Но дельфин вновь уносит его от страшного зрелища, а мужчина всё не может отвести взгляда от хрупкого тела женщины. Тоска и горечь захлёстывает его душу, глаза хотят наполниться слезами, но появляется лишь жжение и муть во взоре. Поэтому он не сразу понял, что руки женщины слабо шевельнулись, пальцы разжимаются, и она медленно сползает со связки из косовых орехов в бездну моря. Жива! Сердце бешено ткнулось в рёбра и заработало с невиданной частотой, разнося адреналин по артериям.

— Назад! — кричит он дельфину. — Что ты делаешь, куда поплывёшь, ты что, не видишь... она жива! — но дельфин упрямо уплывает, он тоже устал и не понимает эмоций человека.

Женщина пытается слабо двигать руками, но неумолимо погружается. Ещё пару мгновений и её не станет. Она последний раз вдыхает воздух и скрывается под водой.

Виктор словно обезумил, с силой бьёт дельфина кулаком и тот, испустив тревожную трель, шарахается в сторону. Мужчина с отчаянным криком отталкивается от гладкого тела и бросается к женщине, ныряет, широко раскрыв глаза. Где-то внизу замечает тёмный силуэт, исчезающий в перекрещивающихся лучах солнца.

Он готов погибнуть, но её спасти, толкает своё тело на глубину, извиваясь, лихорадочно откидывая воду ладонями добирается до безвольного тела, наматывает волосы на руку и

тащит к поверхности... а она сейчас так далека! Вот уже лёгкие судорожно сжимаются ещё миг, и Виктор откроет рот, а это смерть, но она смерть будет не только для него одного. Поэтому, теряя остатки сознания и разума, почти не видя света сквозь кровавый туман застилающий взор, он выбрасывается на поверхность, но не понимает, что спасён и всё ещё плотно сжимает губы. Трескотня дельфина приводит его в чувство, Виктор судорожно вздыхает, едва не разрывая лёгкие, приподнимает над поверхностью голову женщины, но она не дышит, её сердце уже не бьётся, она умерла уже до того как её поглотило море.

— Как же так?! — Виктор рычит, словно зверь, трясёт мёртвое тело как страшную куклу, с силой бьёт кулаком под левую грудь, ломая рёбра. Но что это? Женщина вскрикивает и начинает дышать. Её оцепеневшее сердце получило такую встряску, что дефибрилятор бы не справился. А что теперь? Дельфин, на прощание, показав блестящую чёрную спину, ныряет и уплывает прочь.

Женщина стонет, изо рта ползёт кровавая пена, Виктор обтирает её лицо водой, бережно поддерживая над поверхностью, а его взгляд полон тоски и обречённости, он понимает, теперь до берега не доплыть.

— Лодка, — словно сон звучит голос женщины.

Виктор с жалостью смотрит на неё, всё понятно, начинаются галлюцинации.

— Там... лодка, — с нажимом говорит женщина и пытается вырваться из его объятий.

На этот раз мужчина встrepенулcя, кидает жадный взгляд и мгновенно натывается на медленно дрейфующее резиновое плавсредство. Это действительно многоместная лодка, с борта свешивается верёвка, а за неё держится человек, мужчина. Он не может забраться на борт, очевидно силы покинули его, но он продолжает с безумством обречённого цепляться за жизнь.

— Есть бог! — Виктор едва не целует женщину и гребёт к резиновому борту.

Но едва он касается цепляющегося за верёвку человека, как тот вскрикивает, лицо искажает гримаса ненависти и в диком порыве отмахивается веслом. Виктор с трудом уходит из-под удара и едва не захлёбывается от морской пены.

— Это моя лодка... прочь! — мужчина вновь целит веслом.

— Послушай, мы не собираемся её отбирать, на ней всем места хватит, — отплёвываясь и кашляя, пытается облагородить его Виктор.

— Она не выдержит всех... прочь, — вновь свистит весло, но на этот раз значительно слабее, силы у этого человека на исходе.

— Мы же погибнем, — прерывающим голосом произносит женщина.

— Мне нет до вас никакого дела, но если приблизитесь... раскрою головы этим веслом, — не сдаётся человек.

— Ты не прав, подумай своими мозгами, самостоятельно взобраться ты не можешь, только мы сможем тебе помочь. Так долго ты не повисишь... издохнешь ведь... кстати, здесь акулы появились, — Виктор осторожно отпускает женщину и тихо обращается к ней, — сможешь продержаться некоторое время одна? — женщина кивает, в её глазах горит упрямый огонёк и ненависть.

— Вы сами издохните, а я потихоньку догребу до берега, — в словах мужчины столько враждебности, что в душе у Виктора пробегает леденящий холодок, но и злость вспыхивает с новой силой.

Не сводя с него взгляда, Виктор загребает с другой стороны, с шумом опускается весло, взметнув морскую пену. Тогда Виктор делает другой манёвр, вновь удар веслом, но

значительно слабее. У мужчины стремительно уходят силы, но он с непонятным безумством отгоняет Виктора от лодки. На десятый раз мужчина уже не может поднять весло, и Виктор выдёргивает из его рук, пытается схватиться за верёвку, так как и сам на грани бессилия, но тот сильно лягается.

— Что же ты делаешь? Пусти, дай влезть, а мы поможем тебе взобраться.

— Прочь! — стонет человек и неожиданно вцепляется зубами в горло Виктору и забирает весло.

Вода окрашивается кровью, становится дурно и Виктор едва не теряет сознание, но выворачивается и шарахается в сторону. Хочется ругаться, растерзать, эту сволочь, но мужчина словно обретает второе дыхание и весло снова занесено для удара.

— Теперь ты точно умрёшь, — на лице Виктора змеится гримаса зловещей улыбки. Жутко болит шея, струйка крови тянется вниз как проволока, окрашивая тёмную воду в весёлый розовый цвет. Он интуитивно кидает взгляд вдаль, на душе холодеет, явственно виднеется чёрный плавник акулы. Определённо, времени совсем нет, а рядом погружается в беспмятство спасённая им женщина, она едва шевелит руками, а глаза и вовсе белеют и закатываются. Сам же Виктор держится на воде лишь на злости, но рассудок не теряет. Глубоко вдохнув воздух, он ныряет, в последний момент, замечая, как в животном страхе расширяются глаза мужчины. Тот бешено молотит ногами, но Виктор и не думает приближаться, он ждёт, когда он совсем обессилит и точно, руки сползают с верёвки, лодка, качнувшись, отходит в сторону, мужчина бросается за свисающим концом верёвки и в этот момент Виктор быстро подплывает и бьёт его в живот. Всё, мужчина в глубоком нокауте, но чудом держится на поверхности, а лодка стремительно уходит. В два гребка Виктор догоняет её и вползает на борт, кидает взгляд на море, акула совсем близко. Видит под кучей хлама ещё одно весло, стиснув зубы, гребёт к женщине, очень вовремя хватая её за волосы, перехватывает рукой её тонкую талию и с диким рычанием втягивает на борт. Она падает, словно растрёпанная кукла, сворачивается в калачик, грудь ритмично вздымается, судороги змейками пробегают по окаменевшим мышцам, она стонет, её выворачивает чистой морской водой.

— Молодец, теперь ты точно будешь жить, — хвалит её Виктор.

Тем временем мужчина приходит в себя, плаксиво кричит, в мольбе вытягивает руку, но Виктор не шелохнулся. Нет, сейчас зла на него нет, просто он сильно устал и не в состоянии оказать помощь.

Мужчина последний раз хлопает ладонью по воде, из глаз брызгают слёзы как у клоуна: — Я был прав, я знал! — выкрикивает он и медленно погружается.

Виктор с непонятным равнодушием наблюдает, как растворяется в толще моря силуэт человека. Большой пузырь воздуха вырывается из глубины, а с ней и жизнь несчастного.

— Повезло ему, — говорит он.

— Почему? — удивляется женщина.

Виктор не стал отвечать, он видит, как акулий плавник уходит под воду, хищница устремляется к безжизненному телу.

Женщина с трудом приподнимается, облакачивается на борт, смотрит затуманенным взглядом на Виктора, а он на неё. Вероятно, она красивая... но не сейчас... хочется пить и клонит в сон.

— Ты не спи, — пугается женщина и оглядывается на далёкие скалы. — Давай грести по очереди, — предлагает она.

— Пять минут передохну, — отвечает мужчина, но берётся за весло.

— Давай я, — удивительно, но к женщине возвращаются силы.

Что-то вроде ревности кольнуло душу Виктора, а ведь она совсем недавно умирала, да что там — была мёртвая... похоже два ребра сломаны... совсем как сорняк... запредельная тяга к жизни. Это открытие неожиданно придаёт силы мужчине, он налегает на весло, лодка вздрагивает и быстро скользит к призрачной земле.

— Звать тебя как? — Виктор скользнул по ней взглядом, про себя отмечая её худобу, но там где должно быть, то, что должно иметься — всё на месте, даже в некотором избытке.

— Нина, — слегка улыбнулась женщина, она отметила про себя его оценивающий взгляд.

— А меня Виктором звать. Как ты в море оказалась?

— А ты?

— Купаться пошёл, — с иронией произносит он.

— А нам в ларёк кокосы в сетках привезли, несколько паков. Только принимать начала и волной всех накрыло. Орехи меня спасли, уцепилась за сетки, вот и выволокло на поверхность. А что произошло?

— В смысле.

— С нами, с миром, где люди, куда исчез город?

— Он под нами, а тот берег — высокогорное плато... в прошлом, — с горечью произносит мужчина.

— Неужели война?

— Может, и нет. Вероятно, что-то испытали... вот только не всё просчитали... и получилось как всегда.

— Океан смешался с морем?

— Это как побочный эффект, — предполагает Виктор.

— Страшно.

— Привыкнешь.

Нина замолкает, охает от боли, когда неудачно повернулась, в недоумении щупает рёбра под левой грудью.

— У тебя два ребра сломаны.

— Откуда знаешь?

— Это я тебе их сломал.

— Зачем? — без злости спрашивает Нина.

— Ты умерла, а дефибриллятора под рукой не оказалось, пришлось бить кулаком.

— Спасибо.

— Теперь ты будешь жить долго, — усмехается Виктор.

— А стоит? — тревожно смотрит на него Нина.

— Раз мы живы, значит — стоит, — кивает Виктор.

— Какие огромные акулы! — вскрикивает Нина.

Виктор вытаскивает весло, оборачивается и вздрагивает, таких монстров он даже по Дискавери не видел. Огромные животные идут параллельно им, синхронно ныряя на волну, блеснули белые пятна на чёрной голове.

— Это косатки, — понимает мужчина.

— Какие они красивые, — шепчет Нина.

— Они хищники и сейчас охотятся.

— На нас? — без особого страха спрашивает женщина.

— Нет. Они не нападают на людей... по крайней мере так говорят.

Виктор осторожно опускает весло, гребёт, стараясь не создавать всплесков. Косатки проплывают мимо, лишь одна слегка тормознула, смотрит на людей, словно запоминая, затем быстро догоняет своих сородичей.

— Вот видишь, у нас слишком мало мяса, — нервно хохотнул Виктор.

Солнце упорно стремится к горизонту, дует бодрящий ветер, принося ощущение обманчивой свежести. Берег медленно надвигается, а с ним в сердце вселяется надежда, но попутно ей, в самые недра души вползает какой-то первобытный страх.

По дну лодки процарапали ветки деревьев-утопленников, её нос врезается в гущу переплетённых между собой колючих кустов, но под решительным ударом весла протискивается глубже и плавно становится дном на мель. Впереди простирается каменистая поверхность, в кровавых бликах, от заходящего за горизонт солнца.

— Приехали, — шевельнул губами Виктор.

— Это теперь наш дом? — с трепетом произносит Нина.

Виктор не стал отвечать, прыгает с борта, погружаясь по пояс в воду, за верёвку подтягивает лодку ближе к берегу, затем берёт на руки женщину, про себя отметив её невероятную силу характера. Нина смертельно бледнеет, когда задевает сломанными рёбрами борт лодки, но лишь прокусывает до крови губу, но, ни звука не вырывается из плотно сжатых губ.

Обхватив её словно маленького ребёнка, Виктор с трудом выбирается на берег, опускает Нину на жёсткую траву рядом с пламенеющими горными пионами.

— Ты полежи, а я поищу воду.

— Ночь надвигается, — с усилием говорит женщина.

— До утра не продержимся, — Виктор рассеянно скользнул взглядом по траве, мимо камней, но, ни одной ёмкости, в которую можно набрать воды, не увидел, а в лодке, кроме старого тряпья и большого махрового полотенца, ничего нет. Всё же он возвращается к лодке, выкидывает на берег все вещи, старой солдатской шинелью укрывает Нину, а сам, перекидывает полотенце через плечо и уходит в направлении виднеющихся воронок. Там пещеры, уходящие глубоко под землю, в них текут подземные реки, но до них ещё нужно добраться.

Женщина долго провожает его взглядом и, когда мужчина исчезает за каменными торосами, не сдерживается, стонет от боли, обхватывает ладонями лицо, и, сквозь пальцы потекли слёзы.

Ночь стремительно надвигается, всё расплывается в угольной черноте, а сверчки жизнерадостно поют, они не знают, что живут после наступившего конца света, им весело и хорошо.

Время идёт, ночь в разгаре, опустившийся холод безжалостно вытесняет тепло из грубой шинели, в которую завернулась как куколка женщина. Через некоторое время Нина впадает в оцепенение и засыпает. Пробуждение происходит резко. Уже утро, из-за сопков едва показалось солнце, но его лучи мгновенно приносят тепло. Нина выбирается из шинели, растерянно осматривается, Виктора нигде нет.

— Виктор! — выкрикивает она. Тишина. Нина находит широкую тряпку, промокшую от росы, выжимает из неё пару капель воды, жадно слизывает, затем туго обматывает тряпку вокруг тела, фиксируя поломанные рёбра, и идёт в ту сторону, куда ночью ушёл Виктор, она уверена, с ним что-то случилось нехорошее.

Идти невероятно тяжело, каждый камень, на который она наступает, отзываясь сильной болью под левой грудью. Хорошо бы отлежаться в тёплой постели, на мягких подушках, пить соки, смотреть лёгкие передачи по телевизору. Но приходится идти по росе, продирается между колючих кустарников, маневрировать на обрывах, вскрикивая от резкой боли, когда нужно быстро цепляться за выступы, чтобы не соскользнуть вниз.

Холодный пот заливает смертельно побледневшее лицо, а на ум приходятся строчки, сказанные Виктором: «Теперь ты будешь жить долго». Внезапно её пронзает, словно электрическим зарядом, мысль: «Я буду жить долго... но только с ним». Стиснув зубы, Нина почти бежит, дикая боль, словно жалеет её, немеет под сердцем и цепляет только дыхание, не давая полностью вздохнуть. Каждая женщина больше приспособлена к боли, чем мужчины, природа позаботилась об этом, дав возможность женщине не умирать от боли, рожая в муках детей.

Спустившись к воронке в земле, Нина замечает в её центре провал — это одна из множества пещер плато Караби яйлы. Осторожно приблизившись к чёрному ходу, она заглядывает туда и содрогается от страха. Это не просто карстовый колодец, он как кишка земляного червя, извиваясь, идёт в глубину и нет дна, лишь мрак притягивает словно гипнозом. Неужели можно спуститься по скользким выступам? Но все признаки указывают на то, что именно сюда полез Виктор: куст перед входом, слегка выдернут из ржавой земли, сдвинутые камушки, отметины на влажных стенах.

— Виктор! — кричит Нина. Он не отзывается. «Я буду жить долго, но с ним». Мысль крепко засела в голове как навязчивая идея, Нина развязывает тряпку, опоясывающую её грудь, охает от боли, когда сломанные рёбра дёрнулись от её прерывистого дыхания, но сейчас она на такие мелочи не обращает внимание. Рвёт тряпку на полосы, используя вместо ножа острый край скола камня, связывает их между собой, замеряет — метра три, с грустью ухмыляется, снимает джинсовое платье, безжалостно полосует на ленты — ещё четыре метра... мало, снимает даже бюстгальтер, обнажая крепкие груди с яркими сосками — добавляется ещё сантиметров двадцать. Нет, такой длины не хватит. Но Нина привязывает ленту к корявому корню, хватается за ткань и сползает с узкой площадки. Вспышка боли едва не бросает её в беспомощность, левая рука безвольно падает, Нина соскальзывает, но успевает вцепиться в ленту зубами, некоторое время висит, изгоняя из сознания кровавый туман, поднимает левую руку, цепко хватается и начинает безумный спуск.

Этот участок природной шахты, почти без видимых выступов, удивляет, что Виктор смог по ним спуститься... или нет? Нина гонит от себя эти мысли, она надеется, что он жив. Ведь иначе не может быть, чудесное спасение и смерть на дне сырого колодца. Он остутился, он внизу раненый... но живой! Она твердит это как заклинание и упрямо движется к цели. Лента неожиданно заканчивается, она не успевает удержаться и резко сползает, но сжатые пальцы застопорились об чашечки бюстгальтера.

Нина висит на одной руке, видя перед собой лишь гладкую стену, покрытую многочисленными натёчностью. Сил, что-либо сделать, нет, подтянуться — не реально. Неужели всё? Она вытягивается, стараясь нащупать ногами опору, неожиданно нога плотно становится на выступ. Нина переводит дыхание, сердце бешено колотится, пот заливает тело, мышцы противно дрожат, во рту и вовсе пересохло. Сейчас необходимо отпустить спасительную ленту, но внезапный страх парализует волю, Нина на грани обморока, но краем сознания слышит слабый стон, это её встряхивает лучше нашатыря. Она старается крепче встать на ноги, решительно отпускает ленту, прижимается всем телом к мокрым стенам и, кромсая нежную грудь об острые камни, приседает. Щупает руками площадку, на которой она стоит, находит выемку, облегчённо вздыхает. Некоторое время переводит дух, сползает ниже и радуется тому, что сейчас под ногами множество выступов, спускаться можно как по лестнице.

Свет едва проникает во мрак пещеры, но глаза уже привыкли к тусклому освещению,

поэтому Нина мгновенно замечает лежащего у пещерного органа человека.

— Виктор! — она подсакивает к нему, хватая за плечи, со страхом заглядывает в лицо.

Он открывает глаза, в них великое изумление: — Нина?

— Ты как, что с тобой?

— Нога, похоже, сломал.

— Как хорошо! — опускается рядом Нина.

— Ты чего? — изумляется мужчина.

— Ты жив!

— Но нам не выбраться, — со стоном произносит Виктор.

— Это ты врешь! — чуть ли не со злобой говорит женщина.

— Вру, — вздыхает мужчина.

— Здесь есть вода? — озирается по сторонам Нина.

— Она всюду... за органом озерцо, — Виктор не сводит глаз с женщины, невольно скашивает взгляд на обнажённую грудь. — Больно? — видя её раны, спрашивает он.

Нина резко прикрывается руками, замечает мокрое полотенце, обматывается, затем идёт к органу, с наслаждением пьёт и всё не может напиться.

— Хватит! — слышится голос Виктора. — Отдохни, нельзя так сразу, потом ещё попьёшь... нам ещё долго здесь сидеть.

— А вот это ты не угадал! — огрызнулась Нина, но отпадает от воды, подходит к мужчине, присаживается на корточки: — Там, до выступа, моя лента... тебе главное до неё добраться.

— Какая лента?

— Из платья сделала.

— Ну да, конечно, — Виктор скользнул взглядом по её обнажённому телу. — Ты молодец, догадалась... а я вот, переоценил свои силы.

— Бывает, — усмехается Нина. Затем, качает головой, стягивает с себя полотенце, чего уж тут стыдиться: — Тебе надо шину наложить.

— Я там доску видел, — оживляется Виктор.

Нина долго бинтует ногу, прочно зафиксировав её об обломок доски: — Ну как, теперь лучше?

— Спасибо.

— Теперь вставай, — требует женщина.

— Дай я ещё чуть передохну.

— Нет, наверху отдохнёшь.

— Ты всё же думаешь, что мы выберемся?

— Однозначно.

— Хорошо, — Виктор встаёт, но сразу заваливается на бок.

— Это ты зря делаешь! — сверкнула глазами Нина.

— Сейчас... освоюсь, — Виктор вновь поднимается, бледнеет, скрипит зубами. — Пойдём, подруга, — пытается улыбнуться он.

— Виктор, — Нина перебрасывает его руку через своё плечо и сама морщится от невыносимой боли и с жёсткостью говорит, — ты должен чётко понять — здесь смерть, а там — жизнь.

— Эх, почему я тебя раньше не встретил.

— Но встретил ведь, — улыбается Нина.

— Это подарок судьбы.

— Как знать. Многие говорят... я не подарок, — с самоиронией произносит женщина.

— Теперь я обязательно доберусь до поверхности.

— Хочу сказать по секрету, если сможешь выбраться... я тебя буду уважать, — прерывисто говорит Нина, она вновь на грани обморока от дикой боли, но вида не показывает.

— Послушай, у тебя же рёбра сломаны! — как вкопанный останавливается мужчина.

— Пустяки... почти не болит.

— Понятно, — качает головой Виктор и словно у него появляется второе дыхание, не обращая на режущую боль в ноге, подсаживает Нину на выступ в стене.

Женщина прижимается к холодной поверхности, оборачивается, в глазах недоумение.

— Что-то не так? — не понимает мужчина.

— Я не вижу цели твоего спуска в пещеру.

— Ты о воде? Ёмкость не нашёл.

— Тогда... зачем спускался... чтобы напиться самому?

— И это тоже, — не стал врать Виктор, — я хотел намочить полотенце, оно махровое, много бы впитало воды, а теперь оно на моей ноге.

— М-да, с твоей ногой.

— Прорвёмся. Где-то на плато есть озеро, точно не знаю в каком именно месте, но днём поискать можно. Нам бы выбраться, — с сомнением говорит Виктор.

— Выберемся, — Нина запикивает свою боль далеко в сознание и карабкается наверх.

Мужчина некоторое время смотрит на неё, затем на лице появляется выражение сродни взгляду хищного зверя, попавшего в ловушку, он бросается на стену и быстро догоняет женщину. У свешивающейся ленты он с усмешкой смотрит на перекрученный бюстгальтер.

— Между прочим, этот лифчик жизнь мне спас, — зардевшись, говорит Нина чистую правду.

— Верю, — внезапно суровееет Виктор. Он щупает ленту, натягивает на себя, проверяя на прочность. Узлы, связывающие куски, скрипнули и сильнее затягиваются под весом мужчины. — Хватайся за меня, не сможешь держаться руками, вцепляйся зубами в мою одежду.

— Ты сможешь меня удерживать? — не верит Нина, — давай я сама попробую... я в школе по канату лазила.

— В школе? — фыркает Виктор, а сейчас попа перевесит... ладно... шучу. В тебе веса меньше, чем в худосочном баране... вытащу... крепче хватайся, — он чувствует, как его торс обвивают цепкие пальчики. — С богом! — выдыхает он.

Если бы не Нина, отчаянно цепляющаяся за него, скорее всего Виктор не вылез из жуткой пещеры, но страх за жизнь этой хрупкой женщины, словно взорвал сознание и дал силы, которых, казалось, уже не было. И всё же это было чудо то, что они увидели слепящее солнце и, у страшного провала, без сил рухнули на поверхность.

Нина всё ещё цепляется за Виктора, словно ещё не верит в спасение, или боится вновь соскользнуть в темноту пещеры. Но вот, мужчина пошевелился, с трудом перевернулся, неловко откинув перебинтованную ногу, глянул на женщину и неожиданно смеётся.

— Ты чего? — отпрянула от него Нина.

— Ты прекрасна, — продолжает смеяться Виктор.

Нина придиричиво осматривает себя. Она вся в глине, в каких-то грязных потёках, волосы торчат как испуганные сосульки, а из одежды у неё лишь подранные ажурные трусики. Неожиданно она прильнула к губам Виктора и его смех мгновенно обрывается.

— Спасибо, — отрываясь от неприлично затянувшегося поцелуя, говорит Нина.

— За что, за поцелуй?

— За то, что спас меня.

— Это ты меня спасла, — Виктор произносит с грустью, в глазах возникает тревога, он вспомнил, где они.

— Нам необходимо идти, — поднимается женщина.

До лодки они добраться не смогли, единственное, что у них получилось, выползти из воронки и втиснуться под разлапистый можжевельник. Здесь когда-то была стоянка спелеологов, виднеется пятно от кострища, в корнях дерева, заботливо прикрыты пустые консервные банки и даже пара стеклянных бутылок — безусловно, это настоящее сокровище. Вот ещё спички раздобыть бы? Неожиданно просыпается голод и наглым образом сжимает пустые желудки.

— Кушать хочется и опять... пить, — с грустью говорит Нина.

— Надо идти к озеру, — Виктор пытается пошевелить ногой, но резкая боль заставляет его прикусить губу, чтобы не вскрикнуть.

— Мне трудно дышать, — сознаётся Нина, — я не смогу идти.

День медленно ползёт, убивая в душах надежду, Виктор и Нина с каким-то безволием лежат под деревом, не в силах сдвинуться с места.

Ночь как всегда застаёт врасплох, Нина цепенеет от холода и даже не замечает, как её накрывает своей рубашкой Виктор.

Какая-то птица завязла в листве, скачет, расшвыривая сухие веточки, затем мелодично свистнула, вспорхнула и разбудила Нину. Раннее утро, может часов пять, холодно, но не так ужасно как было раньше. Женщина со стоном прислоняется к стволу дерева, замечает на себе рубашку, озирается по сторонам, Виктора нет. Беспокойство кольнуло душу, но пока не страх. Она долго ждёт, затем решает выползти из-под дерева, но слышит волочащиеся шаги, Виктор, опираясь на сухую ветку, ковыляет к ней, раздвигает колючую листву, вползает, улыбаясь, смотрит на неё.

— Как я тебя долго ждала, — только и смогла вымолвить Нина.

— Испугалась, что я ушёл?

— Что ты! — излишне горячо восклицает женщина.

— Понятно, — усмехается мужчина и вываливает из карманов целые жмени кузнечиков. — С холода они едва двигаются, собрать их было совсем просто.

— Мы что, будем ловить рыбу? — удивляется Нина.

— Нет, мы их будем есть.

— Кузнечиков?

— Безусловно.

— Сырыми?

— Обязательно.

— Ты с ума сошёл... ешь сам. Ты знаешь, я не голодна, — она сглатывает слюну.

— Ты будешь, их есть.

— Меня вывернет, — Нину действительно начинает тошнить, но желудок пустой и она лишь икнула, растеряно хлопает глазами. — Насекомых есть нельзя! — с обречённостью

выкрикивает она.

— А что можно? — с иронией спрашивает Виктор. — Если нам повезёт, доберёмся до озера, наловим лягушек.

— Б-р-р!

— А потом, может, словим диких голубей.

— Это немного лучше. Может, с них и начнём?

— Для этого нужны силы, а их нет, — Виктор, тщательно скрывая омерзение, решительно сует в рот кузнечика.

— Вкусно? — не сводит с него дикого взгляда Нина.

— Что тебе сказать... конечно... дрянь.

— Поняла, — вздыхает женщина, — что ж, давай и мне.

Удивительно, но трапеза из мерзких насекомых придаёт им те необходимые силы, чтобы изгнать из сознания замаячивший где-то в глубине, призрак смерти.

Некоторое время они отдыхают, восстанавливают сумбурные мысли в порядок, затем Виктор решительно поднимается, опираясь на палку: — Пойдём, что ли, — говорит он, с тревогой глядя на Нину.

— Мы идём к озеру? — радуется она.

— Нет, до озера мы не дойдём. Вернёмся к лодке, там куча тряпья, тебе необходимо сделать тугую перевязку.

— А как же с водой?

— Эту проблему решим, — тяжело вздыхает мужчина.

Путь к морю оказался просто невыносимым. Невероятно сложно идти по каменным гребням, в любую минуту рискуя соскользнуть в понор и завязнуть в страшных карстовых воронках, а иногда на пути словно вырастают, колючие кустарники и в них приходится втискиваться, раздвигая упругие ветви, а ведь любое неосторожное движение отдаётся дикой болью. Но всё когда-то заканчивается, веет свежестью и холодом, Виктор и Нина неожиданно выходят к своей первой стоянке.

— Лодку не унесло, — радуется мужчина. Впопыхах он не привязал её к берегу — непростительная оплошность и то, что её не стянуло с мели — словно милость свыше. Он незамедлительно пытается исправить свою ошибку, спускается в воду и в недоумении вздрагивает: — Вода ледяная... градусов одиннадцать. Произошёл спад... или теперь так будет всегда.

— Да, для купания не слишком комфортно, — Нина, не стесняясь, скидывает с себя рубашку Виктора и лезет в море, что бы смыть себя всю пещерную грязь. Охает, жмурит глаза, садится по плечи и окунается целиком, выныривает, старательно смывает с себя грязь и выходит из воды свежая как речная нимфа. Глядя на неё, Виктор на мгновение забывает про боль в сломанной ноге.

— Глаза сломаешь, — ехидно говорит женщина, — верёвку не вырони.

— Ах да, — Виктор, упираясь об палку как на костыль, поспешно выбирается на берег, разбрасывая в стороны тучи из брызг, привязывает лодку к обломку камня. Затем выбирает подходящие куски ткани, полосует их на ленты, усаживает перед собой Нину и, стараясь не смотреть на вызывающе торчащие соски, умело бинтует, стягивая рёбра: — Не туго, дышать можешь?

— Нормально... сразу легче стало... и теплее.

Виктор укрывает её шинелью, присаживается рядом, вытянув больную ногу,

задумывается. Можно сказать, они выжили, временно выжили. А что дальше делать? На насекомых долго не продержишься и с водой проблема.

— А морскую воду можно пить? — без всякой надежды спрашивает Нина.

— Нельзя.

— Почему.

— Просто умрёшь.

— Перспектива не очень, — ёжится женщина. — Тогда найди воду, — требует она.

— Вот об этом я сейчас думаю, — стрельнул на неё взглядом мужчина.

— И каковы успехи?

— Нулевые, — сознаётся Виктор.

— Не густо.

— Это так. Впрочем...

— Ты что-то придумал? — оживляется Нина.

— Следующего утра дожждаться надо.

— Зачем? Это очень долго. Зачем? — повторяет она.

— Я заметил, утром сильная роса, а тряпья у нас много, можно намочить и отжать воду.

— А что, идея правильная, — соглашается Нина, — но вновь мучиться столько времени... это пытка.

— Другого пути у нас нет... пока нет.

— Ладно, будем ждать. Слушай, — оживляется она, — а давай рыбу попробуем ловить... у нас кузнечики остались! А рыбка свежая, сочная!

— Чем ловить будем? — хмыкает Виктор.

— Из верёвки нитку выдернем.

— А крючок из чего сделаем?

— Ну... так ты подумай, — она испытующе смотрит на него, а в глазах бегают светлые лучики.

Виктор хмыкает, но не признать резонность в словах Нины, не может. Взгляд скользнул к ремню, он быстро стягивает его, вертит перед глазами.

— Этот шпенёк на пряжке... может из него получится крючок сделать? — предлагает она.

— Вполне, — соглашается Виктор.

Он камнем размочалил пряжку, вытаскивает блестящий стерженёк, рассматривает при свете солнца, с удовлетворением улыбается: — Есть место к чему верёвку можно привязать... изогнём, наточим об камень, вот только шип сделать не получится. Хотя... если кончик загнуть и камнем расплющить... может получиться.

— Ну так, делай! — с нетерпением толкает его Нина.

— Ты пока верёвку распусти, — требует мужчина и погружается в непростой процесс изготовления крючка без соответствующих инструментов. Изогнуть шпенёк он смог, наточить — тоже, но с зазубриной, как он не старался, результат нулевой. — Крючок готов, но рыба, если она есть море, часто срывается будет, — предупреждает он.

— Нам бы хоть одну поймать. Они такие сочные, — с навязчивостью повторяет Нина.

Виктор привязывает, найденную на дне лодки, гайку, цепляет крючок, придирчиво осматривает своё творение, но Нина лихорадочно суёт ему дохлого кузнечика.

— Что ж, с богом, — мужчина наживляет кузнечика и делает заброс.

Томительно тянется время, рябь от солнца слепит глаза, ветра нет и очень жарко. Нина

долго сидит рядом, затем в глазах появляется разочарование, она отползает в густые заросли, некоторое время наблюдает за замершим в ожидании мужчиной, затем глаза закрываются и она засыпает.

Первая поклёвка была неожиданной и Виктор не успевает подсечь рыбу, когда она срывается, мужчина страшно огорчается, но кузнечики ещё есть, быстро цепляет новую наживку, заброс — вновь рывок и достаточно сильный. На этот раз он умело подсекает и стремительно тянет к берегу, чтобы рыба не опомнилась и не сорвалась с крючка.

На миг показывается светлое брюхо, вздыбив хвостом небольшой бурун, рыба пытается уйти в сторону, но мужчина рывком выбрасывает её на берег и радостный смотрит на Нину, но она сладко спит, морщась во сне, трогательно шевеля губами, словно пьёт воду.

Виктор быстро хватает лобастую рыбу, краем сознания определив, что она явно не черноморская, бьёт об камень, вновь поднимает, пытаясь определить её вес, больше килограмма, с удовлетворением поджимает он губы, удачно... весьма удачно... пожалуй это молодой тунец.

Посмеиваясь, ковыляет к сладко спящей женщине, сваливается рядом, охает от боли, но вновь улыбается.

— Что такое? — Нина дёргается от прикосновения к ней холодного тела рыбы и моментально просыпается, приподнимается на локтях, в глазах смесь из удивления и радости. — Поймал? Какая рыбка, сочная. А когда мы будем, её есть?

— Прямо сейчас.

— Поджарить бы, — несильно взгрустнула женщина, — впрочем, будем считать, что это суши.

— Так, с большой натяжкой, — соглашается Виктор и острым краем камня кромсает толстую рыбину. — На вот, — протягивает её выпученные глаза, — в них много воды.

— Выглядит не очень аппетитно... но лучше, чем кузнечики, — Нина целиком заглатывает своеобразное лакомство, тщательно жуёт, — на мой взгляд, несколько безвкусно, но очень сочные, — делится она своими впечатлениями.

Внутренности, которые Виктор запретил есть, опасаясь паразитов и солидный кусок хвоста он решает использовать для наживки, но и того, что осталось, хватается с лихвой. Оставлять в такую жару запасы, нет смысла, быстро испортится, поэтому наелись не просто от пуза, а запредельно много.

После еды они улеглись под кустарником и просто бездельничают, смотрят на ужасающе огромную гладь моря и каждый думает о своём. Некоторое время они молчат, но вот Нина с тревогой смотрит на Виктора: — Как ты думаешь, а кроме нас, кто-то остался в живых?

— Да, — кивает мужчина.

— Может и здесь люди есть?

— Вероятно.

— Вот только никого не видно, — вздыхает женщина.

— Придёт время... столкнёмся, — неопределённо отвечает Виктор.

— Как-то ты говоришь без энтузиазма, — настораживается Нина.

— Да нет, я хочу встречи, вот только, люди могут быть разными.

— Наверное, ты по жизни, одиночка? — догадывается Нина.

— В какой-то мере. Я очень избирательно отношусь к друзьям и недоверчив к людям.

— Это плохо, — хмурится женщина, — а я вот, люблю шумные компании. У меня

много друзей. Как они сейчас? — её глаза увлажняются, она быстро отводит взгляд, словно не хочет показывать своё переживание. — А это что? — внезапно встрепенулась она и поднимает руку в сторону моря.

Невнятное сооружение медленно выдвигается справа и дрейфует в сторону земли.

Виктор вскакивает, опираясь на палку, поспешно ковыляет к берегу. Нина держит в руке цветастую тряпку, пару раз взмахивает, но непонятное сооружение, напоминающее корабль из мультфильмов, огибает берег и скрывается в противоположной стороне.

— Что это было? — округляет глаза женщина.

— Надувной аттракцион, сорвало в каком-то парке.

— А люди на нём есть?

— Вполне.

— Он к берегу пристанет? — с надеждой спрашивает Нина.

— Да. Его точно тянет к земле.

— Так надо идти!

— Это очень далеко. Подлечим раны, тогда и пойдём.

— Я сама схожу! — не унимается женщина.

— Остынь! Ты даже не можешь себе представить, как опасно передвигаться по Караби яйле, здесь вся поверхность изрыта карстовыми воронками... да ты и сама видела.

— Но им, вероятно, понадобится наша помощь!

— Очень может быть, — кивает Виктор. — Но вдруг, это мы станем им обузой? Давай всё же подлечимся... с плато никто не денется.

Нина вздыхает, в глазах горит упрямый огонёк, но доводы Виктора воспринимает, нехотя заползает под куст, на глаза надвигается грусть. Тем временем мужчина не спешит укладываться рядом, внимательно смотрит в небо, в его взгляде и радость и тревога одновременно.

— «Обезьяна» крутится, — произносит он непонятные слова.

— Что ты сказал? — думая, что ей послышалось, переспрашивает Нина.

— Я говорю... «обезьяна». Так спелеологи такую облачность называют. Крутится-вертится где-то в небе, а погода просто чудесная и внезапно прыг на землю и разражается диким шквалом с сильнейшим ливнем.

— Как здорово! Напьёмся!

— С одной стороны да, но с другой... находиться под ледяными струями, не совсем правильно.

— Так давай лодку вытащим и перевернём, — оживляется женщина.

— Резонно. Вот только переворачивать её не следует, она послужит хорошим резервуаром для воды.

— А как же мы под неё заберёмся?

— Из камней соорудим фундамент и затащим на него лодку.

— Поняла, — Нина вновь выбирается наружу, оглядывается по сторонам, камней кругом великое множество, вот только носить их больно, — женщина вздыхает, но принимается за работу.

Так получилось, что Виктор больше помогает ей, со своей ногой он явно не работник. Но, через несколько часов, им удаётся соорудить нечто подобия жилья. Лодка крепко стоит на фундаменте и утяжелена крупными камнями, чтобы её не сорвало порывами ветра. За это время они так устали, столько потеряли с потом жидкости, что жажда становится просто невыносимой, во рту горит, а пресловутая «обезьяна» скакнула в сторону, и в море, с

громогласными раскатами грома и, слепящими вспышками молний, разражается сильнейший ливень.

— За что?! — чуть не плачет Нина.

— Так бывает, — мрачнеет Виктор, — завтра будем собирать росу.

Но наличие сего уродливого жилья вносит неожиданный уют в их непростые обстоятельства. Получился домик, низкий, вползать необходимо в узкий лаз, но мгновенно возникает чувство защищённости и есть возможность полностью расслабиться и ждать когда срастутся кости, тогда можно будет в полной мере заняться бытом. Единственная проблема — конечно вода. С едой более-менее решено, хотя не факт, что рыба будет ловиться и дальше. А вдруг она случайно зашла в эти воды? Хочется верить, что бог будет милосерден, ведь не просто так они остались живы. А вдруг... Караби яйла... рай? Или всё же, нечто противоположное? Но, может статься, что из-за недостатка места, на залитой океаном земле, Господь решил смешать и ад и рай в одном котле — авось — что-нибудь получится необычное, где чистота чувств не будет омрачена детской наивностью и сможет отличить зло от добра и в случае необходимости дать жёсткий отпор. Хочется надеяться, что каждый выберет для себя наиболее приемлемый вариант.

Ещё один день пощадил мужчину и женщину, а ночь в их тесном убежище, не может достать холодом и ощущение невероятного комфорта, гасит боль в израненных телах, вносит в чувства умиротворение и спокойствие. Сон комкают сумбурные мысли и, заполняет их сознание, сказочными сюжетами, где нет кошмаров, но есть жизнь, к которой стоит стремиться.

Мир словно взрывается, гром гремит как залпы скорострельных тяжёлых орудий, свет от вспышки молнии врывается под закрытые веки, и мощный ливень вонзается в лодку, словно хочет её продырявить.

— Что это?! — просыпается Нина, дёргается, охает от боли.

— И до нас добралась «обезьяна»! — громогласно хохочет Виктор.

— Дождь? Вода! Миленький, вода! — Нина на миг обвивает руками шею мужчине и ползёт из убежища прямо под бешеные струи воды, подставляет ладони, и они моментально наполняются живительной влагой. — Боже, как вкусно! — восхищается она.

Лодка полностью наполняется водой, дно провисает и почти не оставляет места для людей, но они испытывают невероятное облегчение и ощущение небывалого уюта.

— Как здорово! — вздрагивая от вспышек молний и грома, шепчет Нина.

— Да, дождик знатный, — соглашается Виктор, — вовремя дом себе сделали.

— С бассейном на втором этаже! — смеётся Нина.

— Мы почти как олигархи, — шутит Виктор.

— Бери выше — как боги!

— Замахнулась.

— А то! — вздёргивает нос хрупкая женщина. Теперь ей всё нипочём, с водой порядок, еду, её мужчина добудет — жизнь налаживается!

Шквал из воды, молний и порывистого ветра продолжается долго, на море творится нечто запредельное, вновь появились смерчи и просеивают воду, отсеивая живых от мёртвых. В каждую минуту взрывается тысяча молний, поверхность моря как вздыбивший иглы дикобраз, электричество всюду и кажется, плавиться даже вода. Но удивительное дело, женщине и мужчине, которые затаились под многоместной резиновой лодкой, нравится буйство природы, восторг переполняет души, им кажется — идёт всеобщее очищение.

Действительно, воздух сладок, пахнет свежестью, электричеством и морем. Громовые раскаты, рвут пространство и отдаются низким рокотом в подземных полостях плато, с шипением несутся пенные ручьи, но, ни один поток не несётся к хлипкому убежищу, словно некто заботливой рукой отводит опасность и не позволяет разрушить труд двух сильных людей.

Всё мгновенно стихает, лишь изредка, далеко за горизонтом, полыхнёт пространство, да докатятся отголоски грома.

— Здорово! — прижимается к мужчине женщина. Она пристроилась на его плече и едва не мурлычет от удовольствия, а он прижимает её к себе и улыбается своим мыслям. — Как мне хорошо, и такое невероятное чувство защищённости... и мне спокойно, — она засыпает, сладко посапывая в две дырочки, а он долго не может уснуть, но не от боли, чувства переполняют его.

На этот раз взошедшее солнце их не будит, и они отсыпаются чуть ли ни до обеда, если конечно можно так выразиться в данном случае. Виктор осторожно высвобождает руку из-под шеи Нины. Некоторое время смотрит на беззащитное в сладком сне лицо, задерживается на её пухлых губах, трепетных ресницах, на тонкой фигуре, удивляясь про себя, откуда в столь хрупком создании такие силы. Не удержавшись, словно вор, украдкой целует её в губы и она отвечает, бессознательно, всё ещё не просыпаясь. Виктор отпрянул, тихо выползает и убежища, вздыхает полной грудью, с удовольствием оглядываясь вокруг. Затем, морщась от боли, разбинтовывает ногу, пытается прощупать сломанную кость и внезапно понимает, что у него простой вывих, вероятно он даже порвал мышцы, но это просто сильный вывих. Это открытие будоражит его, он прощупывает выскочивший сустав, жмурится и резко дёргает ногу и едва не теряет сознание от взрыва боли, но мгновенно приходит облегчение, сустав занимает прежнее положение, хотя из-за опухоли нога напоминает надутую шину в чёрных пятнах от внутреннего кровоизлияния. Он плотно бинтует ногу, но уже без жёсткой доски, которая приносила столько страданий.

— А ведь жизнь действительно налаживается, — сам себе говорит он.

В кустах находит завёрнутые в тряпку остатки от рыбы, они протухли и неприятно смердят, но для наживки подойдёт, готовит снасть и спускается к морю. Уже без удивления замечает чёрные плавники косаток. Животные резвятся в холодной воде, словно шаловливые школьники, но предмет их забавы не очень забавный. Они подкидывают в воздух некое существо, Виктора обдаёт холодом, ему показалось, что это человек, но затем он понимает, это несчастное ластоногое, заблудившееся в водах Великого Потопа. Всё равно жутко наблюдать игру страшных хищников. Но вот морского зверя подкидывают мощным ударом хвоста, он взлетает в воздух метров на десять, беспомощно кувыркаясь, размахивая лапами, с шумом падает вниз и скрывается под водой. Чёрные плавники исчезают, и на поверхности расплывается красное пятно.

Совсем рядом от берега появляются несколько усатых морд, часть морских котиков улизнула от косаток, и теперь осматривают незнакомые берега. Виктор напрягся и залёг между камней, с жадным интересом наблюдая, как животные, поспешно выбираются из воды. Морские котики, извиваясь, скачут по берегу, вертят гладкими головами, встревожено рычат, они чудом избежали смерти. Но Виктор уже раздувает ноздри от возбуждения, глазами ищет острый камень, находит и, прячась за неровности на земле, ползёт к животным.

— Ой, что ты делаешь?! — громкий возглас Нины вспугивает ластоногих, и они

поспешно соскальзывают в воду.

— Ну вот, — в разочаровании перекачивается на другой бок Виктор, — всю охоту разрушила.

— Ты что, хотел убить этих беззащитных животных?!

— Это вкуснее, чем кузнечики! — пытаюсь её образумить, произносит Виктор.

— Так лучше я насекомых буду кушать, чем видеть, как ты убиваешь этих мирных животных! — в сердцах восклицает Нина и добавляет, прищурив светлые глаза, — я даже не предполагала, что ты такой жестокий.

Взрыв негодования бурей пронесется в груди мужчины, он хочет назвать её дурой, но осекается под льдистым взглядом прелестной женщины и мямлит: — Ты не права, Нина.

— Может быть, — соглашается она, — но ты лучше рыбы налови.

Она подходит к Виктору, присаживается рядом, неожиданно произносит: — Прости меня, глупую дуру, но я ещё не готова к такому.

— Ладно, проехали, — Виктор отшвыривает в сторону острый камень. — Но такого шанса может больше не будет.

— Я знаю, — Нина целует его в шею. — А почему ты доску вытащил? — она видит плотную повязку на его ноге.

— Перелома нет, — счастливо улыбается Виктор, — обычный вывих.

— Здорово! — светится от счастья Нина. — Ой, косатки! — с восторгом замечает она резвящихся мощных животных.

— Они только что пообедали... котиком, — с насмешкой говорит мужчина.

— Хорошо, что я не видела, — серьёзно произносит молодая женщина.

На это раз их словно наказывают свыше, до самого вечера, ни одной даже слабой поклёвки, сколько уже наживок перепробовали, толку никакого. Нина сидит мрачная и старается не смотреть в глаза Виктору, а есть уже хочется, но мужчина, ни жестом, ни взглядом не показывает, что на неё рассержен.

— Завтра наловим кузнечиков, — едва не всхлипывает Нина.

— С огнём нужно что-то придумать, — хмурится Виктор, — те же кузнечики, обжаренные в углях... говорят... деликатес.

— Я уже их хочу, — облизывается женщина.

— А мясо морского котика... прости, — видя, как мгновенно грустнеет лицо Нины, спешит извиниться Виктор за вырвавшееся бестактное напоминание.

Эта ночь на удивление тёплая, радость для Нины, но Виктор почему-то хмур. Они долго сидят у моря, предполагая, что кто-то всё же клюнет на наживку, но рыбы нет, словно всё вымерло. Вскоре из-за молчаливых сопok выплывает месяц, и звёзды зажглись необычно ярким светом. В мире без городов ничто не может с ними соперничать — они единственные, что даёт свет.

— Вот бы зажигалка, какая завалилась, костерок бы... я так любила в походы ходить, — Нина жмётся Виктору, на плечи накинута грубая шинель, в глазах мечтательное выражение.

— Теперь мы в походе навсегда, — глубокомысленно изрекает Виктор.

— Послушай, неужели нельзя огонь зажечь? Я от бывалых походников слышала, что это элементарно.

— Жаль, что их нет рядом, — хмыкает мужчина.

— Ну, там, палочку потереть, — без особого энтузиазма предлагает Нина.

— Ага, особенно если все они влажные и трухлявые. Необходимо что-то жёсткое, лучше

бамбук, или, на худой конец, дуб, бук или что-то подобное. Я уже обдумывал все эти варианты.

— А искру из камня вышибить?

— Всюду известняк, он искры не даёт, кремний или гранит... что-то в этом роде нужно.

— А ты знаешь, я где-то читала... какой-то автор... забыла, как его звать, но это не важно, один из его героев с помощью стёкол из-под часов... глиной как-то закрепил их между собой, воды внутрь залил, и получилось увеличительное стекло, и потом всё так просто поджигал.

— Это, Жюль Верн, — улыбается Виктор, — Таинственный остров.

— Да, точно, Жюль Верн, я в детстве его читала!

— А у нас нет часов, нет очков, нет стёкол, а глину здесь не найти.

— Было бы увеличительное стекло... эх! А нельзя его как-то сделать, что-нибудь отшлифовать.

— Что именно? — с иронией улыбается мужчина.

— Ну, не знаю? Лед, например!

— Лед?

— Ах да, конечно, глупость сморозила, — пожимает плечами женщина.

— Здесь есть ледяная пещера... я, даже знаю, как к ней пройти... и это сравнительно недалеко отсюда, а спуск совсем простой, — Виктор даже привстал в возбуждении. — Там есть ледяное озеро и лёд там небывалой прозрачности, чище самого чистого стекла. А ведь линзу из него можно приготовить. Ты чудо, Нина! — от переизбытка чувств он её крепко обнимает. Она морщится от боли, но счастливо улыбается: — Хочется прямо сейчас идти, — говорит она. — А как же ты его шлифовать будешь, у нас нет абразивов, всяких паст? — беспокоится она.

— Руками, теплом рук, — смеётся Виктор, он уже определённо знает, огонь они добудут.

Такое ощущение, что они перешли на следующий уровень в некой компьютерной игре под названием — жизнь. От перевозбуждения они долго не могут заснуть, разговаривают, но по молчаливому согласию, о прошлом старательно говорить избегают, эта тема под запретом. Они строят планы на будущее, очень хочется построить настоящий дом, а ночь тёплая, так хорошо сидеть, Нина прижалась крепкому мужскому плечу, так и заснула.

Виктор спал не более двух часов, он осторожно отодвигает от себя Нину, подкладывает под её голову свёрнутую тряпку, а сам ковыляет к морю, радуясь, что уже может наступать на больную ногу.

Рассвет окрашивает море в нежные пастельные тона, в ближайших кустах просыпаются птицы, но ещё не поют, лишь прыгают с ветки на ветку. Совсем близко от берега проплывают косатки, они выслеживают морских котиков. Виктор внимательно осматривает берег, но ластоногих животных не видит. Сейчас бы он не стал идти на поводу у женщины и не задумываясь, пошёл бы на охоту. Он меняет протухшую на крючке наживку, делает заброс, некоторое время сидит, в надежде на поклёвку, но чуда не происходит. Тогда со вздохом поднимается, идёт ловить кузнечиков, но и здесь его ждёт неприятный сюрприз, ночь была тёплой и эти твари скачут как лошади по полю боя, с больной ногой он не смог поймать, ни одного. Виктор вновь возвращается в свой лагерь, вытаскивает снасть, обновляет наживку, без надежды на успех закидывает, сидит, грустно склонив голову.

— Как там с кузнечиками? — подходит к нему Нина. Она сладко зевает, ёжится от

утренней прохлады, но бесстрашно зачерпывает ледяную морскую воду и умывает лицо.

— С кузнечиками полный облом, — неохотно отвечает Виктор.

— Что так? — испытующе смотрит на него Нина.

— Тепло. Они только по холоду едва ползают.

— Жаль, кушать хочется. Ты тут полови рыбку, а я пройдуь вдоль берега, может, что найду.

— Пройдись, — с непонятным безразличием говорит Виктор.

— Да всё будет нормально! — Нина неожиданно треплет его за волосы, она чётко улавливает его состояние, и оно ей не нравится.

Виктор погружается в свои тяжёлые размышления, а она, смешная в солдатской шинели, пошатываясь, бредёт вдоль берега.

Как странно, но Нина впервые замечает окружающую красоту: суровые скалы прикрыты голубым туманом, зеленеют рощи из кустарниковых деревьев, в долинах пламенеют шапки горных пионов и восхищают своей красотой эдельвейсы. Клубящийся туман, поглощая скалы, словно втекает в долину, делая её загадочной и таинственной.

— А ведь это тучи! — восклицает женщина и понимает, как высоко вознёсся весь мир, почти к самому небу, даже дух захватывает.

Затем она смотрит в море и её ужасает огромные просторы. Ни одного корабля, ни дымка на горизонте, лишь косатки крутятся у самого берега. Им хорошо, сколько воды! Но что это? Нина видит на берегу блестящее чёрное тело и белые пятна по бокам. Она срывается в бег и останавливается как вкопанная. На отмели завяз детёныш косатки, его учили охотиться на морских котиков, но он не рассчитал силы и теперь неизбежно погибнет. Малыш выпустил жалобную трель, сердце у Нины облилось кровью, жалость затуманила глаза, но его сменяет жёсткое выражение, она, не узнавая себя, смотрит на детёныша косатки как на будущую жертву. Совсем рядом виднеется огромный плавник, косатка-мать, пытается выволить своего детёныша из смертельной западни, подрывая каменистую землю плавниками.

Спотыкаясь о камни, Нина бредёт в свой лагерь, на душе пусто и гадко, но она всё для себя решила, мир жесток — необходимо выжить любой ценой.

— Виктор, — глухо говорит она, — на отмели завяз детёныш косатки.

Мужчина долго смотрит на неё, затем кивает: — Будь здесь, туда не ходи... я всё сделаю как надо.

Он исчезает за мысом, а Нина заходится в рыданиях, после заползает под лодку и затихает, словно в оцепенении.

Виктор быстро находит то место, где на отмели лежит беспомощный детёныш, волны нет и нет никаких шансов, что его смоет на глубину, а косатка-мать не в состоянии сделать подкоп, это не мелкая галька, здесь крупные камни.

Спрятав жалость глубоко в подсознание, мужчина находит острый обломок камня. Он мечтает убить детёныша с первого раза, но Виктор понимает — не получится. Придётся бесчисленное количество раз наносить удары по истекающему кровью телу, прежде, чем тот умрёт.

Виктор подходит с боку, стараясь не смотреть в глаза малышу, который даже в таком возрасте — огромен. Косатка-мать приподнимает лобастую голову и в упор смотрит на человека, словно хочет его запомнить, и страшены её глаза. Взгляды, человека и морского зверя встречаются, Виктора бьёт озноб, но не от страха перед морским чудовищем, а от того,

что на глазах матери он будет убивать детёныша.

Мужчина шагнул, крепко сжимая обломок камня, косатка-мать ткнулась в отмель, но она слишком велика, чтобы выброситься на берег и заслонить телом своего малыша. Детёныш чувствует приближение человека, но его вес не позволяет ему отпрыгнуть, увернуться и он ждёт со странной отрешённостью.

— Ты всё равно умрёшь под палящим солнцем, — обращается Виктор к детёнышу, но всё равно не находит для себя оправдания.

Он подходит совсем близко, его колотит как от лютой стужи, но Виктор стискивает зубы, медленно поднимает камень, но, неожиданно детёныш выпускает какую-то запредельно трогательную мелодию, в которой столько мольбы... пальцы сами собой разжимаются, и оружие для страшного убийства с хлопком падает вниз.

Не сознавая, что делает, Виктор сбрасывает с себя рубашку, окунает её в море и брызгает водой на подсыхающую кожу детёныша. Затем падает на колени и, разрывая об мелкие камни подушечки пальцев, горстями откидывает размокшую землю из-под тела малыша. Чуть успокоившись, находит упавший камень и с помощью его гребёт под детёнышем, отбрасывая в сторону пласты земли. На счастье почва размякла и на глубине превратилась и вовсе в нечто киселеобразное, работать стало легко, главное, чтобы внизу не напороться на скалу, тогда все усилия будут напрасны. Но бог миловал, скала действительно появилась, но значительно ниже уровня берега, море тихо заходит в вырытую траншею, и Виктор оказывается в воде. От жуткого холода тело сводит судорогами, кожа теряет чувствительность, и мужчина не замечает многочисленных порезов на своих руках, он думает, что это кровь детёныша и едва не плачет, боясь не успеть спасти свою несостоявшуюся жертву.

Но вот, малыш шевельнулся, почувствовав прибывающую под ним воду, отчаянно дёргается. Виктор, напрягаясь из всех сил, старается спихнуть его в большую воду, неожиданно подошедшая так вовремя волна, помогает ему в этом, малыш соскальзывает с отмели и уходит на глубину. Мужчина, не удержавшись от рывка, падает в воду и сталкивается нос к носу с исполинской косаткой. Он зависает в ледяной воде и смотрит широко открытыми глазами в её глаза, видит большой рубец у плавника — давняя встреча с человеком и Виктора пронзает мысль — так выглядит смерть. Вибрирующие щелчки вздыбливают кожу, словно хороший массаж, косатка его изучает. Внезапно она разворачивается и уходит к своему детёнышу. Виктор сначала не понял, что произошло, может она разворачивается для нападения, но морское животное растворяется в глубине, а мужчина энергично гребёт к берегу, спотыкаясь и падая, бежит на твёрдую землю и без сил рухнул на жёсткую траву. Затем, садится и долго смотрит в море. На поверхности показывается плавник детёныша и рядом всплывает гигантская косатка.

— Счастливого пути! — кричит мужчина и смеётся. В животе от голода ревут тигры, а на душе распускаются фиалки. — Счастливой охоты... всем нам, — вспоминая сказку про Маугли, тихо добавляет он и не знает, что сказать своей голодной женщине, когда придёт к ней, неся в подарок дурацкую улыбку вместо мяса.

Нина встречает его с почерневшим лицом, она боится смотреть ему в лицо. Женщина тысячу раз пожалела, что сказала ему про детёныша косатки, и теперь эта смерть будет преследовать всю жизнь.

— Я столкнул его с отмели, — разводит руки Виктор. — Право, это не охота, а убийство, — оправдывается он.

— Какой же ты дурак! — заливается в счастливом смехе Нина, она бросается ему на грудь и со страстью впивается в губы. Мир словно рухнул им под ноги, всё завертелось в безумном порыве, миг, и острое наслаждение вспыхивает как взорвавшаяся сверхновая звезда. Мужчина и женщина даже не поняли, что произошло, они слились в единое целое... наверное, это любовь.

— Я тебя люблю, — с трепетом шепчет Нина, а он не может от неё оторваться и страстно целует в тёплые губы. — Теперь я твоя жена, — тихо произносит женщина, а в глазах бегают лукавые огоньки. — А ты ненасытен, — деланно отбивается она от его ласок, но сникает и вновь — полёт в сказочные дали.

Они забыли про голод, про всё... и ещё бесконечно долго занимались любовью не в силах оторваться друг от друга.

— Как здесь хорошо! — раскинув руки, смеётся Нина.

— Я тебя люблю, — склоняется над ней Виктор.

Как хорошо, что есть вода, можно пить сколько угодно, вот только животы неприятно отвисают, а щёки впадают. Виктор вновь занимается рыбалкой, а Нина бродит по окрестности в поисках чего-то, что можно пожевать. Под одним камнем наткнулась на гигантскую сороконожку, отпрянула, брезгливо отряхнула руки, ковырнула палкой скопление улиток, вспомнила про французские блюда, где эти брюхоногие подаются в сухом вине, раздавила одну из них, скривилась, глядя на выползшую слизь. Нет, будет умирать с голоду, но этот деликатес не для неё. Попыталась побегать за кузнечиками, но они с наглой лёгкостью упархивают, раскрыв яркие крылья. Разворошила старые кострища, оставленные прошлыми экспедициями спелеологов, даже нашла пару высохших костей, пожалела, что она не собака, лакомство было бы ещё то! Со вздохом залезла в чужую помойку, палкой выгребла кучу разнообразного мусора, среди которого нашлись и весьма ценные вещи: ржавые банки из-под тушёнки, опять же — пустые бутылки, сломанная вилка, измочаленный целлофан — видно он будет храниться вечно и, неожиданно выкатывается сморщенная, проросшая с разных сторон... картошка, а следом ещё несколько штук. У Нины даже прерывается дыхание, рот наполняется тягучей слюной. Она без сил опускается перед воистину настоящим сокровищем и вспоминает огромные сковородки, наполненные дымящимся жареным картофелем, попеременно с золотистым луком и всё это шкварчит и испускает дивные ароматы. Картина, представленная ею, настолько яркая, что она едва не впилась зубами в вялый картофель, но укоризненно качает головой, все сгребает, расфасовывает по карманам и, счастливая несётся к Виктору.

— Ты посмотри, что я нашла! — вываливает перед потрясённым человеком груды сморщенного картофеля.

— Нина! — только и нашёлся, что ответить мужчина.

— Срочно надо идти к твоей пещере, — безапелляционно заявляет женщина.

— Однозначно! — вскакивает на ноги Виктор. — Сколько же ты его нашла?

— Двадцать прекрасных картошек, — раздуваясь от гордости, говорит Нина.

— Ну и пир же у нас будет! — страстно целует её в губы Виктор.

— Э-э, это потом, — почувствовав его затянувшийся поцелуй, отстраняется от него Нина.

И вот, начинаются лихорадочные приготовления к предстоящему штурму ледяной пещеры. На этот раз Виктор благоразумно готовит из тряпок надёжные канаты. Из-за недостаточной длины, пришлось даже пройтись к той пещере, где он сорвался, и вытянуть ленту, которую впопыхах забыли вытащить. Нина с небывалой радостью отвязала свой лифчик и моментально нацепила на себя, она никогда не была поклонницей нудизма и ходить с неприкрытой грудью ей неловко, даже в обществе любимого мужчины. Правда, Виктору не очень это понравилось, он уже привык наслаждаться их мягкими формами с яркими пятнами в центре, которые будоражат сознание и помогают забыть о сверлящем голоде. Но, пришлось смолчать, ночью он решил сполна взять упущенную выгоду.

Лишь спустя час они добрались до пещеры. Она уходит строго вертикально и из неё явственно дует холодом. Канат сброшен, его конец звучно стукнулся о дно. Взяв с собой обломок вилки, Виктор легко спускается, а Нина замерла в тревожном ожидании на страховке.

Он отсутствует долго, не просто выцарапать подходящий кусок льда, но Виктор не торопится и вырезает достаточно правильный круг, теперь осталось, теплом ладоней, придать ему форму линзы.

Вздрыгнула лента из скрученных тряпок, Нина поддалась вперёд, в возбуждении приоткрыв губы и, увидев, как из темноты появляется фигура мужчины, в нетерпении выкрикивает: — Ну что, получилось?

— Скоро будем, лопать жареную картошку! — раздаётся такой родной и желанный голос. Нина улыбается, помогает ему выбраться, рассматривает глыбу льда, в удивлении качает головой: — Неужели из этого, что-то может получиться?

— Определённо получится, — уверенно произносит Виктор, — ты только найди что-нибудь сухое.

Виктор колдует над куском льда, растирая его в ладонях, сквозь пальцы льются ледяные струи и, вскоре в его руках сверкает большая линза, тающая прямо на глазах под палящим солнцем. Не мешкая, он направляет её на груды из сухих опилок, веточек, кусочков бумаги и перетёртых листьев. Яркий луч фокусируется в центре, Нина всё ещё не до конца верит в это мероприятие, трудно представить, что холодный лёд, может создать огонь. Но курится дымок, ползёт тёмное пятно, Нина тихонько раздувает едва заметную искру и, вдруг вспыхивает пламя. Звонко смеясь, она подкладывает маленькие веточки, затем большие и вот они сидят у потрескивающего костра, с наслаждением вдыхают дым.

— Давай картошку, — улыбается Виктор и внезапно натывается на задумчивый, несколько отрешённый взгляд.

Нина смотрит ему в глаза и неожиданно говорит и звучит это так дико, что Виктор теряет: — Послушай, а может, попробуем, найти что-нибудь из еды другое?

— Не понял? — у мужчины гаснет улыбка, он с тревогой смотрит на женщину, ища в глазах следы помешательства, но взгляд чистый и светлый.

— Понимаешь, — с болью говорит она, — может это картошка... единственная на этой земле, взять и просто так съесть. Нам жить здесь всю жизнь. Ты понял мою мысль?

Виктор щурит глаза, с удивлением смотрит на женщину, во взгляде появляется уважение: — Ты готова сейчас страдать от голода, ради будущего?

— Ты посмотри, сколько на ней отростков, стоит её посадить и нас ждут большие урожаи.

— Это так, — мужчина катает в руках мягкие клубни, — ты права... моя милая женщина... но у нас совсем нет еды... загнёмся ведь.

— Давай, всё же, попробуем рыбу ловить... я одного кузнечика поймала.

— Ну, как скажешь, — пересиливая сверлящий голод, через силу произносит Виктор.

Без особой надежды забрасывает снасть, а голову сверлит безжалостная мысль, всё равно придётся съесть этот картофель... а идея какая правильная!

Сильный рывок болью отдаётся в пальцах, верёвка натягивается как струна, о поверхность моря с громогласным звуком шлёпнул хвост большой рыбы. Виктор вскакивает, едва не подворачивает больную ногу, к нему на помощь кидается Нина, но только мешает, Виктор уже крепко стоит на ногах и старается подвести рыбу к берегу.

— За жабры хватай! — кричит он, когда умудряется подтащить её к берегу.

Нина бесстрашно заходит в воду, зажмурив глаза, бросается на бьющуюся, на отмели рыбу, умудряется схватить под жабрами и, верёвка обвисает, она срывается с крючка.

— Держи её! — орёт Виктор. Не обращая на боль в ноге, ринулся на подмогу. Короткая

схватка и немаленький тунец выброшен на берег.

— Я знала! — приплясывает, у прыгающей на траве рыбой, Нина.

Виктор разбивает камнем тунцу голову, смеётся: — Килограммов двадцать будет!

— И это на кузнечика?

— Нет, на него клюнул какая-то зеленушка, а тунец на её, — уверенно говорит Виктор. — Шпенёк от ремня приносит нам удачу!

— А чья идея?

— Твоя, моя милая! Тащи дрова, скоро у нас пир будет!

В прошлом, Нина с безразличием относилась ко всем рыбным блюдам, но сейчас её глаза горят от восторга, это мясо кажется ей столь нежным и вкусным, что она едва не теряет сознание от наслаждения, поедая хорошо прожаренные куски.

— Не рычи! — шутит Виктор.

— Буду! Я охотница, повелительница Чёрного моря!

— Тогда рычи громче! — хохочет мужчина.

Они съели неумеренно много, но плохо не стало, вероятно желудки ещё не успели соохнуться, а вот дышать — тяжело, но на душе так легко!

Рыбина лежит огромная, такая грандиозная и красивая. Вот теперь необходимо подумать, как её сохранить. Будет большим грехом, если она испортится, но у них есть огонь и масса сухих веток, которые можно накрыть прелыми листьями. Ещё целый час понадобился на создание уродливой коптильни, но вот, валит густой дым, а Виктор развешивает над костром бесчисленные куски мяса. Теперь, некоторое время, можно забыть о голоде и подумать, о строительстве дома, а также подобрать подходящую лужайку для посадки картофеля. А ещё, следует сходить за мыс, глянуть, пристал ли к берегу надувной корабль.

Странно, но Виктора пугает встреча с людьми, он боится, что рухнет тот сказочный мир, что они построили в своём воображении и чувствах. Ему хорошо с этой женщиной, но будет неправильно жить в затворниках.

Решено, еды полно, дом надо строить немедленно. А чего тянуть? К тому же среди торчащих скал обнаружили одну каменную глыбу, расколотую на несколько частей, вот тебе почти три стены, правда пол уходит трещиной куда-то вглубь, может даже переходит в пещеру, но её можно засыпать, уложить веток, подпереть балками потолок, настелить травы, чтобы стекала вода. С очагом придётся потрудиться, обтёсанных камней нет, глины тоже, но печь — одна из главных элементов дома, да и Нина мечтает об этом. Если постараться, можно наделать различных кладовок для хранения съестных припасов и всяких нужных вещей.

Чуть ниже от будущего жилья, обломки из скал образовали нечто закрытого участка сто на сто, заполненного красноватой землёй, жирной на ощупь с перспективой на плодородность. Перед тем как заняться строительством, Виктор и Нина решают посадить картофель, время ещё есть и к середине осени будет первый урожай.

Нина выкапывает ямку, Виктор бережно опускает туда клубни. Одна лунка, вторая... четырнадцатая, на пятнадцатой Виктор протягивает руку за следующим картофелем, но Нина качнула головой.

— Ты чего? — удивляется Виктор.

— Больше нет, — обожгла взглядом женщина.

— Как это нет, я считал, ещё пять штук должно быть, — опешил мужчина.

— Плохо считал, — ехидно заявляет Нина.

— Как это? — округляет глаза Виктор.

— Забудь, — требовательно говорит женщина.

— Хорошо, — пожимает плечами мужчина.

Виктор не стал настаивать на своей правоте, хотя в душе что-то резануло, но жалость к хрупкой женщине перевесила. А, пускай лопают, с меня не убудет!

Нина с насмешкой наблюдает за Виктором, всё же в некотором роде он примитивный, но это нормально, мужчины все такие, они во многом не дотягивают до женщин с их неизменной интуицией и осторожностью. Право, они как дети. Женщина украдкой смотрит, как он откидывает в сторону крупные камни, а по обнажённой спине непринуждённо пробегают сильные мышцы, и веет от тела спокойствием, уверенностью. Дыхание перехватывает, неужели этот мужчина её? Она, обычная продавщица... ну, не совсем обычная, женщина облизнула пухлые губы, скосила взгляд на свой эффектный бюст, про себя усмехнулась и задумалась, вновь посмотрела на Виктора, вздохнула. А полюбил ли он её по-настоящему? Как бы хотелось! В груди появляется томление, желание и необъяснимая грусть.

Ни в этот день, ни в следующий, поход за мыс не получается. Будущее жильё вычищается, складироваться камни и подбираются по назначениям, сломанные ветки очищаются от коры и сушатся под солнцем.

Наконец-то набралось достаточно материалов для строительства и Виктор с Ниной, перед тем как полностью загрузиться постройкой жилья, решают произвести вылазку за дальний мыс. К немалому удивлению для женщины, Виктор готовит устрашающего вида дубинку, привязав к толстой палке острый кусок камня, затем делает отмашку, с удовлетворением хмыкает и Нина тоже хмыкает, но с насмешкой.

— Между прочим, тебе тоже необходимо оружие, — глядя на её скептическое лицо, произносит Виктор.

— От кого отбиваться будем, сэр? — как солдат вытягивается она в струнку.

— От зверей.

— Что-то не слышала, чтобы в Крыму хищники водились.

— Не от тех зверей, — говорит Виктор и Нина ощущает в его взгляде такой холод, что ей становится не по себе. — Давай так, что бы ни происходило, будешь слушаться моих команд, ни какой самостоятельности, — строго произносит мужчина.

— А что-то должно произойти? — сникает Нина.

— Уже произошло, люди выброшены из привычной среды, все их чувства, отрицательные или положительные обостряются до предела, так что надо быть готовыми к любым неожиданностям.

— К каким неожиданностям? — вздрагивает женщина.

— На тонущих кораблях иногда случается паника.

— Но мы не на корабле и не тонем.

— Тонет весь мир, вероятно, это круче, — с горечью улыбается Виктор. — Вялотекущая паника может принести больше сюрпризов, чем мгновенный взрыв отчаянья.

— А знаешь, сделай мне какое-нибудь оружие, — решается Нина.

— Уже сделал, — улыбается Виктор и протягивает, закреплённый на коротком древке, наточенный обломок вилки.

Как-то жутко уходить с обжитого кусочка берега, здесь всё понятно и привычно. А что

там? Виктор напугал Нину так, что она вприпрыжку несётся за ним, боясь отстать. Хорошо хоть боль в груди притихла и отдаётся лишь тогда, когда она перепрыгивает с одного камня на другой. Рёбра если не срослись, то как-то правильно уложились под плотной повязкой.

Караби яйла, достаточно дикое и необжитое место, поверхность напоминает чужую планету, изрытую многочисленными карстовыми колодцами, жуткими воронками с тёмными провалами. Крупных деревьев нет и все корявые под стать окружающим скалам и лишь птицы, иногда выпархивающие из-под ног, оживляют суровый ландшафт.

— А животные здесь какие-нибудь водятся? — озирается по сторонам Нина.

— Раньше на плато паслись многочисленные стада одичавших лошадей, говорят они появились на Караби яйле после Второй мировой войны, но затем их отстреляли.

— Зачем? — удивляется Нина.

— Прекрасные мустанги стали конкурентами для немых пастухов, что гоняли сюда овец.

— Очень жалко, — грустнеет Нина.

— Человек, куда бы ни вламывался в природу, как обычно старательно гадил, — криво ухмыляется Виктор, — вот и смыли их всех, словно в дырку унитаза.

— А нас то, за что, я не такая? — его слова задевают Нину за живое.

— А нас рикошетом задело.

— Шутишь, да?

— Какие тут шутки, — непонятно говорит мужчина.

Виктор старательно осматривается, в душе удивляется, на этом плато бывал не раз, но, окружённое морем, оно стало совсем другим и знакомые места приобрели новизну и какую-то первобытную первозданность. Дымка на горизонте растворилась, и виднеются далёкие утёсы других бывших возвышенностей, так они цепью уходят на Четырдаг, затем к Ай-Петринской гряде, далее — к Карадагу, и везде могут быть люди. Вот только смогут они выжить на бесплодных склонах? А море, оно даже цвет поменяло, и горизонт увеличился, такое ощущение, что это уже и не Земля, а нечто другое — полигон для неких опытов высших существ над человеком. Хотя, чего тут выдумывать, этот полигон создали люди для самих себя и теперь пожинают плоды трудов своих упорных. Но вот незадача, слинять в сторону уже нельзя — все теперь в одной связке: умные и глупые, богатые и бедные, наглые и добрые. Великий Потоп смыл всю скверну, но как говорится, не всё тонет и кое-что всплыло, вероятно, то сливки, а быть может — дерьмо. Интересно, как все это, будет сочетаться друг с другом? Виктор ухмыляется своим мыслям, а пальцы крепче обхватывают шершавую ручку каменного топора.

До дальнего мыса приходится идти обходными путями, часть низин затоплена морем и их уже обследуют любопытные акулы, чайки важно ходят мимо пламенеющих горных пионов и уже во множестве белеют на изумрудных листьях белые пятна, воняющие рыбой. Стадо дельфинов осторожно заплывает в бухточку, разгоняя серых акул, весело стрекочут и Виктору даже показалось, что он узнаёт своего спасителя и в приветствии взмахивает рукой.

— Какие прекрасные животные, — восхищается Нина.

— Увидеть дельфинов, это к удаче, — улыбается Виктор. — А вообще, кто знает, животные ли они?

— Но они ведь... не люди? — со скепсисом говорит женщина.

— Им повезло... что не люди, — мрачно замечает мужчина.

— Мне кажется, ты не любишь людей, — вздыхает Нина.

— А за что их любить? Тебя люблю.

— Это хорошо, — успокаивается женщина, а в душе появляется восторг, он сказал, что любит!

Нина сейчас такая смешная, вместо юбки цветастая тряпка, но голое тело набросила рубашку Виктора, до придела закатав рукава, а на голове веноч из эдельвейсов, точно спелеобогиня, лишь фонаря на лбу не хватает и бухты верёвки на плече.

— Ты даже не можешь себе представить, как мне хочется надеть туфельки на высоких каблуках и вечернее платье, — мечтает Нина.

— А ты и в этом очень даже ничего, — говорит Виктор и понимает, что получилось несколько бестактно, поэтому поспешно добавляет: — Бог даст, ещё походишь в вечернем платье.

Нина замыкается в себе и едва поспевает за Виктором. Но вот, он резко останавливается и жестом показывает Нине пригнуться, а сам лезет в расселину, заполненную колючими кустами, и осторожно выглядывает из-за обломка скалы.

— Что там? — громко шепчет Нина.

— Они здесь, похоже потопом какой-то тусняк сорвало. Еды в ящиках валом, вино, виски, водка, колбаса...

— Ой, я колбаски хочу! — Нина втискивается в узкий проём между скалой и Виктором.

На берегу застыл полуспущенный аттракцион, на нем до сих пор болтаются чудом уцелевшие воздушные шары, а на широкой ленте просматривается надпись: С Днём рождения — Дмитрий Леонидович!!!

Несколько парней пытаются закрепить на палках покрывало, но руки дрожат, вероятно, с того самого момента, как их выбросило на берег, они лишь пили и ели, но вот, слегка очнулись от запоя и пытаются как-то наладить свой быт. Под разлапистыми деревьями, предавая друг другу бутылку сухого вина, корчат страдальческие лица пять мрачных девиц. В мятых вечерних нарядах и без косметики они похожи на драных куриц. А вот, вероятно сам Дмитрий Леонидович, достаточно молодой мужчина, сидит на раскладном кресле, рядом воткнут пляжный зонтик, под ногами валяется початая бутылка виски, рассыпанные чипсы, куски недоеденных бутербродов с чёрной и красной икрой и свежая блевотина. Лицо бледное, потное, он судорожно пьёт минералку, после отбрасывает пустую бутылку, зачем-то достаёт дорогой мобильник, набирает номер, в удивлении хмыкает, пожимает плечами.

— У меня такое чувство, что они проспали Великий Потоп, — злорадно хохотнула Нина, этот народ вызывает у неё заметную антипатию.

— Не считая женщин, вижу шесть человек, — цинично произносит Виктор. — С костром у них не получилось, сначала горел, затем огонь упустили и даже угли потухли, предполагаю, кто-то туда помочился. Сейчас пытаются разжечь, но три зажигалки без газа, вероятно, ночью пользовались вместо фонариков, а вон те, раздавили, — проницательно замечает он. — Мы им дадим огонь, а они нас обеспечат едой... вон её сколько, — Виктор невольно сглотнул слюну.

— Будем выходить?

— Думаю, да. Я не вижу в этих людях особой опасности для нас. Бизнесмены средней паршивости, но с большим апломбом.

— А те три мордovorота? — Нина замечает крепких парней, пытающихся вращением палочки, добыть огонь.

— Они слишком заняты своим делом, скоро ладони задымятся, — с иронией

произносит Виктор.

— А вон менты, — настораживается Нина, взглядом указывая на двух мужчин в мятых рубашках, в форменных брюках, внезапно появившихся на берегу. — Я их знаю, они в магазин наш приходили. Столько бабок потребовали с хозяйки, что впору закрываться.

— Ну, это обычная практика, им же надо семьи кормить, — криво ухмыляется Виктор. — А ты знаешь, а они не столь безобидные, как я думал раньше, — сознаётся мужчина. Он откладывает в сторону устрашающего вида топор. — Ты сиди здесь, я один схожу.

— Яблок попроси, — неожиданно заявляет Нина. — Вон, целый ящик, причём местные фрукты.

— Любишь их? — улыбается Виктор.

— Да, — просто отвечает Нина, — но дело даже не в этом, в их сердцевине зёрнышки, можно посадить и в будущем вырастут целые деревья.

— О, а я бы не додумался до этого, — с уважением глянул на неё мужчина. — Ладно, я пошёл, замри как мышка.

Виктор сначала обошёл их стоянку и направился к ним по берегу с противоположенной стороны, чтобы было непонятно откуда он идёт.

Его появление вызывает небольшой переполох, охранники бросают своё бесполезное занятие, у женщин, на опухших лицах, раскрываются на всю ширь глаза, парни с тентом роняют палки и покрывало, представители власти уставились ничего не выражающими взглядами, а Дмитрий Леонидович брезгливо поджимает губы.

— Здравствуйте, Дмитрий Леонидович, — приветствует бизнесмена Виктор.

— Откуда меня знаешь, мы что, встречались? — настораживается тот.

— Тот плакат, — слегка улыбнулся Виктор.

— А, ну да. Ты откуда здесь, местный?

— Да нет, как и всех, морем выбросило.

— Нехилое наводнение, — соглашается Дмитрий Леонидович. — А что это за берег, что-то в Ялте не встречал такого? Это, случаем не Батильман? Конкретно нас отнесло, едва успели на этот кораблик поляну закинуть и сами сесть, — нервно хохотнул он. Его руки, судорожно держащие мобильник, вздрагивают, видно, что бизнесмен крайне напряжён.

— Вероятно вы немного не в курсе, это не наводнение, а Ялта с Батильманом давно глубоко под водой. А это, — Виктор обвёл руками, — высокогорное плато — Караби яйла.

— Не умничай, — сурово сдвигает брови Дмитрий Леонидович, — я наглецов наказываю.

Охранники заходят с боков, готовы при команде «фас» кинутся на Виктора.

— О, как у вас всё налажено, — неодобрительно произносит Виктор.

— Ты в сторону не уходи, отвечай на мои вопросы. Где мы? Почему мобильники не работают?

— Как вы заметили, наводнение, поэтому неполадки со связью, — не стал нарываться на конфликт Виктор. — А это берег мне незнаком, может и Батильман?

— Вот это честнее, а то на грубость начал нарываться, — смягчается Дмитрий Леонидович. — Ну, и чего пришёл? — грубо спрашивает он.

— Да так, хочу предложить вам свои услуги.

— А они мне нужны, твои услуги. Знаешь, парень, перед моим особняком целая очередь из таких как ты, желающих ко мне на работу устроиться. Если не знаешь, куда нас всех

отнесло, со своими проблемами мы сами справимся. Связь, безусловно, восстановится и скоро сюда прибудет катер.

— Да нет, — в душе вскипая, но умело сдерживая негодование, — спокойно отвечает Виктор, — устраиваться к вам на работу у меня нет резона, просто, вы там костёр хотите разжечь...

— У тебя есть зажигалка? — перебивает его бизнесмен.

— Зажигалки нет, но я знаю, как добыть огонь.

— Они тоже знают, — ухмыляется Дмитрий Леонидович, глянув на охранников. — Ну и какие у тебя ещё есть предложения? — на его лице отражается скука и брезгливость.

— Нет, предложений больше нет, — сознаётся Виктор.

— Тогда просьбы? — ухмыляется бизнесмен.

— Несколько яблок дайте.

— Что? Яблок? — Дмитрий Леонидович и вся его компания весело смеётся. — А ты знаешь, не дам, — вытирая слёзы, выступившие от смеха, произносит он. — Валяй отсюда и на глаза больше не показывайся, иначе позвоночник сломаем, моих ребят совсем от нервов перекосило. Им только дай волю на ком-то отыграться! Вот натура человеческая! — почему-то воскликнул он и, с угрозой повторяет: — Иди отсюда, доходяга!

— Ну, хоть те огрызки позвольте взять, — вспыхивает от стыда Виктор.

— Огрызки?! — взвизгнул от смеха Дмитрий Леонидович. — Бери, все забирай... вон... у блевотины, можешь и бутерброды недоеденные отковырнуть.

Под громкое ржание Виктор подбирает с десятков огрызков, выпрямляется, улыбается, глядя, прямо в глаза бизнесмену и тот мгновенно становится серьёзным, вероятно в его взгляде нечто узрел непонятное.

— До встречи, — кивнул Виктор.

— Это вряд ли, — холодно глянул на него Дмитрий Леонидович. — Ты иди, не смущай публику, — бизнесмен вновь пытается набрать номер на мобильном телефоне.

Виктор уходит, злость туманит сознание, а вдогонку ему несутся противные смешки. Но вот он останавливается, оборачивается и кричит: — И всё же, я окажу вам одну услугу, не купайтесь в море!

— Это мы знаем, спад произошёл, — взрывается от смеха бизнесмен.

— Я не об этом, посмотрите в море.

Смех резко обрывается, совсем близко к берегу подходит с десятков косаток.

* * *

— Я всё видела, — встречает его Нина. — Какие сволочи!

— Ты о чём? Об этих несчастных? — странно глянул на неё Виктор.

— Я бы такое унижение не перенесла, — вздрагивая от возмущения, говорит она.

— Они для нас потенциально опасны, — прищуривает глаза Виктор, пристально смотрит на ошалевших от косаток людей. — Надо кого-то из них привлечь на свою сторону. Там один охранник с признаками весьма сильного интеллекта в глазах, — задумчиво говорит мужчина, — с него начнём.

— И как ты это сделаешь? — недоверчиво спрашивает Нина. — Тебя на пушечный выстрел не подпустят к стоянке.

— А мы подождём... некоторое время. Скоро, очень скоро, начнётся настоящий цирк. Люди там... непростые... глотки рвать будут друг другу, — пронизательно замечает Виктор.

— Это ужасно, — вздрагивает всем телом Нина.

— Это жизнь... их жизнь, — поспешно добавляет мужчина, затем ещё больше мрачнеет, вероятно, то унижение, что испытал, не даёт покоя, и приглушенно говорит: — Он думает, что он волк, но он овца... но волки там есть и вот проблема, хватит ли ума у Димы договориться с ними, когда все будут голодные. А тот начальник охраны, его Идаром кличут, определённно — волчара.

— А те менты? — почему-то Нину они больше всего беспокоят.

— Менты? Они не волки, и не собаки, вероятно... шакалы, но укусить могут больно. Я не хочу видеть их в своей команде, — решительно говорит Виктор.

Нина искоса глянула на него: — Ты будешь собирать команду?

— Обязательно! Одни мы здесь не выживем, растерзают.

— Мне страшно, — жмётся к нему Нина.

— Ничего, прорвёмся! — целует её в нос Виктор.

— Кто ты? — Нина жалобно смотрит на него снизу вверх.

— Мужчина, — улыбается Виктор, — твой мужчина и тебя в обиду никому не дам.

— Спасибо, — шепчет Нина.

— За что? — удивляется Виктор.

— За то, что ты мужчина.

— С паршивой овцы — хоть шерсти клок, — Нина криво улыбается, вытаскивая из огрызков коричневые семечки. — Пятьдесят штук, тридцать — точно взойдут, — уверенно говорит она.

— Целая яблочная плантация, — удивляется Виктор, с некоторой брезгливостью наблюдая, как Нина ковыряется в чужих огрызках.

— Плантации не получится, дай бог, два-три дерева будут с хорошими плодами. Неизвестно, от каких деревьев они опылились. Хотя, — Нина в задумчивости морщит носик, — есть шанс, что от качественных деревьев, яблочные плантации обычно большие и плохих там не держат. Может все тридцать будут первоклассными. Кстати, они, скорее всего, разных сортов.

— Откуда ты всё знаешь? — Виктор присаживается рядом, ковырнул пару семечек, глянул на огрызки. — Вроде сорт один.

— Всё это — гибриды, а в семечках чистый генный материал. Деревья будут до десяти метров и яблоки здоровые. У нас на овощной базе одна женщина любила из зёрнышек деревья выращивать и меня научила. Знаешь, это очень интересно, — с воодушевлением говорит Нина.

— Да? — удивляется Виктор. — А по мне лучше в бильярд поиграть.

— Скажешь ещё пиво с рыбкой попить.

— О, не напоминай! — закатывает глаза мужчина. — Сюда бы запотевшую бутылочку и воблочку с икоркой.

— Молчи, — давась слюной, Нина прикрывает ему рот ладошкой.

— Всё, молчу, тема закрыта и вообще — табу, — смеётся Виктор.

Дни летят как сорванные ураганом крыши, а за ними скачут недели, грузно переваливаясь, сорвался в штопор месяц. Дом построен, неказистый, но прочный и настолько замаскированный в скалах, что можно стоять рядом с ним и его не заметить. Существенное неудобство, чтобы попасть в него, необходимо протискиваться в узкую расщелину. Но там где неудобство, есть очевидное достоинство, опять же — скрытность, а Виктор очень к этому относится серьёзно. Он не хочет раньше времени засвечивать своё присутствие.

Копчёная рыба так надоела, что хочется рыгать, глядя на золотистые куски, но другой пищи нет. Правда изредка Виктор тягает из моря свежую рыбку, Нина умудряется варить уху в консервных банках... но опять же — рыба. До безумия хочется белого хлеба с маслом и чтобы чай с бутербродами, хорошо прожаренных отбивных с хрустящим картофелем, ароматных блинов со сметаной.

Нина изгаляется, как может и даже нашла душистые травы для приправы к ненавистой рыбе, но от жирных кусков воротит так, что всё чаще и чаще возникают мысли пойти на охоту. Может, удастся камнем сшибить дикого голубя, а вдруг где-то пасутся брошенные пастухом овцы. В принципе, Виктора сейчас ничего не держит, дом достроен, Нина постоянно занята на своём поле, восхищается тем, что картофель уже пустил ростки из земли, насажала различных трав. Но самое главное, совсем рядом с полем, обнаружила родник и теперь, с помощью рук Виктора, построила небольшой бассейн, откуда можно брать воду на полив и даже окунуться при желании. Как говорится, жизнь налаживается, но

на душе тоскливо, а иногда Нина, вздыхая, погладит свой живот, словно хочет кого-то успокоить.

Виктор изготовил несколько копий, наконечники сделал из острых осколков бутылок, из ствола можжевельника соорудил лук и выстругал не слишком ровные стрелы. Очень долго тренировался, пытаясь с пяти метров попасть в ствол дерева, пока не очень. Но это только начало, тренировкам он стал посвящать всё свободное время. Но вот пронёсся ещё месяц и стрелы он научился изготавливать вполне профессионально и в цель они уже летят ощутимо точнее.

Виктор перекидывает лук через плечо, осторожно засовывает за пояс кошмарный нож, лезвием которого является длинный осколок из-под бутылки шампанского, подвешивает к поясу усовершенствованный каменный топор с неплохой балансировкой: — Пора навесить нашего Диму, — говорит он обыденным голосом, словно собирается выпить кружку пива с друзьями и погонять шары в бильярдной.

— Иди, — спокойно говорит Нина, — только прошу тебя, помни, ты не один, — она бережно накидывает на его плечи куртку, которую соорудила из найденных тряпок.

Виктор долго смотрит её в глаза, кивает, прижимает к себе: — Я всегда это помню, — в глазах сверкнул пугающий огонёк.

Он решает идти к их лагерю обходным путём, заодно посмотреть, что есть в округе. Зайти к пещере под названием Голубянка, на её отвесных склонах действительно живут дикие голуби, может получится пару штук подстрелить, но если упадут в пропасть, их не достать.

За месяц жизни на этой неприветливой земле ни разу не пересекались с людьми, и даже стало казаться, что кроме команды Димы, больше никого нет, это и радует и огорчает одновременно. Странно, но остро хочется общения с людьми, главное, чтобы те остались людьми.

В своё время на Караби яйле всякое бывало, и экспедиции спелеологов со всего мира, а иногда в многочисленных пещерах скрывались от тюрьмы, не ладящие с законом. Говорят, как-то с сопки обстреляли группу спелеологов из Москвы и одного человека серьёзно ранили. Полиции наехало, чуть ли не со всего Крыма, но преступников так и не нашли, а спустя время, вновь стреляли...

Виктор всё это помнит и иллюзий не питает, с поправкой на нынешнее положение, всё должно обостриться на порядок. Остатки человечества пребывают в последней напряжённой схватке друг с другом. Кто победит, выродки или люди? Вопрос серьёзный, закона нет, и власть будет у сильных... а может у умных? Но умные — не всегда справедливые. Где найти золотую серединку? Может я — «золотая серединка»? Виктор ухмыльнулся, а про себя отметил, что получилось несколько цинично и это понятно, не ему решать, кто будет «золотой серединкой».

У пещеры Чёрный монастырь Виктор замедляет шаг, каким-то звериным чутьём ощущает некое присутствие. Он осторожно вклинился в заросли низкорослых деревьев и выходит к каменным разломам. В его сторону дунул тёплый ветерок с примесью дыма, в котором прослеживается запах жареного мяса, но какого-то сладковатого и пугающего.

Невольно по телу пробегает дрожь, а рука сама вытаскивает из-за пояса уродливый, но смертоносный нож.

— Совсем нехорошо, — шепчет мужчина и, прижимаясь к скале, будто скользит к источнику странного дыма.

Вскоре он слышит негромкие голоса и, перескочив под защиту кустарников, на животе подползает к обрыву, заглядывает в каменную воронку, где затаилась опасная пещера.

— Совсем нехорошо, — повторяет он сам себе. Виктор видит несколько исхудавших людей, с синими перстнями на пальцах и с характерными татуировками на телах.

На залитой кровью земле валяется изувеченный труп. Один из зеков пилит ножом шею, рядом лежат отрезанные конечности, а над костром жарятся человеческие ребра.

— Худая коровка, — сплёвывает один из зеков, вытаскивая из распоротого живота скользкие внутренности.

— Печень Вовану, — гнусаво говорит мрачный детина, поглаживая неухоженную чёрную бороду.

— Само собой.

— Аккуратней работай, желчь прольёшь! Смотри, коровкой сделаем, — с угрозой вздёрнулся чёрнобородый зек.

Сдерживая рвотные позывы, Виктор в потрясении пятится назад, холодный пот заливает лицо, а висках звонко стучат молоточки. Он готов был ко всему... но не к этому. Как-то надо решать эту проблему и чем скорее, тем лучше. Сейчас вступать в единоборство с людоедами опасно, числом задавят, да и Вован где-то рядом.

Лихорадочно оглядываясь, Виктор вползает в кусты и обмирает, он слышит характерные звуки, знакомые каждому мужчине. Придавив к мшистому камню длинноногую девицу, вероятно, насильничает, сам Вован.

— Ты ещё поживёшь, главное стони почаще, — пыхтит нелюдь.

Девица старательно подвывает, из глаз градом катятся слёзы, а Вована это ещё больше заводит, он изгибается в экстазе, но в это время Виктор с размаху всаживает ему нож в спину прямо в сердце и с омерзением сдёргивает труп с несчастной женщины. Девица в прострации, ничего не соображает, смотрит невидящим взглядом, а в глазах животный ужас.

— Очнись! — Виктор хлещет её по щекам.

Женщина дёргается, пытается сфокусировать на нём взгляд, губы открывается в крике, Виктор с силой зажимает рот ладонью.

— Успокойся, я не из их команды.

В её взгляде появляется нечто человеческое, которое совместно с паническим страхом заставляет сердце Виктора сжаться от боли.

— Всё нормально, успокойся, мы сейчас уходим отсюда. Ты меня слышишь? — Виктор несильно её встряхивает.

— Я тебя знаю, — неожиданно говорит женщина, — ты к нам тогда приходил... огрызки от яблок собирал. Зачем ты это делал? Кушать очень хотелось? — из её глаз брызнули слёзы.

— Глупая, позарился бы я на ваши объедки... мне семена были нужны.

— А-а-а, понятно, ты садовник, — уверенно говорит она, шаря глазами по сторонам и, неожиданно натывается на окровавленный труп и дёргается в порыве, чтобы бежать.

— Садовник, — хмыкает Виктор, хватая её за руку. — Быстро уходим, — рывком поднимает её на ноги.

Она стоит как на ходулях, худая, бледная как смерть, под глазами синие пятна, качается взад вперёд, дико озирается и явно находится на грани обморока. Виктор дёргает её за собой и тащит прочь от стоянки людоедов. Женщина вяло перебирает ногами, морщится от боли, закусывая губу, но затем, словно кто дал ей пинка, она бросается вперёд, ломая кустарник,

выпучив глаза и подвывая от ужаса. Виктор с трудом догоняет её и обращает внимание, что та босая и ноги изодраны до мяса, но женщина не замечает боли.

— Стой! — резко дёргает её. Она становится как вкопанная и походит сейчас на загнанную лошадь. — Не газуй так, копыта собьёшь, — цинично говорит Виктор, срывает с себя куртку, рвёт, усаживает перед собой женщину и бинтует её стопы. — Так легче?

— Она кивает, в глазах наконец-то появляется человеческое выражение.

— Звать тебя как? — непринуждённо спрашивает Виктор.

— Анжела... то есть... Аня, — после небольшой паузы исправляется она.

— Аня, хорошее имя, — улыбается Виктор.

— А мне не нравится, — всхлипывает длинноногая девица.

— Глупая, — беззлобно говорит Виктор. — Пошли, хватит сидеть.

На этот раз Аня вскрикивает от боли и ковыляет как подбитая палкой курица.

— Нам быстрее надо идти, уголовнички опомнятся, погоню организуют.

— Они Лёшу зарезали... и ты знаешь, они его будут есть, — Аня в ужасе закатывает глаза и её едва не выворачивает, но желудок пустой.

— Каждый решает продовольственную проблему по-своему, — усмехается Виктор.

— Но ведь это жутко!

— Недопустимо, я их изведу, — сверкнул глазами мужчина. — А как там ваш, Дмитрий Леонидович поживает? — Виктор переводит разговор в нужное ему русло.

— Ну... не очень.

— Что так?

— У нас сейчас Идар главный, то есть — Идар Сергеевич, его начальник охраны.

— Повышение получил, — усмехается Виктор, вспоминая мужчину, которого он тогда выделил. Всё правильно, жизнь всё расставляет по местам, таким как Дима, только в офисах рулить, а здесь — всё иначе, помимо ума крепкие кулаки нужны.

— Нет... он сам, — не поняв иронии, говорит Аня. — Он всех заставляет работать! — в сердцах выкрикивает она.

— Это плохо? — с удивлением глянул на неё Виктор.

— Я не привыкла работать, — вздёргивает носик Аня.

— Тогда... может, не пойдём в ваш лагерь? — с усмешкой произносит Виктор.

Аня останавливается, с недоумением смотрит на улыбающегося мужчину и робко спрашивает: — К тебе пойдём?

— У меня ещё хуже, — хохотнул Виктор, — будешь пахать как пчёлка, да и Нина тебе глазки выцарапает... если что.

— Боже мой, куда я попала! — закатывает глаза Аня.

— А ты ещё не поняла?

— Ты знаешь, — Аня старается говорить кокетливо, но получается жалко, — ещё не поняла. Может, ты мне разъяснишь? — она смотрит, чуть повернув голову, слегка приоткрыв губы. Вероятно, этим взглядом когда-то сводила с ума немало мужчин. Но... у Виктора выработалось стойкое противоядие к подобным особам ещё в прошлой жизни, к тому же, если сравнивать с Ниной — это словно седло для коровы и чистый родник.

— Ты всё поняла Аня, не переживай, как-нибудь приспособишься.

— Помог бы кто, — с неудовольствием сплёвывает женщина, показав этим свои истинные корни.

— Я уверен, приспособишься, — смеётся Виктор.

Длинноногая девица в раздражении метнула на него пренебрежительный взгляд: — Садовник, мужлан неотёсанный, — процедила сквозь зубы и живенько ковыляет вперёд, вихляя осунувшимся задом.

Виктор с сожалением качает головой и скользнул следом, внимательно поглядывая по сторонам. Затем, видя, что Аня заворачивает в сторону пещеры-пропасти Голубянки, берёт инициативу в свои руки и заставляет её идти следом за ним. Она, скорее всего по привычке, что-то буркнула, но безропотно пошла за ним.

— Значит, Идар Сергеевич у вас главный, — чтобы не слышать тягостного пыхтения за своей спиной, пытается как-то завязать разговор Виктор.

— Был такой предупредительный мальчик, а сейчас гад, — смачно высморкалась в сторону интеллигентная девица.

— Работать заставляет? — хохотнул Виктор.

— Не только это, — Аня зло дёрнула колючую ветку, вскрикнула, уколотившись о шипы, и ещё больше обозлилась. — Эта дрянь принуждает нас жрать всё, что ползает и бегает.

— Так вы живы благодаря ему, — с укором произносит Виктор, искоса глянув на раскрасневшуюся даму.

— Сам то, он это не ест, всё больше рыбу... голубей подстрелил, нам по крылышку только дал.

— Из лука, что ли? — насторожился Виктор.

— Скажешь ещё, — хихикнула Аня, — у него пистолет есть.

— Повезло, — с завистью проговорил мужчина, а в груди пробегает холодок.

— Да только патроны у него закончились. Косатку хотел убить... придурок. Две обоймы истратил... весь неприкосновенный запас. Теперь дождевых червей выкапываем, корни какие-то кушаем.

— Косатку? — останавливается Виктор. — На неё и крупнокалиберного пулемёта мало. Видно конкретно вас прижало.

— Ещё как, — кивает Аня. — Хотя, чего греха таить... если бы не он, друг друга кушать стали... как те, — она вздрагивает всем телом и испуганно озирается.

Непроизвольно и Виктор покосился назад. Вроде спокойно, низкорослый перелесок, чередуется с каменными проплешинами, но где-то вспорхнула птица. Птица? Виктор напрягается, пытается рассмотреть то место, вроде ветка качнулась. От ветра, что ли? А ведь нет, в просветах спутанной травы, появляется рука и, вновь исчезает: — У нас кампания, — мужчина вмиг становится суровым.

— Как? Какая кампания? — икнула Аня и водит глазами, словно испуганная лань.

— Выследили, мать вашу! — ругается Виктор и снимает с пояса каменный топор.

— Зеки? — в ужасе пискнула Аня.

— Уже нет, — сплёвывает Виктор, — людоеды.

— Бежим! — встрепелась женщина.

— В своих обвязках далеко не убежишь, — он с сожалением глянул на её перебинтованные ноги. — Где обувку свою потеряла?

— Вован снял... чтоб далеко не убежала.

— Логично, — хмуро оглядывает Виктор Аню.

— Ты меня бросишь? — цепенеет от страха женщина.

— Будешь много болтать, точно брошу.

— Мне страшно.

— Ладно, топай вперёд... и головой не крути, пусть думают, что мы их не заметили.

— Что ты хочешь сделать?

— Хочу? — Виктор усмехается, смотрит на женщину, прищурился глазами. — Я хочу выжить и если за пару месяцев не умер здесь, на этом плато, то не позволю себя убить каким-то выродком. Естественней двигай маслами, барышня, — грубо произносит он, — и улыбайся почаще.

— Я не смогу, мне кричать охота, — с обезоруживающей непосредственностью говорит она.

— Bravo мадам, кричите. Только в этом случае я покину вас. Простите... дела, — разводит руки Виктор и разворачивается назад.

— Хих, хи, ха, ха, — Аня послушно низвергает из себя непонятные звуки, и её лицо искажает что-то отдалённо напоминающее улыбку.

— М-да, тяжёлый случай. Ну да ладно, издали сойдёт, — Виктор обнимает её за плечи и волочёт в ближайšie кусты.

— Что ты делаешь? Я не хочу, это сейчас совсем не к месту! — бурно возмущается Аня.

— Молодец, а теперь отбивайся от меня.

— Зачем? — удивляется Аня. — Всё равно насильничаете... я согласна и так.

— С такими дуррами, я впервые встречаю, — оторопел Виктор.

— Так ты меня... это. Я тебе не нравлюсь? — в страшном разочаровании спрашивает она его.

— Пошли в кусты, коза ненормальная! — Виктор с силой втолкнул её в густые заросли. — А теперь быстро отсюда уползаем, и ветки не трогай, чтобы нас не выдали, — громким шёпотом произносит он.

— Да поняла я уже, поняла... не пихай меня! — Аня с некоторой злостью глянула на Виктора и поспешно задвигала задом к ближайшим каменным разломам.

— Здесь рядом один понор есть, в своё время я жеребёнка оттуда вытащил, посидишь пока в нём, а я с выродками разберусь, — зловеще произносит мужчина.

Они забежали под прикрытие каменных осколков, затем Виктор находит тёмный провал: — Лезь сюда. Не бойся, он не переходит в пещеру, проверено.

Аня, закатывая в ужасе глаза, сползает в темноту: — Действительно дно! — раздаётся её удивлённый голос.

— Сиди как мышь и никакой самодеятельности. Если я не приду, дождись вечера и не спеша двигай в свой лагерь.

— Я не знаю, в какой он стороне, — жалобно пискнула Аня.

— Жить захочешь, найдёшь. В общем, вниз спускайся, море там. Затем иди вдоль берега, дай бог наткнёшься на своих.

— Ты лучше приходи, — всхлипнула женщина.

— Приду, — уверенно говорит Виктор, снимает с плеча лук и покидает несчастную женщину.

Ему приходится делать большой крюк, чтобы случайно не натолкнуться на людоедов, зато Виктор чётко оказывается у них за спиной. Он видит как они, гадливо посмеиваясь, в развалку идут к тем кустам, где, по их мнению, барахтаются в сладостных объятиях Виктор с Аней. Они вооружены ножами, это несколько успокаивает Виктора, он опасался, что у них имеется огнестрельное оружие. Зеков четверо, среди них чернобородый, очевидно, сейчас он главарь, его бы подстрелить.

Виктор подползает ближе, достаёт стрелу с наконечником из осколка от бутылки, вкладывает на тетиву. Людоеды окружают заросли, поочерёдно входят с разных сторон, прочёсывают вдоль и поперёк, озадаченные выходят, совещаются, разбиваются по двое. Одна группа уходит в направлении понора, Виктор напрягается, как бы ни натолкнулись на Аню, другая, которую возглавил чернобородый — в сторону пещеры Голубянки.

Некоторое время Виктор пребывает в нерешительности, за кем пойти, у него даже зуд появился, так хочется пристрелить чернобородого, но там Аня. Чертыхаясь в душе, поворачивает обратно.

А погода стремительно портится, в последнее время на Караби яйле часто идут шквальные дожди. Вполне вероятно, погода кардинально меняется, превращая засушливое плато в край насыщенный влагой. С одной стороны хорошо, трава поднялась почти на метр, начинают прилетать птицы, но некоторые неудобства есть, отмечаются грозы невероятной интенсивности, молнии как расчёской будоражат землю, можно легко попасть под смертельный удар.

Первая ветвистая молния озаряет наезжающие друг на друга клубящиеся тучи и словно мифологический гигант выдохнул из себя рёв, сотрясая низкой частотой каменистую землю. В следующую секунду небо взрывается ослепительными вспышками, линейные молнии со злобной радостью выпрыгивают с небес и принимаются гвоздить поверхность с маниакальным остервенением. Ощущение, что начался всеобщий пожар, жуткие слепящие стрелы, под аккомпанемент, словно сошедшего с ума грома, с шипением впиваются в землю, вызывая пожар, но едва вспыхивающее пламя, гасится немислимимым потоком, водопадом льющегося из угольной тьмы.

— Однако, — сам себе говорит Виктор и боком пытается забиться в узкую расщелину, но пенные потоки воды заполняют её под завязку, — так и утонуть можно.

Виктор сползает со своего наблюдательного поста, озирается по сторонам. Щуря глаза от ярких вспышек, шарахается от молнии, которая его едва не задевает, бросается прочь, пытаясь взглядом выхватить какое-либо убежище.

Пространство теряется, расползается, становится зыбким и незнакомым. Необходимо бежать к Ане, но внезапно Виктор понимает, что не узнаёт эти места, шквальный дождь и поднятая завеса из водяной пыли и грязи, в корне меняют все очертания скал, а долины с карстовыми воронками исчезают. Впору где-нибудь затаиться и ждать когда закончится эта вакханалия, но Аня... понор может заполниться водой. Впрочем, если она не совсем дура, выберется, только бы людоеды её не сцапали.

Первый раз Виктор попадает в грозу, на открытом пространстве и к своему удивлению начинает испытывать едва ли не панический страх. В любой миг молния его превратит в пылающий столб, приготовив из него обед для зеков-людоедов. Весьма неприятная перспектива. Виктор скачет по камням, стремясь уйти от непогоды. Так он незаметно оказывается и в вовсе незнакомых местах, но не останавливается, путаясь в мокрой траве, бредёт по какой-то долине, едва не срывается с опасных круч, отпрыгивает от бурного водоворота, который, бешено вертясь, всасывается в карстовую воронку.

Но... так же неожиданно как началась, гроза стихает и из разорванных в клочья туч, вырываются жгучие лучи солнца.

Виктор стоит в незнакомой долине, от его одежды струится пар, и тепло солнца выгоняет противную дрожь. Он оглядывается, в удивлении поджимает губы, чешет затылок, нет, здесь он никогда не был.

Лай собак застаёт врасплох, против воли губы расплываются в улыбке, значит рядом человеческое жильё. Но он слышит лай, а затем видит собак, вытянувшись в стаю, они кого-то гонят. Улыбка сползает с лица, Виктор понимает, это одичавшие псы. Совсем плохо, он не раз слышал о повадках милых собак, которые одичали и стали опаснее волков.

Полный боли человеческий крик и злобное рычание псов, рвущих тело, бьёт по психике как молот по наковальне. Не отдавая себе отчёта, Виктор с криками бросается к злобной своре. Его замечают, матёрая овчарка, скалит окровавленную морду, глаза горят лютой злобой, не раздумывая, делает прыжок. Виктор с размаху бьёт ей в голову каменным топором. Череп разлетается, в сторону брызнули мозги вперемешку с кровью и осколками костей. Боковым зрением замечает взвившуюся в воздух серую тень, с ходу наносит ещё один удар, сбивая крупного кобеля. Истошный визг отрезвляет одичавших собак, но отступить они не хотят, на земле корчится израненный человек. Псы отскакивают и меняют тактику, заходя с разных сторон. Виктор вертится на одном месте, его каменный топор выписывает немислимые пируэты, а вздутые мышцы на руках немеют от боли, пальцы слабеют, рукоятка становится скользкой от пота и крови.

Звери чувствуют, что человек устаёт, наскокивают с разных сторон, но под удары не попадают.

— Умные бестии! — выкрикивает Виктор и умудряется сбить каменным топором не в меру ретивого пса.

Внезапно Виктора оглушают крики и свист камней и палок. Одичавшие собаки отпрянули, огрызаясь и лая до рвоты, кидаются в сторону и исчезают в зарослях карликовых деревьев.

Виктор без сил опускается перед истерзанным человеком, в голове красная муть, руки дрожат, в горле пересохло, дико хочется пить и почему-то спать.

К ним подбегают, склоняются к истекающему кровью человеку: — Живой! Тащите его быстрее к Алёнке. Ты кто? — Виктора трогают за плечо.

— Человек, — говорит Виктор, усмехаясь банальностью этой фразы.

— Пошли, ты весь в крови и вымок до нитки.

— Это не моя кровь, — ухмыляется Виктор, поднимается и осматривает окруживших его людей. — Спелеологи? — догадывается он.

— Да, мы из Питера... экспедиция. Но только Питера, наверное, уже нет, — выдавил из себя горький смешок крупный бородатый мужчина.

— Значит, уже местные, — шутит Виктор.

— Невероятно точное и правильное замечание, — печально хохотнул худощавый парень в белой истерзанной панаме, в рваной штормовке, изготовленной из солдатского кителя.

— А много вас? — интересуется Виктор.

— Остатки человечества хочешь пересчитать? — парень стаскивает с головы панаму, которая оказалась вовсе не белой, а только косящей под белый цвет. Вытирает потное лицо, кривится в насмешку, а в глубине глаз — солёная влага.

— Хотелось бы, — подыгрывает ему Виктор, — но моё любопытство вполне прозаично. Собак здорово отогнали — это впятером, — Виктор внимательно рассматривает крепких мужчин, — но людей сложнее палками отгонять.

— Зачем... людей, — грустно хлопнул глазами невысокий мужчина с залысинами на голове, — я как-то не понимаю вашу мысль.

— А у вас все хорошо... в вашем лагере? — осторожно спрашивает Виктор.

— Странный вопрос, — цепко глянул крупный бородатый мужчина, — не ссоримся. Вот, силки приспособились на голубей ставить, лягух ловим... так... не голодаем.

— Со стороны вас не навещают... из чужих? — не унимается Виктор.

— Ты не тyani... если хочешь что-то сказать — говори, — бородач внимательно изучает Виктора.

— Людоеды объявились, — в лоб говорит Виктор.

— Шутишь? — вскидывает на него взгляд мужчина с залысынами на голове.

— Из зеков... одного я убил. У Чёрного монастыря человека на костре запекали. Мужчина с залысынами кривится, глаза краснеют, судорожно глотает слюну, с удивлением оглядывает своих товарищей.

— Они могут, — кивает бородатый, взгляд стекленеет.

— Тфу! — сплёвывает интеллигентного вида мужчина с окладистой бородкой, вероятно аспирант, а быть может даже профессор. — Защити нас боже, от бесовских отродий, злого глаза да любой заразы, — неистово крестится и Виктор понимает, он явно не профессор.

— Ножи у нас есть, — сдвигает брови бородатый мужчина.

— К морю надо идти, — предлагает совсем юный паренёк, — может, корабль какой заметит.

— Нет ни каких кораблей, — несильно бьёт его по затылку парень в белой панаме.

— А ты сам то, откуда? — уставился на Виктора бородатый мужчина.

— Из Севастополя.

— Нет, мне не это интересно. С какой экспедиции и где ваш лагерь?

— Я без экспедиции, морем занесло сюда. Обосновался на берегу, дом построил.

— Дом? — удивляется мужчина с залысынами.

— Можно сказать и так, — уверенно говорит Виктор. — Кстати, рыба ловится и морских котиков однажды видел, если поискать, можем их найти где-нибудь в скалах.

— Слюнки потекли, — мужчина с залысынами кидает взгляд на бородача.

— Утра вечера мудренее, — недовольно изрекает тот. — А сейчас, милости прошу, к нашему шалашу, — продолжает сыпать он пословицами.

— Я от людоедов одну девицу спрятал за Голубьянкой, в поноре, рядом тур с деревянным крестом.

— Не близко, — жуёт губы бородач. — Алик, сходи с ним, — обращается он к парню в белой панаме, — нож не забудь.

— Всегда с собой, — Алик выудил кривой тесак, а у Виктора от зависти загораются глаза.

— Вот что, — слегка замялся бородач, но пересиливает себя и вытягивает финку с длинным лезвием, — спасибо за нашего друга, вовремя подоспел, — он протягивает нож, зная какое это сейчас сокровище.

— Да я за такой подарок жизнью тебе буду обязан, — растроганно произносит Виктор, млея от вида сверкающей стали.

— Никогда так не говори, — хмурится бородач. — Это мы тебе обязаны, человеческая жизнь ценнее всякой... железяки. К тому же, у меня ещё одна финка есть, а тебе эта пригодится, ты правильный мужчина.

Глава 6

— А что, собаки часто нападают? — интересуется Виктор у Алика, когда они в хорошем темпе уходят из долины.

— Первый раз, всё присматривались к нам, косточки от голубей таскали, мы даже камнями их не отгоняли. Неожиданно как-то... хотели даже приручить, — пожимает плечами Алик.

— Всё когда-нибудь происходит в первый раз, — Виктор не удержавшись, финкой, резким взмахом срезает толстый стебель. — Думается мне... человеческого мяса отведали... теперь их не приручишь.

— Жаль, я пса одного заприметил... придётся с ними воевать.

— Чем быстрее их изведём, тем лучше. Щенки появятся, в будущем будет нешуточная проблема, — соглашается Виктор.

— А ты знаешь, — оживляется Алик, поправляя растопыренной пятернёй бесформенную белую панаму, — мустанги объявились, а ведь их вроде как всех отстреляли.

— Значит не всех, — радуется Виктор. — Где видели?

— У Большого Бузулука. Кстати, мы эту пещеру как холодильник используем. Жаль, если уйдём к морю, лишаться такого морозильника.

— У моря тоже есть ледяная пещера. Я увеличительную линзу изо льда сделал, — не удержавшись, похвастался Виктор.

— Есть такой способ, — кивает Алик, — правда ни разу не пробовали. И как, получилось?

— Нормально вышло, огонь есть.

— А ты один там?

— Со мной женщина.

— Хорошенькая?

— Моя жена, — хмурится Виктор, ему не очень понравился вопрос, заданный с виду бесшабашным парнем.

— Повезло, — Алик повёл острым подбородком, взмахивая козлиной бородкой, — А у нас лишь Алёнка — врач, мелкая Света — недавно школу закончила и суровая Виолетта Степановна, к ней ни на какой козе не подкатишься. Но вроде, с Павлом Сергеевичем у них что-то наклёвывается.

— Это с бородатым?

— Да. Мужик он классный, хотя не без странностей.

— А ты? — усмехнувшись про себя, спрашивает Виктор.

— Что я? — не понимает парень.

— Ты классный?

— Я? — Алик на миг задумывается. — Наполовину, — искренне говорит он.

— Что так? — откровенно улыбается Виктор.

— Я бы тебе эту финку в жизнь не подарил, — Алик кидает завистливый взгляд на острый нож, — ты даже представить не сможешь, из какой стали он сделан, военные разработки, — округляет он глаза.

— Действительно со странностями, — Виктор с удовольствием вспоминает бородача.

— Слушай, а ты из лука умеешь стрелять? — Алик останавливает рукой Виктора и

вытягивает тощую шею с большим кадыком, смотрит куда-то за высокую траву.

— Учусь, — буркнул Виктор. — Ты что-то увидел?

— Фазан что ли?

— Где?

— Неужели не видишь. Точно фазан! Климат поменялся вот и прилетел.

— Вижу, — с азартом произносит Виктор. — С пяти метров точно попаду, — он вкладывает стрелу в лук и опускается на четвереньки.

— На пять метров не подпустит, отсюда стрелять надо, — опускается рядом Алик.

— Эх, была не была! — азарт, словно волна, будоражит тело, отдаваясь кончиках пальцев. Виктор чётко видит птицу, прекрасный упитанный петух деловито бегаёт между высокими прядями травы и не подозревает, что на него совершается покушение.

— Поторопись, сейчас взлетит, — свистящим шёпотом требует Алик, дуя прямо в ухо.

— С такого расстояния я никогда не стрелял, — словно оправдываясь, говорит Виктор и до предела отводит стрелу, на мгновение замирает, словно пунктиром прокладывает путь до несчастной птицы, легко разжимает пальцы. Свист, стрела уверенно срывается и вонзается прямо в шею фазану.

— Вот это да, — вскакивает Алик, — а говорил, плохо стреляешь!

— Я шутил! — смеётся Виктор, перебрасывает лук через плечо. — Вот Нина обрадуется, её от рыбы уже тошнит.

Едва они направляются к своему трофею, как колыхнулась трава, показывается морда одичавшего пса. Воровато глянув на застывших от неожиданности людей, он, а вернее она, явственно виднеются на отвисшем пузе набухшие соски, сварливо рыкнула, поспешно хватая птицу и скрывается в густой траве.

— Ах ты, ах ты... сволочь!!! — завопил Алик, бросая свою панаму вслед наглой собаке.

— Конкуренка грёбанная, — энергично сплёвывает Виктор, раздражение и злость душит сознание и обида, — стрела хорошая была.

— Сейчас её догоню!

— Не дёргайся, — Виктор хватается его за рукав, — а вдруг там целая стая.

— Не похоже, она щенков кормит.

— Щенков? — Виктор на мгновение задумывается. — Пошли, — решительно говорит он.

Путь собаки хорошо отпечатался в густой траве, стебли разошлись в разные стороны, образуя очевидную тропу, вероятно, она не раз шастала по эти зарослям.

Затем трава мельчает, и на пути появляются груды каменных осколков и словно вырастают по сторонам остроконечные скалы. У их подножья застыла осыпь из мелких камней, наступишь, и она сдвинется, увлекая людей к чёрному краю пропасти.

— Она по краю пробежала, на осыпь не наступает, умная, — останавливается Алик.

— Пройти сможем? — Виктор утирает со лба пот, с усилием сглатывает сухую слюну.

Алик присаживается, осматривает выступы, достаёт флягу с водой, протягивает Виктору, затем сам с жадностью делает пару глотков: — Попробовать можно. Вот только стоит?

— Опасно? — понимает Виктор.

— Пройти можно, но верёвки сложно, — Алик в раздумье мнёт бедную панаму.

— Хорошо, уходим, — вздыхает Виктор, — но место необходимо запомнить. Несколько щенков можно взять, а остальных задавить.

— Мне всегда было жалко лошадей и собак, — от переживания Алик раздувает ноздри, кадык пару раз дёрнулся.

— Я тоже люблю... собак, — кивает Виктор, — но не этих.

В погоне за одичавшей собакой драгоценное время утеряно, солнце уверенно движется за сопки, повеяло прохладой приближающихся сумерек. Вновь появляются тяжёлые тучи, пиная друг друга, пытаются выползти на плато, но ветер с усилием сдувает их в сторону и в рваных просветах блеснули первые звёзды, ещё очень яркие на светлом небе, но с каждой минутой становятся более сочными и огненными.

— Я Ане сказал дожидаться вечера и если не приду, самостоятельно идти в лагерь.

— Это та тётка, что поноре сидит?

— Ну да.

— Правильно, ночью на плато делать нечего.

— Она заблудится... ещё та курица.

— Все они... куры, — кивает Алик, — но без них нельзя. Давай поторопимся, может она ещё не выбралась со своего насеста, — хохотнул он, решив, что удачно пошутил. — А она как, ничего собой? — интересуется Алик, блеснув белками глаз.

— Думаю да, но мне такие не нравятся, — откровенно говорит Виктор.

— Это хорошо, что не нравятся, — Алик панибратски хлопает его по плечу. — Значит, Аня говоришь? — прищурил он глаза.

— Ей больше имя Анжела по душе, — скривился Виктор.

— Анжела? Это значительно лучше, — соглашается Алик не в силах сдержать в глазах голодный блеск.

— Ты это брось, натерпелась бедная девочка, — сурово осаживает ретивого парня Виктор.

— Да я что, я всегда по обоюдному согласию, — растерянно пожимает плечами Алик.

Ночь в разгаре, зябко, даже цикады молчат, выплыла луна, окрасив поверхность плато в таинственный серебристый цвет. Виктор и Алик почти бегут и у каждого на это свои причины. Виктор переживает за жизнь спасённой им женщины, а у Алика имеются определённые надежды на предстоящее знакомство.

Наконец-то, в призрачном свете луны проявляется каменный тур с воткнутым в середину деревянным крестом, где-то рядом понор.

— Только бы эта дура не двинула свои мослы в неизвестном направлении, — останавливается Виктор выискивая особые приметы, что бы найти понор.

— А это не она? — трогает его за руку Алик.

Женщина выбралась на поверхность, вскарабкалась на возвышение и замерла в нерешительности.

— Она... ещё бы на тур взобралась, чтобы зеки её быстрее увидели, — в раздражении произносит Виктор.

— Блин...какая богиня! — у Алика от восхищения отпадает челюсть.

Он живенько чешет к ней, смешно дёргая козлиной бородкой, растопырив в стороны острые локти.

— Прошу, мадам, — узрев смазливую мордашку с пухлыми губами и невинными глазами как у куклы Барби, едва сдерживая слюни, протягивает руку Алик.

— Ой! — она словно пугается, с трепетом тянет пальчики, а в глазах зажигается торжествующий огонёк.

— Тфу! — не в силах сдерживаться, сплёвывает Виктор.

— Я думала, ты меня бросил, — метнула она неприязненный взгляд на Виктора и довольно повизгивая, сползла с возвышенности в объятия Алика, деланно отпихнулась от него, вздёргивает, хорошеньки нос. — Но-но, сударь, я девушка честная.

— Я это сразу понял, — довольно похохатывает Алик. — А что с ножками, милая? — обращает он на тряпки на ногах.

Аня вмиг посуровела, вспоминая страшные события, губки дрогнули, лицо дёрнулось, она всхлипнула, Алик вовремя подставляет свою грудь, женщина впивается в него и рёв проносится над оторопевшей от неожиданности долиной.

— Натерпелась, милая, — Алик как-то неуверенно гладит её по волосам.

— Хватит орать! — гаркнул Виктор, оглядываясь по сторонам.

— Упокойся, милая, — непривычно ласково говорит парень, его взгляд становится растерянным и серьёзным.

Аня переходит на громкие всхлипывания и, заикаясь, говорит: — Я... не могу не плакать... мне так страшно было... а вас всё нет и нет.

— В свой лагерь надо было идти, — несколько смущается Виктор, он чётко ощутил состояние этой женщины. Она была не грине... и эти смешки и заигрывания с Аликом, защитная реакция организма.

— Спасибо, ребята, — Аня отталкивается от Алика. — А что теперь?

— Ну, доведём тебя до твоих...

— Нет! — вздрагивает всем телом женщина. — А я всё поняла... поняла. Я долгс размышляла, сидя в этой ужасной яме... а ведь к Идару кто-то со стороны приходил, а затем он с Лёней отправил нас за водой, там нас зеки и схватили.

— Неужели ты думаешь... он с зеками договорился? — мрачнеет Виктор.

— Ничего я не думаю, но туда я не пойду, — решительно взмахивает она волосами. — Я не лентяйка, я буду делать что угодно, — неожиданно плаксиво говорит она, — не бросайте меня.

— Да кто ж тебя собирается бросать, — криво улыбнулся Виктор, покосившись на Алика. Тот серьёзно кивает. — Но нам надо выйти к твоим, хочу со стороны посмотреть.

— Не надо, — как лошадь мотнула головой Аня.

— Не бойся, мы не засветимся, — успокаивает её Виктор.

Ночь в разгаре, луна с насмешкой смотрит на идущих по каменистым склонам людей. Призраками взлетают испарения из затаившихся карстовых пещер и невнятными шапками висят над поверхностью, шевеля краями, словно щупальцами. Огни святого Эльма, такие редкие в других местах, здесь в изобилии набухают на кончиках корявых деревьях и остроконечных скалах. Они покачиваются и даже двигаются, вселяя страх не только в сердце женщины, но даже мужчинам зябко. Трудно привыкнуть к тому, к чему нельзя привыкнуть, это за гранью понимания и, пусть доказана их физическая основа, лицезреть на это ночью занятие не для слабонервных.

— По ночам по Караби яйле обычно не ходят, — не в тему тряхнул козлиной бородкой Алик.

— Есть альтернатива? — стараясь скрыть насмешку, спрашивает Виктор.

— Ты не смейся, на этом плато всякое бывает... и необъяснимое тоже. Лучше нам где-нибудь заночевать и с рассветом двинуть.

Виктор останавливается, они сейчас на возвышенности, под ними серебрится долина,

на которой темнеют воронки пещер. Ветер поднимает задумавшуюся траву, и она бежит словно волна. Кажется, это океан и в нём живёт нечто, кому безразличен человек, которого можно прихлопнуть как надоевшую муху, что бы ни жужжала в тиши чёрной ночи, а можно поиграть как с мышкой. Виктор усмехается этому поэтическому сравнению, и оно его не коробит. С недавних пор он понял, человек против природы даже не муха, а прыщ на теле слона, от которого стоит избавляться. Единственное что спасёт человека — это стать частью природы, быть в её системе. А возможно ли это?

Алик, придерживая Аню за локоть, серьёзен, он взглядом изучает Виктора, он ему непонятен и это вызывает злость и раздражение, но и уважение — странное сочетание. Может он чувствует в нём скрытый потенциал? В любом случае, Алик негласно подчиняется Виктору, это против воли и это бесит.

— Ты прав, — соглашается Виктор, — спускаемся вниз и попробуем найти место для ночлега.

— Нет, там пещеры, — внезапно артачится Алик, — давайте у этих камней.

— Не понял, ты опасаясь пещер, ты ведь спелеолог? — в удивлении округляет глаза Виктор.

— В том-то и дело, что спелеолог, эта местность не очень... в смысле, — он не находит слова, затем, краснея говорит: — Там пещера погибших спелеологов.

— Я знаю, — вздрагивает Виктор, на ум приходят мифы, связанные с этой пещерой, странно и ему становится жутко, поэтому нехотя кивает.

— Ребята, а что это за пещера? — бледнея, спрашивает Аня.

— Обыкновенная, — с неохотой говорит Виктор, — но в ней происходит нечто запредельное... необычные звуки, лязганье навешенного снаряжения, шаги людей. Впрочем... ничего страшного, обычные акустические эффекты... только природа их не ясна.

— Тогда уж лучше здесь, — трясётся бедная женщина. Ей и так пришлось много пережить, ещё какие-то призраки, это будет перебором.

Они находят ещё один тур, сложенный из камней на самой высокой части этой скальной гряды. В его камнях они устраиваются на ночлег, но не спится. Некоторое время просто осматривают окружающую тьму, перебрасываясь короткими фразами, затем глазастый Алик замечает отблеск от далёкого костра.

— Какая-та стоянка, видишь... вроде у Чёрного монастыря, — толкает он Виктора.

— Там люди? — всполошилась Аня.

— Нет... там людей нет, — мрачно выговаривает Виктор.

— Как же так, но кто же костёр разжёт? — не унимается женщина. — Давайте спустимся, а вдруг там что-то запекают на огне? Я такая голодная!

— Лёху твоего там жарят, — с циничной ухмылкой заявляет Виктор, — это лагерь людоедов.

— Ой! — пискнула Аня и вжалась в грудь Алику.

— Звери! — сплёвывает Алик.

— Не наговаривай на зверей, — Виктор достаёт финку, пробует лезвие на остроту, кожа незаметно лопаётся, выделяется липкая влага, мужчина её слизывает и мрачно произносит: — Скоро ты вволю наглотаешься крови, — как к живому обращается он к ножу.

— Неужели всё же это правда? — Алик вздыхает, козлиная бородка обвисает, панама сползает на затылок.

— Реальность... но мы её поменяем, — Виктор с силой вонзает финку в землю.

— Неужели придётся убивать? — вопрошает Алик, глубже под пояс, засунув свой нож с кривым лезвием, словно хочет отсрочить надвигающиеся события.

— Обязательно, — ухмыляется Виктор и Алик вздрагивает.

— Ты, наверное, в спецназе служил? — робко глянул на него парень.

— С чего ты взял? — удивляется Виктор.

— Так просто говоришь о таких вещах.

— А как о них рассуждать иначе, или они нас или мы их. А в спецназе я не служил, но в армии был, даже пару раз из автомата стрелял, — улыбается Виктор.

— Сюда бы автомат, — вздыхает Алик. Он наконец-то осмелился достать свой нож и с опаской рассматривает острое лезвие, словно увидел его в первый раз и понял, что им можно не только колбасу резать и это открытие повергает в шок.

— А ты служил? — озабоченно спрашивает Виктор.

— Студент я, у меня отсрочка от армии, но подумывал после универа отдать долг, — врёт Алик и неожиданно краснеет. Он сейчас чувствует себя нашкодившим щенком перед матёрым волкодавом.

Виктор прекрасно понимает его, но, ни словом, ни жестом это не показывает: — Считай, что уже служишь, — неожиданно произносит он и у Алика холодеет в груди, но и вспыхивает какая-то непонятная радость, появляется смысл в этой новой жизни. Он решительно надевает панаму, козлиная бородка энергично вздрагивает: — Я готов, — отвечает он.

— У твоих ребят оружие есть? — интересуется Виктор.

— Только ножи, у кого перочинные, у кого настоящие.

— Это тоже неплохо. Мне вот, на первых порах пришлось из бутылки нож делать.

— Таким не убьёшь, — уверенно говорит Алик.

— Любым можно, — строго говорит мужчина и, подтверждая его слова, Аня всхлипывает, вспоминая главаря зеков, которого именно таким ножом пронзил Виктор.

— А меня вот, за аморалку выгнали, — грустно говорит Аня, — успела только три курса закончить.

— За аморалку? — слегка отодвинулся от неё Алик.

— Ну да... профессору не дала... вот получила по заслугам... дура, — самокритично заявляет Аня, — была бы уже экономистом.

— Сюда бы эту старую сволочь, за яйца подвесил бы, — разъяряется Алик.

— Он совсем не старый, очень даже молодой... а теоремы Виета не знает, — злорадно хмыкает Аня.

— Во истину, страна загадок, — Виктор напряжённо смотрит на далёкий мерцающий огонёк.

— Ничего загадочного, у него родственники в министерстве, — непринуждённо пожимает плечами Аня. — А затем подалась в фирму к Дмитрию Леонидовичу, администратором по устройству банкетов.

— Твоя идея с надувным пароходом? — Виктор оборачивается к ней и слегка улыбается.

— Моя.

— Смотри, сколько народу спасла.

— Как-то не задумывалась.

— Им тебе памятник при жизни надо ставить, а не людоедам отдавать.

— Не ценят, — скривилась женщина и мастерски сплёвывает.

— А что по поводу Идара Сергеевича скажешь? — допытывается Виктор.

— Тёмная лошадка, знаю лишь то, что служил в ФСБ или в ГРУ, по каким-то причинам уволили со службы, а Дима подобрал его, сделал начальником охранного отделения.

— На свою голову, — с иронией перебивает Виктор женщину.

— Это точно, — кивает Аня, но добавляет, — но выжили мы благодаря ему.

— Но только он всех вас использует для своих целей, иначе не стал с зеками договариваться, — уверенно говорит Виктор.

— Мне кажется, он союз с ними заключил, — встрепенулся Алик.

— Он совершил ошибку, — угрюмо произносит Виктор, — а нам дополнительная головная боль. Определённо, необходимо объединятся иначе — съедят, даже не в переносном смысле. Надо на плато искать другие группы людей и к морю, там скалы, можно неплохое укрепление соорудить.

— Павел Сергеевич вроде видел дымок за дальними сопками, может там ещё одна экспедиция, — вспоминает Алик.

— Почему туда не пошли?

— Так это, ещё до потопа было, а затем стало не до того.

— Значит, люди на плато есть. Надо всех найти, причём раньше, чем их найдёт Идар. В народе сила и спасение, — в обманчиво мягком голосе Виктора появляется тембр с металлической окраской.

— Павел Сергеевич давно хотел к морю выйти, но голуби появились, решили прежде мясом запастись.

— На Голубянке много голубей, — уверенно говорит Виктор.

— В последний раз там лишь скворцы были, — сникает Алик.

— На Караби яйлу начинает прилетать птицы, я видел, как стаи кружились над скалами, слева от моей стоянки. Туда тяжело пройти, но на лодке можно. Мне кажется, там и морские котики обосновались, по крайней мере косатки туда часто заплывают.

— Да где же лодку найдём? — вздыхает Алик.

— У меня есть, резиновая, многоместная, — Виктор ошарашивает этим заявлением Алика.

— Блин... здорово. На рыбалку можно будет выходить. У нас спиннинги есть, хотели порыбачить на здешних озёрах, но рыбы мало, исключительно лягушки.

— И даже крючки имеются? — осторожно спрашивает Виктор, вспоминая свой самодельный крючок из шпёнка, с которого рыба в большей мере срывается.

— С запасом, — обыденным тоном отвечает Алик.

— Тогда вам сам бог велел к морю идти.

— Думаю, завтра и пойдём, — кивает Алик.

— Я бы от рыбы не отказалась, — сладко зевает Аня, уютно пристроившись на плече у Алика.

— Счастливая, а нас с Ниной от неё воротит. Ладно, давайте пробовать спать, подъём на восходе, — Виктор вытягивается во всю длину, переворачивается на спину, смотрит на далёкие звёзды — это единственное, что не поменялось в этом мире. Сон комкает все впечатления, тревога не спеша уползает вглубь сознания, становится тепло и хорошо. Под утро резко холодает, порыв ветра сбивает каменную крошку с камней и со злостью швыряет на спящих людей. Виктор вскакивает на ноги, толкает Алика и Аню. Они матерятся со сна

как сапожники, но достаточно быстро поднимаются, с беспокойством озираются, действительность безжалостно гонит обрывки сна и заполняет сознание тревогой.

На небо наползают тяжёлые тучи, пахнет свежестью, в море опять грохочет, скоро сюда переместится гроза.

— Перекусить бы что-нибудь, — без особой надежды говорит Аня, а в глазах тоска и страх.

— На вот, — Алик достаёт пару копчёных крылышек диких голубей.

— Это мне? — не верит женщина и мгновенно впивается в мясо, звонко хрустя косточками как заправская дворняга.

Виктор быстро отворачивается, чтобы было невидно, как он сглатывает слюну.

— На всех хватит, — Алик и ему суёт пару крылышек.

После вкусного завтрака, появляется уверенность, все тревоги кажутся недостойными сладости в животе, но осмотрительность, прежде всего. Скрываясь за каменными грядами и разломами, мужчины и женщина гуськом спускаются вниз, выбирая участки закрытые кустарниками и редкими деревьями. Очень скоро придётся пройти мимо Чёрного монастыря, а там хозяйничают зеки, затем, не менее опасный путь к лагерю Идара Сергеевича. Что-то Виктору говорит, он опаснее людоедов будет. А жаль, на него он возлагал большие надежды. Но, как говорится, жизнь покажет все прелести и нюансы своих бесчисленных граней. После убийства Вована, что-то надломилось в душе Виктора, с неё словно сняли предохранитель, сейчас он на боевом взводе.

Перед мрачными скалами Чёрного монастыря, Виктор решительно останавливает группу: — Зеков должно быть не менее четырёх, я схожу на разведку, если в течение часа не приду, уводи Аню в свой лагерь, затем вы должны вернуться за моей женщиной.

— Может ну их, обойдём их стоянку, — предлагает Алик.

— Нет, о них надо знать всё, — Виктор вытягивает финку, а лук отдаёт Алику, — в случае чего, стреляй.

— Но я не умею?

— Учись, — ухмыльнулся Виктор.

В прошлый раз было легче подойти к Чёрному монастырю, не было такой давящей на психику ответственности, а сейчас перед глазами мелькают образы людей, с которыми он познакомился и нечто, говорящее ему словно извне, что он должен всех объединить, иначе смысл их спасения на этом плато исчезнет.

Благодаря обострившимся до предела чувствам, Виктор подсознанием улавливает, что в путанице высокой травы и ветвей кустарниковых деревьев, кто-то скрывается.

Окинув взглядом окружающую местность, он цепляет листья, небрежно рассыпанных на земле и тонкий шнур верёвки. Ага, ловушка и достаточно неумело поставленная, рассчитанная на обычного обывателя, впрочем, Виктор, до недавних пор, был таким же, но сейчас словно что-то проснулось в душе и глаза способны подмечать малейшие несоответствия. Вероятно — это инстинкт самосохранения и загадочная интуиция, по поводу которой у дилетантов возникает много споров. В любом случае Виктор уходит в сторону, в кровь, обдирая локти, ползёт по неудобному склону и выходит с противоположной стороны засады. Сверху он видит зека и обмирает от ужаса, у его рук лежит АКМ. Автомат перевешивает всё и сейчас у людей Виктора ни единого шанса. Эту новость будоражит и заставляет предпринять отчаянный поступок, зажав финку в зубах, Виктор сползает в расселину и осторожно выглядывает, ища путь к своей жертве.

Удивительно, но в мыслях это звучит именно так и не иначе, зек — его жертва. Тянуть долго нельзя, кто знает, когда его будут сменять, может произойти любая неожиданность. А ведь эти предосторожности против него, Виктора! Осеняет его догадка. После ликвидации Вована зеки быстро перестроились. Но одного они не учли, и Виктор уже не тот.

Стараясь не сверлить взглядом синюю от татуировок спину, Виктор скользнул ещё ближе и затаился у вывороченных оползнем корней. Зек, каким-то звериным чутьём что-то чувствует, елозит лопатками, берёт в руки автомат, испуганно озирается.

Большая чёрная птица прыгает у самого лица Виктора, деловито гребёт землю, выковыривает белую личинку, прыгает дальше. Если она сейчас увидит Виктора и с испуганными криками взлетит, это конец. Но она скачет дальше, ныряет в густые ветви, а зек отворачивается, кривя тонкие губы, автомат откладывает от себя и вновь пристально смотрит на дорогу.

Не вытирая пот, заливший лоб и глаза, Виктор слегка вздыхает, делает пару бесшумных глотков воздуха и вбирается из своего убежища. Несколько движений и мужчина подбирается ещё ближе, он буквально зависает на плоской каменной глыбе, остался лишь один бросок и лезвие финки распорет ему спину. Зек вновь елозит, вероятно, его звериные чувства так же обострены до предела.

Глупая птица выползает из кустов, с шумом прыгает по опавшей листве, взлетает в воздух и опускается напротив зека, мгновенно его замечает и с хриплым карканьем шарахается в сторону.

— Прочь, с-сука, — со злостью отмахивается от неё зек и в этот момент Виктор прыгает.

А ведь действительно, сталь финки невероятная, лезвие легко входит в плоть, разрезая рёбра и проникая в сердце, смерть мгновенная, тело извивается в агонии, но Виктор вытаскивает финку из тела и вновь бьёт. Останавливается лишь тогда, когда заляпался кровью по самый подбородок. Решительно оттирает лезвие об штаны людоеда, подхватывает автомат, проверяет магазин, он набит патронами до половины, находит запасной, с удовлетворением цокает языком, этот полный. С пояса отстёгивает ножны с финкой, затем стягивает кроссовки.

Держа в руках автомат, Виктор испытывает ощущение сродное оргазму, чужая кровь, попавшая на губы, пьянит, словно вино большой выдержки, выделившийся стремительным потоком адреналин, наполняет душу диким восторгом, но затем рассудок берёт вверх, Виктор перекидывает автомат через плечо и заставляет себя с осторожностью идти к лагерю людоедов. Кто его знает, какие сюрпризы могут там ждать. Вот и этот автомат — большой сюрприз! Есть желание одним махом покончить с ними, ведь это так просто, нажал на курок и жди, когда рой из горячих пуль продырявит плоть, но что-то в спинном мозге говорит: «Губу раскатал» — грубо, но отрезвляюще. Виктор усмехается своим мыслям и, уловив сладковатый дымок, замирает, берёт автомат наизготовку, крайне осторожно выглядывает из-за камней. Вот он — сюрприз! Зеков ни трое, как бы хотелось согласно арифметическим подсчётам, а пятеро, но сама большая неприятность — чернобородый держит АКМ. О том, что бы сразить его одним выстрелом, нет и речи, во-первых, он не в очень выгодном для стрелка месте, его заслоняет дерево, конечно, снайпер бы его снял, но Виктор им не является, а во-вторых, если даже и удалось влить ему пулю в лоб, автомат быстро перехватят другие.

Дрожа от возбуждения, Виктор подползает ближе, палец на курке зудит и чешется от

свербящего желания нажать. Рассудок побеждает, мужчина утирает со лба пот и продолжает наблюдать.

Людоеды разбрелись по поляне, один ворошит угли палкой и поворачивает другим боком подвешенную над костром человеческую ногу, два других играют в карты, на кону очищенный череп. Рядом с чернобородым стоит перепачканный сажей зек, заискивающе говорит, нервно жестикулируя длинными пальцами с синими перстнями. Чернобородый брезгливо морщится, затем настораживается, перехватывает удобнее автомат, кивает рядом стоящему зеку. Тот не спеша вытаскивает нож, в развалку идёт вглубь поляны, восторженно восклицает: — Мусора, мать вашу, сами пришли, бля буду... мусора!

Чернобородый неторопливо поднимается: — Угомонись, шестёрка! Бурый, Репа, ведите их сюда!

Картёжники швыряют карты, скалясь в улыбках, в развалку направляются к появившимся в поле зрения двум мужчинам

Виктор моментально узнаёт в них тех двух бывших полицейских из лагеря тогда ещё Дмитрия Леонидовича.

— Граждане начальники, никак на огонёк пожаловали? Сизый, отрежь им пару кусков от ноги, — хохотнул, очевидно, Бурый.

Бывшие менты в ужасе мотнули головами. На лицах пробегает целая гамма из чувств, от омерзения до страха: — Вагиз мы от Идара Сергеевича, — нервно говорит один из них.

— Ну, Вагиз, ну и что? — легко вскакивает на ноги чернобородый, подходит к ним вплотную, с насмешкой смотрит, затем резко сшибает одного из них прикладом.

— За что? — сгибается мужчина.

— Ты ещё спрашиваешь, Игорёк?

— Мы же дали вам двух человек, — бледнеет тот, которого назвали Игорьком.

— Послушай, где ты видишь двух? — разводит руками чернобородый.

— Ну... мы это... Аньку и Леню отдали.

— Вована грохнули, баба сбежала. Это ваших рук дело, сучата?

— Вагиз, что ты... мы её найдём! — заламывает руки Игорёк.

— Верю, — неожиданно мягко говорит чернобородый, — скажи Идару, за ним должок, иначе бойню в вашем лагере устроим. Ты иди дорогой, а этот останется, не приведёте бабу, друг твой коровкой станет. А вообще... ты меня сильно обидел...

— Я найду её! — горячо восклицает бывший мент.

— Не перебивай, это и так понятно, куда вы денетесь, здесь другое, вы нарушаете законы гостеприимства, отказываетесь от трапезы в моём доме.

Сдерживая рвотные позывы, бывшие менты беднеют донельзя, а зеки гогочут как гуси.

— Ты иди... Игорёк! А за Сеню не беспокойся, двое суток проживёт... надеюсь, за это время вы найдёте Аньку, запал я на неё, — гнусно хохочет чернобородый.

— Вагиз, мы не просто так пришли, — пытается встать на ноги тот, которого назвали Сеней.

— Да это понятно. Всё жду, когда по существу будете петь, — чернобородый присаживается на корточки. — Давай, выкладывай, чем вы можете заинтересовать такого занятого человека как я. Банков здесь вроде нет, долларами подтираемся, сейчас единственная ценность — мясо. Да ты не вздрагивай, Вагиз слов на ветер не бросает, ещё поживёшь денька два, а то и больше, если твой корешок подсуетится. Мне надо эту бабу вернуть и узнать, кто этот тот... залётный. Он мне нужен даже больше, чем Анька. Ты меня понимаешь?

Сеня энергично трясёт головой: — Вот по этому поводу Идар Сергеевич нас послал. Не плато ещё есть группы людей их необходимо под себя подмять. Чтобы всё было централизованно, в одном месте. Польза от этого очевидная, надо терпил делом занять. Идар Сергеевич предлагает общий бизнес открыть... на правах полноправных компаньонов.

— Что ты несёшь, какие компаньоны?! — чернобородый рассерженно раздувает ноздри. — Компаньон здесь один — два АКМА. Слушай сюда, тема конечно правильная, терпил необходимо согнать в одну кучу, но бизнес этот будет моим. Предашь Идару, — обращается он к Игорьку, — я согласен реализовать эту идею, пусть подготовит своих бойцов. Ну, а с моей стороны пойдёт Бурый и Репа. И ещё, пусть баб мне подкинет. Да не ссы, коровками делать не будем, Лёха ещё не съеден, просто корешей моих по ночам поллюции мучают, а раз мы компаньоны, — заржал чернобородый, — всё должно быть по понятиям.

— Вику и Эльзу приведём, — с пониманием кивает Игорёк.

— Вот, наконец-то у нас завязываются добрососедские отношения, — философски изрекает главарь, поднимая вверх крючковатый палец. — А ты правильным был бы пацаном, жаль... мент поганый. Прости, брат, клеймо на всю жизнь.

— Да мы давно не менты, — пытается возразить Игорёк.

— Ты не прав, бывших ментов не бывает. Всё, иди, мусор, запахло мне с тобой так долго перетирать, запачкаться можно.

Виктор подкрался совсем близко, может рискнуть? Он выравнивает ствол, смотрит сквозь мушку и едва не нажимает, но в этот момент, чернобородый откидывается назад, передёргивает плечами: — Тьфу ты, словно пулю кто хочет мне в лоб вогнать, — он озирается по сторонам: — Что-то Хмара не идёт, Бурый, смени его, — а сам боком отходит под защиту камней.

— Ты чё, Вагиз, в натуре нервы шалят? — косится на него Репа.

— Это не нервы, — отвечает чернобородый, — чую что-то. Бурый, поспеши... автомат возьми. Эй ты, повар, мать твою, хватит жрать, мента свяжи, — окликнул он задумчиво жующего у костра уголовника. — Репа, проводи Игорька, а ты, — обращается он к перепачканному сажей зеку, — наверх сбегай.

Виктор отпрянул, ползком отходит, от досады стискивая зубы. А ведь такой момент был! Почему я не супермен? Всё же надо было стрелять, а там будь, что будет. Хотя... может и правильно... суета полезна при ловле блох. Уйти б незамеченным.

Ему удаётся покинуть пределы Чёрного монастыря до того как Бурый обнаружил

изрезанного Хмару. Виктору неожиданно выныривает сбоку от своих товарищей, весь заляпанный кровью, словно мясник со скотобойни. Аня вскрикивает, не сразу его, узнав, но затем ещё больше пугается, думая, что он смертельно ранен. Алик мгновенно замечает автомат, брови в удивлении взлетают, белая панама падает с ушей.

— Ты ранен? — восклицает Аня, едва сдерживая себя, чтобы не рухнуть в обморок.

— Ерунда, людоедская кровь, — отмахивается Виктор и кидает ей кроссовки, — быстренько одевай и сваливаем, сейчас начнётся такая заваруха.

— Автомат, где нашёл? — растерянно хлопает глазами Алик.

— Трофей... я не шучу, бегом, — энергично вращает глазами Виктор.

Близкая автоматная очередь, словно сорвавшаяся крышка от унитаза, сбивает Аню и Алика с места и они, вытаращив глаза, вломились в густые заросли, увязая в колючках и обдираясь до крови.

— Не по нам стреляют! — осаживает их прыть Виктор. — С перепугу... шпарят наугад. Очень хорошо, тратьте боезапас, — с ехидством добавляет он, с пренебрежением сплёвывая назад.

Выстрелы мгновенно стихают, словно Вагиз прочитал мысли.

— Не останавливайтесь, боюсь, будет погоня, — подстёгивает товарищей Виктор.

Но по всем признакам погони нет. Вероятно, людоеды пребывают в некотором замешательстве, они даже не могут догадываться, с кем имеют дело. Это — определённо фора и ей стоит воспользоваться, пока всё получается, но расслабляться нельзя, зеки опомнятся, и тогда начнётся действительно головная боль. Как жаль, что чернобородого не получилось завалить. Это злит Виктора, не всё у него получается, хотя, для дилетанта, коим он является, очень даже неплохо. Словно затерянные где-то в глубине организма, скрытые резервы рвутся наружу и математически просчитывают все варианты, высвобождая потенциальную энергию во взрывную кинетическую. Как говорится, простая физика: всякое действие, вызывает противодействие, если сильнее сжать пружину, тем мощнее она развернётся. А Виктор — пружина, причём из легированной стали. Такие как он, могут и в резонанс войти, а это крах или взлёт.

У Голубянки Виктор останавливает людей. Отдуваясь, жадно глотая воздух, беглецы приходит в себя.

— Можете расслабиться, погоня отменяется, привал.

— Как отменяется, кто сказал? — вылутился Алик.

— Я сказал, — усмехается Виктор, садится, с наслаждением прислоняясь к шершавому боку холодной скалы, с любовью гладит вспотевший автомат.

— Значит, погони не будет, а что будет? — прозорливо замечает Аня, просящее заглядывает ему в глаза.

Её вид, встревоженной курицы, веселит Виктора, он смеётся и когда натывается на недоуменные взгляды, распаляется ещё сильнее. Но, внезапно он замолкает, Виктору доходит смысл концовки Аниного вопроса. Действительно, а что будет? Неизвестность хуже всего, нелюди не успокоятся, это факт. Следовательно, действовать необходимо на опережение.

— Ты права Аня, тебя сдал Идар. В лагере тебе делать нечего, со мной пойдёшь. А вы, — строго глянул на Алика, — завтра же снимаетесь со стоянки, встречаемся на этом месте перед восходом. На разрозненные группы будет вестись охота, причём очень скоро, медлить нельзя. Ты меня понял, Алик?

— Как охота, какая охота? — дёргается, словно от электрического тока парень, срывает с головы панаму и рывком утирает лицо.

— Обычная, — с прищуром смотрит на него Виктор, — рабов из вас делать будут.

— Зачем? — он импульсивно дёргает козлиной бородкой.

— Затем, что, «нашим друзьям», самим работать «западло», — усмехается Виктор.

— Западло им! — встряхивается Алик. — А это они не хотят попробовать? — он вытягивает кривой нож.

— В одиночку не справимся, укрепление делать надо.

— Вот как выходит, только начали приспособливаться и на тебе, подонки появляются! — возмущается Алик.

— Это зеки так решили? — блеснули у Ани глаза.

— Нет. Так распорядился Идар, а зеками он хочет воспользоваться для своих целей. Он заключил с ними союз, но думаю я, как только Идар почувствует силу, постарается быстро избавиться от своих компаньонов. Да вот только Вагиз тоже не промах, он догадывается о планах Идара, но вида не показывает. Он хочет переиграть его и воспользоваться плодами совместного дела.

— А кто такой Вагиз? — насторожился Алик.

— Глава рь людоедов.

— А какой Идар раньше был, обходительный, внимательный, — вздыхает Аня.

— Наверное, комплименты сыпал? — улыбается Виктор.

— Да. Мне даже казалось, что я ему нравилась. А он взял и людоедам меня отдал, — пискнула Аня, вытирая сбежавшую слезинку.

— Может и нравилась, но для Идара нет людей, они у него как инструменты.

— И откуда такие мужчины рождаются? — со злостью произносит Аня.

— От женщин, — пожимает плечами Виктор.

Аня оторопело смотрит, что-то переваривает в голове и изрекает гениальную фразу: — М-да.

— Всё, отдохнули? Время не терпит... Алик, не позже восхода... всё очень серьёзно... попытайся убедить Павла Сергеевича.

— Он не глупый, к утру будем, — уверенно произносит парень.

— Послушай, — внезапно останавливает уже готового отправиться в путь Алика Виктор, — что это у тебя за несуразная панамка, которую ты так гордо носишь?

Алик фыркает и важно произносит: — Это головной убор моряков США.

— Да? А я думал, с ребенка сорвал. Вот мерзкая вещица.

— Ты не прав, знаешь, как ею здорово утираться, — быстро нашёлся, что ответить Алик, но побледнел от обиды.

Он уходит, Виктор некоторое время провожает его взглядом, затем, говорит Ане: — Попробую, к ужину, пару голубей подстрелить. Сиди здесь как мышь, не дёргайся.

— А если в туалет приспичит? — надулась Аня.

— Здесь сходишь. Не дай бог, с соседних сопков тебя заметят!

— Неужели могут? — вздрагивает женщина.

— Мне кажется, ты притягиваешь неприятности, — странно посмотрел на неё Виктор.

— Хамишь? — неуверенно спрашивает Аня.

— Даже не было в мыслях.

Над Голубянской носятся серые тени, часто взмывают вверх небольшие стайки птиц,

доносится воркование, рассерженный писк и возня. Виктор с облегчением вздыхает, голуби и их бесчисленное множество, ими облеплены все склоны пещеры-пропасти.

На этот раз удача на его стороне, Виктор выследил группу голубей рядом с пещерой и уверенно набивает с десятков птиц, в душе удивляясь своей меткости. Нанизав их на верёвку, появляется перед восхищённым взором женщины.

— Мне бы такого мужа! — не удержавшись, выпалила она.

Хмыкнув, Виктор ведёт её к своей стоянке. Уже на подходе к ней, он чувствует беспокойство, некоторые камни, окружающие их поле, повалены.

— О, нет! — восклицает он. Вся картофельная ботва безжалостно выдернута из земли, зловеще белеют пустые корни и не одного клубня.

— Что случилось? — замирает от страха Аня.

— Картофельную плантацию разорили, — Виктор озирается по сторонам, передёргивает затвор автомата.

— Неужели зеки? — холодея от ужаса, говорит женщина.

— Зеки ни зеки, а картошку есть уже не будем никогда. Нина! — Виктора словно полосонули хлыстом и он ринулся через изувеченное поле, Аня едва поспевает за ним, загребая землю носками не по размеру больших кроссовок.

Перед домом резко останавливается, Аня его едва не сшибает, вывалившись на открытое пространство. Двое худых бородатых мужчин вскакивают, один из них взмахивает топором.

— Лежать! — рявкает Виктор, целясь из автомата.

— Виктор! — слышит он родной голос.

Его женщина, любимая женщина, лежит связанная по рукам и ногам.

— Ах вы твари! — Виктор едва не нажимает на курок.

— Не стреляй! — неожиданно выкрикивает Нина.

Бородатые мужики застывают в растерянности и перестают жевать, у одного из них изо рта вываливается каша из пережёванной сырой картошки.

— Мать вашу! Кто такие? — опускает ствол Виктор.

— Мы... тут... под Нижнегорском коровник строили...

— Развяжите! — гаркает Виктор.

Мужики суетливо подбегают к Нине, стягивают верёвки: — Она на нас бросилась, пришлось связать... извините, — лепечут они.

— Морды вам следует бы набить. Да вы знаете что наделали, придурки? Это же были будущие урожаи!

— Мы голодали, — неожиданно огромный бородатый мужик затрясся в плаче.

— Козёл! — злобно говорит Виктор. — Брось топор!

Мужик откидывает инструмент сторону, испуганно смотрит на Виктора, глаза красные, щёки впавшие, а сквозь рваную рубашку выпирают рёбра.

— То, что козлы, это верно, — Нина отпихивается от рук мужиков, встаёт, пристально рассматривает Аню.

— Привет, — кисло улыбнулась Аня.

— Откуда такая? — недоброжелательно сверкнула очами Нина.

— Из лагеря Димы, то есть, сейчас Идара, — краешком губ улыбнулся Виктор. — Её едва не съели.

— Кто, звери, что ли? — фыркает Нина.

— Людоеды! — выпалила Аня.

— Какие людоеды, — насмешливо прищурилась Нина.

— Она права, — вмиг посуровел Виктор, — на плато объявились самые настоящие людоеды... из зеков.

— Как же так, есть людей? — один из мужиков перекрестился.

— Ты это серьёзно? — Нина внимательно смотрит в лицо Виктору и буквально чернеет, его глаза жёсткие и что-то новое в них появилось, незнакомое и пугающее.

— Серьёзнее не бывает, двоих я отправил на тот свет... вот, автоматом разжился, жаль, что у них ещё один остался. А ещё, с людоедами Идар союз заключил, а это плохо, он настоящий спецназовец. Сейчас они обрабатывают идею по захвату людей на нашем плато. Фактически они хотят рабов из них сделать.

— Это чудовищно, — у самого крупного мужика затряслись губы, он растерянно смотрит, то на Виктора, то на Нину. — Вы нас простите, — ёжится он под строгим взглядом Нины, — бес попутал, вот и связали вас, вы так бросались на нас.

— Я это поняла с самого начала и всё равно вы козлы, — без особой злости говорит Нина. — Попросить слабо было? У меня копчёной рыбой вся кладовка увешена.

Мужики застыли, из губ потекли слюни, Виктор морщится, бросает на землю голубей: — Нина, принеси рыбу, только немного, а то рыгать начнут, а я костром займусь, сегодня у нас будет пир. Как жаль, что теперь о картошке будем только вспоминать, — в досаде он едва не вlepил по уху здоровенного мужика, покорно стоящего по стойки смирно, опустив глаза в землю.

— Ещё поедим, — неожиданно говорит Нина, — пять штук осталось, совсем проросли, даже клубни появились.

— Так ты их не съела? — в порыве восклицает Виктор и краснеет под укоризненным взглядом.

— Я решила перестраховаться, — Нина с насмешкой обвела всех взглядом и скрывается в нагромождении камней, где находится замаскированный ход в жилище.

— Что головы повесили, — весело произносит Виктор, — знакомиться будем. Меня Виктором кличут, эту девушку — Аней, мою жену — Ниной.

— Игнат, — буркнул здоровый мужик.

— Саша, — несмело представляется другой.

— Вот что, Саша и Игнат, дрова заготовливайте.

— Пусть сначала перекусят, — своим появлением Нина, держащая несколько золотистых кусков тунца, вводит мужиков в ступор. — Только хорошо пережёвывайте, а то подавитесь, — она передаёт им рыбу. Они едва сдерживаются, на шеях судорожно дёргаются кадыки, но стараются вести себя достойно, хотя, получилось не очень, вгрызлись в мясо так, что в стороны полетели жирные брызги.

Аня отворачивается, старается не вдыхать аромат копчёной рыбы, но самым постыдным образом из пухлых губок ползут слюни.

— На вот, — Нина протягивает Ане увесистый шмат.

— Это мне? — Аня едва не рванула к Нине, но увидев её насмешливый взгляд, глотает слюну, делает лицо безразличным: — Я как-то не очень хочу кушать, — Нина отводит руку, — но если ты настаиваешь, возьму кусочек, — быстро говорит она, поспешно выхватывая рыбу.

В душе потешаясь, Виктор неумело ошипывает голубей, но к нему присоединяется Нина: — Я так волновалась, — шепчет она, — ты так надолго исчез, места себе не находила.

А потом эти пришли, худющие... как начали ботву дёргать и есть сырую картошку. Совсем дичает народ, — вздыхает Нина.

— Завтра к нам группа спелеологов из Питера присоединится, вроде неплохие ребята, мне их начальник нож подарил, — Виктор выдвинул из ножен лезвие. — Кстати, у меня подарок тебе есть, — достаёт зековскую финку.

— Здорово, — женщина хватает нож, словно любимую куклу и любуется сияющим лезвием, чмокает в щёку. — А у меня нет подарка, — взгрустнула она.

— Как нет? А сохранный картошка? И ночью ещё кое-чего подаришь.

— Бесстыдник, — зардевшись, толкает его Нина. — Я хочу тебе что-то сказать, — она наклоняется к его уху, — нет... потом, — отстраняется от него.

— Что потом? — не понимает Виктор.

— Не сейчас, — таинственно произносит Нина.

— Загадками говоришь.

— И всё же, у меня есть для тебя подарок, но я его подарю тебе позже.

Виктор смотрит на неё, какая она сейчас особенно красивая. Интересно, что придумала, мелочь, наверное, какую? Наивная моя женщина, я и без этого тебя люблю.

Нина смотрит влюблённым взглядом. Вот заметив, ничего не замечает. И почему я его так люблю?

Погода хмурится, ветер с усилием тащит тяжёлые тучи и вот-вот хлынет ливень, но сдерживается, словно ждёт когда запылает костёр, чтобы одним махом сделать мелкую пакость. Но Виктор складывает ветки под козырьком нависающей скалы, проверенно, даже в сильнейший ливень вода не затекает под костёр. Будто разочаровано грохочет гром и ветер тащит тучи в море, там со злостью комкает в одну исполинскую кучу, молнии делают в них дыры и наступает хаос.

Под несильными порывами ветра, судорожно бьётся огонь, но крепчает и начинает поджаривать до хрустящей корочки упитанных голубей.

Весь народ собрался у костра, с жадностью наблюдая за истекающими золотистым жиром голубиными тушками.

— Как спаслись? — отрывается от созерцания Виктор.

Игнат вздыхает: — Крышу сорвало, мы за неё уцепились, вот и не утопли.

— У кого «крышу» сорвало, — не преминула съязвить Нина, она всё ещё сердится на мужиков.

Её не понимают: — Крышу коровника, — благодушно уточняет Игнат.

— А-а, — тянет Нина, — тогда конечно.

Аня фыркает, с некоторой доброжелательностью смотрит на Нину, она по достоинству её оценивает, сама стерва и Нину такой же считает.

Нина украдкой изучает Аню и немного успокаивается, не соперница: шейка длинненькая, носик остренький, глазки глупые, губки как у плюшевого ослика, сиськи готовы лопнуть от переизбытка силикона, а на ногах, вот умора, кроссовки сорок четвёртого размера.

А Аня удивляется, и что в ней нашёл такой мужчина как Виктор, ни кожей, ни рожей. Не удивлюсь, если она работала продавщицей в каком-нибудь овощном ларьке.

— Нина, а вы раньше, где работали? — улыбается Аня.

Нина напрягается, почувствовав в её словах некий подвох, хмурится и нехотя отвечает: — Начальницей на овощном складе.

— Наверно интересно? — не скрывая своего торжества, произносит Аня.

— А ты кем была? — Нина не стала отвечать на её вопрос.

— Администратором по устройству банкетов, — высокомерно изрекает Аня.

— В моём подчинении были администраторы женщины, я их потом на мужчин заменила. У них мозги варят лучше, — с плохо скрываемым призрением говорит Нина.

— С этим я не совсем согласна, — сжимает пухлые губки Аня, — хотя... смотря, с какой стороны смотреть. Мне тоже мужики нравятся, — мстительно заявляет она, намекая на нечто другое.

Они прекрасно понимают друг друга и мило улыбаются, но продолжать разговор не решаются. Нина немного обозлилась, она считает себя хозяйкой, а Аня, по-видимому, хочет оспорить это право и всё чаще поглядывает из-под густых ресниц на Виктора.

Голуби призывно шипят на вертелах, испуская умопомрачительный запах, Виктор, наконец-то вытаскивает их из огня и самого аппетитного протягивает Нине, затем и всем остальным, причём Ане, демонстративно, в последнюю очередь. Она это понимает и в бессильной злости поджимает пухлые губы, бросает быстрый взгляд на Нину. Столкнувшись с её торжествующей улыбкой, отводит взгляд и вовсе распалается, хочет сказать что-нибудь язвительное, но язык словно присох к гортани, она без энтузиазма кусает крылышко голубя и даже не чувствует вкуса. Ничего, думает Аня, я у тебя отобью Виктора, ещё повеселимся!

После еды Виктор заставляет Игната с Сашей готовить навес для ночлега, в свой дом, гостей и не думает впускать, а вечер уже переходит в наступление.

Аня в тихом потрясении остаётся наедине с мужиками, а Виктор с Ниной уходят спать в своё жилище, этим чётко указав всем на своё место. Напоследок, Нина с торжеством глянула на свою соперницу и, уловив в её глазах растерянность, смешанную со страхом, смягчается, выносит рваное одеяло: — Прости, подруга, в доме мало места... переночуйте как-нибудь здесь. Ты мужикам скажи, чтобы расторопнее были, скоро будет темно, да и дождь в любой момент может начаться. И смотри, чтобы «крышу» у них не сорвало.

Аня с отчаянной решимостью глянула в глаза Нине, хотела съязвить по своему обыкновению, но словно спотыкается об её ответный взгляд, столько в нём скрытой силы, словно это и не женщина, а волчица и Аня сникает: — Спасибо, — неожиданно даже для себя, произносит она, но злой «червячок», сволочь этакая, так куснул прямо в сердце, что Аня едва не взвыла.

Как побитая собака, бредёт к мужикам, те улыбаются, видя её приближение, но она сдвигает брови, морщит нос, её претит от давно не мытых тел и начинает умело командовать.

Игнат и Саша принимаются делать шалаш, ловко рубят корявые деревья и приспособливают их под нависающей скалой, оплетают гибкими ветками, делают грубый каркас, укладывают травой и так ловко у них получается, что Аня, сидя у дымящегося костра и обсасывая тонкие голубиные косточки, невольно залюбовалась их работой.

— Принимай дом, — весело произносит Игнат, почёсывая неухоженную бороду.

Аня соскальзывает со своего места, засовывает любопытную мордашку в дверное отверстие и в великом возмущении восклицает: — Я что-то не поняла, а где моя комната? Вот что, дорогие мои, — нахмутив брови, едва сдерживаясь, чтобы не кричать, заявляет она, — я не буду спать рядом с вами, от вас плохо пахнет.

— Так, вроде и ты... не слишком свежая, — пытается возмутиться Игнат, но мгновенно жалеет о сказанном, Аня краснеет как перезрелый помидор, решительно лезет внутрь и

занавешивает проём рваным одеялом.

Мужики потоптались на месте, с тоской глянули на звёздное небо, вздохнули, но не решились более тревожить рассерженную женщину, выбрали место под разлапистыми кустами, попытались соорудить навес, но начавшийся дождь, легко продырявил его... Впрочем — им не привыкать спать под открытым небом.

Аня долго не может заснуть, злость душит хуже накинутой на лицо подушки и всепоглощающая жалость к себе приносят невыносимые страдания. Она всхлипывает, зарывшись в ароматную траву, и начинает реветь, как давно не доеная корова.

— Анята, ты чего? — слышится полный участия, обеспокоенный голос Игната.

— Иди сюда, — всхлипывает Аня.

Виктор привык просыпаться рано, но сегодня едва не проспал, так сладко было в объятиях Нины. Всё же осторожно снимает её руки со своей груди, выбирается наружу, вдыхает воздух полной грудью.

Был дождь, но не сильный, он принёс свежесть и хорошее настроение. Мужчина натывается взглядом на свернувшегося под кустом Сашу, слышит раскатистый храп, который назойливо доносится из шалаша, усмехается, качает головой: — Не пропадёт, девка, — говорит сам себе и будит Сашу: — Я ухожу за людьми, постоишь на вахте.

Саша сладко зевнул, завистливо покосился в сторону шалаша, легко вскакивает на ноги, делает отмашку руками.

— Заодно разожги костёр и запеки остальных голубей. Только сам не съешь, — Виктор скользнул взглядом по его худящему телу.

— За кого вы меня принимаете, — возмущается мужчина, — съем только свою долю.

— Вот и ладненько, — Виктор перекидывает через плечо автомат, — будь на чеку, Саша, враг не дремлет, — вроде как в шутку произносит он, но мужчина серьёзно кивает, поднимает топор, подвешивает к поясу. — Нина проснётся, пусть организует купание, прёт от вас, как от козлов, — с насмешкой произносит Виктор.

К Голубянке Виктор приходит первым, ждёт пару часов, уже начинает волноваться, неужели Идар опередил. Но вот, блеснула знакомая белая панама, и он видит группу людей. На их спинах огромные рюкзаки с палатками, бухтами верёвок, звякают карабины, самохваты, качаются закопченные котелки.

Виктор смотрит на идущих людей и слёзы наворачиваются на глаза, а ведь не всё потеряно, народ есть, хотя его и мало. Никак, на новый уровень поднимаемся, только не помешал бы кто. Он вспоминает внимательно-пронизывающий взгляд Идара, тогда ещё охранника, неприятный хохот людоедов, пожирающих Лёху. А ведь надо действовать на опережение, прочь гуманизм, давить тех гадов надо, иначе они придут, и настанет ад. Но почему так устроен человек, кто-то созидает, а кто-то гадит? Почему разрушители получают удовольствие от того что вытворяют, может это зависть? Виктору сложно понять значение этого слова, он по своей природе человек не завистливый, но в зависти видит огромную опасность и готов принимать самые радикальные меры. Всеобщее очищение должно начаться с изгнания зависти из своего сознания, а быть может, и ликвидации носителя сего вируса чисто физически.

Спелеологи останавливаются, к Виктору подходит Павел Сергеевич, пристально смотрит ему в глаза, будто что-то читает, на лице проносится целая гамма из чувств, он словно переступает через себя, вероятно делая определённые выводы: — Здравствуй, Виктор, — хрипло произносит он, протягивая для рукопожатия руку, — теперь ты в ответе

за людей, принимай народ.

Виктор готов к этим словам, но так просто сказанные, они потрясают душу, становится тяжело дышать, он видит настороженные взгляды людей, которые авансом ему высказывают великое доверие. А прав ли он, берущий на себя такую ответственность?

— Я не сахар, — неожиданно говорит он как бы невпопад.

— Мы тоже, — хихикнули девушки.

— Значит, не растаем, — улыбается Виктор.

Павел Сергеевич с прищуром смотрит: — Если не возражаешь, я тебе помогу.

— Я не против, — Виктор, оглядывает людей, — но только у меня специфическое отношение к жизни.

— В чём оно заключается? — наклоняет голову Павел Сергеевич, бросая на Виктора быстрый взгляд.

— Я не люблю европейские ценности и не понимаю даже основ демократии, мне не понятно, почему самые страшные преступления совершают именно демократы. Конечный итог демократических преобразований мы видим — мы здесь, а кругом океан. Что-то другое нужно, а что, пока не знаю, единственно обещаю, пустой болтовни не будет... и наивности тоже. Иначе сожрут и в переносном и прямом смысле этого слова.

— Что ж, идея жить безо лжи мне по душе, — Павел Сергеевич трогает бороду. — Пошли, ребята, у этого парня мозги работают правильно.

— А я не уверен, — едва слышно произнёс один из мужчин и судорожно пригладил свои залысины.

Виктор забирает у Алика рюкзак и посылает вперёд как разведчика, не хотелось бы попасть в глупую засаду. А сам берёт автомат в руки, и группа двигается, огибая каменные разломы, скрываясь за естественными укрытиями, изредка ныряя в редкие лесочки и скрываясь в густой траве.

Виктору мерещится, что за ними наблюдают, это нервирует, хочется полосонуть по ближайшим сопкам из автомата, но Алик сигналов об опасности не подаёт. Вероятно всё это признаки усталости и, вследствие этого, возникла мнительность. Может, будь Виктор один, он не стал прислушиваться к своим ощущениям, но за ним идут люди. Внезапно он останавливается, резко свистит. Быстро подбегает Алик, с тревогой теребя свою знаменитую панаму: — Что случилось? — выдыхая из себя воздух и тяжело дыша, спрашивает он.

— Мы так не пойдём, необходим другой маршрут.

— Почему? — удивляется Павел Сергеевич, с интересом глядя в свинцовые глаза Виктора.

— Я по нему уже ходил.

— А-а, — кивает он. — Ну, тебе виднее, — не стал он спорить.

— Помнишь, куда мы собаку загнали? — Виктор оборачивается к Алику.

— Там осыпь... но переправу мы организуем.

— А вам не кажется, что это уже перебор, — грустно хлопнул глазами невысокий мужчина с залысинами на голове. — Кому мы нужны, мы обыкновенные люди. К тому же, с нами раненый, не дело лезть на скалы, швы могут раскрыться.

— Олег Васильевич, в том то и дело, что обыкновенные, — размеренно говорит интеллигентного вида мужчина, бережно поправляя ладонью ухоженную бородку. — А

Антоху, с божьей помощью, на носилках переправим.

— Не надо носилок, — морщится Антон, — я в порядке, роба от сильных укусов спасла.

— Нечего тут дискуссии развязывать, через осыпь пойдём, — властно говорит Павел Сергеевич.

— Заодно щенков заберём, — оживляется Алик.

— Там щенята? — вспыхивает от улыбки юное лицо Светы.

— Одного я себе возьму! — горячо восклицает молоденький парень лет семнадцати.

— А не жаль у матери детёнышей отбирать? — сурово изрекает полноватая женщина, вероятно, та самая Виолетта Степановна.

— Ви, щенки нам нужны будут, — мягко произносит Павел Сергеевич.

Неожиданно женщина краснеет под его ласковым взглядом, бурчит что-то непонятное, насупилась и замолкает.

Алик уверенно сворачивает в сторону невысоких холмов, его догоняет Виктор, некоторое время они идут вместе.

— А Павел Сергеевич вообще кто? — интересуется Виктор.

— Декан матмеха Санкт-Петербургского государственного университета, профессор. А Ви Степановна, в смысле, Виолетта — секретарь Учёного совета.

— Так значит вы студенты?

— Не совсем. Из студентов у нас только я и Антоха, мы на пятом курсе, ну и Света с Толиком Беловым, они с первого курса. Олег Васильевич, это тот, что с залысынами на голове, он лаборант, Алёнка — врач, а Викентий Петрович — самый настоящий батюшка.

— Священник? И что, вместе с вами в горы ходит? — невероятно удивляется Виктор, невольно оглянувшись на интеллигентного вида мужчину, наравне со всеми несущий огромный рюкзак со звякающим внутри железом.

— Это у него такое послушание, — хмыкает Алик. — А вообще, он нормальный мужик, мыслит адекватно, веры своей не навязывает, но крестит всех, когда мы спускаемся в пещеры. И знаешь, на душе как-то легче становится.

— Да, команда ещё та, боевая, — грустнеет Виктор.

— Мы не слабые, — Алик чётко улавливает его интонацию.

— Кто же спорит, вот только убивать придётся, а тут декан, студенты, и целый батюшка.

— Если понадобится... будем убивать, — Алик сам вздрагивает от своих слов, мрачнеет, а глаза темнеют, словно на них наехала грозовая туча.

Виктор с недоверием оглядывает худощавую фигуру Алика, его выпирающие в разные стороны острые локти и торчащую козлиную бородку, качнул головой, вздохнул, перехватил крепче автомат и вернулся к группе.

— Я пойду замыкающим, а вы, Павел Сергеевич идите вперёд, Антона и женщин в центр, — распоряжается Виктор. — Если начнётся стрельба, падайте и расползайтесь в разные стороны.

Лаборант Олег Васильевич морщится, с вызовом смотрит на Виктора: — Позвольте, кто будет стрелять? Глупости не говорите. Я вашу сказочку про людоедов не верю.

— Олег, не дело сейчас ерепениться, — сдвигает брови Павел Сергеевич.

— Не люблю я выскочек, — грустно хлопает глазами лаборант.

Виктор с сожалением смотрит на его потные залысины, так хочется вмазать в морду, но пересиливает себя и с расстановкой говорит: — Всё что я сказал, вам может не относиться,

но остальным выполнять мои команды беспрекословно.

— Это я буду решать, что мне делать или не делать, — окрысился лаборант.

— Олег, — излишне мягко произносит Павел Сергеевич, — не надо лезть в бутылку, Виктор не производит из себя легкомысленного человека.

— Я то что, за товарищей беспокоюсь. Вдруг это проходимец?

— Он Антоху спас.

— Все равно, решение назначить его главным, необходимо подтвердить голосованием, это будет по-европейски демократично, — кривит губы лаборант и замолкает.

Виктор едва не смеётся — вот оно, проявление демократии. Мозги совсем известно забились, верно, ещё не понимает, где он.

— Я не против, — в упор глянул на него Виктор и у того забегали глаза, а лицо покрывается пунцовыми пятнами, — придём на место, там проголосуем, а сейчас перестраиваемся и никакой демагогии. Всем ясно?

На этот раз Олег Васильевич не стал возмущаться, перед его внутренним взором всё ещё стоит взгляд Виктора, в котором так много силы, что лоб начинает зудеть, словно чудом избежал удара, да ещё этот автомат. Как это неприятно и боязно, лаборант передёргивает лопатками и понуро бредёт и даже не ворчит.

Чувство опасности уползает в подкорковую область, словно отодвинулось и затаилось, как паук в паутине, не стоит дёргать за сигнальные нити. Виктор почти уверен, там, на сопках, кто-то был. В последнее время загадочная интуиция усилилась, и он начал серьёзно к ней прислушиваться. В прошлой жизни Виктор посчитал бы это мнительностью, а сейчас — даром свыше. Он смотрит на бредущих спелеологов, все как один выносливые, не робкие, вероятно спасали друг друга не раз и не два и этот Олег не хилый, жилистый, но в душе сидит Некто и с усердием гадит прямо в мозги. Хочется взять отвёртку и подкрутить в его голове, чтобы извилины не слишком топорщились. А вот батюшка спокойный, всё молчит, а взгляд какой-то просветлённый, словно он не на затерянной земле, а идёт в храм к своей пастве. Станный он, однако, в горы полез, как это не вяжется с образами попов разъезжающих на крутых иномарках. А может он один из тех немногих, кто действительно верит в бога и служит Ему, а не деньгам, что жертвуют прихожане? Одет скромно, но чисто, борода ухоженная, а рюкзак едва не до пяток. М-да, боевой батюшка, такой и меж глаз может закатить и скажет: «Это во благо, сын мой, возрадуйся!». Света и Толик, какие они ещё молоденькие, право совсем дети, но у Толика на поясе болтается нож и взгляд сосредоточенный и серьёзный. Смешно наблюдать, как он изображает из себя бывалого спелеолога, но потенциал у него хороший, главное, чтобы его не обломали раньше времени. Света держится больше Толика, иной раз да кинет на него быстрый взгляд, не иначе чувства у неё. Антон, тот проявляет чудеса силы воли, отказался чтобы его тащили на носилках, весь в бинтах и кровь на них проявляется нехорошими бурыми пятнами, а всё равно, что-то да несёт: бухту верёвки, котелок, топорик и так — по мелочи. Губы плотно сжаты, а под глазами чёрные круги. Алёнка старается ему помочь, взгляд встревоженный, хотела забрать пару вещей, но Антон отмахнулся и даже улыбнулся. Виолетта Степановна слегка запыхалась, она несколько полноватая дама и кажется Виктору, она в горах не по призванию, а по смыслу. Её смысл вышагивает впереди — декан матмеха Павел Сергеевич, начальник экспедиции. Вероятно он к студентам не мягкий, но здесь, в горах — он наравне со всеми, по крайней мере, хочет таким казаться.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Появляется Алик, обтирает лицо белой панамой:- Всё чисто, пришли, — смотрит на Антона. — Ты как, Антоха, самостоятельно сможешь?

— Носилки хочешь предложить? — усмехается парень.

— Там отрицаловка есть... может, действительно носилки?

— Пройду. Если что, Алёнка меня ещё раз заштопает. Нет, действительно, — уловив строгий взгляд Павла Сергеевича, говорит Антон, — пройду так, с носилками до вечера провозимся.

— До вечера нельзя, — озабоченно произносит Виктор, — боюсь, на мой лагерь могут натолкнуться. Торопиться надо.

Лаборант Олег Васильевич неодобрительно выпучил нижнюю губу, но высказывать неудовольствие не стал.

Переправа готова, срываются мелкие камни, пот заливает глаза, сдвинулась с места лавина, но, словно увидев, что люди вне её влияния, нехотя останавливается, копя силы для будущего броска в пропасть.

Логово со щенками оказалось совсем близко, под густыми лапами кустарника, чудом выросшим на бесплодной земле. К радости Виктора, самки по близости нет, он очень не хотел её убивать. Щенки, увидев людей, пятятся в глубину логова и даже рычат, обнажая молочные зубы. Пришлось раскапывать сухую землю, а затем связывать брыкающихся зверёнышей. Виктор всё время стоит на чеку, автомат снят с предохранителя, на случай того, что появится самка, но она охотится далеко от своего логова, этим спасла себе жизнь.

— Шесть щенков, — улыбается Алик, — чур, мой с белым пятном на мордочке!

Далее пришлось круто спускаться, затем подъём, вновь спуск. Попутно спелеологи обнаружили под отколовшейся от скалы глыбой, лаз, с перспективой на пещеру. Долго возбужденно галдят, пока Виктор буквально не рыкнул, комкая в корне спелеологические инстинкты. Но Павел Сергеевич настаивает в неё лезть, предполагая, что отсюда есть выход на поверхность. Провозились, чуть ли не до вечера, выхода не обнаружили, но спелеологи довольные, даже Антон, страдающий от боли. Там действительно оказалась пещера чудной красоты, а в ней природная аномалия, разлом, с выходом вулканической породы, что на Караби яйле противоестественно, этот край на сто процентов карстовый.

Виктор взбешён потерей во времени, ему непонятна радость чокнутых спелеологов, но Павел Сергеевич вложил в его руку увесистый зеленовато-желтый булыжник.

— Что это? — с трудом скрывая раздражение, спрашивает Виктор.

— CuFeS_2 , - с торжеством молвит декан.

— Чего?

— Халькоперит.

— Чего-чего?

— Медный колчадан.

До Виктора не сразу доходит смысл сказанного, а когда понимает, дрожь пронзает тело. Это прорыв! Но с осторожностью спрашивает: — Вы уверены? На Караби яйле не обнаружены металлы, это противоестественно.

— Противоестественно, согласен. Сам озадачен, — декан пожимает плечами, — но факт остаётся фактом, руды здесь много. В далёком прошлом землетрясением вытолкнуло пласт с рудой.

— Весьма вовремя, — бормочет Виктор, а в голове уже рождаются схемы плавильных печей, когда-то зацепленные мимолётным взглядом на страничках интернета.

Это уже входит в привычку, бродить ночью по опасному плато, но вот, в прорезях знакомых скал, блеснул свет луны, и потянуло ароматным дымком. Виктор принюхался, стараясь распознать, всё ли в порядке, интуиция молчит.

Они показываются в лагере, вызывая переполох и шквал из эмоций. Нина повисла в объятиях у Виктора, Аня, старательно отводит взгляд от сияющих глаз Алика, мужики чинно здороваются и знакомятся друг с другом. Скулящих щенков привязывают и начинают готовиться ко сну.

На случай внезапного нападения палатки разбиваются у стен отвесных скал, чтобы обезопасить людей с тыла. Олег Васильевич старательно корчит гримасы, высказывая недоверие ко всем мерам предосторожности, он думает, что все люди братья, а их новый начальник, грубый мужлан.

Виктор решает выставить часовых, Алика не стал трогать, он сегодня набегался, Антону Алёнка меняет перевязки, батюшка — в светлых думах, Толик Белов, с ним позже, молодой ещё. Всех остальных мужчин решает задействовать. Первыми он назначает себя самого и, немного поразмыслив, выдёргивает из тёплого места у костра, лаборанта. Олег Васильевич зло стрельнул глазами. Но безропотно поднимается, но не удерживается, с ненавистью изрекает: — Сам не спишь и другим не даёшь.

— Ты, верно, не понимаешь серьёзности всей ситуации, людоеды...

Лаборант со смехом перебивает: — Рассказывай сказочку нашим девочкам, они поверят.

«И всё-таки болван», — думает Виктор», но резко говорит: — Замечу, что шлангуешь, мордой по камням возить буду, — тихо говорит он, чтобы не слышали другие.

Лаборант вздёргивается, словно от удара тока, затравленно водит взглядом по сторонам, но лишь Алик услышал и, к его ужасу, откровенно хихикает. «Нет, так дело оставлять нельзя, завтра доложу декану. Устраивает, мать твою, диктатуру пролетариата! Переизбирать его необходимо, пусть Павел Сергеевич руководит, у него есть опыт. А этот, выскочка. Ещё князем себя сделает, придурок!», — лаборант сильно сопит, едва переставляет ноги.

— Будешь дежурить со стороны моря, в случае нападения, свистнешь.

— Я не босяк свистеть.

— Тогда кукарекни, — с насмешкой говорит Виктор. — И ещё, вот, возьми дубинку.

— Обойдусь как-нибудь, — с презрением цедит он слова.

— Дело твоё... но если что... шкуру с тебя спущу, — как-то обыденно произносит Виктор и Олег Васильевич внезапно понял, что так и будет, он ёжится и, неожиданно кивает. И не мудрено не согласиться, взгляд у Виктора тёмный, словно у крокодила, залёгшего в трясине.

— Через два часа тебя сменит Илья, — Виктор уходит, звякая затвором автомата.

Ночь в разгаре, тучи уверенно снесены ветром к краю горизонта, свет звёзд холодит израненную душу лаборанта. Хочется выть от безысходности, душит злость, появляется желание как-нибудь «нагадить» этому выскочке, но у того имеется сильнейший аргумент — АКМ. Как было хорошо до его прихода, спокойно, чинно. А ведь это он, Олег Васильевич, подсказал как правильно силки на голубей ставить. Девушки едва в засос не целовали за эту идею. Голод отступил, и появились мысли создать голубиную ферму, уже и место присмотрел, а тут этот появился, всех напугал и власть к рукам прибрал. Авантюрист, проходимец, выскочка, негодяй! Викентий Петрович, что-то молчит. Ох, не верю я этому батюшке, поп — как есть поп. Настораживает, что он поплёлся с нами в спелеологическую

экспедицию. Ой, как настораживает! Не иначе чего задумал? И нечего вякать о спасении души и всё такое, верно, интерес, какой есть, раз втесался в группу из настоящих мужчин.

С этими тяжкими мыслями Олег Васильевич прохаживается по берегу, с завистью глянул на резиновую лодку, даже захотелось её продырявить, но за это и убить могут, демократические принципы здесь явно не в ходу. Боюсь, начнёт процветать культ беззакония, насилия, вседозволенности. На одной чаше весов будет всё общество, а на другой — автомат Калашникова. Вот бы грохнул его кто!

Олег Васильевич, поскуливая, бродит у воды, затем присаживается, с тоской смотрит в море, а оно сейчас незнакомое, чужое, ощутимо веет холодом, не искупаешься, вода ледяная. Как-то незаметно, погрузившись в печальные думы, он легко скользнул в беспмятство спасительного сна.

— Бурый, чё это? — Репа замирает, вглядываясь в ночь.

— Лодка, гы-гы, точно лодка. Во обкурились, на берегу оставили.

— Надо бы ножиком пропороть, — обеспокоено крутит шеей Репа.

— С ума сошёл, она уже наша, — облизывается Бурый.

— Мне запахло её тащить, она неподъёмная, — возмущается Репа.

— Терпилу запряжём, — вновь гыгыкнул Бурый. — Вон, под тем кустом спит, Видишь?

— Точно, — загораются глаза у Репы.

Они, не таясь, подходят совсем близко, Бурый поигрывает ножом: — Тошная коровка.

— Толстых сейчас не встретишь, — хохотнул, Репа и пинает безмятежно спящего лаборанта ногой в бок.

Олег Васильевич мгновенно открывает глаза, и душа замерзает от панического ужаса, он видит взрослых мужчин, в синих татуировках. Неужели это те зеки, о которых говорил Виктор? Неужели людоеды? Тошнота лезет к горлу, Что делать? Сигнал! Надо срочно подать сигнал! Какой? Олег Васильевич на грани обморока, но выдавливает из себя едва слышное кукареканье.

— Петух?! — радости у Репы нет придела.

Олег Васильевич словно просыпается, открывает рот, чтобы заорать во всю мощь голосовых связок, но не успевает, нечто жгучее, с омерзительным хрустом входит ему под правую грудь.

— Зачем? — ругается Репа. — Кто лодку тащить будет?

— Теперь она о нас никуда не денется, — вытирая широкое лезвие ножа об куртку лаборанта, — спокойно говорит Бурый.

— А этого теперь тащить!

— Я легонечко, не замочил, сейчас очнётся и сам ножками перебирать будет. Рот ему завяжи, а то вновь кукарекать начнёт.

— Блин, как нам повезло, настоящий петух, — глумится Репа, но кляп пока не тыкает ему в рот.

Виктор проверил дальние подступы, тихо, лишь сверчки надрываются, соревнуясь с ночными цикадами. Теперь необходимо проверить берег, надежды на бестолкового лаборанта, к сожалению нет. Станный он, однако, бесится как подросток от переизбытка гормонов, а ведь уже седина лезет в бороду. Удивляет, что такого идиота спелеологи взяли в свою группу. А вдруг у него есть, какие достоинства? Наверное, есть, не просто так с ним почтителен Павел Сергеевич, а он мужик достаточно серьёзный, мягковат, правда, хотя пытается это скрыть под маской строгости.

Луна тужится из-за всех сил, освещая каменистый ландшафт Караби яйлы, но так не вовремя выползшие тучи, сводят её старания на нет. Сгущаются тёмные тени, по душе Виктора словно провели кошачьими когтями — первый признак вздрогнувшей интуиции. Чувство опасности распускается как цветок дурмана, заставляет спину передёрнуться от озноба.

Виктор снимает автомат, оглядывается, вслушиваясь в малейший шум. Но цикады не замолкают, сверчки, как прежде поют, значит, здесь людей нет, это где-то в другом месте. Неужели у моря? Вроде берег там просматривается во всех направлениях, подобраться незамеченными крайне сложно... если конечно... не спать.

Виктор метнулся к берегу, затаился в кустах, высматривая тщедушную фигуру лаборанта, но его нет. Неужели спит под каким-нибудь кустом? Очень может быть, он недостаточно серьёзно отнёсся к поставленной задаче, но интуиция как бешеная собака сигнализирует об опасности.

Словно бывалый спецназовец, Виктор стремительно выкатывается на открытое пространство и бросается на песок, водит по сторонам стволом автомата. Тишина, лишь в море плюхнула рыбина, фыркнул дельфин, и пошла рябь.

Виктор легонько свистнул и прижался к земле. Выстрелов не последовало, но и отклика от лаборанта тоже. Тогда он становится во весь рост и бежит к лодке. У кустарника замечает тёмное пятно, словно землю полили гудроном. Присаживается, тыкает пальцем, подносит к носу. Кровь! Виктор резко прыгает к лодке, выглядывает из-за неё, палец на курке немеет от напряжения. Берег пустынен, лаборанта уволокли. Но кто, люди из группы Идара, или Вагиза? Один хрен, редьки не слаще, они сейчас в общей связке и их цели совпадают, хотя и ненавидят друг друга.

Виктор будит лагерь: — Нападение, — выкрикивает он, — всем взять оружие!

— Как, нападение? — Павел Сергеевич невероятно встревожен, но нож уверенно вытягивает из ножен.

— Лаборанта похитили.

— Кто?

— Откуда мне знать? Похоже, решил поспать, его и завалили.

— Убили? — восклицает одна из девушек.

— Кто его знает, но кровищи много.

Олег Васильевич действительно не умер, он приходит в себя и вновь сознание туманит дикая боль. Сквозь кровавые вспышки он два различает голос, ему приказывают идти, грубо встряхивают, красное пространство заполняет чернота.

— И всё-таки ты его сильно подрезал, — издали звучит голос.

— Слабая птичка оказалась. За лодкой потом прейдём.

— Придётся мочить, вырежем только печень и сердце, остальное не дотащим.

Эти жуткие слова врываются в сознание как бульдозер, выворачивая психику наизнанку. Неужели Виктор был прав, и людоеды существуют? Но это не должно быть реальностью.

— Мочи его!

— Я могу идти! — кричит Олег Васильевич.

— Очнулся, петушок, молодец. Тогда беги!

Он бежит, смешно переставляя ноги, его мотает из сторону в сторону, кровь непрерывно струится из раны, дурнота лезет к горлу. Но Олег Васильевич чётко знает, стоит ему упасть, и его тело будут потрошить как в мясной лавке.

Пытка продолжается с вечность, рана уже не болит, а как-то немеет, огонь в груди исчезает и ползёт леденящий холод. Вскоре силы иссякнут с вытекающей кровью, появляется безразличие, мозг не способен соображать и в этот момент его сбивают на землю.

Бьёт озноб, а рядом горит костёр, Олег Васильевич интуитивно ползёт к огню, натывается на обгрызенную кисть человеческой руки, дико вскрикивает, забивается под колючий куст. Хруст веток, около него останавливаются.

— Не надо!!! — Олег Васильевич заслоняется окровавленными руками.

Профессиональным движением ему перерезают горло, кровь выплёскивается вместе с хрипом и душа лаборанта, обретая небывалую лёгкость, несётся прочь от этого ужаса.

Павел Сергеевич закрывает лицо ладонями, затем трёт себе левый бок, на лице гримаса боли.

— Вам плохо? — подскакивает к нему Алёнка.

— Сильно жжёт.

— Присаживайтесь. Сейчас настой из пустырника принесу.

— Не надо... пройдёт... Олега спасать надо... немедленно.

— Завтра, — угрюмо говорит Виктор.

Павел Сергеевич едва не с ненавистью глянул ему в лицо.

— Сейчас нельзя, у них тоже есть АКМ, перестреляют из засады как воробьёв на ветке Утром... а Олегу мы сейчас не поможем.

— Любая минута дорога, — сквозь зубы цедит декан. — Давай автомат, я сам пойду.

— Чтобы сделать им подарок? Они отберут его у вас!

— Я, в своё время, на военных сборах офицером служил.

— Не стоит подвергать опасности всех остальных, — решительно отводит протянутую руку Виктор.

— Павел Сергеевич прав, дай нам автомат, — выступает вперёд Антон.

— Виктор, не хочешь с нами идти... отдай автомат, — неожиданно заявляет Алик, он как всегда с нервозностью теребит свою панаму.

— Вам, что не ясно, — появляется рядом с Виктором Нина, — это вверх безрассудства. Чётко же сказано, там засада!

— Да он просто струсил! — звенит мальчишеский голос Толи Белова.

Виктор отступает, крепко обхватив вспотевшими пальцами ствол и приклад.

— Дай! — тянет руки декан.

— А женщин с собой потащите или одних в лагере оставите? — раздаётся хорошо поставленный голос Викентия Петровича.

На некоторое время возникает тишина, затем, покраснев от прилива адреналина, звонко пищит Света: — Я с мужчинами пойду спасать Олега Васильевича!

Виолетта Степановна неодобрительно взбрыкивает чёрными бровями: — Угомонись коза, дело мужское, как они решат, так тому и быть, — она строго глянула на Павла Сергеевича и тот сникает.

— Право, даже не знаю, как быть, — нерешительно мямлит он, взирая на застывшую в неподвижности женщину.

— Мы всегда были наравне с мужчинами, — уверенно говорит Алёнка, трогательно сдувая непослушную чёлку со лба.

— Это так, — соглашается Нина, — но если мы все, ночью, угодим в засаду, нас перестреляют как глупых кур. Действовать необходимо с холодной головой, — она ободряюще глянула на своего мужчину.

— Ночью идти нельзя, — стоит на своём Виктор. — Мы задавим тварей, это я гарантирую, но сейчас они имеют преимущество.

— Я согласна, — прерывисто произносит Аня, — если зеки объединились с Идаром, тогда точно попадём в засаду.

— Кто такой Идар? — настораживается декан.

— Он страшный человек... он людоедам меня с Лёней отдал. В прошлом он служил, может даже, в ГРУ.

— Необходимо укрепление строить, дом свой защищать, — неожиданно изрекает Игнат.

— Чей дом? — напрягается Антон.

— Наш. Это теперь наш дом, — обводит вокруг взглядом Игнат.

— Со стороны скал мы защищены, с моря — более-менее, а вот с тех направлений можно ждать незваных гостей, — рассудительно произносит его напарник Саша. — Нас на берег с брёвнами выбросило, их там великое множество, можно укрепления построить.

— Какие укрепления, мы что, прятаться будем как последние труссы?! Нападать надо, только нападать! — с горячностью восклицает Толя.

— Лишь при крепком тыле возможен успех в военном деле, сын мой, — мягко говорит Викентий Петрович.

— Но там Олег Васильевич! — слабо протестует Толя.

— Его там нет, — печально изрекает батюшка, — он уже на небесах.

Воцаряется тягостная тишина, затем словно очнувшись, на него вопрошающе смотрит декан.

— Кровь чёрная, ему печень проткнули, а затем заставили бежать. При таких ранениях не выживают, я видел это на войне.

— Вы на войне были, батюшка? — раскрывает всю ширь светлые глаза Алёнка.

— Раньше я был офицером, многие горячие точки прошёл... а теперь служу богу, — смиренно опускает он голову.

— Так вы офицер спецназа? — обалдел Алик.

— Нет, сын мой, я священник. Дело говорит Виктор, утро вечера мудренее. Успокоимся, бог даст, изведём нечисть. А сейчас о ближних своих следует беспокоиться.

Отдавать жизни напрасно, нельзя, бог это не приветствует, но героям благоволит. Тяжёлый крест несёт Виктор, он обременён спасением наших душ и тел и как это он будет делать, не нам судить, — батюшка обводит всех взглядом и неожиданно изрекает, ввергая людей в смятение: — На нём печать свыше, я присягаю ему на верность.

— А это не слишком? — хмурится Антон.

— Я от своего имени говорю, — мягко произносит Викентий Петрович, — а каждый из вас сам будет решать, как жить.

Люди молчат, но агрессии в глазах уже нет. Виктор перекидывает автомат через плечо: — Лодку перенесите к палаткам и всем мужчинам на охрану границ, — произносит тоном, не терпящим возражений.

— Всё равно с утра надо зеков навестить, вдруг Олег Васильевич жив, — несколько примиряющее говорит Антон.

— Навестим, — кивает Виктор.

— Ты это, на меня не обижайся... он был для нас нормальным товарищем, немного нудным, но дело своё знал блестяще, теоретик высшей пробы, — Антон вздыхает и добавляет, — мы не против тебя, совсем нет, но мы действительно плохо тебя знаем. Завтра, когда пойдём, думаю, притрёмся друг к другу.

— Ты не пойдёшь, — отрезал Виктор.

— В смысле? — не понял Антон, в недоумении хлопнув глазами.

— Здесь останешься, будешь охранять лагерь, я с Аликом пойду.

— Ты не прав, — Антон угрожающе суживает глаза.

— В армии служил?

— Причём тут это, — обескуражено произносит он, — ну да, служил, до университета.

— Тогда это приказ.

— Приказ?!

— Да, — Виктор отворачивается, вся эта байда с выяснениями ему порядком надоела.

Лодку затягивают к палаткам, люди вооружаются ножами и топорами. Виктор, как ни в чём не бывало, спокойно раздаёт указания, теперь ему никто не перечит, все ощущают его силу и власть, да и призадумались над словами Викентия Петровича о его решении присягнуть. Люди интуитивно понимают, панибратски отношения друг с другом могут лишь помешать в условиях, когда за тобой кто-то охотится, как жизнь нужен вожак, вождь, царь, генеральный секретарь, президент... да какая разница как его можно обозвать, главное, чтобы он был за всё в ответе и принимал правильные решения.

Виктор устало присаживается к костру, автомат укладывает под правую руку, а под левую к нему прильнула Нина. Он с нежностью прижимает женщину к себе. Она едва не замурлыкала от этой ласки, обвивает его руками, жарко дышит и слегка улыбается.

— Устала? — целует её в губы.

— Она мгновенно отвечает, слегка отстраняется, серьёзно смотрит в глаза: — Испугалась. Как начало у всех «крыши» сносить, так жутко стало... батюшка молодец.

— Профи, — кивает Виктор.

— Как дальше будет? — Нина вновь забирается ему под плечо.

— Слабину дам, людей разочарую. Им сейчас крепкая рука нужна. Они правы, прощать нельзя, если дали по правой щеке, заряди между глаз так, чтоб искры посыпались, иначе рабами сделают.

— С этим вряд ли батюшка согласится, — опускает взгляд Нина.

Виктор некоторое время молчит, затем уверенно говорит: — Викентий? Да он первый в морду даст!

— Не по-божески как-то.

— Кто сказал? — в удивлении поднимает бровь Виктор.

— В Библии иначе написано.

— Вспомнила, — улыбнулся мужчина.

— Я о ней сейчас часто вспоминаю, — вздыхает женщина.

— Насколько мне известно, самоубийство — смертный грех. А сидеть, сложа руки и не брыкаться, когда тебя поволокут на бойню — это самое настоящее самоубийство, преступление перед богом. Нет греха в том, что спасая себя и близких, приходится давить тварей.

— Значит, пойдёшь завтра... то есть уже сегодня? — в словах женщины мелькает страх.

— Обязательно. Если даже не получится наказать гадов, по крайней мере, проведём разведку. Я чувствую, что-то начинает происходить, словно мощный маховик стронулся с места, раскрутится — не остановишь, перемелет зубцами в труху.

— Ты мой маховик, — Нина украдкой оглядывается и впивается в его губы страстным поцелуем.

Виктор отвечает, но к своему удивлению чувствует пустоту в душе, словно в преддверии смерти. Это сочетание страсти и неопределённости вскружило голову, он встаёт, рывком поднимает женщину: — У нас есть ещё один час, — шепнул он дрожа.

Нина неожиданно всхлипывает: — Мне кажется, тебя ждёт... — она не договаривает, лишь слёзы жемчугом скатились с лица.

— Пустые страхи, — говорит Виктор, но мрачнеет, его интуиция, сволочь этакая, словно ледяными пальцами обхватывает сердце. В любой другой момент он послушался бы её, но сейчас нет никакой возможности, за ним стоят люди, желающие мщенья.

В неуклюжем доме, который он выстроил собственными руками, так уютно и хорошо, а рядом с ним любимая женщина. Она отдаётся ему со страстью молодой любовницы, а в глазах преданность жены.

Сквозь щели, изображающие окна, проникает серость рассвета. Виктор открывает глаза, пора. Как тягостно уходить, здесь тепло и спокойно, а Нина спит, такая нежная и трогательная. Виктор берёт автомат, щупает ножны, они пустые. Нож придавлен телом женщины, вероятно, он выпал, когда они были в объятиях. Нет, будить её он не станет, сил нет, впрочем, автомата вполне достаточно.

Вздрагивая от сырости, Виктор бежит к палаткам. Горит костёр, мужчины не спят, ему протягивают поджаренного голубя.

— Доброе утро, — здоровается он, присаживается, с аппетитом ест, тонкие косточки голубя хрустят на зубах, сочное мясо придаёт уверенность и даже интуиция уползает в подсознание и лишь в глубине холодит сердце.

Подходит хмурый Алик, придерживая панаму у левого глаза.

— Кто это тебя? — узрев хороший синяк под глазом, удивляется Виктор.

— Так, — неопределённо произносит он.

— Аньку с Игнатом не поделили, — хихикнул Антон.

— Я ему тоже вмазал, — со злостью выпалил Алик. — Чего это он на чужих женщин заглядывается!

— Да, конечно, вмазал, если бы я не подоспел, он тебе как курёнку шею отвинтил

бы, — хохотнул Антон. — А крепкий мужик, Игнат, а борода какая, Анька явно в его бородищу влюбилась, вот отрастишь такую, и у тебя шанс появится, — дурачится его друг.

— Не хорошо это, — сурово двинул бровями Павел Сергеевич, — надо всё по интеллигентному решать. А вы как считаете? — в упор обращается он к Виктору.

— Я? — отрывается от голубя мужчина. — Тоже в драку полез. Свою женщину в жизнь не отдал бы.

Алик опускает взгляд, хмурится ещё сильнее, козлиная бородка обвисает, но вдруг задорно вздёргивается: — Ничего, Анька всё равно будет со мной... запуталась девка.

— Верно, со многими пугается, — не к месту вякнул Антон и едва увернулся от хлёсткого удара.

— Э нет, — на этот раз резко противится Виктор, — у нас не детский сад. Всё, Алик, пора, — он встаёт, швыряет в огонь обглоданные косточки. — Павел Сергеевич, организуйте охрану лагеря, Игната с Сашей отправьте на лодке за брёвнами, пусть хоть сколько привезут. А ты, — Виктор останавливает взгляд на Викентии Петровиче, — сигнальные ловушки поставь.

Караби яйла просыпается. На свинцовом море с опаской пробегают акварельные блики от порозовевшего горизонта, потянуло свежим ветром, бежит рябь, отбрасывая медные отблески. Далеко в море показывается знакомое стадо косаток, в последнее время они часто подплывают к побережью, где-то в увязнувших в море скалах, расположились морские котики. Вода, если так можно сказать, несколько прогрелась и сейчас в неё можно погружаться по пояс, без риска отморозить себе пятки. Конечно, море всё равно холодное, ближе к четырнадцати, но не одиннадцать, как это было месяц назад. Всё равно Виктор вздрагивает, когда, зачерпнув воды, резко обливает голову, пытаясь прогнать сонную вялость — результат бессонной ночи. Алик тоже умывается, с удовольствием фыркает, встряхивает козлиной бородкой, утирается панамой, давно потерявшей первоначальную форму, жизнерадостно улыбается, ослепляя мир, синим фингалом: — Хорошая водичка, бодрящая, искупаться бы, да идти надо, — Алик проверяет остроту ножа, сбривая волоски на руке, всовывает в ножны, с завистью смотрит на автомат.

— Косатки что-то волнуются, — раздувая ноздри, Виктор смотрит вдаль.

Алик подходит к нему, тень набегает на лицо: — В море лодка... перевёрнутая.

— Да, — соглашается Виктор.

— Вдруг там люди? — всполошился Алик.

— Их сейчас там нет, — Виктор морщится, словно от боли, ему нравятся эти морские звери, но человек их обидел, он вспоминает слова Ани, говорившее, что по косаткам стреляли из пистолета, а они злопамятные — не простят.

— Может, свою лодку спустим?

— Чтоб они и нашу перевернули.

— Откуда она здесь появилась? — задумался Алик.

— Сейчас в море много островов... с какого-нибудь из них.

— Значит и людей много? — в надежде у Алика разгораются глаза.

— Не думаю что много, но однозначно есть, — кивает Виктор. — Четырдаг над водой, Карадаг, Ангарский перевал, Демерджи, Ай-Петри...

— Красивые места, дикие, — кивает Алик, — но жрать там нечего.

— Захотят, найдут, — жёстко отвечает Виктор.

Он последний раз глянул на резвящихся косаток и сворачивает вглубь холмов и скал. По

берегу идти нельзя, мигом засекут, необходимо выбрать такой путь, где нет постов и ловушек. Очень волнует Идар, даже больше Вагиза. Виктор уверен, главарь зеков недолго будет хозяином этих мест, автомат, конечно, козырь, но его можно и отобрать. Для Идара это дело времени, если конечно он действительно был офицером ГРУ.

Интуиция, сигнализирующая об опасности и некоторое время выжигающая сознание, трансформируется в адреналин и теперь бодрит кровь, вызывая возбуждение, похожее на радость. Хочется быстрее подойти к Чёрному монастырю, но опасно и приходится обходить удобные тропы, забираясь на кручи, рискуя сорваться, но выхода нет, Виктор знает — их ждут. Как бы их перехитрить? Где бы найти такое место, откуда можно расстрелять людоедов и избавиться от одной из проблем? А затем можно будет вплотную заняться Идаром Сергеевичем. Виктор знает, им будет тесно на этой земле, кому-то придётся уйти.

К Чёрному монастырю мужчины подходят с тыла, взбираются на соседнюю сопку и замерли за туром. Пещера отсюда не видна, её заслоняют деревья и многочисленные скалы, но дым от костра ощущается, он вновь тягучий и сладковатый.

— Твари, — судорожно вдыхает Алик, он догадался, кого сейчас готовят на огне.

— Придётся ниже спуститься, отсюда нам до них не дотянуться. Вот что, — Виктор передаёт автомат Алику, — я пойду на разведку, а ты, если что, меня прикроешь.

— Давай лучше я схожу.

— Нет, — качнул головой Виктор.

Алик помялся немного, вздыхает: — Я с автомата ни разу не стрелял. Давай ты меня будешь прикрывать, а я всё разведваю.

Виктор задумался, вроде напарник прав, но, так не хочется им рисковать, горячий он очень, ей богу влипнет в неприятность: — Нет, ты меня будешь прикрывать. Вот, смотри, это снимается предохранитель, здесь переключаются режимы стрельбы. А стрелять легко, нажимаешь на курок и поднимаешь ствол выше этих деревьев, чтобы меня не задеть. Под шумок я вырвусь... если попаду в засаду.

— Все же... — Алик пытается его остановить.

— Тебе с Анькой ещё надо разобраться, — хмыкает Виктор и ободряюще хлопает по плечу.

Он скатывается вниз, замирает между камней, прислушивается к птицам. Они щебечут, в воздух не взлетают, значит, пока их никто не вспугнул, можно пробежаться до лесочка. Ещё один рывок, вот он замирает у корявого дерева, оглядывается через плечо. Какая досада, обломок от скалы заслоняет сопку, где притаился Алик. Ладно, вроде тихо, Виктор ползёт к заросшему низкорослым лесом склону. Камень вырывается из-под ноги, с шелестом скатывается вниз, Виктор вжимается в землю, неприятно дрожат руки, щупает пояс, натывается на пустые ножны, застывает в оцепенении, как же он забыл про него! Но никто не выскакивает, Виктор немного успокаивается, слегка отдышался, спускается ниже. Запах от костра сбивает дыхание, тошнота подкатывается к горлу. Странно, птицы молчат. Виктор крутит шей, вслушивается в малейший шум, вроде слышит мужской говор. Неужели людоеды все собрались у костра? Да быть того не может, наверняка где-то есть засада. Но где? Так... вон на том возвышении вполне возможно есть наблюдательный пункт, за теми камнями — тоже есть вероятность. Ага, если протиснуться в щель между этими скалами, можно скрыться из сектора обзора.

Он протискивается в узкую щель, пугая жирных мокриц и наглых сороконожек, ползёт, словно червяк, выбирается с другой стороны склона, выглядывает и мгновенно замечает

костёр и сидящих рядом зеков. На краю их лагерь он видит человека в куртке Олега. Он привязан к дереву и явно живой.

Людоеды расположились достаточно далеко от несчастного. Очень даже возможно подобраться к лаборанту не привлекая внимания. Затем по этой щели можно уйти. От возбуждения Виктора сотрясает дрожь, плотно сжимая губы, выбирается из укрытия. Какая удача, людоедов заслоняют разлапистые кусты! Виктор почти приблизился к лаборанту.

«Вот он, нудный Олег Васильевич, вытащу его отсюда в лагере морду набью», — эти мысли сладко туманят мозг. Главное, чтобы тот не заорал от неожиданности.

Лаборант елозит под деревом, пытаюсь освободить верёвки. Странно, крови невидно. Виктор на мгновение останавливается, но отбрасывает из головы «глупую» мысль, тихонько зовёт: — Олег, это я, не кричи, сейчас я тебя развяжу.

Лаборант напрягается, шапка сползает с головы, верёвки сами собой развязываются и Виктор встречается с торжествующим взглядом Репы: — Кореша, я его поймал! — орёт он благим матом.

Виктор мертвеет, ноги немеют, но зарычав словно зверь, бросается прочь. Его бьют прикладом автомата. Вспышка, мир меркнет: «Как бездарно», — мелькает напоследок мысль.

Его окатывают водой: — Так вот ты какой, залётный, — звучит хриплый голос Вагиза. — Очнулся? Это хорошо, поговорим, нам есть что перетереть.

Виктор с трудом открывает глаза. Его переволокли к костру, у которого с безучастным видом сидит тот, кого Вагиз назвал поваром, он подкидывает дрова, ворошит палкой угли и всё так же жуёт. На корточках сидят Репа и Бурый, весело скалятся, шестёрка яростно вращает глазами, всё порывается двинуть ногой, но получает крепкий подзатыльник от Вагиза. Сам он перекинул автомат через плечо и внимательно смотрит в глаза Виктору, с задумчивым видом трогает чёрную бороду.

— Человек, ты Вована и Хмару замочил. Знаешь, что тебе за это будет? Сизый, хватит жрать! — неожиданно взрывается Вагиз, но повар не реагирует. — Вот так постоянно, — смягчается Вагиз, — всегда жрёт, ни на что не реагирует. Настродался пацан, его менты полгода прессовали, высох весь, вот теперь отъедается, благо мяса сейчас в избытке. А ты... случаем не мент?

— Нет, — Виктор с трудом сдерживает рвотные позывы, он видит, как Сизый объедает человеческие пальцы.

— Это хорошо, мне в падлу с ментами разговаривать. Вован и Хмара правильными ворами были, но даже дело не в этом, все мы под богом ходим, — Вагиз крестится и это смотрится столь дико, что у Виктора округляются глаза. — Что zenки вылупил? Ну да, я верую в бога, без этого никак нельзя... без покаяния. Покаешься, и так на душе легче становится, весь мир цветными красками наливается. Знаешь, — Вагиз присаживается рядом, — а мы тебя не будем убивать, ты автомат принеси. Чужая ведь вещь, а воровать не хорошо, — с укором произносит он.

Виктор молчит, в голове с трудом ворочаются мысли, словно увязли в тягучем гудроне, выхода нет, как глупо, так бездарно, а сколько планов на будущее было.

— Не хочешь разговаривать? — мягко произносит чернобородый. — Зря, скоро петь будешь как пташка. Мы тебя живьём кушать будем... отрежем часть тела, запечём на угольках, пока рук и ног не останется, «самоваром» станешь. Отгадай загадку. Без рук и ног, а пыхтит громко.

Зеки по достоинству оценили шутку, раздражались как взбесившиеся лошади, даже Сизый очнулся, повёл совиными глазами, обжог взглядом Виктора и вновь объедает человеческие пальцы.

— Вы не люди, — помертвев, произносит Виктор.

— Люди, не люди, заладил! — Вагиз вскакивает, сдёргивает с плеча автомат, прицеливается, но неожиданно отшвыривает его далеко в сторону. — А сам то, замочил двух человек! Витёк, двинь меж рёбер, да так, чтоб с хрустом, — обращается он к шестёрке.

Виктор едва успевает выдохнуть воздух из лёгких, сильный удар едва не ломает рёбра, второй целит в лицо, заслоняется локтями. Витёк заходится и не может остановиться, он дёргается словно в экстазе, с остервенением нанося удары.

В голове словно рвутся снаряды, вспышки слепят внутреннее зрение, появляется чёрный шар и Виктор теряет сознание.

Холодная вода приводит его в чувства, голова как чугунный котёл, губы разбиты, с подбородка свисает кусок кожи и на грудь льётся тягучая кровь, горит всё тело, но рёбра вроде целые, не сумела эта мразь их сломать.

— Ты как? — Вагиз вновь сидит на корточках. — Болит? Витёк у нас очень чувствительный пацан... как заведётся. Первый срок получил по малолетству, свою сеструху, четыре часа бил ногами, а она то, дура, оказывается, после первого уже удара ласты склеила. Так что напрасно её братец столько сил тратил, но в этом он весь. Но, в общем, он правильный пацан. А знаешь, ты мне нравишься, не скулишь, взгляд волчий. Таких как ты можно смело на дело брать, — Вагиз улыбается в чёрную бороду, — ты только автомат принеси, и я тебе даю честное слово вора, тебя отпустим... вот, только Аньку отдай, запал я на неё.

— И что все так к Аньке прикипели? — внезапно раздаётся весёлый голос.

Вагиз подпрыгивает на месте, Бурый выхватывает нож, но короткая очередь прошивает ему руку. Он с проклятиями падает, вцепившись зубами в землю. Сизый медленно встаёт, безучастно хлопает глазами, но пальцы проворно скользят к рукоятке ножа, ещё один выстрел делает в его черепе аккуратное отверстие.

— Вагиз, не доводи до греха, — вновь звучит насмешливый голос.

— А-а-а, менты пога-аные! — голосит Витёк и бросается прочь. Выстрел в ногу валит его на землю. Витёк катается как придавленная автомобилем собака, кричит, рыдает, выкрикивает ругательства, зовёт маму.

— Всё-всё, — Репа поднимает руки, садится на корточки, заламывает локти над головой.

— Идар, это ты? — в потрясении спрашивает Вагиз.

— Зачем автоматами разбрасываешься? — Идар появляется в окружении двух крепких парней.

— Знал, что ты гнилой, — сплёвывает Вагиз.

— Где наш мент, случаем, не сожрали его? — повёл стволом Идар.

— За кого ты нас держишь, Сеня под тем деревом.

— Скажи Репе, чтоб развязал его. А этот кто? Узнаю, огрызки у нас подбирал. Ты зачем это делал? — Идар впери́л в Виктора изучающий взгляд.

Впору радоваться, помощь пришла так вовремя, но что-то гнетёт в душе, похоже, сегодня не его день, но он решает не нарываться на грубость, спокойно отвечает: — В огрызках косточки, протеин, — Виктор не стал делиться секретом.

— Умно, — качнул головой Идар. — Надо взять на вооружение. Нам дашь жменьку?

— Дам, — просто отвечает Виктор.

— Спасибо, — улыбается Идар, — и всё же ты врёшь, — морщится он и вновь обращается чернобородому: — Второй автомат где?

— У своего приятеля спроси, — усмехается Вагиз.

— Что так? Неужели он у вас его стянул?

— Хмару замочил.

— Дела, — удивляется Идар. — А ты не прост, как показался вначале. Что ж, придётся с тобой пообщаться. Подойди ко мне.

Виктор с трудом поднимается, ноги неприятно дрожат, каждое движение отдаётся болью в почках и печени.

Тем временем Репа развязал Сеню и тот, покачиваясь, двинулся к своим товарищам. Неожиданно Вагиз дёргает его к себе, выхватывает нож и приставляет острое лезвие к кадыку: — Дай нам уйти, Идар!

— Да кто ж вас держит, — спокойно говорит он, но в глазах колыхнулся свинец. — Ты мента освободи и можете уходить.

— Мы к Голубянке отойдём и там его отпустим.

— А если нет?

— Слово вора.

— Хорошо, Вагиз, иди, но береги здоровье. Если к вечеру наш мент не придёт на стоянку, я организую на тебя охоту.

— Нема базару, — пятится Вагиз, а за ним и вся его подвывающая свора.

Людоеды словно растворяются в лесочке и, будто их и не было, лишь костёр дымит, да поджаривает человеческое мясо, источая зловоние.

— Сейчас рыба в море появилась, можно было уже и не есть людей, — воротит нос от костра Идар.

— Они от человечины уже не откажутся, — Виктор пытается изучить его лицо, но оно не выражает сильных эмоций, такое простое и располагающее к себе.

Идар подмигивает ему: — Это ты правильно заметил, выродки. Ты вообще один или с командой?

— С Аней, — осторожно произносит Виктор.

— Так идите к нам, хорошие люди нужны... автомат захвати... кстати можешь его за собой оставить. Стреляешь как?

— Не жалуюсь.

— Спецназ?

— Было дело, — врёт Виктор.

— Что ж попался так глупо? — располагающе улыбается Идар.

— Чихнул не вовремя, — угрюмо буркнул Виктор.

— Да-да, бывает, — с насмешкой кивает мужчина. — Так ты с нами или как?

— Подумаю.

Идар в удивлении поднимает брови: — А что тут думать, с Аней долго не продержишься, и автомат не поможет. Вагиз злобу затаил, да и вообще... жирно одному такое оружие иметь. Если ты не с нами, придётся его отдать, сам понимаешь, у нас народ, его необходимо защищать, а у тебя, лишь Анька, — весело смеётся Идар. — Вот что, время у меня есть, сходим к твоему схрону и всё решим миром, можешь в нашу команду влиться или

жить отшельником. Да, если не захочешь с нами, Аньку придётся вернуть, она привыкла к обществу, а с тобой одичает.

— Так, любовь у нас, — дурачится Виктор.

— К ней? Не обманывай, ты не из тех людей, тебе амазонку подавай, — Идар моментально раскусил Виктора. — Из всего этого следует, ты не хочешь нам помочь. Зря. В любом случае отдашь АКМ, если не завтра, так через недельку. Таблеток развязывающих язык у меня нет, но иголки имеются, — обыденным тоном произносит он, но у Виктора внутри всё холодеет, но он говорит без дрожи в голосе: — Звучит убедительно, сразу видно, ты человек действия. Я бы с радостью метнулся и принёс автомат, но сдаётся мне, ты после этого от меня избавишься.

— Бог с тобой, зачем?! — Идар театрально всплещивает руками.

— Я это вижу в твоих глазах.

— А что ты ещё в них видишь? — в его голосе звякнул металл.

— Иголки.

— Значит готов к пыткам? Это делает тебе честь, — Идар с уважением наклоняет голову. — И всё же, я вполне серьёзно хочу предложить тебе место в нашей команде. Более того, мы тут недавно группу туристов отловили, одного можешь забрать.

— В виде раба? — насмешливо тянет Виктор.

— А почему нет? Хотя, если появится желание, можешь сделать его свободным, вмешиваться не буду.

— Заманчиво, — Виктор лихорадочно ищет выход из создавшегося положения, — и всё же, дай мне подумать, хотя бы одну ночь.

— Убежать хочешь? — склоняет голову Идар.

— Ты не дашь мне этого сделать.

— Определённо. Но эта просьба мне не нравится. Может, иголки попробуем?

— Не надо... ночь, всего одну ночь дай.

— Хорошо, — Идар с удовольствием смотрит на свой автомат, — хотя это не в моих правилах, но чувствую, ты не простой человек. Ты прав, тебя нужно или убить или дружить. Мне бы хотелось последнее, — искренне говорит он.

— Даёшь мне ночь?

— Будет тебе ночь, но утром принимай решение, — с неудовольствием произносит Идар.

Виктору стягивают руки верёвкой, один из мужчин наматывает конец на руку и группа тронулась.

Проходя мимо сопки, где залёг Алик, Виктор из-за всех сил старается сохранять безразличие и не выдать своё волнение, только бы тот не пульнул сгоряча, тогда точно — в живых не оставят. Хотя, будущее не очень хорошо пахнет, душа Виктора покрывается инеем, когда начинает думать о предстоящих пытках. А может пусть идёт всё к чёрту, отдать автомат и влиться в команду Идара? М-да, перспектива та ещё, рабами сделают и Нину отберут... нет — лучше пусть будут иголки... выдержать бы только. Как бы хотелось знать, что такое настоящая боль? Можно ли её вытерпеть? Виктора начинает мутить от безысходности и страха, но внутренний стержень становится только крепче, мужчина всё для себя решил, пусть хоть кости камнями дробят, но Нину на поругание не отдаст. Странно, но в данный момент, когда Виктора ведут как барана на убой, он не вспоминает о группе спелеологов, все его мысли только о своей женщине и это даёт ему решимость и силу. Чтобы

отвлечься от гнетущих мыслей, Виктор непринуждённо спрашивает:- А как там Дмитрий Леонидович поживает?

— А зачем ты об этом спрашиваешь? — с интересом глянул на Виктора Идар.

— Так. Вроде как он ваш босс...

— Да какой же он босс? Слабым оказался, всю свою силу в деньгах держал, а как их не стало, сдулся как мочевой пузырь. Ещё по привычке пытался воду мутить, но пару раз носом ткнул в дерьмо, таким шустрым и обходительным стал. Я его надсмотрщиком назначил, в этом деле он просто великолепен... с такой любовью себе плётку изготовил. Как говорить, наконец-то он нашёл себе работу по душе, так отрывается, жирная сволочь, душа радуется, — смеётся Идар.

— Порядки у вас, — неодобрительно говорит Виктор.

— А иначе нельзя, не выживем. А ты знаешь, моя мечта создать что-то подобия римской империи, — не удержавшись, выпалил Идар и даже краснеет от переизбытка чувств.

— Смешно, — хмыкает Виктор.

— Да брат, смешно, — кивает Идар, — сейчас смешно. Помог бы ты мне в этом начинании.

— В качестве кого? — с насмешкой глянул на него Виктор.

— Префекта лагеря, — серьёзно заявляет он.

Да, далеко зашёл. А ведь как не крути, на полном серьёзе планирует Нью-Рим создать, Виктор хочет рассмеяться, но неожиданно позавидовал — ему ясна конечная цель, а я даже не знаю с чего начать. Единственно точно знаю, рабства у нас не будет, и всё же Виктор не удержался и шутит: — Префект лагеря — это завхоз по-нашему?

— Уловил суть, — с интересом глянул на него Идар, — но не совсем завхоз — боевой завхоз, — уточняет он.

— Лестное предложение, — Виктор хотел почесать отрастающую бородку, но его сильно дёргают за верёвку и он едва удерживается на ногах. — Я подумаю над твоим заманчивым предложением.

— Подумай. У тебя целая ночь, — обнажая белые ровные зубы, улыбается Идар.

Виктор ожидает, что они подойдут к морю, но его ведут на скальное возвышение. Долго карабкаются по тропе вверх и упираются в завал из камней, в центре которого виднеются грубо сколоченные из досок ворота. Двое мужчин выглянули из-за камней, увидели Идара, поспешно открывают створки, скалясь в добродушных улыбках, оглядывают Виктора: — Ещё один раб?

— Ваш потенциальный начальник, — невозмутимо изрекает Идар, — повергая в недоумение охранников.

Виктора втягивают за завал, и он едва не присвистнул от неожиданности и удивления. Перед его взором возникает обширная поверхность, на которой ударными темпами строятся жилища. У склона скалы роется бассейн, куда уже стекает вода из родника, дымятся костры, жарится и коптится рыба, голуби и даже истекает жирком на вертеле настоящая дичь. При внимательном рассмотрении, ею оказалась собака.

— Круто! — не в силах сдержать эмоции, выдыхает Виктор.

— Так может тебе уже и ночь не нужна, чтобы дать мне ответ? Могу хоть сейчас развязать верёвки, — предлагает Идар.

— Голова кругом идёт, надо бы поразмыслить, — действительно задумывается Виктор.

— Как хочешь, — немного разочаровался Идар.

Почти мгновенно появляется Дмитрий Леонидович. Виктор едва узнаёт его, он похудел, взгляд из покровительственно-ленивого трансформировался в лихорадочно-злой, в руках держит плеть: — Ба, старый знакомый! — радуется он. — Куда его, камни крошить или бассейн рыть? — он с жадным интересом бросает взгляд на автомат, висящий за спиной у Идара.

— Не рви жопу, он не пленник, а гость. Отведи в грот и охрану выставь. Еды принеси, питья и одеяло. Не вздумай его тронуть и следи, чтобы не убежал, не то женщину отберу и шкуру спущу, ты меня знаешь... Дима.

— Как не знать, пять лет службу у меня исправно нёс, — краснеет от злости бывший босс.

— Не завидуй, это грех, — ласково произносит Идар. — Ничего личного, — добавляет он, — просто ты слабым оказался, а здесь такими быть нельзя, — унижает он его.

Дмитрий Леонидович с ненавистью глянул на Виктора, словно он виновник во всём этом, хлестнул по воздуху плёткой: — Пойдём, гость, — ехидно говорит он и перехватывает верёвку.

— Тебе женщину на ночь дать? — вдогонку предлагает Идар.

— Обойдусь, — скривился Виктор.

— Зря. Тут Эльза мается. Ах да, забыл, что она там со своими козьими сиськами против Анькиного силикона! — взрывается хохотом он.

Неприятно саднит разбитый подбородок, болят рёбра и отбитые внутренние органы, а Дмитрий Леонидович зло тянет за верёвку, сознательно причиняя Виктору немалые страдания. Но Виктор относится к этому философски, этот человек сейчас взвинчен, пожалеть его только можно, ещё неизвестно, кто в лучшем положении он или Дима. Быть управляющим крупной компании и так низко пасть без шансов подняться, Идар уж постарается этого не допустить. Хотя, впору себя пожалеть, будущее расплывчатое.

Виктор взглядом лихорадочно шарит по сторонам, но с огорчением понимает, бежать с закрытого неприступными скалами участка нереально, да и любопытных глаз много.

— Надеюсь, ты недолго будешь в гостях у Идара, — Дмитрий подводит к скале, где чернеет углубление, перегороженное деревянными щитами, брёвнами, каменными глыбами и свистом подзывает одного из своих бывших охранников.

— Так это и есть ваша самая лучшая гостиница? — хмыкает Виктор.

— Моя мечта её расширить... гости сейчас прибывают... особенно ретивых здесь помещаем. Кстати, для сведения, бежать и не думай, впереди обрыв и сразу море, туда мы скидываем остатки от еды, так что акул там развелось во множестве, да и косатки, иногда, подходят, а я заметил, они не любят людей.

— Конечно, стрелять по ним из пистолета, кому понравится, — с иронией произносит Виктор.

— Голод начался, вот и попробовали одну подстрелить.

— Глупо. Их из пулемёта не убить.

— В тот момент некогда было думать о таких мелочах, одна из косаток почти к самому берегу подошла. Идар хотел ей в мозг попасть, но только разозлил. Теперь в море за рыбой проблема выходить, они любой плот разбивают.

— Зря вы с этими животными поссорились.

— Чему быть, тому не миновать, — Дима в раздумье хлопает плёткой по своей ноге. — А скажи, почему к тебе такой интерес? При первой встрече, ты не произвёл на меня должного впечатления, рассмешил с этими огрызками. Что Идар от тебя хочет?

Виктор на некоторое время задумывается, вглядывается в глаза Дмитрию и видит в них жадный интерес вперемешку с взглядом побитой собаки. А ведь он всей душой ненавидит Идара, может, использовать сей шанс?

— Чего мы топчемся на пороге? — многозначительно произносит Виктор.

— Да, действительно, — Дима глянул на стоящего рядом охранника, — Сан Саныч, смотри, чтобы он не убежал, не то с нас обоих шкуру снимут.

— Она у меня слишком жёсткая, — хохотнул охранник.

— Не для Идара, ты ведь знаешь, — Дима вталкивает Виктора в грот, тащит в высохшему пещерному органу, привязывает к каменному наросту. — Ты что-то хотел мне сказать?

— Предложить.

— Даже так? И что именно?

— Я хочу предложить вернуть тебе свой бывший статус.

— Каким образом? Застрелить Идара? — усмехается Дима.

— Тоже решение, — серьёзно произносит Виктор.

— Шутки шутишь? — холодно глянул на него бывший управляющей крупной компании.

— Он тебя за шута держит, видно невооружённым глазом.

— Это ты зря говоришь, — с угрозой расправляет плеть Дима.

— Не торопись, если я с тобой сейчас не договорюсь, у тебя будет время опробовать плётку на моей спине.

— Я не собираюсь с тобой договариваться, — Дима оглядывается через плечо, охранник возится у входа и он достаточно далеко, чтобы слышать разговор, — но ради интереса, я готов выслушать твоё предложение.

— У меня тоже имеется АКМ и пара почти полных магазинов.

— А, теперь понятно, почему с тобой цацкается Идар.

— Я хочу заключить с тобой сделку. Ты меня отпускаешь, а я тебе отдаю АКМ.

Дима почти с радостью качает головой: — Ты меня за полного лоха держишь? Твоё предложение отдаёт тухлятиной, нельзя же так грубо, я ведь не в том возрасте, чтобы верить на слово. Даже если ты искренен в своём обещании и передашь мне автомат, хотя я уверен, ты блефуешь, я и с ним не полезу на Идара, он профи.

— Я тебе помогу...

— Пошёл ты! — Дима зло сплёвывает и неожиданно с размаху бьёт плетью, рассекая Виктору руки до крови: — Это тебе за утраченную выгоду. Ни воду, ни еду тебе сегодня не принесут, — напоследок говорит он и уходит.

— Облом, — сам себе говорит Виктор, — что ж, будем искать другой путь.

К уродливой двери с грохотом придвинули камень. Виктор пытается вывернуть связанные руки из-за спины, но растяжки не хватает, то, что он не раз видел во многих фильмах, не прокатывает. В щель между досками, словно в смотровое окошко камеры, заглядывает Сан Саныч и спокойно произносит: — Узлы надёжные, причем самозатягивающиеся, чем больше дёргаешься, тем сильнее стягиваются. Ты аккуратнее, иначе кровь по венам перестанет циркулировать, — заботится он.

— Спасибо Сан Саныч, — Виктор как червяк заползает спиной на стенку, прислоняется и переводит дух, возня с верёвками его вконец доконала. — А ты из бывших спортсменов? — отдуваясь, спрашивает он.

— Как сказать, — спокойно отвечает Сан Саныч, — если брать большой спорт, то из бывших. А так, всё ещё продолжаю заниматься спортом, среди ветеранов — чемпион Европы.

— Здорово, — хвалит его Виктор. — Тогда мне и вовсе не понятно, почему такой заслуженный человек в обычных охранниках?

— Мне уже за пятьдесят, куда такого старпёра как я возьмут, — со смешком отвечает он.

— Но выглядишь на сорок, — неумело льстит Виктор.

— Это внешне, а внутри уже мотор барахлит, — охотно принимает лесть Сан Саныч.

— Работа нравится? — осторожно спрашивает Виктор.

— Так не привыкать, — радостно отвечает он, — в девяностых рекетом занимался. Тогда времена были лихие и я был ещё тот бычок, молодой, с перспективой. Жаль ушло то время, а было так интересно, — взгрустнул охранник.

— А я тогда совсем молодым был, всё как-то мимо прошло, но стрельбу по ночам иногда слышал.

— Тогда много стреляли, — ностальгически вздыхает Сан Саныч.

— Любишь стрелять?

— Конечно, — легко говорит он, — я же по горячим точкам прошёлся, оружие для меня больше чем женщина.

— Занятно, — усмехается Виктор. — А ты знаешь, почему Идар меня здесь держит?

— Да мне неинтересно, стараюсь не вникать, так правильнее... для обычного охранника, — в голосе Сан Саныча впервые появляются нотки неудовлетворённости.

— Так получилось, что у меня есть калаш, зека грохнул, а Идар хочет его присвоить.

— Это его право, — в интонациях Сан Саныча появляется интерес.

— Но ему не отдам.

— Отдашь, — спокойно говорит охранник.

— Нет, не отдам, даже если кости дробить будете, — жёстко отвечает Виктор. — Вот если был бы у меня напарник... такой боевой как ты, ему отдал бы, сам-то я не ахти какой стрелок. У меня мысли появились свою бригаду создать, на плато немало людей, глядишь, и подвинули бы Идара с помощью... тебя, — в лоб говорит Виктор. — На мой взгляд, ты ещё не такой уж и старпёр, потенциал... дай бог каждому, чемпион Европы. Быть охранником, не твоё место, со мной будешь полноправным компаньоном.

— Вот так всегда, только начинаешь к человеку проникаться уважением, так сразу дерьмо выползает. Я не крыса, уважаемый! — словно выплюнул Сан Саныч.

— Причём тут крыса, можно и не двигать Идара... создать что-то своё.

— Нет... с тобой я ничего создавать не буду.

— Всю жизнь проходишь в охранниках, и Дима будет тобою понукать... эта тупая свинья, — с расстановкой произносит Виктор и мгновенно понимает, своими словами попадает точно в цель. Сан Саныч недовольтно засопел и даже с шумом высмаркивается.

— Не мне решать кто надо мною начальник, — со злостью говорит он.

— Сугубо рабская философия, — нарочито громко фыркает Виктор.

— Я не раб! — едва не выкрикивает Сан Саныч.

— Все вы тут... рабы. Косите под свободных, а Идар вас ни во что не ставит, что захочет, то и сделает.

— Не тебе судить, — глухо произносит охранник.

— Мне то что, завтра мне все кости переломаете, а ты как ходил в рабах, так и будешь ходить, а ведь шанс у тебя есть.

— Нет у меня шанса, — скрипнул зубами Сан Саныч и прикрывает щель неструганной доской.

«Вновь облом, что-то другое думать нужно», — с грустью думает Виктор. Он оглядывается, едва просвечиваются силуэты нависающих стен, лучики света бьют лишь с заваленного выхода, во всех других местах — тьма.

Для начала надо как-то развязаться, Виктор с силой повёл запястьями и почувствовал, как верёвка ещё сильнее стянулась. М-да, умеют узлы вязать, совсем пальцы онемели, скоро вообще затекут и тогда точно ничего не получится. Он осторожно шарит по земле. Чисто, ни единого камушка, словно метлой прошлись. Тогда, без особой надежды, начинает щупать свой пояс, может ветка застряла. Натывается на пустые ножны, проводит по ним пальцами, от возбуждения в артериях толчком выбрасывается кровь, он нащупал металлические накладки. Распарывая кожу на пальцах, начинает отдирать пластины от ножен. Верёвки совсем стягиваются, ещё пару минут и руки потеряют чувствительность. Виктор идёт ва-

банк, напрягается, с хрустом вырывает одну из пластин и, онемевшими от отсутствия кровотока ладонями, лихорадочно водит ею по верёвкам и слышит, как нити со звоном лопаются, ещё с десятков движений и узел расплзается. Мужчина прижимает руки к груди, растирает мышцы, разгоняя кровь, поднимается во весь рост. Сейчас или никогда, понимает он. Только бы выбраться, а там обрыв, можно попытаться спрыгнуть. Правда там могут быть акулы или даже косатки, но для Виктора они сейчас менее опасные, чем Идар. Конечно, можно заняться обследованием грота, но и так очевидно, скрытых ходов нет, вырваться можно только через вход, но там Сан Саныч — не слишком безобидный человек и на проверку оказался не «крысой», это делает ему честь. Старый ветеран не отступит от своих принципов, будь он трижды разозлён своим нынешним положением. Похоже, придётся иметь дело с ним, а жаль. Виктор берёт пластину от ножен, щупает край пальцем, следует подточить, находит подходящий камень и начинает уверенно водить по плоскости, скоро пластина превращается в смертоносное оружие. Зажав её в руке, Виктор прислоняется к стене, заводит руки за спину, делает лицо смиренным и в возмущении выкрикивает: — Сан Саныч!

Охранник живенько откликается: — Что орёшь? — доска откидывается, он пытается рассмотреть пленника.

— Воды принеси.

— Дима не велел.

— А Идар напротив, сказал, чтобы питьём, едой и тёплым одеялом я был обеспечен. Кстати, для информации, если я соглашусь с требованиями Идара, то отсюда выйду твоим начальником. Тебе это надо, портить со мной отношения в самом начале?

— Не пугай, — беззлобно произносит Сан Саныч.

— И не думаю, просто сейчас я хочу воды. Кстати, ты можешь у Идара спросить, а всё прочее, самодеятельность Димы.

— У него это бывает, — хмыкает Сан Саныч, — всё не может успокоиться.

— Не говори так, — произносит Виктор.

— Почему? — удивляется охранник.

— Есть мнение, кто высоко взлетает — больно падает.

— Ах это... Идар не упадёт, — уверенно отвечает Сан Саныч.

— Будем надеяться, — выдавливая из себя смешок Виктор, а у самого до предела напрягаются мышцы и останавливается взгляд, он видит, что дверь сползает в сторону и в узкую щель протискивается охранник, держа в руке кружку с водой.

Сан Саныч останавливается рядом, Виктор слабо дёргается и стонет, демонстрируя полную беспомощность: — Раз пришёл, напои меня, — он вытягивает шею.

— Крепко тебя спеленали, — неодобрительно чмокнул губами Сан Саныч. — Руки как, не слишком занемели?

— Терпимо, — стараясь скрыть возбуждение, говорит Виктор.

— Попей, потом немного ослаблю узел.

— Спасибо, — Виктор наклоняется к кружке, — и прости, — добавляет он, резким взмахом чиркает остро заточенной пластиной по незащищенному горлу.

Лезвие с хрустом перерезает кадык, горячая струя вырывается из страшной раны, заливая лицо Виктору. Сан Саныч отшатывается, обхватывает ладонями шею, сквозь пальцы как водопад струится густая кровь, он булькает горлом, пытаясь кричать, глаза раскрываются от дикой боли и недоумения.

— Прости, — повторяет Виктор, встаёт во весь рост, отпихивает от себя охранника. Сан Саныч падает, дёргается в судорогах и замирает, навсегда сохраняя в своих глазах какое-то детское удивление. — Ничего личного, — он отворачивается от него, но на душе внезапно становится пусто, кого-кого, а его совсем не хотел убивать.

Вот и всё, обратной дороги нет, впрочем... и не было. Виктор подскакивает к выходу, осторожно высовывается. На первый взгляд — идиллия, работа кипит, суровые мужчины выкладывают стены будущих домов, женщины замешивают глину, но вот звонко свистит плеть, крик боли ломает гармонию строящегося поселения. Теперь чётко видна грань между свободными гражданами и рабами, Идар слов на ветер не бросает, ударными темпами строит Нью-Рим. А ведь получается, Виктор серьёзно обеспокоен, скоро действительно равных ему на Караби яйле не будет. Что-то надо думать в ответ, только бы вырваться, а единственный путь — обрыв. Холодок сковывает сердце, но интуиция подсказывает, это правильно решение.

Ветер доносит неясный шум волн и свежесть моря, там свобода. Но как добежать до него и вдруг у подножия скалы? Нет, там сразу море, вспоминает Виктор, они же акул подкармливают. Вот теперь необходимо выбрать, кто страшнее акулы или Идар. Жуть сковывает сердце, Виктор вспоминает фильмы ужасов с участием морских хищников. Некоторое время мусолит в голове картинки, в которых акулы разрывают людей, затем встряхивает головой и выносит вердикт: «Они значительно безопаснее людей».

Тянуть больше нельзя, Виктор выбирается из грота, прячется за камнями, извиваясь, словно червяк, ползёт вдоль строительного мусора и натывается на женщину, замешивающую жирную глину. Она отпрянула и едва не вскрикнула, Виктор прикладывает палец к своим губам. Женщина внимательно его оглядывает, в глазах появляется сострадание, Виктор весь в крови и она думает, что это его кровь.

— Ты кто? — шепчет женщина.

— В плен взяли.

— Нас тоже, — в её взгляде появляется ненависть. — Ты сильно избит и весь в крови.

— Пустяки. Ты можешь меня как-то заслонить?

— Ты хочешь бежать?

— У меня безвыходное положение.

— Там обрыв... метров тридцать.

— И с большей высоты иногда прыгают, — уверенно произносит мужчина.

— Они туда отходы сваливают, акул развелось, а иногда косатки подходят.

— Человек для акул не основная пища, — неуверенно произносит Виктор.

— Как знаешь, а вот я бы не рискнула, мы как-нибудь по-другому устроим побег.

— У меня нет того времени, скорее всего завтра, из меня выпустят последнюю кровь.

— Хорошо, давай я тебя глиной обмажу? — она со щедростью свойственной русским женщинам, вываливает на него мешок с глиной, Виктор прогибается от её тяжести, а ведь вовремя, слышится Димин окрик: — Что развела грязь, быстро в одну кучу собирай! Допросишься, Марина, шкуру плёткой стяну как с твоего Павлика.

— Я сейчас, Дмитрий Леонидович, всё приберу, чисто будет, не сомневайтесь, — излишне почтительно произносит женщина, старательно пряча в глазах злой огонь.

— И даже не посылаешь, как прошлый раз? — удивляется Дима. — Видно становишься на путь исправления. Молодец Марина, я учту это.

— Вы уж учтите, Дмитрий Леонидович.

— Что-то ты замыслила, — недобро сузил глаза надсмотрщик.

— Что вы такое говорите, просто Идар Сергеевич обещал самых исполнительных, свободными гражданами сделать.

— Это он может, — неодобрительно жуёт губы Дима. — Ладно, давай, суетись. Через пять минут подойду, чтобы всё чисто было.

Виктор под слоем глины вспотел как мышь, до боли в пальцах, сжимая острую пластинку, напряжение столь велико, то он два не вскакивает, но Дима, лениво хлестнув плетью по своей ноге, удаляется и вот уже отрывается на молодом парне, полосую ему спину.

Раздумывать больше нечего, Виктор скатывается в ложбину, образованную треснутой природной плитой, становится на четвереньки и как шимпанзе скачет к видневшемуся куску потемневшего неба. За этим занятием его замечает Идар, он невольно вздрагивает, не поняв, что это, но затем вскидывает АКМ, но не стреляет, бережёт патроны: — Стоять! — кричит он.

Услышав окрик, Виктор поднимается во весь рост, роняя куски глины, оборачивается, встречается с ним взглядом.

— Отрезайте ему дорогу! — приказывает Идар оторопевшим от неожиданности трём охранникам.

Первый бросается наперерез, но в Виктора словно вселяется дикий зверь, с рычанием сбивает его с ног, полосую щёку острой, как бритва пластиной, второму с размаху бьёт в живот, чувствуя, как ломает рёбра, третий отпрянул, выхватывает кинжал.

— Живьём брать! — Идар не удержавшись, пальнул в воздух.

— Стреляй-стреляй, трать патроны! — выкрикивает Виктор и успешно отшвыривает от себя третьего охранника и с размаху наносит удар ногой в лицо.

Если бы знал Виктор, что те, с кем он так легко справился, обладатели бесчисленных наград по рукопашному бою, рассмеялся. Он-то, просто любитель, так... боксировал когда-то... помаленьку. Верно, что-то новое пришло к нему, природное — звериное, сейчас его может остановить, лишь горячая пуля из автомата, но Идар медлит, впереди обрыв.

Виктор подлетает отвесной стене, взмахивает руками, едва не сорвавшись, отшатывается, оборачивается.

— Может, хватит развлекаться? — Идар держит автомат стволом вниз. — Давай считать, что ничего не произошло. Моё предложение всё ещё в силе.

— Ты хоть сам себе веришь? — с насмешкой выкрикивает Виктор, с опаской заглядывая вниз, где на отвесную стену с размаху налетают пенные волны.

— Верю, — невозмутимо отвечает Идар.

— А я нет, — Виктор делает шагок в сторону обрыва.

— Разобьёшься, — качает головой Идар.

— Как-нибудь попробую, главное акул нет.

— Они испугались, ушли в море.

— Меня испугались? — смеётся Виктор, он уже стоит на самом краю, одно движение и сорвётся низ.

— Ты, конечно, крутой перец, но полный кретин, — с иронией хмыкает Идар. — Вон... косатки подходят.

— Косатки?! — Виктор замирает и действительно видит огромных животных, уверенно рассекающих к берегу.

— Убедился? Всё, хватит из штанов выпрыгивать, бросай железяку и иди сюда.

Дима, — обращается он к подбежавшему надсмотрщику, — чем ты его так обидел, что он в бега подался?

— Он Сан Саныча зарезал, — выпучив от гнева глаза, заявляет он.

— Насмерть? — вздрагивает Идар.

— Как барану горло перерезал.

— Ну что, теперь ты меня точно простишь? — с насмешкой произносит Виктор.

— Не знаю, — бледнеет Идар, автомат в его руках дёргается.

Словно с предохранителя срывается сжатая пружина, Виктор с силой отталкивается и летит в пропасть. Как злые шершни прогудели пули, но достать не успели, Виктор под углом входит в воду, широко раскрывает глаза, но из-за пены ничего не видит, но вдруг, словно скала отрывается от берега. Завеса из пузырьков уходит вверх, вода очищается и в метре от себя Виктор замечает настоящее чудовище, исполинская косатка замирает напротив человека. Неужели всё? Виктор в упор смотрит ей в угольно чёрные глаза. Косатка слегка повела передним плавником. Что это? На нём знакомый рубец у плавника. Совсем рядом появляется её детёныш, он словно узнаёт человека, подплывает совсем близко, Виктор не удержавшись, касается его ладонью. Вибрирующие щелчки будоражат кожу. Воздуха совсем не остаётся, не совсем понимая, что делает, Виктор стремглав несётся к самке и цепляется за жесткий спинной плавник. Странно, косатка не перекусывает его пополам, а стремительно всплывает на поверхность, Виктор со свистом вдыхает воздух, бросает взгляд наверх, там замерла группа людей: — Вперёд! — он хлопает по упругой коже. Косатка на большой скорости уходит от берега, а следом всё стадо морских хищников.

Викентий Петрович не сводит взгляда с Алика: — Это правда, что говоришь?

— Конкретно, они такой укреплённый город строят и людей ловят, бесплатно работать заставляют.

— Решили на рабстве в рай въехать, — в мягком взгляде батюшки возникает не свойственное ему жёсткое выражение и чудится Алику, что Викентий Петрович сейчас смотрит на мир, словно сквозь прицел снайперской винтовки. — Не по-божески это, — его глаза мечут молнии.

— Так что же нам делать? — Алик срывает панаму, утирает лицо.

— Передай мне автомат, сын мой, — протягивает руку батюшка.

— Как это? — не понимает Алик. — Вам же по должности не положено, вы богу служите.

— Вот именно... богу, а он требует защиты своих близких, дома.

— Так в Библии вроде как не упоминается об этом, надо терпеть, страдать...

— Ты плохо вникал в это священное писание, в каждой её строке обозначено: «спасайте свою душу». Вот мы и будем спасать свои души и заблудшие души врагов наших, и если требуется вспомнить навыки воина, значит это богоугодное дело. Видно не просто так, в своё время, направил меня бог служить в горячие точки, он готовил к решающему испытанию, — Викентий Петрович уверенно вырывает автомат и обводит взглядом притихших людей: — Я присягнул Виктору и вам стоит это сделать.

— Но он может и не живой уже, — потупил взор Антон.

— Нет, так не должно быть, — уверенно произносит батюшка. — Он слишком большую ответственность на себя взял, и чтобы так рано умереть... это было бы абсурдом, Бог этого не допустит.

— Ну... раз вы так считаете... я присягаю, — с усилием выговаривает Антон и даже испарина появляется на лбу.

С каким-то облегчением присягает и Павел Сергеевич, затем и все остальные люди. Викентий Петрович обводит всех просветлённым взглядом: — Моей душе Бог говорит, что отныне и навеки вы теперь не рабы божьи, а дети Его. Слово «раб» — под запретом, в рай попадут лишь честные, справедливые и храбрые, Нищие духом не получают Царство Небесное, лишь с богатой душой достойны быть рядом с Ним. Богу не нужны убогие, он благословляет воинов, — Викентий Петрович с достоинством всех крестит, крепко сжимая в левой руке АКМ.

В душах людей смятение, они не привыкли к таким проповедям, но что-то новое появляется, странное, необычное, словно это давно утерянное, забытое — оно как чистый родник наполняет сердца свежестью и радостью.

— Нам нельзя здесь оставаться, — хмурится батюшка, — мы не сможем обеспечить себя должной защитой, невозможно огородить такие просторы. Игнат и Александр говорят, что там, где их выбросило на берег, скалы стоят полукругом и лишь на одном участке потребуется установить изгородь из брёвен. К тому же, рядом поселились морские котики, а это пища.

— Там много источников, — вставляет Игнат.

— И вода есть, — кивает батюшка. — Нам следует идти туда немедленно.

— Но как же Виктор и... — Нина с тоской глянула на выющейся дымок над их жилищем.

— Бог даст, с ним ничего не случится, а жильё построим другое, — мягко улыбается Викентий Петрович.

Нина со слезами смотрит, как сворачивается лагерь. Палатки опадают, выдёргиваются клинья, сматываются верёвки. Часть вещей грузится на лодку, остальное распределяется по рюкзакам.

— Что, подруга, вновь в одинаковом положении? — ехидно спрашивает Нину Аня.

— Что ты, — стреляет взглядом Нина, — мы никогда не будем в одинаковом положении. Здесь нереально раздобыть силикон, им обладаешь лишь ты.

— Причём тут силикон? — округляет глаза Аня.

— При том... такое богатство и всё в тебе одной. А раньше вместо... этих... ух(!), торчало два едва заметных прыщика? — косится на выпирающие возвышенности Нина.

— Всё было! — зло восклицает Аня. — Я лишь слегка откорректировала.

— Слегка?! Да ты едва равновесие держишь.

— Дрянь ты! — вспыхивает Аня.

— Ну вот, за комплимент ещё и получила, — снисходительно улыбается Нина.

— Не надо ссориться, девочки, — Игнат неожиданно оказывается рядом и пытается обнять Аню, но та гневно повела бровями, скидывает его руку: — От тебя плохо пахнет, помылся бы, прежде чем лапать, — цинично выговаривает она.

Игнат потянулся носом к своему плечу, с недоумением поджимает губы: — Вроде нормально пахну, зверем.

Обе женщины вмонтировали в него взгляды, но затем понимают, что мужчина шутит, слегка улыбаются.

— Всё же помойся, — мягко произносит Нина.

— И не надо! — встрепенулась Аня. — Вполне нормальный аромат, по крайней мере, комары ночью не будут приставать.

— Ну и дуры мы с тобой, Анька, — Нина заразительно смеётся, — нам же нечего друг с другом делить!

— М-да... нечего, — неопределённо говорит женщина, бросает на Нину странный взгляд, дёргает за пояс Игната и они удаляются.

Нина долго с удивлением смотрит на необычную пару, пожимает плечами и присоединяется к погрузке вещей на лодку.

Алик некоторое время наблюдает за Игнатом и Аней, лицо бледнеет, козлиная бородка пытается принять острую форму, кулаки непроизвольно сжимаются. Но вот, Аня резко отпихивает Игната и уходит в сторону остальных спелеологов.

— Аня, — встрепенулся Алик.

— А... это ты, — скользнула по нему рассеянным взглядом женщина.

— Давай я твои вещи понесу.

— Не возражаю. В последнее время я так устаю, — Аня шмыгает носом, украдкой глянула на Игната, который увидев, что она подошла к Алику, изменился в лице. — Как ты считаешь, Виктора убили или он пока ещё жив? — задаёт она неожиданный вопрос.

— Конечно, жив! А почему задаёшь такие вопросы?

— Ну, если его убили, то его кто-то должен заменить. Я думаю, ты можешь.

— Глупости говоришь, — удивляется Алик. Во-первых, его не убили, а во-вторых,

Викентий Петрович большой профессионал, чем я.

— Он обычный поп, хоть и продвинутый, а нам нужен человек с трезвым взглядом на жизнь, без всяких там религиозных завихрений.

— Всё-таки ты не то говоришь, — хмурится Алик.

— Вероятно, — соглашается женщина, — но мне кажется, ты сильно недооцениваешь себя.

— Главное не переоценить.

— А вот это уже обычные комплексы, — Аня хлопает пушистыми ресницами, оценивающе смотрит на мужчину, слегка приоткрыв чувствительные губки.

Алик плывёт под её взглядом: — Может ты и права, — неуверенно говорит он, а затем с напором произносит: — Ты с Игнатом больше не путайся.

— Как грубо, я ни с кем не путаюсь, а выбираю настоящего мужчину. Так что... всё от тебя зависит, — с насмешкой произносит она.

Нина помогает загрузить вещи в лодку, затем навьючивается как боевая лошадь, вздыхает, глядя на свой дом.

— Не страдай так, детка, — ласково произносит Виолетта Степановна, — твой муж ещё лучше построит.

— А вдруг с ним случилось что-то страшное? — Нина вскидывает затуманенный взгляд.

— Батюшка правильно говорит, на нём большая ответственность, поэтому он жив.

— Мне так страшно.

— А это ты зря. Посмотри сколько нас, мы справимся со всеми проблемами, — Виолетта Степановна обнимает её, смотрит мягко как мать и Нина едва не заплакала, но сдерживается: — Спасибо, — шепчет она.

— Всем сейчас тяжело, — вздыхает Виолетта Степановна, — но пока мы вместе проблем у нас не будет.

— А вдруг, Виктор придёт сюда, а нас нет? — волнуется Нина.

— Антон останется, а затем к нему Саша присоединится. Не волнуйся, детка, всё будет хорошо. Пойдём к девочкам, они уже все на ногах, — Виолетта Степановна её легонько подталкивает, с усилием взваливает на плечи огромный рюкзак, неодобрительно смотрит на Аню, которая не соизволила взять даже мотка верёвки, поджимает губы: — А эту шалаву жизнь ещё накажет, — без особой злости говорит она.

Костры заливают водой, горящие угли рассерженно шипят, извергая предсмертные тучи дыма, и поляна сиротеет от отсутствия людей.

* * *

Виктор крепко держится за чёрный плавник косатки, холодная вода обжигает кожу, но от возбуждения он не мёрзнет. Берег вытягивается в одну линию, и мужчина не на шутку волнуется, так долго продолжаться не может, скоро наступит переохлаждение со всеми вытекающими от этого последствиями. Неужели косатка не понимает что делает, человеку не выдержать столь длительное время в холодной воде?

Рядом, грациозно ныряя и всплывая, обнажая чёрные плавники, несутся остальные животные. Они общаются между собой на непонятном языке, фыркают, выбрасывают фонтанчики воды, иногда трутся мордами друг друга. Вибрации и щелчки достигают тела

человека и, неожиданно Виктору становится невероятно жутко, он один на один с исполинскими хищниками, а вокруг необъятные просторы моря.

Он хлопает ладонью по блестящей спине, но она его не чувствует, уверенно рассекает воду мощным корпусом, словно знает куда плыть. Рядом резвится её детёныш, он часто подплывает со стороны человека и тыкается носом. Первое время Виктор в страхе поджимал ноги, но поняв, что малыш настроен дружелюбно иногда, да и хлопнет его по морде, чтобы тот не был слишком назойливым.

Сложно сказать, сколько прошло времени, с тех пор, как Виктор отправился в невольное путешествие на косатке, берег Караби яйлы растворяется в дымке, но вдали возникает нечто похожее на остров.

— Так вот куда ты меня везёшь. Зачем? Я отсюда век не выберусь. Глупая, ты оказываешь мне медвежью услугу, — Виктор хочет разозлиться, но не может.

Остров стремительно разрастается и сразу видно, что он дикий и неуютный, но птицы кое-где гнездятся на отвесных скалах и... Виктор замечает дым от костра, а затем, притянутый к берегу плот, сооружённый из всевозможного плавучего мусора, среди которого выделяются с десяток буёв. В центре плота сооружён помост с уродливой крышей и мачта из доски, на которой болтается парус, изготовленный из брезента. На палубе копошатся с десяток исхудавших людей, укрепляют ящики, паки с вещами, сетки, мешки и за своим занятием они не замечают подошедших совсем близко косаток.

— Здравствуйте! — Виктор, держась за плавник, встаёт на ноги.

Его такое простое приветствие вызывает шок, люди бросают своё занятие, безумными взорами смотрят на нереальную картину.

Виктор отпускает серповидный плавник, спрыгивает с блестящей спины, подплывает к самке, гладит ей морду. Она понимает, испускает звуки, напоминающие барабанную дробь, затем мелодично свистит, морские хищники разворачиваются и уходят в море, эффектно разрезая воду узкими как клинки плавниками. А мужчина кролем подплывает к плоту, вытягивает руку: — Ну, кто-нибудь поможет мне выбраться, замёрз как цуцик!

Никто даже не шелохнулся, смотрят на него как на приведение.

— Сбросьте верёвку! — требует Виктор.

Один из мужчин спускает металлическую лестницу. Виктор выбирается на плот, оглядывает людей, с первого взгляда видно, что они на грани истощения, но на лицах нет следов деградации, это несколько успокаивает.

— Ты кто? — задаёт вопрос, чисто выбритый немолодой мужчина. Виктор мгновенно отмечает про себя, бритвенные принадлежности у них есть и они следят за собой — весьма обнадеживающий признак.

— Человек, как и вы, звать меня Виктором, я с Караби яйлы.

— А... косатки... как это понимать?

— Вот так и понимайте, — улыбается Виктор. — Кто-нибудь, дайте мне чем-нибудь укрыться, так трясёт, сейчас зубы раскрошатся.

Одна из девушек протягивает ему тёплую лётную куртку. Виктор с наслаждением в неё ныряет: — Голодаете?

— Приходится, — неодобрительно жуёт губы немолодой мужчина.

— Рыбу не пробовали ловить?

— Этот остров рыба почему-то обходит, а дальше от берега во множестве рыскают акулы. Мы так едва нескольких парней не потеряли, поэтому я запретил в море выходить.

Птиц ловим, но пугливые они, много не поймаете. А там, откуда ты... еда есть? — в его глазах светится надежда.

— Немного, но есть. Рыба к берегу подходит, морские котики поселились, скоро будем организовывать на них охоту, диких голубей до хрена... а по началу даже кузнечиков ели, — улыбается Виктор.

— А мы всех змей и ящериц съели, — вздрагивает худющая девушка.

— Как вы сюда попали? — испытывая сострадание, спрашивает Виктор.

— Как и все... море поднялось... говорят это внутренние воды Земли вышли на поверхность. Наша сборная летела в Сочи на соревнование, по муай тай, затем шквальный ветер, смерчи, молнии... с трудом сели, в вертолёт топливо на нуле, — с горечью хмыкает мужчина. Мы даже не поняли где мы, а вот сравнительно недавно со скалы увидели землю, вероятно, это и есть ваша Караби яйла, решили перебраться туда, здесь совсем нет пищи.

— Значит, я за вами прибыл, — вполне серьёзно произносит Виктор.

— А много у вас людей?

— Не скажу, что много, но все разные, — криво усмехается Виктор.

— Это понятно, люди все разные, — кивает мужчина.

— Очень разные, — смотрит ему в глаза Виктор.

— Я понял, проблемы у вас ещё те.

— Да. Но наша группа достаточно серьёзная и вы, я вижу, вполне нормальные люди, я предлагаю влиться в нашу команду.

— На каких правах? — осторожно спрашивает мужчина.

— На правах свободных граждан.

— Это приемлемое решение, — кивает он. — Что ж, давайте знакомиться, меня зовут Николаем Андреевичем — я тренер, а это мои ученики: два брата Семён и Виталий, Эдик, Костя, Геннадий, Маша, Лиза, Яна и Катя. А бортмеханик и летчики сейчас подойдут, — тренер кивнул в сторону появившихся на берегу трёх мужчин. — И всё-таки, как воспринимать твоё появление на косатке?

— Всё очень просто, у нас тоже был голод, на берегу нашёл застрявшего на отмели детёныша, хотел убить, но вместо этого спихнул малыша в море, а самка меня запомнила и когда мне понадобилась помощь — спасла.

— Невероятно! — удивляется тренер.

— Поведение разумного существа, как-то не верится, — пожимает плечами Яна.

— Они разумнее нас, — нахмурился Эдик.

— Чушь, — хмыкает Яна, — это что-то другое.

— Дура ты, Яна, я слышала о косатках, они умнее нас будут, — встревает разговор Лиза.

— Хватит перепалок, — устало произносит Николай Андреевич, — помогите экипажу подняться на борт.

Лётчики, увидев Виктора, невероятно удивляются, девочки мгновенно рассказывают про косаток, сильно приукрасив сюжет. Виктор хотел возразить, но улыбнувшись, передумал.

— Ветер поднимается, — с тревогой глянул на вздувшийся парус Николай Андреевич. — Всё, обратной дороги у нас нет, отвязывайте верёвки!

Плот колыхнуло на подымающейся волне, даже сердце сжалось, показалось, что сейчас развалился, но это обманчивое впечатление, просто он состоит из множества плавучих частей и они неравномерно колеблются.

Безобразная махина отваливает от берега и со скрипом, скрежетом, не торопясь набирает ход.

— Гений человеческой мысли, — шутит Виктор, оглядывая плот.

— Если бы ты знал, сколько труда мы потратили на его изготовление, не говорил бы с такой иронией, — улыбается тренер. — Кстати, каждая часть плота пригодится в хозяйстве.

— Да я без иронии. А если ветер поменяется?

— На этот случай вёсла есть.

— Всё продумано, — с удовлетворением говорит Виктор.

— Как без этого, — тренер уже не улыбается, в глазах появляется печаль.

— На душе тревожно? — улавливает его состояние Виктор.

— На моей совести эти ребята, — грустно говорит он.

— Они достаточно самостоятельные.

— Даже слишком, им от семнадцати до двадцати с небольшим лет, часто сдерживать приходится.

— Знаешь, Николай Андреевич, — Виктор выдерживает небольшую паузу, — а ведь куда мы сейчас идём, там не всё просто.

— Ты уж говорил.

— Нет, ты не совсем представляешь, что происходит на Караби яйле. Давай собери ребят, я расскажу о состоянии дел на плато.

— Я прогнозировал это, но не думал, что процесс пойдёт так быстро, — после рассказа Виктора, вымолвил Николай Андреевич. — А вот Гурий со мной был совершенно не согласен, — он вскользь глянул на бортмеханика.

— И сейчас не согласен, — плотный мужчина чешет залысины на круглом черепе, — такое ощущение, что люди монстры какие-то. Сдаётся мне этот гонец не то гонит, верно, идею, какую вынашивает... зеки-людоеды, рабы. Мне кажется, вас круто заносит... товарищ, — неодобрительно произносит он.

— Хотелось, что бы ты был прав, но спорить я не буду, увидите всё сами, — встрепенулся Виктор, где-то он слышал подобно суждение.

— А позвольте спросить, — вкрадчиво спрашивает Гурий, — а кто из вас там самый главный?

— Меня выбрали...

— Вот! — торжественно произносит мужчина. — Вот та идея, о которой я говорил! Чисто шкурный интерес — запугал и властвуй!

Раздражение волной поднимается до глаз, но Виктор сдерживается, стараясь казаться равнодушным, но Николай Андреевич замечает его гнев: — Ты так не вспыхивай, это его мнение, а я не сомневаюсь в правдивости твоих слов.

— У нас складываются определённые порядки, народ и у нас разный, но команда одна. Я предлагаю, чтобы и с вашим вливанием она осталась единой, — очень спокойно говорит Виктор.

— За это я двумя руками, — вытягивает руку бортмеханик, — но в остальном я ещё погляжу.

— Не поглядишь, — с нажимом говорит Виктор, придавливая его тяжёлым взглядом.

Гурий ёжится, криво улыбается, но очередную реплику решил не отпускать.

— В чужой монастырь со своим уставом не ходят, — замечает Тимур, лётчик с узкими усами.

— Верно, — кивает его коллега Мирослав, поглаживая хорошо отросшую светлую бороду, — Кстати, а насчёт зеков, которые жрут людей, я знаю. Лет десять назад работал в Магадане, слышал, были случаи, когда беглые с собой брали одного из заключённых, коровками их называли.

— Как жутко, — передёргивается совсем юная девочка.

— Да, Катя, человек самое страшное существо на планете, — грустно улыбается Мирослав.

— С этим я в корне не согласен, — кривится Гурий. — Люди конечно разные, но в их основе — доброта, это отличает человека от животных.

— А животные не бывают добрыми? — с иронией говорит Мирослав.

— Конечно, нет, все их чувства основаны на инстинктах.

— А как же живой пример, — Мирослав кивает в сторону Виктора.

— Обычная дрессура и не более.

— У меня был кот, — краснеет Лиза, так он умнее иного человека.

— Ну, если кот, то безусловно, — снисходительно улыбается Гурий и треплет девушку по волосам.

— И всё же ты не прав, — мягко говорит Николай Андреевич, — я случайно видел, как машина сбила щенка, так сука стояла над ним, а из глаз текли слёзы.

Гурий не нашёлся, что ответить, скептически поджимает губы: — О себе сейчас нужно думать, а не о животных, — бурчит он. — Так можно договориться, что охоту на них запретим, а я бы не отказался от хорошо запечённого на костре морского котика, — сглатывает он слюну.

Виктор внимательно оглядывает людей, все они вооружены кто арматурой, кто ножами, у Мирослава даже виднеется кобура, хотя вряд ли остались патроны, вероятно, все истратил на птиц.

— По поводу морских котиков, думаю, плот нужно сразу гнать к месту их обитания. Нам необходимо запастись как можно больше мясом.

— А вот это мудро, — впервые с уважением глянул на Виктора бортмеханик.

Ветер крепчает, вновь нависают тучи, кое-где появляются белые барашки. Плот раскачивает, канаты, скрепляющие многочисленные сегменты, натужно скрипят и на душе становится беспокойно.

— Выдержат, — увидев в глазах Виктора тревогу, говорит Николай Андреевич, — главное мимо земли не проскочить.

— Не пройдем, вон она.

Действительно, с потемневшего горизонта, ветром сдувает тучи, и чётко вырисовываются скалы.

— Необходимо идти правее, а то нас гонит прямо к Идару, а он не отличается человеколюбием. Парус слегка разверните и на вёсла становитесь, — тоном, не терпящим возражения, произносит Виктор.

— Все слышали? — дублирует Николай Андреевич. — С левого борта подгребайте!

За борт плюхаются самодельные вёсла, мальчишки, мешая друг другу, пытаются грести, но тренер не вмешивается и, спустя некоторое время, появляется определённая синхронность, плот лениво поворачивается, гремя буйками, как подраненная чайка ринулся к далёким скалам.

Лишь когда на чёрном небе полыхнули холодные звёзды, плот с размаху налетает на

каменистый берег, лопаются некоторые троса, и он едва не рассыпается на части, но слаженные действия людей помогают избежать потери столь нужного имущества. Вскоре на берегу вырастает гора из хлама, который по ценности может поспорить с настоящими пиратскими сокровищами.

Скалы кольцом окружают берег, подойти чужим будет проблематично, но Виктор требует выставить дозоры, его вновь посещает состояние, что кто-то за ними наблюдает, ощущение не приятное, но нет чувства опасности, это удивляет и волнует одновременно.

— Совсем к скалам не подходите, ставьте палатки ближе к центру, сдаётся мне, мы под чьим-то пристальным вниманием, — он озирается по сторонам, до боли в глазах пытается рассмотреть, малейшее шевеление под разлапистыми кустами.

— Я тоже что-то чувствую, — Николай Андреевич непринуждённо повёл пальцами, зажатый в них кусок арматуры ласково пропел, стремительно описав пару кругов.

— Определённо, за нами наблюдают, — Виктор окидывает взглядом окружающие скалы. — Костёр пока не разжигайте, — увидев, что ребята уже сложили сухие ветки, размеренно говорит он.

— Что делать будем? — спокойно спрашивает тренер.

— Дай мне пару ребят постарше.

— На разведку хочешь сходить?

— До утра ждать не следует, — кивает Виктор.

— Хорошо, — после небольшой паузы соглашается Николай Андреевич, — с тобой пойдут Семён и Виталий. Только... ты точно знаешь, что делаешь?

— За ночь может многое что измениться, необходимо опередить события.

— Это по-нашему, — соглашается тренер и подзывает братьев: — Пойдёте с ним, слушать его команды как мои. На свой зад приключения не ищите. Понятно?

Парни скользнули взглядами голодных волков по фигуре Виктора, нехотя кивают.

Виктор моментально берёт инициативу в свои руки: — Вон видите ту расселину — На левом склоне торчит обломок скалы и всё в кустарнике. Там точно кто-то есть. Судя по этому месту, более двух человек там нет. Я пойду по центру, отвлеку их, а вы постарайтесь зайти с флангов. Бить жёстко, но не убивать.

Делая вид, что собирают хворост для костра, они отходят в сторону, затем, прячась за каменными обломками, укрываются в колючем кустарнике. Братья достаточно уверенно карабкаются на скалу, чтобы обойти наблюдателя с тыла, а Виктор, сознательно демонстрируя себя, побрёл по расселине вверх.

Время идёт, братья ничем не заявляют о себе, может ещё не подлезли к наблюдательному пункту, а Виктор выбирается на поверхность и видит долину, окружённую неприступными скалами. В центре горят костры, в отблесках огня виднеются силуэты людей, темнеют палатки, слышатся приглушенные разговоры, щенячье повизгивание.

— Нет, это стоянка не людей Идара, — шепчет сам себе Виктор.

— Ты прав, а место просто великолепное. Ты не находишь?

Виктор подпрыгивает от неожиданности и в свете луны видит насмешливое лицо Викентия Петровича.

— Мы решили сняться с прежнего лагеря, он слишком открытый, защитить его нет возможности. А сюда можно попасть лишь по расселине и она хорошо просматривается.

— Викентий? — Виктор всё ещё не может прийти в себя. — А где... где ребята?

— С ними всё в полном порядке. Неплохие хлопцы, один даже успел в стойку прыгнуть.

Я их легонько обездвигил, маленько связал, чтоб не рыпались, уж больно горячие эти молодые волчата. Иди, сам их развязывай.

— Викентий! — Виктор полез обнимать батюшку.

— Похоже, ты удивлён, а ведь вычислил меня. Как тебе удалось определить моё укрытие?

— Я сразу понял, что там кто-то есть.

— Значит у тебя дар, — серьёзно заявляет Викентий Петрович.

Ошалелый происшедшим, Виктор, словно во сне гребёт за батюшкой, натывается на дёргающихся братьев: — Недоразумение вышло, к своим попали, сейчас я вас развяжу.

Ребята сбрасывают верёвки, с почтением смотрят на бородача, так своим видом походящего на обычного попа из какой-нибудь захолустной церквушки, вот только автомат, висящий на плече стволом вниз, навевает другие мысли.

— Я вас несильно приложил? — по-доброму спрашивает батюшка.

— Мы привычные, — испытывая стыд, произносят ребята, слегка помялись и спрашивают: — А вы кто? Мы прежде не встречались с такими профессионалами как вы, разве, что наш тренер, — искренне вопрошают они.

— Зовут меня, Викентием Петровичем, я священник, — улыбается он глазами.

— Священник?! — в удивлении восклицают братья.

— Да, дети мои.

— С автоматом?

— Такое у меня послушание, дети мои, — батюшка скромно опускает взгляд.

Нина налетает как ураган, Виктор поднимает в воздух счастливую женщину, затем с силой прижимает к груди, что она едва дышит.

— Живой! — она плачет от счастья.

— Как видишь, да ещё и с командой, — он целует её мягкие губы.

— Я едва с ума не сошла, если бы что-то с тобой произошло, я не пережила.

— Удачно мы к этому берегу причалили... да и место шикарное, — повёл взглядом Виктор.

— Жаль только, дом наш там остался, — печально шепчет Нина.

— Как укрепим, мы вернёмся на тот берег.

— Там я испытала настоящее счастье... с тобой... поэтому мне и здесь будет хорошо.

Вот только, все решили стоять один дом, с перегородкой по центру. Одна часть для женщин, другая для мужчин, говорят так проще, — шмыгнула носом Нина.

— Правильное решение, — кивает Виктор, — но так как мы муж и жена, я построю отдельный дом.

— Правда? — задыхается от счастья Нина.

— Так и будет, — заверяет её Виктор.

Аня слышит обрывки разговора, бросает неприязненный взгляд на счастливую пару, зло дёргает Игната за рубашку: — Я тоже хочу жить в отдельном доме.

— Становись моей женой, и я всё для тебя сделаю.

— Сначала дом построй, а потом я решу, — заносчиво говорит она.

— Нет, — твёрдо отвечает Игнат, — неприятно удивив даму этой решимостью.

— Так мы вроде как уже стали мужем и женой... там... в твоей безобразной хижине.

— Это не считается... у нас есть батюшка, пусть он нас и обвенчает.

Аня вспыскивает от злости, но старательно прячет её под прикрытыми ресницами: — Как хочешь, Игнат, тебе решать, но ведь ещё Алик есть, он более сговорчив.

— Я убью этого щенка, — бледнеет Игнат.

— О, какие мы грозные, — смягчается Аня, — обвивает ему шею и со страстью целует.

— Ну... я конечно построю тебе дом, Анюта, но венчание и всё такое — это правильно, — он плывёт под её томным взглядом и вот-вот утонет.

— Всё будет, — заверяет его женщина, — но сначала мой собственный дом.

— Будет у тебя настоящий дворец, — срывающимся голосом изрекает бородач.

Ночь в разгаре, но никто не спит, люди знакомятся друг с другом, зажигают новые костры, подвешиваются жирные куски морских котиков и по долине, окружённой неприступными скалами, ползёт восхитительный запах жареного мяса.

Виктор подзывает Викентия Петровича, усаживает рядом с собой: — Идар для нас представляет немалую угрозу, как только он окрепнет, пойдёт на нас. В данный момент расклад сил в нашу пользу, я считаю необходимо его опередить и первыми нанести удар.

— В любом случае, без подготовки нельзя, вновь прибывшие должны освоиться. К сожалению молодых много, горячие, но не обстрелянные. Я займусь их тренировкой, думаю, через четыре месяца появятся результаты. Тогда можно попробовать его разбить, — кивает Викентий Петрович.

— Четыре месяца, это поздно, максимум, две недели. Идар ищет людей и думаю,

найдёт, плато достаточно большое. Рабами всех делать не станет, это будет не в его пользу. Он произведёт жёсткий отбор и кажется мне, чтобы стать равноправными гражданами за ним пойдут. В самое ближайшее время необходимо нанести по нему удар, людей освободить — им счастье, нам польза.

— Будут большие потери, — не соглашается Викентий Петрович.

— Полностью согласен... но такого шанса может не быть.

— О людях надо подумать, — суровеев батюшка.

— Я о них и думаю, — с болью в сердце говорит Виктор. — Две недели крайний срок. С утра организуй всех мужчин на забой морских котиков, большую часть туш необходимо транспортировать в ледяную пещеру и там выставить круглосуточный пост, другую часть закоптить и выплавить жир. А уже со следующего дня заняться тренировками, изготовлением оружия и постройкой жилья.

— Как бывший спецназовец, я более чем согласен, но как священник — меня это пугает, — задумчиво говорит Викентий Петрович.

— С утра будешь спецназовцем, после обеда — священником.

— Раздвоение личности, — хмыкает Викентий Петрович, — в медицине это называется... шизофренией.

— И отдельно, Алика пошлешь на поиски других групп. А напарницей у него будет, — Виктор некоторое время думает, замечает Аню, хмурится, ему не нравится возня вокруг неё, — Маша из новой команды, — уверенно говорит он. — Я заметил, она уверенно управляется с верёвками, знает, как вязать узлы, разрядница и... девчонка очень даже симпатичная.

— Хочешь, чтобы Алик от Ани отвернулся?

— Было бы неплохо. У него с Игнатом назревает нешуточный конфликт. Игнат его порвёт как Тузик тряпку.

— Это не факт, Алик не так прост, как может показаться, — прищуривается Викентий Петрович, — но с Машей... ты прав.

— И ещё, необходимо приглядеться к бортмеханику, он чем-то похож на Олега, такой же... нестандартный в мышлении, смуту будет вводить.

— Надо подумать над первичными законами, — серьёзно произносит Викентий Петрович.

— Не рано?

— Самое время.

— Но если будут законы, должны быть и судьи.

— И не только они, — кивает священник.

— Из кого наберём?

— А не надо ни из кого набирать, всё в тебе будет.

— Нет, так не годится, можно скатиться неизвестно до чего. Ты хоть сам понимаешь, что предлагаешь? Это чистой воды тирания!

— А ты не будь тираном, — вполне серьёзно произносит Викентий Петрович.

— Но ведь я могу ошибиться.

— Тебе нельзя ошибаться, — ещё серьёзнее говорит батюшка.

— Я человек и мне свойственно делать ошибки.

— Совет создадим, будешь прислушиваться к их словам.

— Всё равно это не дело. Это получается, какая-та монаршая власть. Нет, иначе должно

быть.

— Думаешь, я с тобой не согласен? — Викентий Петрович с интересом смотрит на Виктора, — но если сейчас создавать полный институт власти, народа не хватит. Кто работать будет?

— Нет, — качает головой Виктор, — в этом решении мерещится нечто знакомое. Это уже было: цари, короли и прочая шелупонь.

— Как грубо сказано, — усмехается Викентий Петрович.

— Почему грубо? Где сейчас все они, со своей безграничной властью? Правильно... в одном месте. Вот Идар дорвался до власти и что строит? То, что было когда-то давно и не выдержало испытание временем.

— Не следует изобретать велосипед, — с едва заметной иронией произносит Викентий Петрович.

— А может всё же стоит? Сейчас все в равном положении, а вдруг, да и получится нечто нестандартное. Сейчас тот момент, от которого необходимо оттолкнуться и всё пойдёт именно с первого рывка, если делать много телодвижений, это может завести в далеко сторону, а результат будет предсказуемый.

— Рывок должен делать самый сильный.

— А кто это должен определить?

— Мы. И мы уже определили, все присягнули тебе.

— Ничего не значащие слова, — хмурится Виктор.

— Нет, это первый из законов. Теперь ты в ответе за наши жизни. Мне, если честно, глубоко наплевать, кто у нас будет: цари, князья, президенты, генсеки — главное, чтобы мы выжили и не потеряли души.

— Хорошо, — неожиданно соглашается Виктор, — пусть будет по-вашему, но решения станут принимать все члены общества, по крайней мере, на первом этапе. Затем механизм изменим, но принцип оставим прежний.

— Теперь понятно, сворачиваешь в сторону демократии, — понимающе хмыкает Викентий Петрович.

— Я сказал все без исключения, а не избранные от лица других. На всех будет лежать ответственность, и никто её не сможет списать на тех, кто избрал, то есть — на толпу. Все будут в равном положении и уважаемые и неуважаемые.

— Опасное направление. А как же справедливость?

— Это с какой точки зрения смотреть. Но ты прав, необходимо отталкиваться от тех законов, что не нарушат гармонию души. Мы их создадим, и они станут даже не конституцией, а безусловным рефлексом, от них и будут приниматься все решения и выход за их рамки будет незаконным.

— Хитро, — щурится Викентий Петрович, — но как заставить народ их принять, при твоём подходе о всеобщем голосовании?

— Очень просто, они будут бесхитростны и доступны.

— Например?

— Допустим такие: «Почитайте своих родителей и содержите их в старости, так как вы к ним отнесётесь, поступят и дети ваши к вам самим. Помогите ближнему в беде его, а если беда придёт к вам и вам помогут. Не чините обид соседям вашим и живите с ними в мире и согласии. Не унижайте достоинство других. Не радуйтесь чужому горю, Любите ближнего своего, если он того достоин. Воспитывайте в детях любовь к своей земле. Защищайте

старых и малых, своих родителей и своих детей. Защищайте свою землю и не продавайте её. Кто убежит из нашей земли в поисках лёгкой жизни, тот отступник нашего рода и не будет принят обратно и прощён и т. п.». Ты понял мои мысли? Такое сложно оспорить. Эти законы могут стать тем фундаментом, на который можно смело опираться. И не должно быть других толкований, как это любят делать псевдодемократы. Они должны быть предельно ясными и чёткими без адвокатских лазеек.

— Какие же это законы, это состояние души обычного человека! — с недоумением произносит Викентий Петрович.

— Обычного... да, но души сейчас изранены, изгажены, изломаны... с азов надо начинать, — уверенно произносит Виктор.

— Не мне надо быть священником, а тебе, — без улыбки молвит Викентий Петрович.

— Нет, каждому своё, — мигом открестился Виктор. — А вот на основании этих положений и можно определить меру наказания, — добавляет он, — и оно может быть достаточно суровое. И ещё, отдельным пунктом я хочу выделить закон запрещающий ростовщичество в любых проявлениях. Товары или деньги под проценты давать будет нельзя. Считаю за нарушение подвергать самому суровому наказанию, вплоть до изгнания или смерти.

— Ты против богатых? — с пониманием кивает батюшка.

— Нет, против ублютков. Я желаю подрезать им крылышки, чтобы они не смогли жить за счёт других, делая деньги из денег. Хочешь стать состоятельным, построй дом, засея поле, изобрети, что либо, и продолжай сей процесс постоянно. А то что получается, заработав деньги, за какой либо свой труд, эти деньги отдают под проценты и можно уже ничего не производить и жить на то, то «капает» с процентов. Вот так рушатся экономики, обесценивается труд. Жить на халяву иногда можно, но не долго. Медведи, которых подкармливает лесник, сами уже не охотятся и бывало, дошли с голода, когда им переставали давать кормёжку, это в полной мере может отнестись и людям. Привыкание жить за чужой счёт ведёт к деградации и вседозволенности, святыми становятся не праведники, а те, кто больше украл и может в любой момент откупиться у таких же халявщиков, но при власти. Отсюда беспредел и вседозволенность. Нельзя наступать на одни и те же грабли, мы это уже проходили. Где все? Перегрызлись друг с другом и, всех смыл океан.

— Этот пункт будет сложно протащить, во всех нас сидят «медведи, которых подкармливает лесник», — Викентий Петрович несколько по-иному смотрит на Виктора. — Но он будет принят, — уверенно говорит он.

Луна сползла за скалы, и подсвечивает их контуры призрачным светом, костры прогорели и мерцают тусклыми углями, почти все жители новой земли разбрелись по палаткам. Нина, прислонившись к гладкому валуну, слушает Виктора и Викентия Петровича. Её удивляют их разговоры, вроде рано ещё углубляться в такие дебри, жильё бы построить, поле засеять. Пять картошек запутались в собственных корнях, яблоневые косточки выпустили тонкие стебельки, пора высаживать. А ещё, очень хочется личный дом. Нина как представила, что полезет в душную палатку, едва не расплакалась. Она сейчас в полной мере оценила брошенный дом, который они построили, такой грубый снаружи и уютный внутри. Неужели Анька права, они вновь в равном положении? Нет, тому не быть, Нина глубоко вздыхает, смотрит на своего мужчину.

Наконец они заканчивают разговор, Викентий Петрович неспешно поднимается, прощается, но спать не идёт, перекинув автомат через плечо, уходит проверять посты.

Виктор подкидывает дров в костёр, обнимает Нину: — Что-то не хочется идти в палатку, — произносит он, словно подслушав её мысли.

— И я не хочу, — жмётся к нему женщина. — Давай здесь посидим?

— Я не против, — Виктор ещё подкидывает дров, затем снимает с шампура кусочек мяса, передаёт Нине, она отрицательно машет головой и зарывается ему в грудь: — Как ты думаешь, мы настоящие муж и жена? — неожиданно спрашивает она.

— Ты что, сомневаешься?

— Викентий Петрович может нас обвенчать?

— Думаю да, — задумался Виктор.

— А ты хочешь этого?

Он целует её в губы, улыбается: — Мечтаю об этом.

— Правда? — Нина крепко прижимается к нему, затем берёт его ладонь и прижимает её к своему животу.

— Ещё не заметно, — шепчет она, — но я определённо знаю, у нас будет ребёнок.

— Как... ребёнок? — шалеет Виктор, и лицо озаряется радостью.

— Два месяца уже, — многозначительно заявляет Нина.

— И ты молчала?

— Боялась говорить, а сейчас мне так радостно.

— Жена ты моя любимая, я такой дом отстрою!

— И чтоб детская была, — настойчиво говорит Нина.

— И детская будет, и ванночку сделаю, воду проведу! — восклицает Виктор, в душе поднимается волна нежности и счастья, но и возникает тревога, граничащая с болью. Мир кругом дикий и страшный, как в нём сможет выжить ребёнок, если даже взрослые с усилием цепляются за жизнь.

— А когда ты дом начнёшь строить? — Нина едва не мурлычет на его груди, её ногти покалывают кожу, словно коготки котёнка и вызывают блаженство в душе Виктора.

— Прямо сейчас, — вполне серьёзно заявляет он.

— Обманщик, — ласково урчит Нина.

— Что ты, я вполне серьёзно, я уже выстраиваю в своей голове схемы комнат и знаешь, сделаю для тебя роскошную ванную комнату и даже зеркало повешу.

— А вот это ты врёшь, — грустно говорит Нина. — Откуда... зеркало?

Виктор, загадочно улыбаясь, извлекает из кармана круглое зеркальце, которое поспешно мигнуло в отблесках луны и едва не вводит в священный транс обалдевшую от восторга женщину: — Мирослав подарил, когда узнал, что у меня жена здесь есть, — тянется с поцелуем Виктор.

Нина мгновенно отвечает коротким поцелуем, быстро отрывается от его губ и, повизгивая от радости, пытается рассмотреть себя в зеркальце: — Ты даже представить себе не можешь, как мне его не хватало! Ещё бы косметику где-нибудь раздобыть, — уходит в разнос она.

— Ты и без косметики достаточно яркая женщина, — осторожно произносит Виктор.

— А ты придумай, как её заменить! — в упор требует женщина.

— Ну вот, стоило поймать «Золотую рыбку» и понеслось, — шутит мужчина, но так хочется сделать ей приятное, что невольно задумывается.

— Я твоя золотая рыбка, — лукаво смотрит Нина и словно озорная обезьянка крутит у своего лица чудесное зеркальце.

Виктор всерьёз задумывается, он даже не ожидал, что его женщина так страдает без таких мелочей как обычная косметика. Вот нож ещё один раздобыть, да железные наконечники для стрел, топоры нужны, рыболовные крючки на крупную рыбу. Косметика... вот выдумала! Впрочем, тушь для ресниц можно из сажи приготовить, пудру из розового известняка натолочь, а губную помаду... над этим надо подумать, вроде в её состав входит воск, какое-то масло и ещё что-то, надо у Виолетты Степановны спросить, она весьма продвинутая женщина, может, и посоветует.

Ночь на удивление тёплая и у костра уютно, права Нина, общая палатка не для них. В каком-то смысле, это коммуналка со всеми вытекающими из этого последствиями. Необходимо для всех отдельное жильё, чтобы у каждого был свой дом и полноценная семья. Коммунальный быт убивает все отношения, ввергает людей в скотское положение, появляется раздражение и злость, а это может непоправимо навредить обществу которое только зарождается. Следует установить законом, тем, кто свяжет себя семейными узами, сообща строить жильё и выделять участок с безвозмездным использованием.

Нина, от переполняющих эмоций, быстро устаёт и засыпает на груди любимого мужчины, сладко посапывая и улыбаясь во сне. Виктор с нежностью смотрит на неё, боясь шевельнуться, чтобы не разбудить, сейчас это будет настоящим преступлением, оборвать её счастливые сны.

Долина, окружённая неприступными скалами, замирает, слабо дымят догорающие костры, все попрятались в палатках, лишь Викентий Петрович и Антон залегли в укрытии над обрывом и наблюдают за берегом.

Викентий Петрович морщит лоб, тревожные мысли не дают покоя. Расселина, ведущая в их долину, слабое звено в обороне, с моря могут пожаловать незваные гости. Судя по всему, Идар профессионал высокого уровня, он скоро узнает об их поселении и не станет ждать, будет действовать быстро и решительно. Он, как и Виктор, понимает: «Промедление смерти подобно». Необходимо произвести разведку, выявить слабые стороны и, к сожалению, первыми напасть на лагерь Идара, иначе, в будущем будет больше проблем и жертв. Очевидно, будут смерти, без этого не обойтись, сейчас на плато обе противостоящие стороны обладают оружием массового поражения — автоматами Калашникова. Это и сдерживает, но и заставляет готовиться к большой войне. Люди нужны, в них сила. Где только их искать? Караби яйла немаленькое плато и в нём бесчисленное количество скал, карстовых воронок, долин, каменных гряд и даже есть редкие леса, а сейчас, к тому же, всё поросло густой травой почти в рост человека. Климат сильно поменялся, с неба часто срываются сумасшедшие ливни и гвоздят некогда иссушенную зноем землю. Скоро на плато поднимутся настоящие леса, заведётся живность. Со стороны моря постоянно прилетают птицы, а кто-то из людей утверждает, что видел как к берегу, прибило целый плавучий остров из мусора и какие-то крупные животные выбрались из него и скрылись на плато. Может это и правда, хотя был после этого шторм, и весь мусор разметало по всему морю, но на берегу были найдены обломки от клеток и кусок доски с надписью: «Зоопарк». Нельзя сбрасывать со счетов, что на Караби яйле появились хищные звери, причем после перенесённого стресса они крайне опасные.

— Ночесветки светятся, — замечает глазастый Антон.

Далеко в море поблёскивают огоньки, как вспышки от фонариков. Викентий Петрович долго смотрит вдаль, затем отрицательно качает головой: — То не ночесветки, какое-то плавсредство, может баржа, это на ней огоньки.

— Вы так спокойно говорите, — встрепнулся Антон, — а ведь им помощь нужна.

— Предлагаешь суетиться, бегать по берегу с факелами? — усмехается Викентий Петрович. — А вдруг там враги? Хотя, ты прав, будем зажигать костёр. От судьбы не уйдёшь, а бог мне говорит, ты прав Антон, там люди и неважно какие. Если спасутся, мы посмотрим, как строить с ними отношения, — батюшка становится серьёзным, он быстро поднимается на ноги. — На берегу много хвороста, надо успеть подать им сигнал. Ты за угольком сходи, а я пока дрова в кучу сложу.

Викентий Петрович бесшумно скользнул расселину и словно испарился, Антон только покачал головой, он всё ещё не привык, что батюшка по совместительству крутой спецназовец.

На берегу скопилось достаточно много сушняка и прочего горючего хлама, в последнее время море стало чаще выкидывать всевозможный мусор, носящий следы исчезнувшей цивилизации людей. Батюшка крестится, удобнее перекидывает автомат, начинает ловко складывать ветки, подготавливая к костру. Огоньки в море то исчезают, то вспыхивают, словно гигантские светляки. Викентий Петрович вздыхает, его раздражают противоречия, он видит скрытую угрозу в призрачных огоньках. Как спецназовец, он не стал бы подавать сигнал, но как священник — прежде думает о судьбах людей по воле божьей застрявших на этой барже между небом и землёй. Странно, что там всё ещё есть живые, уже достаточно много времени прошло с той страшной катастрофы. Вероятно, этот объект автономен и на нём есть всё, включая съестные припасы. Следовательно, люди на нём подготовленные и потенциально опасные.

Шуршит трава, скатываются несколько камней, батюшка без тревоги оборачивается, он знает, это Антон.

Молодой мужчина держит тлеющую головню, грудь вздымается, он весь путь бежал, боялся не успеть: — Баржа не скрылась? — с тревогой всматривается он вдаль. — Быстрее зажигай костёр!

— Им не требуется наш костёр, они целенаправленно идут к берегу и достаточно быстро. Определённо, на нём работают силовые установки, но их не слышно, значит это не баржа и не корабль... это подводная лодка.

— Как лодка? — опешил Антон.

— Атомная.

— Это здорово! — восклицает Антон.

— Кто его знает, у военных своеобразные представления о гуманизме, в какой-то мере я сам такой.

— Но они обязаны нам помочь! — вскричал Антон и суёт головню в сухие ветки.

— Никто нам ничем не обязан. Не суетись, — строго говорит Викентий Петрович, — не если хочешь запалить костёр, разжигай, в любом случае они нас давно увидели.

Антон с усердием раздувает угольки, вспыхивает яркий огонёк, стремительно бежит по сухим веточкам и с радостью вгрызается в пук сена, взлетает огненным столбом, с жадностью накидываясь на толстые ветки вмиг освещая радостное лицо Антона и мрачное — Викентия Петровича: — Давай отойдём от костра, — тянет он за собой Антона, а сам прячет в мусоре автомат. — Ты постарайся, как можно меньше говорить, о народе ни слова. Сначала разобраться надо, что за гости к нам идут, что у них на уме. Людям и раньше нельзя было верить, а сейчас и вовсе опасно.

Подводная лодка уверенно останавливается у самого берега, немалые глубины

позволили это сделать. Она невероятно огромная и давит своей мощью, кажется это галлюцинация, мираж или сон. Как это нереально в вымершем мире, где люди как осколки от хрустальной вазы, разлетелись пылью по всей земле.

На палубе выстроились моряки с автоматами, с рубки спускаются несколько офицеров.

— Привет, народ! — командир атомной субмарины капитан первого ранга странно улыбается.

— Здравствуй, сын мой, — Викентий Петрович осеняет его крестным знаменем.

— Поп, что ли? — кривится командир.

— Священник я, — смиренно опускает голову Викентий Петрович.

— Этот кто? — косится он на Антона.

— Мы вместе с ним на плоту сюда попали.

— Так вас всего двое?

— Двое, сын мой, — батюшка вновь его крестит.

— И что, больше людей здесь нет?

— Никого... одни мы.

— А чем питаетесь? — в голосе капитана первого ранга появляется сострадание.

— Да чем бог даст. То рыбку поймает, то птицу какую.

— Мы на Тибет идём, два места у нас найдётся. Если желаете, можете подняться на борт, — с радушием предлагает капитан первого ранга.

— Только два места? — не удержавшись, спрашивает Антон.

— Может ещё три найдём, — прищуривает глаза военный. — Так вы не одни? — проницательно замечает он. — Женщины есть?

— Бог миловал, — низко опускает голову Викентий Петрович и быстро крестится. — Нет, нас лишь двое и в этом нам дано испытание божье.

— Можно, конечно, прочесать берег, — наклоняется к командиру капитан третьего ранга. — Хотя... кругом скалы, следов человека не видно, а временем мы не располагаем.

— Поднимайтесь на борт, — требовательно произносит командир.

— Нам нельзя, отшельники мы, — словно овца блеет Викентий Петрович и вызывает своим смиренным голосом гадливое выражение на лице капитана первого ранга: — Вообще-то я не люблю попов, — заявляет командир. — Но не в моих правилах бросать людей на произвол судьбы. Хорошо, хотите остаться, оставайтесь, — он оборачивается к одному из матросов: — Скинь им пару клеток с птицей и двух петушков для развода. Отшельники... мать их... хоть одна баба была бы! — с раздражением сплёвывает он за борт.

Матросы скидывают клетки, Викентий Петрович быстро крестится, бьёт поклоны и гнусавым голосом благодарит. Командир морщится, берёт бинокль ночного видения, долго осматривает берег: — Как вы тут живёте, даже хижин никакой нет?

— Почему нет? Шалаш есть, — поднимает просветлённый взгляд батюшка.

— Палатку им скинь и тёплые вещи... лодку со спиннингами, — расщедрился командир. — Не хочу брать грех на душу, боюсь, недолго проживут эти доходяги. Зима нагрянет, могут замёрзнуть... отшельники... мать их. Как эти придурки без баб живут?

— И тебе того же, — как бы, не расслышав слова капитана первого ранга, гнусавит Викентий Петрович и лихорадочно крестит воздух.

Экипаж исчезает в рубке, люк задраивается, огромная махина отваливает от берега, некоторое время тихо удаляется, затем идёт на погружение, хлопнула о рубку пенная волна и подводная лодка исчезает и, словно её и не было.

Викентий Петрович утирает пот, из мусора выдёргивает автомат, старательно очищает, решительно перекидывает через плечо: — Пронесло, — выдыхает он.

Антон с недоумением смотрит на клетки с курами, на лодку, палатку, спиннинги, даже пару кастрюль выкинули, несколько ножей и топор: — Мне это не снится? — он щиплет себя за щёку.

— Нет, Антоша, нам невероятно повезло. При любом раскладе, если бы они обнаружили нашу стоянку, они забрали только женщин, до нас им дела совсем нет.

— Сволочи! — Антон срывается с места, трясёт кулаками в сторону моря.

— Нельзя так, — урезонивает его батюшка, — смотри, сколько ценных вещей оставили. Эти военные пока не растеряли добрых чувств, гуманизм в них ещё присутствует. На Тибет отправились, похоже там много людей спаслось, — задумчиво гладит он бороду.

— Как бы мне хотелось туда попасть, — вздыхает Антон, серые глаза светлеют, он садится рядом с лодкой и кажется, едва не плачет.

— Думаешь, там сохранилась цивилизация, города есть? Не обольщайся, там проблем несоизмеримо больше, чем здесь. Радуйся, что нас не тронули и, дай бог, море нам больше не будет преподносить таких опасных сюрпризов.

Утро просыпается, умывается росой, которая сверкает на бархатистых стеблях, словно нанизанный на них жемчуг и воздух светлеет. Солнце пытается приподняться над скалами, отчаянно цепляясь размытыми красными лучами за перистые облака, но пока без шансов на успех показать своё заспанное лицо миру.

Виктор, вздрагивая от заползающего под одежду холода, очнулся от сладкой дрёмы, осторожно стягивает куртку, бережно накрывает безмятежно спящую женщину, тихо поднимается и в недоумении округляет глаза, на его пути стоят клетки с курами, лодка, кастрюли, ножи, в дерево воткнул топор, на земле лежат спиннинги.

— Откуда? — спрашивает он невозмутимого Викентия Петровича.

— Ночью к берегу АПЛ класса «Борей» подходила. Интересовались, есть ли женщины, я дурака включил, сказал, что кроме меня и Антона никого нет. Пожалели, подарки скинули. На наше счастье сильно торопились, на Тибет идут, иначе проблем у нас было бы немало, женщин точно б забрали.

— Подводная лодка, с людьми? — едва не выкрикнул Виктор.

— С военными, — исправляет его Викентий Петрович. — Ты даже представить не можешь, какой опасности мы избежали. В душе я молился, определённо, бог помог, — суеверно произносит он и привычно крестится, становясь обычным священником.

Событие с АПЛ взбудоражило весь лагерь, кто-то воспылил надеждой, что сохранились города и вскоре придут «добрые дяди» и всех выдернут в светлый цивилизованный мир, но других этот незапланированный визит напугал, их вмешательство может полностью разрушить, то хрупкое равновесие, которое словно балансирует на кончике смертельно заточенной иглы — здесь три варианта, или ты свалишься, или тебя проткнёт этой же иглой, или ты сможешь взлететь с неё, отрастив крылья. Надо отращивать крылья, сидеть на игле не стоит. Виктор улыбается своим мыслям, странно, он во сне летал, словно какой-то мальчишка, желающий стать взрослым.

День начался по намеченному плану, женщины занялись благоустройством лагеря, мужчины, вооружившись дубинами, направились к скрытым под нависающими скалами бухточкам, где нашли прибежище морские животные.

Охота началась по всем правилам, часть стада отгоняют от моря, и понеслось: взмахи дубин, рычание людей и животных, бьющая в разные стороны кровь, вопли, дикие крики, конвульсии умирающих животных и запах — ни с чем несравнимый запах смерти.

Наконец всё утихает, берег завален трупами морских котиков, на камнях лужи липкой крови и она парит как талая вода весной. Викентий Петрович опирается на длинную палку, на лице удовлетворение, а в стороне от всех, Толик из группы спелеологов, рыдает в кустах, пытаясь об листья оттереть кровь несчастных животных, которых он со всеми убивал.

— Какое потрясение для мальчика, — вздыхает Виктор, ему тоже на душе тяжело, но он мыслит философски и видит в мёртвых животных спасение от голода и поэтому на губах змеится слабая улыбка.

— Привыкнет, — Викентий Петрович гладит взъерошенную бороду. — А он молодец, сделал дело, а там можно, и расслабиться и никаких к нему претензий. Это не Гурий, сославшись на любовь к животным, позорно сбежал. Но больше чем уверен, кушать мясо будет и нахваливать при этом громче всех.

— Смотрите, косатки! — Мирослав вытягивает руку, в глазах загорается суеверный страх.

Виктор быстро поворачивается и ему кажется, что сталкивается взглядом с той самкой, что его спасла: — Несколько зверей сбросьте в море, — принимает он неожиданное решение и никто не стал ему перечить, стягивают вводу четырёх морских котиков.

Косатки с удовольствием принимают угощение, а детёныш даже подкидывает одну тушу в воздух, вероятно тренируется.

— У них хорошая память, — обращается Виктор к товарищам, — теперь они нас не обидят, когда мы выйдем на лодках в море.

— Невероятные животные. Они словно обладают разумом, — произносит Павел Сергеевич, с восхищением глядя на огромных хищников.

— У них есть разум и не слабее нашего будет, — с трепетом произносит Виктор. — Это морская цивилизация и у них свои правила. Хочешь с ними дружить, выполняй их законы.

— Это спорный вопрос, — неожиданно рядом возникает умное лицо Гурия.

— А пошёл ты! — взрывается Виктор.

— Не понял, куда именно? — теряется бортмеханик.

— Именно... в жопу, — с присущим ему смирением произносит батюшка, всё также спокойно опираясь на окровавленную палку.

Даже исходя из того что отдали косаткам, мяса осталось столько, что ни один месяц можно спокойно прожить, не думая о еде. Чтобы переработать всё это за один день, нет и речи, Виктор и рад этом, но нетерпение отравляет душу, он знает, что время неумолимо движется и в лагере Идара используют каждое мгновение для увеличения своих сил. Не исключено, что долина, в которой скрывается Виктор со своими людьми, уже известна врагу. К ледяной пещере приходится подходить с невероятными предосторожностями, она окружена остроконечными глыбами и мощными деревьями, засаду устроить легко, но мясо надо где-то хранить и приходится рисковать.

Пост Викентий Петрович расположил на соседней сопке, обзор хороший, место удачное, но неожиданно появился неприятный нюанс, в редком лесочке поселилась стая одичавших собак и с нехорошей озабоченностью начала проявлять интерес к людям.

Виктор хотел было выдавать постам автомат, но Викентий Петрович качает головой, он мудро заявляет, это оружие единственный шанс против вторжения Идара. Не дай бог пост снимут его разведчики и хрупкое равновесие рухнет. Приходится посту вооружаться луками и камнями и каждый день таиться в укрытии в великом напряге. Псы чувствуют себя хозяевами на плато и совсем распоясались. А один раз Виктор наблюдал за собачьей свадьбой и с удивлением увидел, как огромный пёс оседлал весьма похожую на волчицу самку.

— Ты правильно удивляешься, это действительно течная волчица, — с интересом наблюдает за необычной парой Викентий Петрович.

— Откуда здесь волки? — округляет глаза Виктор, но сразу вспоминает разговоры о табличке с надписью: «Зоопарк». — Значит, в клетках всё же были звери. Интересно какие?

— Да какие угодно, от тигра, до медведя. Ещё одна забота, — в сердцах сплёвывает батюшка. — А ведь их кто-то выпустил... сердобольная душа, — он хотел выругаться, но смолчал, вспомнив свой статус священника.

Каким-то образом дикие собаки нашли путь в долину, где строится посёлок. Оказывается, в скалах есть неизвестная пещера, ведущая через скалы. Одичавши псы, едва не

загрызли Свету, но Нина была на высоте, с криками бросилась на свору, швыряя камни и куски земли, и к ней присоединились другие женщины. В этот раз они смогли отогнать собак, но не факт, что так получится в следующий раз, собаки, огрызаясь, скрылись в зарослях, а в их холодных глазах совсем нет страха.

Подножья скал полностью прочесали, но даже Викентий Петрович не смог найти секретный лаз. Его это весьма беспокоит, раз собаки знают про ход, то и враги могут его найти.

Усиленными темпами начались тренировки всех без исключения мужчин. Викентий Петрович тесно сотрудничает с тренером тайских бойцов, который к счастью прекрасно владеет холодным оружием.

Режим построения дня сумасшедший. Как только забрезжит рассвет — подъём, затем, лёгкий завтрак. После него часть женщины уходят в поле, другая начинает заниматься хозяйством. Мужчины до обеда тренируются, затем небольшой отдых и до самой темноты начинается строительство и лишь перед сном есть небольшое время для отдыха.

Неделя пролетела как сброшенная ураганом крыша, затем снесло вторую. Виктор, верный своим словам, готов идти походом против Идара, но прежде думает произвести разведку. Решено плыть на лодке, так можно за день подобраться к его лагерю. Косаток не видно, но вроде как с ними подружились, так что можно рассчитывать на их благосклонность. Но вот с большими белыми акулами не подружишься, как только косатки уходят, неизменно появляются они. Этих тварей словно перемкнуло, могут напасть на любой движущейся по морю объект. Люди часто наблюдали, как акулы набрасывались даже на дрейфующие брёвна и, кроша зубы, рвали крепкое дерево в щепки. Виктору непонятна их агрессивность, может, переключило гены. Сейчас многих переключило, даже люди людей стали есть.

На резиновую лодку грузят длинные копыя. Виктор берёт с собой Антона, вешает на шею бинокль Мирослава, резко отталкивается веслом от берега, лодка проворно прыгает на волну и легко скользит по морю. А на берегу застыла Нина, в её глазах отражается свет утренней луны и сейчас она похожа на сказочную нимфу, такая прекрасная и зыбкая в утренних сумерках. Её губы слегка дрогнули: — Берегите себя! — она взмахивает рукой. Голос слегка дрожит, но в нём явственно прослеживаются нотки гордости за своего мужчину.

Викентий Петрович привычно перекрестил воздух, поправляет автомат, с усмешкой глянул на насупившуюся Аню, у которой в глазах тоже надежда, но какая-то мрачная. Игнат пытается её обнять, но она передёргивает плечами, эротично колыхнув полными грудями, что-то со злостью говорит и уходит, а он покорно следует за ней, в растерянности почёсывая густую бороду. Павел Сергеевич уже привычно обнимает за талию Виолетту Степановну, очень похоже, что их отношения приближаются к весьма понятному финалу. Толик Белов и Света, держатся за руки, словно школьники на выпускном вечере. Парень выпячивает перед ней грудь, а она застенчиво улыбается и краснеет, но иной раз, да и стрельнёт взглядом, из припущенных ресниц, на тренера бойцов Николая Андреевича. Одним словом, жизнь налаживается со всеми своими житейскими проблемами.

Море с ночного сна ещё не успело разболтаться, лениво шлёпает лёгкой волной по скалистому берегу, тёплый ветерок обдувает лица, а воздух пронзительно чистый и вкусный, что хочется дышать и дышать. Вытряхнув со своего могучего тела людей, словно кусающихся блох, Земля стремительно выздоравливает. Некому сейчас гадить в атмосферу, извергая

клубы вонючего дыма из многочисленных труб. Нефтяные пятна скукожились и, без постоянной подпитки, скручиваются, рассыпаются и уходят в глубину, а там на них как звери, накидываются голодные бактерии. Лёгкие Земли — растения, получив приток свежего кислорода, расправляются, всюду стремительно поднимается изумрудная трава, и вытягиваются ветви — будущие исполинские деревья.

Антон берётся за вёсла и с удовольствием гребёт, стараясь не уходить далеко от берега: — Такое чувство, что мы на рыбалку собрались, вот так с батей выходили на ловлю кефали, — с ностальгией вспоминает он.

— Сейчас кефаль не поймает, — замечает Виктор, — больше тунец ловится, рыба вкусная, но согласен, иногда так хочется черноморской ставридки, окуней, да и от ершей не отказался.

— Мне ставридка нравится зажаренная до хрустящей корочки, можно даже с косточками есть. Сейчас бы полную тарелку и холодным пивком запивать, — закатывает глаза Антон.

— Ты в море сильно отворачиваешь, — беспокоится Виктор, — акулы могут появиться... от пивка я тоже не отказался, — продолжает развивать тему он и поднимает к глазам бинокль: — Акул пока не видно, — он с напряжённым вниманием всматривается в свинцовую поверхность моря, затем переводит взгляд на берег и с тревогой произносит: — Собаки, целая стая, бегут параллельно нам.

— Странное поведение, — бросает вёсла Антон и тоже смотрит на берег.

— Ничего странного, — криво ухмыляется Виктор, — они ждут, когда мы пристанем к берегу.

— Обнаглели, твари, — чернеет лицом Антон.

— Наверное, на землю не раз выбрасывало людей, цепляющихся за обломки, собаки привыкли на них охотиться. Они настоящие людоеды и человека совсем не боятся.

— Виктор, у нас гости, — отпрянул в центр лодки Антон.

— Становись на вёсла, правь к берегу, отмель поищем, — Виктор так же видит чёрный плавник огромной белой акулы. Он не спеша берёт копьё, прислоняется к борту и направляет остриё в воду.

Одичавшие собаки тоже её замечают, возбуждённо прыгают по берегу, хрипло лают, виляют хвостами и всем своим видом выражают радость.

— Они предвидят результат, — хмурится Виктор, бросая неприязненный взгляд на ликующую свору. — Гребки к берегу, надо оказать этим умникам кто настоящий хозяин на плато.

Антон сильно смыкает губы и уверенно налегает на вёсла, стараясь уйти от приближающейся акулы. Собаки скачут в траве, подвывают, некоторые самые наглые бросаются в море, бегают по мелководью и отрывисто лают.

— Правь к тому кабелю, это вожак, — Виктор удобнее перехватывает копьё.

Матёрый пёс страшен, шерсть на холке вздыблена, морда скалится, но он не лает, а пристально смотрит и от его взгляда становится неуютно и под лопатками зашевелился нехороший холодок.

— Кавказец, — замечает Антон.

— Это он с волчицей был. Вот он нам и нужен, а в воду не заходит, опытный боец, — с неудовольствием произносит Виктор.

Белая акула проплывает в непосредственной близости, делает круг вокруг лодки,

Виктор выставляет копьё, с хрустом сжимаются пальцы, напряжение растёт.

— Метров шесть, — шепчет Антон, осторожно вытягивая вёсла из воды.

— Это самка... изучает нас. Даже если слегка носом подденет, лодка мигом перевернётся.

— Большая дура. Что делать будем? — Антон не сводит взгляда с морской хищницы.

— Расслабиться получать удовольствие, — шутит Виктор. — Главное не дёргаться и пока грести не стоит, может она просто от любопытства плавает вокруг нас.

— Ага, вот и собаки так считают. Смотри, с какой радостью прыгают по берегу, — Антон с ненавистью бросает взгляд на берег.

Возбуждение в стае доходит до предела, псы уже не просто лают, хрипят, выплёвывая из пасти пену. Белая акула лениво проплывает рядом с берегом, и даже самые смелые собаки выскакивают на берег и с шумом отряхиваются, смешно шатаясь на лапах. Они прекрасно знаю, для акулы нет разницы между человеком и жилистым псом.

Лодка медленно дрейфует к берегу и неожиданно акула скрывается под водой.

— А теперь держись, — белеет от страха Виктор и наклоняется над бортом, вода по сторонам копьём. Впрочем, оно для морской хищницы, словно спичка в зад, лишь разозлит.

Проходит время, а её всё нет, уже и глаза болят от напряжения, высматривая её в глубине. Вот и собаки волнуются, недоумевают, зачем она бросила лодку? Вновь несколько псов с опаской заходят в воду, но очень скоро распалются и лают громче прежнего, лишь вожак выжидает на брежу — умудрённая жизнью сволочь.

Как взрыв взлетают брызги вперемешку с пеной, огромная туша как торпеда летит на отмель, истошный визг и жалобный скулёж, белая акула хватает одного пса и сползает назад в глубину.

Антон вскакивает, едва не перевернув лодку, хохочет, бьёт по ляжкам. Виктор с силой усаживает его на прежнее место: — Что так разволновался? — с укором произносит он. — Становись на вёсла, живее уходим отсюда, за теми скалами собаки нас не достанут.

Они гребут по очереди, лёгкая резиновая лодка уверенно прыгает по мелкой волне. Берег, со сворой одичавших собак, скрывается за красноватыми скалами и вновь он безжизненный и первобытно дикий.

— Как быстро всё дичает, — Антон сейчас отдыхает и с интересом смотрит на проплывающий берег, но не забывает придерживать копьё, акула может вернуться, что ей для огромного желудка дрожащий тощий пёс.

— Это мы дичаем, — с усмешкой говорит Виктор, с силой налегая на вёсла, — а земля, наоборот, возрождается. Ты посмотри, как всё изменилось за столь короткий срок. Каменистая поверхность с чахлой растительностью словно взорвалась и распушилась густыми травами.

— Говоришь как поэт, — улынулся Антон. — А скажи, кем ты был в прошлой жизни?

Виктор на миг перестаёт грести, пожимает плечами: — Кем я был? — переспрашивает он. — Сам не знаю... человеком... наверное.

— Я имею ввиду, до катастрофы, — уточняет Антон.

— И я это и имею в виду, — серьёзно заявляет Виктор и усмехается. — Мне многое не нравилось, и было не понятно, почему грамотные, добрые, трудолюбивые люди, как бы они не пыжились, топчутся где-то внизу, а наглые и, далеко не всегда умные, но хитрые — на недостижимой высоте. Почему, допустим, космонавт, выходящий в открытый космос, рискующий каждый миг жизнью или учёный, переворачивающий неким открытием

понимание мироздания Вселенной, инженер, конструирующий механизмы и прочие-прочие, по уровню жизни далеко, относительно какого-нибудь обычного чиновника дорвавшегося до власти, или известного пародиста, ростовщика, суживающего деньги под проценты или футболиста...

— Ты не любишь футбол? — не преминул съязвить Антон.

— Обожаю, — хмыкает Виктор, — но только не тот, в котором играют бизнесмены, а тот, где сражаются за победу патриоты, у которых в глазах не баксы, а флаг страны.

— Как высокопарно, — улыбается Антон.

— Ты думаешь? — Виктор странно улыбается.

— Это, конечно, верно, но природу человека не сломаешь. По своему характеру он хищник и всегда на высоте будут те, кто сильнее, — с сомнением в голосе изрекает Антон.

— Считаешь, что какое-нибудь мурло, путём крупномасштабного мошенничества, ставший олигархом, должен быть сильнее нас?

— Такова жизнь, — опускает взгляд Антон, а в глазах появляется злость. — Большие деньги — безграничная власть.

— К счастью не у кого сейчас денег нет, — произносит Виктор, с усилием двигая вёслами.

— Будут, — хмыкает Антон. — Когда-нибудь всё вернётся на прежние места.

— Не вернётся, уверенно произносит Виктор. — Деньги, конечно, появятся, но они станут эквивалентом труда, а не наживы.

— Каким образом? — в глазах Антона неприкрытый скепсис.

— Будет запрет на любые виды процентов, из денег нельзя станет делать деньги.

— Ростовщиков на кол, как в древнерусские времена! — юродствует Антон.

— А ведь это идея, — Виктор с глубоким уважением глянул на парня.

— Ты чего? — внезапно пугается Антон. — Я шучу!

— А я нет, — и непонятно, серьёзно говорит Виктор или нет.

— Шутишь, — хохотнул Антон.

— На кол, конечно, сажать не будем... акулам, на прокорм отдадим.

— Понятно... шутишь, — улыбается парень.

— Тебе что, ростовщиков жалко? — в упор спрашивает Виктор.

— Нет, но представь, банк даёт деньги. Он что, не имеет права за это получать свои проценты?

— Он должен единоразово получить лишь за выполненную работу и не более того.

— Тогда он не будет давать займы.

— И ладно.

— Но ведь это неправильно! А вдруг эти деньги, могут спасти чью-то жизнь.

— Так дай без процентов, — улыбается Виктор.

— Западло, вот так просто и ничего с этого не иметь, — заявляет Антон. — Мне кажется, должны быть разумные проценты.

— Разумных процентов не бывает, это обыкновенная нажива со всеми вытекающими из этого последствиями. И всё покатится как прежде, возникнет дикий перекоп в распределении благ. Вновь производитель окажется в жопе, а предприимчивый делец на его шее.

— Вообще, я некоторым образом согласен с тобой, но мне кажется, это утопия, — осторожно произносит Антон.

— Если быть наивными и жадными, то утопия, — кивает Виктор.

Антон замыкается в себе, что-то думает, под черепной коробкой извилины становятся дыбом от невероятных умозаключений непонятного человека, который когда-то спас его, от своры одичавших собак. А ведь Антон даже спасибо ему не сказал, как-то сразу в штыки воспринял. Но может он действительно тот, за которым стоит идти? Антон вздыхает, вспоминает, что дал ему присягу и неожиданно понимает, это не просто слова, закончилось лицемерие и ложь, он пойдёт за этим человеком, даже если тот поведёт всех в свою утопию. Но вдруг он прав и найдёт путь в ту страну?

— Хватит лоб морщить, меняемся, уже мышцы занемели, — слышится насмешливый голос Виктора и опускает его на грешную землю.

Антон пересаживается, хмурится, умело опускает вёсла в воду: — Я присягнул тебе на верность, но скорее всего под давлением товарищей, а вот сейчас понял, пойду за тобой до конца.

— Спасибо, — серьёзно говорит Виктор, — но тяжело тебе будет со мной.

— Это мои проблемы, — с упрямством заявляет Антон, — я для себя всё решил.

Зыбкую, в светлом небе, луну сдувает за горизонт, а солнце уверенно перебирается на небосвод и щедро пускает тёплые лучи, согревая продрогшую за ночь землю и людей.

Антон скидывает куртку, на его разогретом молодом теле перекатываются сильные мышцы, он без труда взмахивает вёслами и с радостью налегает на них, словно не знает, как распорядиться своей силой. Раны от укусов одичавших собак срослись, и шрамы на их местах странным образом украшают тело, а на его шее болтается медальон — куриный бог на кожаном ремешке, подарок Яны из группы тренера Николая Андреевича.

Эта девушка своеобразная, независимая, гордая и достаточно приземлённая. В ней нет места для воображения и фантазии, её ум расчётлив, она в меру эгоистична, но главная её черта — готовность на самопожертвование ради неких возвышенных идей. Яна чётко определила в Антоне родственную душу и в силу характера не стала скрывать своего влечения к нему. Антон с интересом отнёсся к её вниманию, но не бросился на неё как изголодавшийся молодой лев, а с невероятной тактичностью поддержал её чувства, предпочитая здоровые отношения мимолётному шквалу эмоций.

— Наш старый лагерь, — с ностальгией произносит Виктор, подносит к глазам бинокль. На берегу виднеется свежий след от костра, а у ближайшего дерева срезаны все нижние ветки. — Кто-то здесь есть или был, может даже люди Идара, — замечает он.

— Подойдём? — Антон вёслами притормаживает ход лодки.

— Обязательно. Но только зайдём за мыс, там есть небольшое укрытие, а тут мы как на ладони, — Виктор внимательно осматривает знакомый берег, душу кольнули воспоминания, ведь именно здесь он спасся с Ниной. Затем сообща боролись за жизнь, голодали, мёрзли, потом как-то наладили быт, но самое главное — полюбили друг друга. А вот сейчас, знакомые места, несут скрытую угрозу.

Лодка втискивается вглубь погибающего от морской воды кустарника, тыкается о шершавое дно, проскрипев толстой резиной по неровностям, наползает на берег и вязнет в мешанине из колючих веток и мёртвых листьев.

Антон быстро выпрыгивает и привязывает лодку к корявому корню: — Местечко, я тебе скажу, — оглядывается он.

— Мрачноватое, согласен, но нас в нём непросто найти.

Виктор, стараясь не ломать сухие ветки, уверенно протиснулся в самую глубь

кустарника, а за ним, сжимая в руках копьё, двинулся Антон. Очень скоро они выходят из зарослей к провалу в земле.

— Что за пещера? — удивляется Антон.

— Она недавно образовалась. Видно морская вода проникла в подземную полость и свод рухнул.

— Занятно. Посмотреть бы её, — с жадностью заядлого спелеолога изрекает Антон.

— Потом, — усмехается Виктор. — Левее сворачивай, там есть проход между скалами.

— Запах какой-то, — напрягается Антон, крутит шей и с неудовольствием морщится.

— Издох кто-то, надо сходить, глянуть что это, — Виктор тоже ощущает слабое зловоние, волнами доносящееся издалека.

Они выходят в редкий лесок, заваленный каменными глыбами. В своё время здесь был проложен маршрут для спелеологических групп и экспедиций, тропа всё также чётко виднеется на земле. По ней не раз и Виктор с Ниной ходил к соседней бухточке. Там, на склонах крутых холмов, растёт тёрн. Его выкапывали, и Нина высаживала на своём поле, в надежде как-то окультурить и облагородить.

За нагромождением из камней тучами взметнулись зудящие мухи, смрад безжалостно проникает в лёгкие, сбивает дыхание. Виктор копьём раздвигает ветки и в ужасе отпрянул, на камне лежит труп женщины, а в центре грудной клетки — сплошное кровавое месиво, всё тело в рваных ранах и многочисленных ссадинах.

Антон невольно вскрикивает, хватается за рот, сдерживая рвотные позывы: — Что за чёрт! — выругался он.

Виктор со страхом всматривается в мёртвое лицо, что-то знакомое виднеется в изуродованном тленом лице: — Это Марина, она меня спасла, — уверенно произносит он, — странно, я мог всё что угодно ожидать от Идара... даже иголки мне под ногти... но не это. Очень не похоже на него. Зачем он это сделал? Неужели это воспитательный момент для своих рабов?

— Мне кажется, он очень хотел, чтобы ты это увидел. Наверное, по этой тропе часто ходил? — проницательно замечает Антон.

— Бывало. А он, как профессионал, это понял. А ведь нам объявили настоящую войну, — кривая усмешка передёргивает лицо, Виктор оглядывается. Тишина, лишь противно зудят мухи. — Похоронить надо, — он вытаскивает нож, ищет подходящее место, замечает молодой бук, уверенно стремящейся к небу, отмечает контуры будущей могилы, с хрустом вонзает лезвие в каменистую землю. Пустота и горечь заполняют душу, словно он виноват в смерти этой жизнерадостной женщины. Виктор, обдирая руки в кровь, работает с лихорадочностью обречённого и, Антон с озабоченностью и даже страхом поглядывает на него, стараясь поспевать за ним. Яма готова, тело женщины укладывают на дно, припорошили душистыми листьями и засыпают землёй. Затем Антон царапает на дереве надпись: «Марина».

— Теперь эта тропа будет называться в её честь — Тропой Марины, — Виктор смотрит на свежий холмик и добавляет: — А прощать это нельзя, Идару осинового кол в живот всажу, его прихвостней акулам швырну, а его поселение сожгу.

Словно в подтверждение его гневных слов, темнеет, порыв ветра с усилием продирается сквозь заросли и освежает разгорячённые лица, в небе змеится молния, похожая на артерии и вены человека, как выстрелы из корабельного орудия срываются громовые раскаты и катятся по небу, словно обвал с гор.

— Уходить надо, сейчас будет такой ливень, мама не горюй, — Антон почтительно трогает Виктора за плечо.

— К старому лагерю пойдём, — востропел Виктор, отбрасывая из сознания оцепенение.

— Опасно. Вдруг там засада?

— Там никого нет, — уверенно заявляет Виктор.

— Как скажешь, — пожимает плечами Антон, — но я пойду впереди.

Виктор внимательно поглядел на парня и быстро двинулся вперёд, часто бросая взгляд на небо. Ливень ожидается не рядовой, впрочем, как и всё на этом плато.

Молнии пока в сухую пляшут в небе, надрывается гром, сгоняя чёрные тучи, которые каким-то чудом сдерживают скопившуюся воду.

— А Марина красивая была? — всё ещё под впечатлением от ужасного события, выкрикивает Антон.

— Красивая. Зачем ты это спрашиваешь? — оборачивается Виктор.

— Я её нарисую.

— Ты что, художник?

— Нет, но рисовать умею.

— Ты же не видел её настоящего лица.

— Странно, но у меня перед глазами стоит её образ. У неё ведь глаза с голубым оттенком, верно?

Виктор судорожно вдыхает воздух и неожиданно вспоминает её взгляд, а ведь он действительно был какой-то льдистый: — Всё верно, ты правильно её видишь.

Первые тяжёлые капли плюхаются в траву, прогибая стебли своим весом почти до земли, мужчины ускоряют шаг и переходят на бег. Наконец-то появляется знакомое поле, поросшее густой травой и вот они озираются на месте прошлой стоянки. От грубых хижин, когда-то построенных Игнатом и Сашей, остались одни обугленные головешки, а дом, с таким трудом построенный Виктором, развален и изгажен.

— М-да, достаточно низко и подло, — замечает Антон.

— Идар определённо делает нам вызов. Он даже не догадывается, что я его давно принял. Только на такие мелочи размениваться не буду, я затушу его амбиции как сигарету о плевок, — несколько раздражённо произносит Виктор, ему до боли в душе тягостно смотреть на все эти разрушения. Именно так поступали варвары на заре становления своих цивилизаций и странно видеть, что так же поступают и современные люди. Неужели ничего не поменялось за прошедшие тысячелетия? Как это по-детски naивно, взять и сломать то, что с таким трудом сделали другие. Даже для разнообразия ничего нового не придумали.

— Где теперь нам от ливня спрятаться? — с озабоченностью в голосе спрашивает Антон.

— Здесь есть укрытие... если его не засыпало, — Виктор откидывает камни, и с облегчением вздыхает: — Славу богу они не догадались, что под полом пещера.

Мужчины вовремя освобождают от камней деревянный люк, поспешно протискиваются в узкий лаз, прикрывают за собой крышку и, с неба срывается настоящий водопад.

В узкой пещере сыро и холодно, начинает бить озноб. Виктор тянет за собой Антона: — Чуть ниже небольшой зал, я туда кое какие вещи скинул, пару одеял найдём.

Некоторое время он шарит в темноте, с недоумением хмыкает: — Не пойму, они были здесь. Куда всё подевалась? Такое ощущение, что кто-то их забрал, но это исключено, люк

был хорошо замаскирован и засыпан камнями и его, понятное дело, никто не обнаружил. Но где вещи? Или всё же здесь кто-то был? — у Виктора нехорошо становится на душе, он внезапно вспоминает, ведь Идар, бывший ГРУшник, такая мелочь, как замаскированный ход, для него словно семечки щёлкать. А вдруг это ловушка?

— Что-то не так? — встревожился Антон.

— Пока не знаю, но вещей нет.

— Значит, здесь уже были, — обыденным тоном произносит Антон. — Что и следовало ожидать, сейчас любое тряпье на вес золота. Так может Нина забрала? — со смешком высказывает он догадку.

— Она боялась сюда спускаться, тут домовых пауков развелось во множестве, — Виктор с раздражением смахивает рукой липкую паутину и хладнокровно давит ладонью выскочившее из неё членистоногое существо. — Меня удивляет, зачем ход вновь замаскировали? Для какой цели? Так... давай выбирать! — неприятный, какой-то липкий страх выплывает из глубины сознания и выбрасывает сгусток адреналина в кровь. Виктор поспешно протискивается назад, пытается отбросить крышку люка, но она словно залита свинцом.

— Сами себя поймали, как бестолковые овцы влезли в западню, — Виктор всё ещё пытается откинуть люк, но это не реально, на нём горы камней. Кто-то основательно подсуетился, закладывая крышку. — Нас давно заприметили, еще, когда я кострище увидел, — с горечью диагностирует он, — а ведь чувствовал, кто-то за нами наблюдает, Идар пост оставил... на всякий случай. Вот подарок мы ему! — в сердцах восклицает Виктор.

— Что делать будем? — голос у Антона встревоженный, но страха в нём нет, он привык к пещерам, они для него — что дом родной.

— Люк не выломаем, там, наверху, хорошо постарались... чтоб их дождём смыло.

— А ты эту пещеру хорошо знаешь? — вкрадчиво спрашивает Антон.

— Да она не совсем пещера, чуть ниже спуск запирает озерцо.

— Это сифон, — уверенно произносит Антон.

— Да уж, наверное, — не сдерживает горький смешок Виктор, — и толку, я не знаю, насколько заполнен ход водой, может там не один десяток километров.

— На Караби яйле короткие сифоны, — гнёт свою линию Антон.

— Даже если мы переберёмся за него, а дальше что? — Виктор пытается скрыть раздражение, но голос дрожит и гневно вибрирует.

— Этот лаз не естественный ход в пещеру, он образовался от подвижек в земной коре, а настоящий ход не здесь и его следует поискать, — звучит неунывающий голос Антона и Виктору внезапно становится стыдно за свою минутную слабость и уже вполне нормально произносит: — Что ж, сейчас любая идея — идея. Ждать смерти под крышкой люка глупо, лучше сгинуть где-нибудь в лабиринтах пещеры... так интереснее, — пытается шутить он.

В крошечной тьме слышно как Антон снимает себя рюкзак, роется, что звякает, щёлкает: — Как знал, авто-фонарь с динамо подзарядкой прихватил, — слышится его довольный голос.

— У тебя есть фонарь? — не верит Виктор.

— Есть. Чем чаще крутишь ручку, тем дольше светит. Хорошая модель, можно под воду с ним нырять и как молотком пользоваться. За самый быстрый проход отрицаловки в качестве приза получил, — со смешком говорит Антон и несколько минут жужжит ручкой, затем вспыхивает яркий свет.

В молочно белом свете стены пещеры словно смыкаются, бегут тени, будто спешащие спрятаться злые гномы, колыхнулась ближайшая паутина, её хозяин спешит забиться в щель от греха подальше. Геккон ловко протиснулся в щель люка, и он свободен. Счастливец, он знает много путей, пещера его дом родной.

Виктор с интересом осматривает стены давно знакомой пещеры, при мощном освещении они воспринимаются иначе, нежели от чадающего факела. Луч фонаря решительно пробегает по натёчности и задерживается на едва заметном рисунке.

— Что это? — склоняется к нему Антон.

—словно ребёнок намалевал, — Виктор щурит глаза, качает головой и добавляет: — Злой ребёнок.

— Впервые с такой живописью сталкиваюсь, а ведь она времён неолита. В большинстве случаев зверей рисуют и охотников с копьями, но чтоб человек протыкал копьём другого

человека... такое впервые вижу. Необычный рисунок, будет возможность, Павлу Сергеевичу покажем. Интересно, что он скажет по этому поводу? — Смотри, над одним стилизованно нарисована Луна, а над другим — Солнце. Здесь есть какой-то смысл.

— Ночь и день, пещера и поверхность, обычное шаманство, — говорит Виктор и невольно оглядывается. — Но нам уходить надо, потом разгадаем смысл рисунка.

— Может то дух пещеры? — у Антона впервые дрогнул голос.

Виктор про себя улыбнулся, он давно заметил особенность спелеологов, становиться в горах суеверными, а в обычной жизни они сами подшучивают над своими страхами. Вот и Антон растерялся, наверное, вспомнил легенду о чёрных и белых спелеологах. Взрослые мужчины, но как дети, живых надо бояться, а не духов пещер. Виктор решительно забирает фонарь и ползёт к чёрному лазу.

Через несколько проходов мужчины упираются в водяной заслон. Спуск преграждает неподвижное озеро.

— Типичный сифон, — Антон берёт фонарь, некоторое время водит по стоячей воде. — А вода холодная, впрочем, мне не привыкать, — он зябко поводит плечами, ставит фонарь на пол, решительно скидывает одежду и запикивает её в рюкзак. — Если меня через десять минут не будет, не ныряй, — он осторожно спускает в ледяную воду ноги, морщится, глубоко дышит, собираясь с силами и решимостью, — фонарик дай, — протягивает он руку.

У Виктора возникает желание его остановить, ведь, неправдоподобно и дико, нырять неизвестно куда, кажется это настолько глупо, неправильно. Неужели Антон совсем не боится? Да нет, медлит, дышит с усилием и тяжело. Виктор собирается решительно запретить нырять, но что дальше, в живых их не оставят, освежают как Марину, в назидание другим. Нет уж, лучше использовать любую возможность, пусть даже, если она пахнет безумием, ситуация безвыходная, рисковать придётся. Идар словно с цепи сорвался, и всех, кто будет ему мешать, не задумываясь, убьёт.

— Какой шанс, что сифон можно пройти? — обращается он к Антону.

— От нуля до тридцати процентов, — Антон глубже сползает в воду, начинает сильно дышать, делая гипервентиляцию лёгких.

— А потом найти выход на поверхность?

— Более десяти процентов. У нас не основной вход, он в другом месте.

— Впечатляет, — вздыхает Виктор.

— Но это так, — Антон неожиданно делает глубокий вдох и ныряет.

Белый свет от фонаря скользит в глубину и внезапно меркнет, Виктор привстаёт от беспокойства, но догадывается, Антон находит горизонтально отходящую полость и уходит в неё.

— Раз, два, три... — отсчитывает Виктор секунды — ... сто... двести... пятьсот, — Виктор перестаёт считать, горечь пронзает душу, сердце болезненно сжимается. В душе он понимал, что затея весьма зыбкая на успех, но надежда была. А сейчас он потерял товарища и ничего в его положении не изменилось. Жаль Антона, таких мужчин мало. И почему смерть выбирает лучших?

Виктор всё ещё сидит в крошечной тьме, а пальцы нащупывает рукоять ножа, скоро он понадобится, дорого он отдаст свою жизнь. Жаль, что вновь так бестолково попал в примитивную ловушку, пора бы уже как-то научиться жизни, но другого шанса всё исправить уже не будет. Остаётся только биться как зверь и скрежетать зубами от досады, что все его идеи останутся нереализованными. Нина... неужели она достанется Идару? А

будущий ребёнок? Он его определённо убьёт.

Словно галлюцинация в воде появляется тусклое пятно света, разрастается, с шумом выбрасываются вверх руки, Антон судорожно дышит и смеётся: — Что, не ждал? А я вот он!

— Антон, этого не может быть? — а в великом потрясении вымолвил Виктор.

— Воздушных куполов пять штук прошёл, никогда со мной таких приключений не было. Выход есть, там пещера реально огромная и в ней никто не был, я первый её открыл и назову её — в честь Яны.

— Антон, ты живой или мне мерещится?

— Скидывай одежду и пихай в мой рюкзак, он водонепроницаемый и поторопись, я сильно замёрз, в любой момент могу хватануть переохлаждение. Запомни, держаться строго меня, как только мигну фонарём, поднимайся, там воздушный купол, отдышимся и к следующему. Последний рывок достаточно серьёзный, но ты выдержишь, — окидывает его Антон внимательным взглядом, помогает закрыть рюкзак, предварительно положив туда пару увесистых камней, пристёгивает к спине. — Ну, с богом, — делает глубокий вдох и вновь уходит в чёрную бездну.

Напоследок Виктор оглядывается, во тьме скользнули светлые лучи, люк открыли, в любую секунду здесь окажутся люди Идара. Больше не раздумывая, ныряет. Ледяная вода обжигает как кипяток, а потом возникает пронизывающий холод, становится до умопомрачения страшно. Виктор мгновенно теряет ориентацию, где выход — где вход, уже не знает, бьётся спиной о шершавый свод, рвётся вперёд — обдирает плечи, судорожно водит по сторонам головой. Так некстати, из глубин сознания, выплывает чёрная паника, он с трудом её комкает, стискивает зубы и, сразу замечает тусклое пятно. Словно умалишённый, бросается к нему, лихорадочно загребая руками и, от перенапряжения и возбуждения, стремительно теряет в лёгких остатки кислорода. Вот так люди и умирают, возникает страшная мысль. Виктор заставляет себя успокоиться и плыть более размеренно, становится легче и на душе и физически. Надо же так запаниковать! От злости на самого себя, бьёт локтём по своим рёбрам, ощущает боль и окончательно приходит в себя. Антон уже проплывал сквозь этот участок и, ему было в сто раз сложнее и страшнее... как за себя стыдно. Вот дурак, застрял бы от страха в какой-нибудь щели, словно глупый щенок!

Они сходу уходят в горизонтальную полость, плывут в сужающемся тоннеле. Проходит минута, следующая, легкие судорожно рвутся под рёбрами, вот-вот лопнут, холод отступает, появляется противная слабость, но вот мигает фонарь и Виктор ринулся вверх, обдирая тело о шершавые стены. Он даже не понял, что вынырнул, но слышит судорожное дыхание Антона и, едва не с криком, делает вдох и с наслаждением дышит, постепенно успокаиваясь и оглядываясь по сторонам. Они в каменном мешке, заполненном воздухом, луч от фонаря бежит по потолку, скользит вниз, замирает напротив Виктора.

— Ты как? — насмешливо спрашивает Антон.

— Едва не обосрался, — искренне говорит Виктор.

— Осталось ещё четыре воздушных купола, между ними небольшие расстояния, — спешит успокоить его Антон, но последний путь, даже я с трудом прошёл, так что, будь к нему морально готов. Но ты обязан его пройти, — с неожиданною строгостью произносит он.

— Значит этот этап, что прошли... пустяк? — Виктор невольно опускает взгляд.

— Не пустяк, а пустячок, — смеётся Антон. — Испытание нас ждёт впереди.

— И как ты ныряешь под землёй? Я, ладно, за тобой плыл, но если бы не было этой

пустоты, ты б вернуться не смог.

— Я чувствую воздушные купола, не знаю как, но ощущаю... по каким-то признакам, это как озарение, знаю, что они впереди. Правда, последний этап с трудом прошёл. Нам придётся, минут пять, гипервентиляцию сделать, вдохнуть воздух до головокружения, пока не появится состояние опьянения.

— Просто вдохнуть воздух?

— Глубоко и часто... минут пять. Имелся бы баллон с кислородом, было бы намного проще, но и без него справимся. Сейчас на одном вздохе можно до следующего купола пройти. Затем сразу до другого, там также задерживаться не следует, воздуха в пустоте мало. В предпоследнем отдыхаем, заряжаем лёгкие кислородом и вперёд... главное рот не размыкать, глотнёшь воды и ты мертвец.

— Перспектива туманная, — Виктор вновь испытывает в груди противное чувство, но мгновенно его выталкивает, становится сосредоточенным, полностью вытисняет страх, даже появляется некий азарт, даже весело стало.

— Всё же лучше, чем к твоему другу в лапы попадать, — улыбается Антон. — А ты молодец, даже улыбаешься! — неожиданно произносит он.

Действительно, путь до следующих воздушных куполов достаточно лёгкий, единственно, колотит от пронизывающего холода, дрожь невозможно сдерживать, даже грести трудно.

В очередном сифоне, Антон, успокаивающе произносит: — Это хорошо, что трясёт, вот если появится ощущение тепла, это начало кирдыка.

— Значит, радоваться надо? — Виктор выстукивает зубами громкую дробь.

— Ага. Начинаем глубоко дышать.

Через некоторое время пространство плывёт, шумит в ушах, появляется чувство невесомости и действительно — опьянения.

— Пора, — шепчет Антон и, внезапно в его глазах, Виктор замечает страх.

Он легко ныряет, озаряя темноту ярким пучком света и, стремительно уходит в отрыв. Виктор торопится его догнать, боясь потерять белое пятно, ускользающее во мраке. Может, начинаются симптомы опасного переохлаждения, так как появляется в теле тепло, но вернее всего — это состояние вызвано возбуждением и рвущейся наружу энергии. Страх исчезает, тяга к жизни и азарт выходят на первые роли. Лёгкие давно пронзают рези, судорожно втягивается живот, но Виктор словно залил рот сургучом. Не что в мире сейчас не заставит его открыть. Под черепной коробкой плывёт красный туман, начинает мерещиться неизвестно что: вот сдвинулась тень от подводной скалы, блеснули белые глаза, нечто, напоминающее труп, скользнуло под ним и, растопырив белые пальцы, уходит на глубину. От недостатка воздуха, Виктор на грани умопомрачения и галлюцинации его не трогают, быстрее бы всё закончилось, скорее бы выбраться из жуткой тьмы и дышать, дышать.

Туманный свет метнулся вверх, на миг блеснула плёнка поверхности воды — это спасение.

Виктор выныривает, с криком вдыхает воздух, с трудом вползает на пещерный пол, садится рядом с Антоном и всё не может перевести дух. Лёгкие болят, в голове тяжесть, но красный туман сползает, возвращая зрение.

— Мне кажется у нас переохлаждение, — без эмоций произносит Виктор, — совсем не чувствую холода.

— Здесь действительно не холодно и тот участок, что с трудом проплыли, вода в нём

как в горячей ванне, — облизывает губы Антон, держась руками за бок, а сквозь пальцы просачивается кровь.

— Где зацепился? — волнуется Виктор.

— Об камень... утопленника увидел, от неожиданности в сторону дёрнулся...

— Откуда здесь утопленники?

— Сейчас пещера соединяется с морем, приливом затащило.

— Надо быстрее убираться отсюда, — Виктор расстёгивает рюкзак, вытягивает свою одежду, быстро одевается, на пояс пристёгивает нож.

Антон с готовностью кивает, так же быстро облачается в свою одежду, некоторое время светит по пещерному залу, определяя направление. К глубокому сожалению, ходов ведущих вверх он не обнаружил.

— Я так понимаю, нам надо спускаться вниз? — с грустью улыбается Виктор.

— Иногда необходимо спуститься вниз, чтобы подняться, — неопределённо произносит Антон. — Всё же должен быть выход, будем искать.

— Очень не хочется на пещерных тварей наткнуться, — передёргивается Виктор.

— В пещерах нет жизни... разве что, жуки, пауки, саламандры, — уверенно произносит Антон.

— Хоть это радует, — Виктор берёт из рук Антона фонарь и медленно идёт по роскошному залу.

Их окружают невероятные по красоте сталагмиты от молочно белых до розовых и даже зеленоватых оттенков, лунное молоко щедро покрывает пещерные органы, блестят лужицы с хрустально чистой водой и прямо из пола растут каменные цветы и кристаллы.

— Красиво как! — восклицает Виктор, нащупывает лучом фонаря круглый ход, медленно спускается, в удивлении глядя под ноги: — Словно ступени, вот природа постаралась!

Удивительная лестница приводит к нижнему залу, здесь ещё причудливее каменные кристаллы, они как странные цветы покрывают весь пол, а вдали сверкнула поверхность подземного озера. Воздух наполнен влагой, ощутимо пахнет сыростью, в полной тишине слышится звук падающих капель воды, они как молоточки по гвоздям с упорством бьют по мозгам, хочется заткнуть уши, но они вибрируют во всём теле.

— Нереально как! — Виктор осматривает потрясающую картину.

— Мрак! — с радостью соглашается Антон.

— Пойдём, что ли? — Виктор замечает подобие тропы и осторожно на неё ступает, идёт, часто оглядываясь по сторонам, с лихорадочностью водит лучом фонаря по окружающим предметам.

Мужчины останавливаются у озера, с удивлением разглядывают берег, на котором светится янтарным цветом самоцветная галька.

Антон присаживается, берёт пару камней: — Странно, напоминают опалы. Но в карстовых пещерах их быть не может!

— А это что? — Виктор направляет луч на противоположную стену, которая словно застывшая пена, искрится множеством кварцевых включений. — Всё понятно, природная аномалия, здесь выход вулканической породы, со всеми вытекающими последствиями. Помнишь, когда щенков забирали, в пещере медную руду нашли? Здесь всё основательно перетрясло, на плато произошли грандиозные тектонические процессы.

Поверхность озера гладкое как стекло, прозрачнее самого чистого хрусталя, луч от

фонаря пробивает всю толщу без искажений и выхватывает мёртвое каменистое дно — странное сочетание, опаловые горы у берега и пустота в глубине.

Виктор оглядывается, щупая взглядом застывшие в отдалении великолепные пещерные органы, оплывши как восковые свечи сталагмиты, длинные каменные сосульки, свисающие с невидимого для глаза пещерного свода: — Ты хоть имеешь представление куда идти?

— Будем искать ходы вверх... должны же они быть, — слегка дрогнувшим голосом произносит Антон.

— Настоящая пещерная страна. Я редко бывал в пещерах и с такой красотой не сталкивался.

— А я часто, но и я подобного, ни разу не видел. Здесь что-то другое... ты правильно заметил — пещерная страна. Здесь невероятно здорово, но почему-то мне страшно от этой неземной красоты, — он ковырнул ногой гладкий камушек и тот полыхнул бурей всевозможных цветов. — Случаем не благородный опал? — Антон его подхватывает и с удивлением рассматривает. — Это чёрный опал, — дрогнувшим голосом уточняет он.

— Наверное, очень дорогой? — с любопытством скашивает глаза Виктор.

— Не то слово, некоторые из них оценивались дороже бриллиантов, но не это главное... он словно полированный.

— Чего странного, водой обкатало?

— Может и так... но всё равно странно, необходимы какие-то исключительные условия, чтобы так отшлифовались камни.

— А в лаве может содержаться алмазная пыль?

Антон с удивлением посмотрел на Виктора: — Мне такое неизвестно, необходимо, чтобы путь лавы пролегал из таких глубин, где немыслимое давление.

— Значит... аномалия?

— Другого объяснения я не найду, не люди же, их отполировали!

— А почему нет? — Виктор тоже берёт сверкающий камень, внимательно рассматривает под разными ракурсами. — Это природная обработка, он первозданной формы, я бы во многих местах подправил.

— Ну, славу богу! — усмехнулся Антон. — Конечно природная полировка! Боже, как здесь много самоцветов!

— Я бы взял... килограмм... другой, — в потрясении произносит Виктор, — Нине подарю.

— Будем рюкзак по очереди нести, — сосредоточенно говорит Антон и горстями закидывает в него сияющие камни. — Теперь мы богаты, — голос у него от возбуждения срывается.

— Как тонко подмечено... богаты. Вот только что на это можно купить, кусок мяса или тунца? — с иронией улыбается Виктор. — И у кого покупать, у своих товарищей?

Антон мрачнеет, задерживает ладонь наполненную чёрными опалами на полпути к рюкзаку: — А ведь верно, как-то запахло наживаться на друзьях. Так что нам делать, может всё это бросить?

— Ни в коем случае, я Нине хочу жменю подарить, ты Яне, ну, а остальное раздадим всем поровну.

— И Гурию дадим? — с неудовольствием произносит Антон.

— А чем он хуже других? — с понимающей улыбкой спрашивает Виктор.

— Скользкий он, нудный и больно умный.

— Если делить на всех, значит на всех, — Виктор уже не улыбается.

— Может ты и прав, — Антон вяло закидывает опалы в рюкзак, затем застёгивает молнию, взвешивает на руке, — на тридцать килограммов тяжелее. В прошлой жизни мы стали бы олигархами.

— Ругательное слово, — морщится Виктор, — что может быть поскуднее их образа жизни и их мировоззрения, воры они, а я воров ненавижу.

— Ну, это я по привычке, — стусевался Антон, — мне они тоже до жопы, сегодняшним днём надо жить.

— И делать своё будущее, — добавляет Виктор, — он взваливает на плечи рюкзак, охая от его веса. — Веди, Сусанин.

Антон никак не реагирует на его шутку, в молчании идёт вдоль озера, часто подсвечивая вблизи себя воду, словно ожидая, что из неё в любой момент может кто-то выпрыгнуть. Да и Виктор, часто скашивает туда взгляд, всякое можно ожидать, ведь совсем недавно вода у берега бурлила от кипящей лавы. Теперь понятно, почему в этой пещере странно тепло, не всё еще остыло, вполне возможно, месяца два назад, здесь полыхал подземный огонь.

Как-то неожиданно озеро заканчивается, слезой застыв у холодной стены, дальше приходится карабкаться по трещине вверх, рискуя соскользнуть на торчащие внизу сталагмиты. Затем, пихая впереди рюкзак, извиваясь как дождевые червяки, приходится ползти в узкой полости, которую Антон с гордостью обозвал «шкуродёром». Но вот он пройден, Виктор утирает влагу с лица, осматривает очередной зал и удивляется, что так холодно.

Действительно, температура ухнула на отметку, где-то в плюс пять. Становится зябко, но Антон веселеет: — Вот это я понимаю, здесь уже наши владения, чувствую, где-то есть выход.

Антон быстро шлёпает по гладкому полу, его плечи распрямляются, в осанке появляется уверенность и она передаётся Виктору: — Ты действительно так считаешь?

— О, да! У меня нюх, скоро будет выход, — он спешит в сужение зала, входит в тоннель и останавливается как вкопанный. Виктор его едва не сбивает и сразу понимает, это тупик, стенки смыкаются, а у ног блестит вода.

— очередной сифон? — догадывается Виктор.

— Будь они не ладны, сколько же их здесь! — с неудовольствием восклицает Антон.

— Вновь проныривать? — Виктор скидывает тяжеленный рюкзак.

— С рюкзаком никак не получится, а жаль, — он крайне расстроен.

— Он же герметичный, прорезиненный.

— Он тяжёлый, на дно потянет.

— Тогда давай надуем его.

— Блин, как я не додумался сам, видно от той жары мозги потекли, я ведь так раньше часто делал.

Антон, посмеиваясь сам над собой, вновь стягивает одежду, запикивает внутрь рюкзака: — Посторожи, — шутит он и, отдышавшись, уходит под воду.

Томительно тянется время, Виктор уже собирается нырять, спасти товарища, но под водой появляется тусклое пятно, разрастается, вспыхивает радостным светом, Антон выныривает довольный и сияет как луч света после серой грозы: — Думал тупик, а это сталактиты ванночку полностью перекрыли. Пришлось повозиться, обломал пару штук, и ты знаешь, где я оказался? В центральном зале Чёрного монастыря! Теперь выберемся, но меня

опять колбасит от холода, так простуду можно подхватить. Надо торопиться, — он, слегка открыв молнию, и, от усердия краснея, закачивает ртом воздух в прорезиненный рюкзак. Затем, внимательно оглядывая своё творение, которое стало на вид ещё тяжелее: — Можно отправляться, — с удовлетворением говорит он и сбрасывает рюкзак в воду. Тот слегка покачался на поверхности и, медленно опускается, но подхватывается сильной рукой Антона и словно отожравшийся на отмели бегемот, метнулся следом за человеком.

Виктор, даже не успев изголодаться по воздуху, выныривает вслед за Антоном и, выбирается на узкую площадку. Впереди, подсвеченные фонарём, горят молочно розовые сосульки. Они срослись со сталагмитами и образовали что-то вроде секретной комнаты. Удивительно как Антон догадался сломать пару штук, вероятно от отчаянья ударил по ним ногой и открылся ход во владения Чёрного монастыря.

Мужчины быстро обтираются собственной одеждой, напяливают её на озябшие тела и, разбрасывая холодные брызги, бегут по ровной поверхности пола к едва заметному лучу света, который словно стекает сверху и рассеивается туманом в величественном зале Чёрного монастыря.

Некоторое время Антон готовит подъём: забивает крючья, навешивает верёвку, затем, обвязывает Виктора, цепляет самохваты и ползёт вверх, периодически вбивая клинья и подтягивая за собой верёвку, страхуя своего товарища.

Они полностью выбираются из воронки, внимательно осматриваются, впереди виднеются деревья и чернеет зола от костра, а рядом разбросаны человеческие кости, скалятся обглоданные черепа. Антон отшатывается, клоунская улыбка застывает и сползает с краешками опустившихся вниз губ.

— Неужели это все-таки, правда?

— А ты не верил мне? — Виктор медленно осматривает поляну.

— Верил. Но я не знал, что это может быть так жутко. А где они сейчас?

— Их здесь нет, это теперь владения Идара, а он похуже зеков будет. Костёр бы разжечь, одежду просушить, — вздыхает Виктор.

— Не проблема, — Антон достаёт коробок спичек, завёрнутый в презерватив, — из старых запасов, берегу как величайшую драгоценность, но сейчас как раз самое время.

Место для стоянки решено выбрать подальше от старого кострища, так как от него буквально смердит тленом, да и человеческие кости, едва не до рвоты, вызывают тошноту.

Вскоре заструился ароматный дым, трещат веточки, огонь как живой, жизнерадостно прыгает на сухие листья, резко набирает силу, принося тепло и умиротворение.

Виктор неожиданно резко поднимается: — Вставай, Антон, пора, так и день может закончиться. Надо к нашему старому лагерю идти, определённо к нему уже направляются бойцы Идара, может, из их разговоров, узнаем что-нибудь интересное.

— Сейчас рюкзак спрячу, с такой тяжестью скакать по камням, можно ноги вывихнуть, — Антон отдирает у корней подстилку из прелых листьев и впихивает туда рюкзак, маскируя ветками.

— Надо выстругать копыя, — Виктор оглядывает древний можжевельник, находит более-менее ровные ветки, с усилием срезает ножом.

Некоторое время, заготовки, мужчины обрабатывают, заостряют, кончики подпаливают в костре: — Те конечно, были лучше, с каменными наконечниками, — Виктор с сожалением трогает тупой конец, — сюда бы осколок камня приделать.

— Опаляя можно разбить, — живо отзывается Антон.

Виктор встрепенулся, но мгновенно грустнеет, вспоминая волшебную игру света этих великолепных самоцветов: — У меня рука не поднимется их расколоть, что-то другое надо подыскать, — бросает взгляд на белеющую человеческую кость, морщится, но идёт ней, поднимает с земли.

— Ты хочешь из этого сделать наконечники? — бледнеет Антон.

— Кость крепкая, края острые. Чем не оружие?

— Но это... человеческая кость!

— Ты прав... человеческая... хороший материал для наконечников, — с упрямством заявляет Виктор.

— Это кощунство.

— Нет, это выживание.

— Я из опала себе сделаю, — Антон отводит глаза от внимательного взгляда Виктора.

— Не стоит, опалы это достояние нашего общества, а кости что... прах, лишь душа ценна, вот о ней и помолится Викентий Петрович.

— Всё-таки это не совсем правильно, — опускает голову Антон, — останки надо бы захоронить.

— Захороним, — Виктор уверенно крошит кость камнем, выбирает острые осколки, кидает Антону. — Привязывай к копыю, — приказывает он.

Антон не стал спорить, но бледнеет ещё сильнее, уверенно крепит осколок человеческой кости к копыю, поднимает тяжёлый взгляд на Виктора: — А вдруг это от Олега Васильевича?

— Очень может быть. Пусть теперь нам послужит, — несколько цинично произносит Виктор.

— Неправильно всё это.

— Это жизнь, Антон и нечего сопли распускать.

— Я крещён, — забыв обидеться, заявляет Антон.

— Я тоже.

— Следовательно, знаешь, что это грех?

— Смотря, с какой стороны подходить. Думаю, нет греха в том, что мы спасаем себе жизни. Мы не глумимся над останками, и я очень сожалею, что приходится ими

воспользоваться. К примеру, святые мощи, выставленные на всеобщее обозрение, не являются кощунственным актом, они каким-то образом исцеляют, спасают души пришедших поглазеть на них людей.

— Не поглазеть, а прикоснуться, — с неудовольствием поправляет Антон.

— Ну, где-то так я и думал, именно, прикоснуться, что в данном случае мы, и делаем, — без смущения произносит Виктор. — Надеюсь, они спасут нас в трудную минуту.

Антон вздыхает, хочет найти слова, чтобы как-то пристыдить Виктора, но где-то в глубине души соглашается с ним. Но это непросто, в последнее время он часто задумывается о боге, ведь не зря он послал им такое испытание. Может, ждёт от людей что-то, чего не было в прошлой жизни? Как сейчас жить, как быть, но одно понятно, как раньше существовали — тому не бывать. Он что-то новое хочет увидеть. В своё время Антон не задумывался о бытие и больше думал настоящим, а суеверным становился лишь в горах. Там иной климат, особая аура и часто бывали встречи с непостижимым, что в цивилизованном мире происходило крайне редко.

Виктор взвешивает на руке копьё, смотрит на наконечник из человеческой кости, в глазах полыхнул мрачный огонь: — Теперь у Олега Васильевича появился шанс отомстить за свою смерть, — глухо произносит он, и Антон с некоторым облегчением кивает.

Они покидают окрестности Чёрного монастыря, осквернённые людоедами и, бесшумно входят на едва заметную тропу, почти заросшую густой травой выше роста человека. Как всё поменялось, раньше все долины были как на ладони и просматривались вдоль и поперёк, но проливные дожди словно разорвали землю и взметнулись к небу роскошные луга с изумрудной травой. Теперь в них легко прятаться, но и на врага можно сходу напороться. Край смертельно опасных пещер, превратился в сплошную ловушку, можно свалиться в глубокую пещеру или насмерть завязнуть в узком поноре. А ещё, звери появились, они пытаются соперничать с людьми, но определённо проигрывают им в злобе и всё же, они непредсказуемые и опасные, особенно одичавшие собаки.

Виктор в страшном напряжении, вслушивается в малейший шорох, для себя он решил, хватит проколов, два раза ему повезло, третьего раза может не быть.

Ближе к старому лагерю Виктор замедляет шаг, прислушивается. Порыв ветра донёс слабый звук, вроде кто-то говорит, затем слышится выкрик. Определённо, в лагере хозяйничают люди Идара, а может и он сам прибыл собственной персоной.

— Слышишь? — шепнул Виктор, подтягивая копьё ближе к груди.

— Да, слышу. Там не один человек. Пожалуй, нам на ту сопку забраться надо, оттуда глянем.

— Э нет, сопка занята, — Виктор увидел, как стайка голубей хотела на неё спуститься, но взмывает и летит в сторону. — В лес зайдём, потом ближе морю и, через заросли тёрна к плантации... так можем незаметно подобраться совсем близко.

Вскоре голоса раздаются и вовсе явственно, враги не таятся, им даже в голову не может придти, что кто-то посмеет сунуться прямо в лагерь.

— Ты жди здесь, я схожу на разведку, — решительно говорит Виктор, но вдруг усмехается своим мыслям, вероятно, что-то вспомнил. — Хотя нет, дуй к той скале и посмотри, трава у изгороди полегла или нет. Если нет, дашь сигнал копьём, махнёшь дровком, а при другом раскладе, немедленно возвращайся.

Антон скользнул в сторону, Виктор поморщился, увидев, как колыхнулись над его головой стебли, но вроде никто не обратил на это внимание.

Вот Антон добирается до скалы, на некоторое время замирает, затем взмахивает копьём. Виктор приподнимается, вслушивается в малейшие звуки, голоса доносятся лишь с лагеря, а здесь тихо, только ветер слегка шумит, путаясь в густых зарослях. Значит, здесь нет поста, это радует, можно выдвинуться вперёд, но на душе Виктора тяжесть и словно что-то царапнуло сердце. Может это предчувствие? Копьё ещё раз показалось из травы, Виктор облизывает губы и наоборот, пятится и уходит в сторону, не сводя взгляда с зелёной травы, которая так некстати шевелится под порывами ветра, маскируя любое движение врага, если конечно они здесь.

Внезапно он явственно видит, как тугие стебли расходятся, показывается плечо мужчины, а следом за ним мелькает рука другого человека, держащая увесистую дубинку. Виктора бросает в жар, а ведь пост был, Идар в высшей степени профессионал, знает, где разместить своих людей.

Цепко сжимая зубы, Виктор бесшумно шагнул в сторону таящихся мужчин. От ветра вновь разлетаются зеленные заросли и, в этот миг, Виктор стремительно забегает сзади и оказывается на тропе чётко за их спинами. Адреналин мощно выбрасывает кровь в артерии, сердце срывается в галоп, а пальцы уже сжимают рукоять ножа.

— Подождём, тот сигналил, значит, ещё один есть, может даже он, — звучит громкий шёпот.

— Лохи, — раздаётся пренебрежительное хмыканье.

— Идар приказал, живьём их брать, но кости ломать разрешил.

— Странно, второй не телится. Ты подберись немного ближе, а я здесь подожду. Если опять уйдут, Идар нас не простит.

— Не уйдут. Слушай, правда, их предводителя косатки спасли? — в голосе звучат тревожные нотки.

— Его Виктором звать... было дело... странная ситуация... у нас все были в шоке. До сих пор среди рабов и даже свободных граждан всякие суждения ходят, якобы он и не человек вовсе, чуть ли, не божество какое.

— А вдруг это так?

— Тю, совсем повёрнутый? И ты туда же, это обыкновенная дрессура.

— Это когда он успел выдрессировать косаток? — звучит скептический возглас. — И как он из замурованной пещеры выбрался? Там нет выхода...

— Хватит болтать, давай вперёд, но его не спугни... иначе, голову оторву. Мне кажется, сейчас лично Виктор появится и как раз на меня наткнётся, тут я его дубиной и собью. Сволочь такая, ответит за все наши страхи. Божество, мать его! Что замер, ползи вперёд!

Виктор выглянул из перепутанных пучков травы, и видит мужчин как на ладони. Они совсем рядом и не дай бог услышат его дыхание, но они заняты игрой в разведчиков. Сейчас или никогда, момент очень удачный, стоит сделать пару шагов, и Виктор легко достанет ножом первого человека, а второй трус, дёргаться не будет и кричать, не станет, в этом Виктор почему-то наверняка уверен.

Мужчина, пригнувшись, почти без шума двинулся вперёд, к тому месту, где вновь поднялось древко копья, Антон недоумеваает и уже собирается сдавать назад. Это чувствует идущий к нему человек, он останавливается, в пол оборота поворачивается и, в этот момент Виктор словно вырастает за спиной его компаньона, с размаху всаживает лезвие под левое ребро, дёрнувшийся в конвульсиях труп, сбрасывает в сторону, оттирает лезвие от крови и, глядя жутким взглядом, подносит к губам палец. Немая сцена, Гоголь со своим Ревизором

отдыхает, страх бурей захватывает мужчину, принося немому во всё тело.

— Иди сюда, — манит его рукой Виктор. — Не бойся, ты будешь жить, главное не кричи... иначе — смерть.

Мужчина подбредает на ватных ногах, как овца к мяснику, Виктор, желая перестраховаться, с силой бьёт его в голову рукояткой ножа, быстро связывает и втыкает в рот кляп. Затем окликает Антона, тот быстро появляется и замирает в ужасе и удивлении.

— Вот, языка добыл, — нервно смеётся Виктор.

— Как же так?

— За нами следили, чуть в ловушку не угодили, но получилось с точностью наоборот. Уходим к лодке, этот хлопец нам всё расскажет, Что мы планировали, мы сделали... почти без проблем, — на этот раз Виктор смеётся почти весело. — Ты этого обыщи, дубину возьми и нож, одежду стяни, главное... ботинки.

— Я не мародёр! — вспыхивает Антон.

— Глупый, нам людей своих надо одевать, а ему это уже не нужно. Или ты хочешь, чтобы я этим занялся?

— Да нет, вроде тебе не по статусу, — угрюмо буркнул Антон.

— Причём тут статус, у меня все руки в крови, одежду могу запачкать, — Виктор рывком поднимает пленного, перебрасывает через плечо, — я к лодке, а ты за рюкзаком и сразу ко мне. У нас очень мало времени, поторопись, Антон.

Как только качнулась лодка, куда бесцеремонно швырнул пленного Виктор, тот очнулся. Он переводит болезненный взгляд на страшного человека, который с усердием отмывает руки в студеной воде моря. На взгляд он обычный мужчина, но столько о нём ходит слухов и всё это после его чудесного спасения на спине огромной косатки. Население было взбудоражено и появились те, кто начал сомневаться в правильности действий Идара Сергеевича, но он отреагировал быстро и с небывалой жестокостью. Марину привязали к столбу, серьёзно высекли и оставили на несколько дней без еды и питья. Но она, каким-то образом, освободилась от верёвок и попыталась бежать из города, но на южном склоне попала под камнепад. Жаль Марину, как-то не вязался её образ с рабыней, женщина она весёлая и гордая, но сломить её не получилось, помощь пленнику из другого лагеря обошлась для неё ужасной смертью, Кошмарный мир, как тяжело жить, но деться некуда. Пленный пытается вздохнуть, но кляп душит горло, он дёргается, отчаянно мыча.

— Очнулся? — Виктор встряхивает руки, мягко улыбается, но пленнику от его улыбки становится и вовсе плохо. — Не всё так хреново, приятель, ты жив, бог даст, и дальше будешь жить. Ты сильно не дёргайся, не то лодка качнётся, и ты вывалишься, а вода холодная, застудишься.

Пленный замирает, испуганно хлопая глазами и, ищет в лице Виктора нечто сверхъестественное, но тот вроде обычный мужчина, жилистый, взгляд несколько простоват, но в глубине глаз есть что-то пугающее.

— Ты немного потерпи, Антон придёт, выйдем в море и я кляп вытащу. Надеюсь, насморка у тебя нет, дышишь без проблем? — Виктор не торопится запрыгивать в лодку.

Тот мотнул головой и слегка успокаивается, его не будут убивать, это вселяет оптимизм и, странное дело, этот человек неожиданно вызывает в нём симпатию. Может это внутренний магнетизм, что бессознательно притягивает людей? Очевидно, это и есть то сверхъестественное, что в нём есть.

Слышится шорох, Виктор выпрямляется, поднимает копьё: — Это ты, Антон?

— Представляешь, едва не заплутал, — слышится голос товарища. Антон раздвигает ветки, останавливается, глядя на пленного. — Он, случаем, не загнулся?

— Нет, расслабился и получает удовольствие, — грубо шутит Виктор. — Он спокойный парень, всё понимает, вот и не дёргается.

— Сильно ты его по голове долбанул.

— Своеобразная анестезия, зато всё тихо прошло. Да он, вроде, не в обиде... даже радуется, — вновь улыбается Виктор, подмигивая пленному.

Антон бросает тяжеленный рюкзак в лодку, ждёт, когда в неё запрыгнет Виктор и, налегая всем телом, спихивает её в море, затем ловко переваливается через борт.

Виктор торопливо гонит лодку из зарослей и когда она вырывается на открытую воду, с облегчением вздыхает: — Вот теперь вроде в безопасности. Кляп вытащи, а то привыкать уже начал, — кивает он на пленного.

Антон с усилием выдёргивает плотный комок, пленный громко задышал, сплёвывая на себя.

— Тебя как звать, мужчина? — спрашивает Виктор, легко двигая вёслами.

— Игорем, — выравнивая дыхание, произносит пленный.

— У тебя как, голова не кружится?

— Есть немного.

— Говорить можешь или слегка отдохнёшь?

— Так, не устал я... просто голова побаливает.

— Крепкая она у тебя, — вмешивается в разговор Антон, — как чугунный котелок, быстро отходишь.

— Так привык я, с детства боксом занимаюсь.

— Значит боксёр. То-то вижу, нос у тебя несколько смещён в сторону, — замечает Виктор.

— Нет. Это не на тренировках, нырнул, в камень воткнулся, ели вытащили.

— Пьяный был?

— Немного пива выпил и... чуток водки. На жаре развезло, оступился, хорошо друзья рядом были, — простодушно отвечает мужчина.

— Счастливчик, — хмыкает Виктор.

— Да, это точно, мне везёт, — кивает пленный, затем спрашивает, стараясь скрыть страх: — А вы меня не убьёте?

— А смысл? Ты такой приятный в общении. Нет, Игорь, у нас нет желания тебя убивать, — Виктор прячет в губах насмешку.

— Это хорошо, — он задумался, вероятно, появились вопросы, но не стал спрашивать, а лишь с ожиданием замер, слегка шевеля онемевшими пальцами, вероятно верёвки сильно затянулись.

Виктор, словно не замечая его мучений, простодушно улыбается: — А ты как попал на Караби яйлу? Я тебя раньше не видел в лагере у Идара.

— Как и все, с потопом. Устанавливал цистерну для воды, шефу на дачу, уже воду в неё начал наливать... волна пришла. Я когда увидел, как дома разлетаются в разные стороны, а затем, словно горизонт поднялся... вверху пена, как тучи, а впереди стена воды без единого пузырька, так я в цистерну влез, крышку каким-то образом закрыл. Потом как швырнуло и, понеслось, мотало как в миксере, но затем выбросило на поверхность. Воздуха уже мало было, крышку открыл, а в небе целые стаи птиц воспаляются, а тушки в воду падают. Не

будь дураком, набрал пташек. Потом ел недели две, пока они совсем не протухли. На моё счастье в цистерне пресная вода была. А в один из дней, я так испугался... за себя, думал, умом тронулся, гляжу, по морю, целая танковая бригада плывёт, пару баллистических ракет, тяжёлые грузовики, а на них солдаты висят, как сосиски.

— Как танки? — переспросил Антон.

— В том то и дело, вся эта техника была надутая, из резины, муляжи. Солдатики совсем ослабели, воды дал, как-то объединились, ну, и поплыли все вместе. А через некоторое время остров заметили, вот и оказались здесь, — Игорь вздыхает. — Идар нас подобрал и почти всех определил в разряд свободных граждан.

— Дела, — качает головой Виктор. — А много солдатиков спаслось? — словно невзначай, спрашивает он.

— Человек сто.

— Сколько? — вырывается у Антона.

— Если совсем точно, со мной сто один.

— Так у вас целый город, — сузил глаза Виктор, по сердцу неприятно царапнуло. Сейчас расклад сил явно не в его пользу. Совсем плохо, теперь не о нападении нужно думать, а об обороне.

— Да, строимся быстро, рабов ещё подогнали, — обыденным тоном произносит Игорь, вероятно, он уже привык к такому положению. — Сейчас их у нас почти пятьдесят человек. Собираемся на соседний остров надувные танки гнать, ещё людей подсобрать.

— На какой остров? — встревожился Виктор.

— Так, когда мы болтались по волнам, проплывали мимо скалистого острова, там люди были. Я насчитал три сотни палаток. Мы не смогли к ним подойти, течением снесло, но зато, на Караби яйлу попали, — радостно улыбается Игорь.

— А далеко отсюда остров? — вкрадчиво спрашивает Виктор.

— Далеко, более сотни километров, — Игорь махнул рукой, указывая направление.

— Похоже на Карадаг, — Антон глянул на Виктора.

— Да, точно, — радостно кивает Игорь, — Идар Сергеевич, как-то раз, упомянул о Карадаге.

— А что он ещё говорил? — в упор смотрит Виктор.

Игорь ёжится под его взглядом, старается отползти подальше, как-то неуютно стало у него на душе. Простодушие во взгляде Виктора исчезло, и сейчас глаза источают смертельный холод.

— Ничего особенного, — стараясь не сболтнуть лишнего, медленно говорит Игорь, — о вас говорил, мешаете вы ему.

— Это понятно, мы на мир по-разному смотрим, — кивает Виктор. — Он знает, где наш лагерь?

— Ищет, — опускает взгляд Игорь.

— Ты искренен, Игорь, — Виктор развязывает ему руки, пожалуй, я тебя отпущу.

— Это, правда? — он в надежде вскидывает взгляд полный признательности.

— А зачем ты нам нужен, только лишнее место в лодке занимаешь. Мы тебя высадим здесь, а нам ещё очень долго плыть, — изображая усталость, произносит Виктор, — дай бог к следующему дню добраться.

Пленный стрельнул глазами, но Виктор изображает равнодушие. Антон в тон Виктору зеваёт: — С утра на Большой Бузулук надо пойти, льда наколоть, опять не выплусь, —

говорит он, зная, что эта пещера находится на противоположной стороне плато.

— Вот что, мы высадим тебя здесь. Опасайся одичавших собак, иди ближе к берегу. Затем, сворачивай в сторону Чёрного монастыря, а там ты дорогу найдёшь, — Виктор решительно разворачивает лодку и гребёт к скалистому берегу.

Игоря бесцеремонно выталкивают, он плюхается за борт, резко погружается в воду, выныривает, отплёвываясь, бредёт по мелководью к берегу, в глазах радость и недоумение, ему до сих пор непонятно, зачем его брали в плен и почему отпустили. Он выбирается на берег, оборачивается, на лице удивлённая улыбка, Виктор нетерпеливо махнул рукой: — Быстрее сваливай отсюда, в прошлый раз здесь целая свора собак прыгала по берегу, а они людоеды.

— У меня один только вопрос, — встрепенулся Игорь, испуганно озираясь по сторонам. — Зачем вы меня столько волокли, везли на лодке и вдруг отпустили?

— Идару передай привет, — Виктор не стал отвечать на его вопрос и швыряет на берег дубинку.

— Странно как-то всё, — Игорь поджимает губы, поднимает дубинку с земли, подвязывает её к поясу. — Ладно, бывайте, — он торопливо уходит, затем переходит на бег, испуганно косясь на ближайšie заросли.

— Как ты думаешь, Идар поверит, что наша стоянка на противоположном берегу? — Антон меняет Виктора, берётся за вёсла и тихонько гребёт от берега.

— Конечно, нет, но часть людей пойдёт туда на разведку. Только бы его люди с Аликом не столкнулись, он с Машей как раз к Большому Бузулуку пошли. Зря ты это ляпнул, — с укором глянул на Антона Виктор.

Антон виновато смотрит, пожимает плечами: — Блин, не подумал.

— В следующий раз аккуратнее выражайся, — Виктор отыскал взглядом уменьшающуюся фигурку человека, затем переводит взгляд в противоположную сторону, хмурится: — Не пойдут они к Бузулуку.

— Почему так решил? — удивляется Антон.

— Собаки след взяли. Вон, видишь, появились? Целенаправленно бегут, ветер к ним, вот и учуяли. Не повезло Игорьку, — с искренним сожалением говорит Виктор.

— Помочь ему надо, — Антон останавливает вёслами лодку. — Попробуем разогнать свору?

— Это можно, — равнодушно произносит Виктор. — А стоит? Он наш враг и, когда придёт время, один из первых пойдёт на нас.

— Но он человек.

— Поэтому и жалко, — хмурится Виктор. — Хорошо, — неожиданно соглашается он, — гребь к Игорьку, думаю, успеем перехватить.

Антон резко разворачивает лодку и мощно налегает вёсла. Расстояние медленно сокращается, но и собаки увеличивают темп.

— Пробежку устроил, спортсмен хренов, — сквозь зубы ругается Антон, лихорадочно хлопая вёслами по воде.

— Такой темп держи, мы успеваем. Почему он не обернётся? В воду ему надо уходить! Зачем в сторону заворачивает? — Виктор засовывает два пальца в рот и пронзительно свистит.

Игорь слышит свист, тормозит, смотрит через плечо и неожиданно рвёт вперёд ещё быстрее.

— Что он делает? — восклицает Виктор, но тут видит, что прямо по кромке берега бегут пять огромных псов. Вероятно, они появились с противоположной стороны берега.

— Умные бестии, по всем правилам действуют, одни гонят, другие сидели в засаде, а сейчас перекрывают путь к морю! — выкрикивает Виктор. — К берегу гони! — кричит он Антону.

Игорь упёрся в скальную гряду, мечется в поисках выхода, а собаки галопом несутся к нему, хрипло лая и радостно повизгивая, они чётко загнали человека в западню и уверены, что тот уже не вырвется, но и нападать пока не стремятся, ждут, когда подбежит вся стая.

Лодка, рискуя пропороть днище о камни, с хрустом налетает на берег, Виктор и Антон спрыгивают, бешено орут, взмахивая копьями, бегут на громадных псов, бросая настороженные взгляды на приближающуюся стаю.

— К нам прорывайся! — Виктор швыряет копьё, оно впиивается в хребет чёрной овчарке, та взвизгивает, изгибается, пытаясь достать его челюстями, три других зверя припали к земле, выбрасывая из пастей пену, но пятый не спускает злобного взгляда с загнанной в угол жертвы, весь подобрался для решающего прыжка.

Игорь предпринимает отчаянный рывок, пытаясь прорваться сквозь заслон из злобных псов. Он взмахивает дубинкой, но она лишь задевает морду метнувшегося на него зверя. Пёс заваливается на бок, но мгновенно изворачивается и стремительно прыгает на человека, сбивая его с ног, вгрызаясь в живот, мотая лобастой головой и вдавливая человека в землю. Игорь дико кричит, пытаясь оттолкнуть ужасного зверя, но тот как бешеный упирается лапами и с лютой злобой рвёт человека. Неожиданно сквозь разорванный живот у Игоря выползает, что-то белое, в липкой крови.

Нанося колющие удары копьями, Виктор и Антон отгоняют часть зверей, но стая уже окружает людей. Матёрый кавказец отрезает путь к морю, присаживается на передние лапы. Он легко увёртывается от брошенного копья, как молния прыгает. Виктор, с невероятным усилием, отражает его атаку ножом, полосонув жуткого зверя по морде, разрезая один глаз, и верхнюю приподнятую губу.

Разъярённый визг вожака приводит в замешательство других собак, используя этот миг, Виктор с Антоном бросаются к лодке и отпихивают её от берега, переваливаются через борт и принимаются бить вёслами по осатаневшим от злобы псам.

Несколько мощных гребков и люди оказываются на безопасном расстоянии, тормозят лодку вёслами и с ужасом смотрят, как одичавшие собаки терзают ещё живого человека.

— Проблема, огромная проблема, — с болью в голосе произносит Виктор, — стая разрослась, не менее двадцати особей, пока не поздно изводить надо.

— Игоря жалко, — со стоном произносит Антон, прижимая руку к ране на боку.

— Конечно, жалко, но видит бог, мы всё сделали, чтобы спасти его. Видно, сегодня не его день.

Антон толкает вперёд лодку, с силой погрузив вёсла в воду и, не обращая на боль в боку, погрёб вдоль берега, стараясь не смотреть на пиршество собак-людоедов. Но истошный визг и громогласный рёв, заставляет бросить взгляд на берег.

— Этого нам ещё не хватало! — невольно выкрикнул Виктор.

Красавец тигр, сметает чудовищной лапой с десятков, визжащих псов, в развалку идёт к истерзанному человеку, перехватывает его челюстями и утаскивает в густую поросль, оставив за собой надрываться в бешеной злобе бывших хозяев плато.

— Тигры на Караби яйле, кому сказать, — откидывается к борту лодки Антон, — раньше кроме лошадей и овец здесь никого не было.

— Угораздило здесь зоопарку разбиться о скалы, такое счастье для нас, — с иронией говорит Виктор.

— По крайней мере, псы теперь не разгуляются, — Антон, наконец, чувствует боль в укушенном боку, прижимает локоть к ране, с сожалением качает головой: — Ещё один рубец останется.

— Мы тоже не разгуляемся, — Виктор спихивает его с вёсел, — жизнь на Караби приобретает ещё большую насыщенность и яркость, куда не сунься — всюду хищники.

— Ага, а человек среди них самый страшный, — Антон откинулся на спину и с прищуром наблюдает за берегом.

— Словно какой-то испытательный полигон — всех сбросили в одну кучу, скоро такая каша заварится. Людей у нас мало, — с болью в голосе произносит Виктор, — на Карадаг надо плыть.

— Было бы на чём, — вздыхает Антон.

— Корабль будем делать, брёвнами запаслись в избытке.

— Брёвна, конечно, есть, но специалистов нет.

— Почему нет, Игнат с Сашей.

— Они профессионалы по постройкам коровников, — с пренебрежением говорит Антон.

— Ну, коровник — то же судно, перевернуть крышей вниз, сделать гидроизоляцию и в путь, — без усмешки произносит Виктор.

— Шутишь? — кидает быстрый взгляд Антон.

— Шучу, но корабль делать будем. Я кое-какие схемы из интернета помню, думаю и народ наш не глупый, сообща разберёмся, что к чему.

— За это время Идар на своих резиновых танках быстрее туда попадёт, — с тоской говорит Антон.

— Не думаю. Чтобы заставить их плыть куда нужно, необходимо проделать немалую работу, а так — просто дрейфовать по ветру будут.

— Верфь начнём строить?

— Пожалуй.

— На берегу?

— Ну, а где ещё?

— Нас быстро вычислят, — с тревогой произносит Антон.

— Определённо, это вопрос лишь времени. Забор из брёвен будем ставить от моря до скал. С нашей стороны закрепим площадки, камни подготовим, копыя. Лучников посадим, у нас уже есть приличные стрелки. А в долине надо искать ход, по которому собаки к нам проникли. Очень уязвимое это место, — Виктор хмурится, но глаза горят энергией, и этот внутренний огонь воодушевляет Антона: — Собачий лаз найдём, — уверенно произносит он.

— Очень нужно, — глаза Виктора чернеют от беспокойства, — чувствую пакость в этом кроется. Всё так хорошо, вокруг кольцо из неприступных скал, а собаки к нам проникают без

проблем.

Некоторое время Виктор молчит, затем с расстановкой произносит: — Надо готовить диверсантов, будем портить резиновый флот Идара.

Антон рассеяно кивает, зачерпывает ладонью воду, пристально смотрит в море:— Или акулы или косатки, — привстаёт он с места.

Виктор до слёз смотрит вдаль: — Не понять, волна в бликах.

— Мужчины говорят, кита на горизонте видели, — всё также пристально смотрит вдаль Антон.

— Корабль будет, поохотимся, — кивает Виктор и налегает на вёсла, — это акулы, не менее трёх, сюда идут, — разглядел он морских хищниц.

— За теми скалами наш берег, — засуетился Антон.

— Далековато, — Виктор основательно впрягается в вёсла и гонит лодку к спасительным скалам.

Словно русалки проносятся морские котики, пару зверей высовывают усатые морды, с неудовольствием смотрят на людей и шарахаются в стороны.

— Познакомились уже с человеком, — криво улыбается Антон. — Вот жизнь у них, в море акулы и на берегу беда.

— Хорошо, что они здесь, акулы прежде ими заинтересуются, под шумок пройдем, — с уверенностью изрекает Виктор.

Акулы оказываются у лодки неожиданно быстро. Они равнодушно проплывают, едва не задевая борт и, медленно выписывают круги, разрезая море острыми плавниками. Лучи света жизнерадостно играют на грязно-белых телах, но от этого настроение не повышается, а наоборот — ухает вниз, словно в ледяную бездну к застывшим в ожидании когтистым крабам.

— Как назло морские котики на берег выбрались, — сквозь зубы цедит Антон, со страхом поглядывая на белых акул.

— Не дураки, вовремя их узрели, наверное, смеются над нами, почёсываясь ластами, — шутит Виктор. Он убирает вёсла из воды, чтобы лишний раз не провоцировать хищниц и лодка медленно курсирует вдоль берега.

Вот одна из акул несильно тыкается о борт, раскрывает пасть, оголяя смертоносный частокол из треугольных зубов, пробует на вкус свисающую лямку, лодка в конвульсиях дёргается, и едва не черпает бортом, люди замерли, даже дышать перестали.

— Блин, хоть бы одно копьё осталось! — ругается Антон.

— Их только косатки могут отогнать, ты лучше не дёргайся, нас к берегу гонит, может, на мелководье вынесет, — надеется Виктор.

Сильный удар по днищу подкидывает лодку, она накреняется, люди бросаются в противоположную сторону, она выравнивается, шлёпается дном и скачет на волнах от поднявшегося буруна. Виктор хватается вёсла и отчаянно гребёт берегу. Одно весло с силой выдёргивается из уключины, белая акула перекусывает его словно сухой стебелёк, мощно бьёт хвостом, взлетает волна с пеной, лодка закутилась на одном месте.

— Получай! — Виктор наотмашь наносит удар веслом по широкой морде.

Акула выдыхает из себя поток воды, уходит под воду, мужчины замерли, скоро произойдёт решающий удар и их растерзают ужасные твари. Внезапно на берегу происходит суэта, морские котики с рычанием шлёпают по камням, наседая друг на друга, мечутся на берегу и, целыми группами прыгают в море.

Решающего удара не произошло, акулы мгновенно отходят от несъедобной лодки и скрываются на глубине. Пользуясь моментом, Виктор лихорадочно гребёт в сторону и вскоре выводит лодку за скалы, а там уже виднеется знакомый берег.

— Ты видел, кто котиков напугал? — прерывающимся от напряжения голосом, спрашивает Виктор.

— Большая зверюга.

— Тигр?

— Нет, на медведя похож, только тощий какой-то.

— Весело, — неожиданно смеётся Виктор.

Антон некоторое время смотрит с недоумением, а затем и сам смеётся: — Ей богу, не земля, а рай для всех, приютила и людей и зверей и людоедов!

— Холодный рай, — Виктор сдёргивает с себя улыбку. — Похоже, мы вновь выжили, какая прелесть!

Орудя одним веслом, Виктор уверенно направляет лодку к одиноко стоящим деревьям, под которыми разлётся колючий кустарник, они цепко обхватывает стволы и словно уползает к подножью скал, сливаясь с буйной порослью — неплохое место для засады. Виктор знает, там должен быть пост Викентия Петровича и, действительно, ветки расходятся в разные стороны и на берегу появляется батюшка, держа АКМ стволом вниз. Он приветственно поднимает руку, улыбается в бороду, неторопливо подходит к морю, ждёт, когда лодка уткнётся об отмель. Следом за ним выползают два брата, Семён и Виталий, оба держат копыя, через плечи закинута луки, на ремнях болтаются ножи.

Антон бросает верёвку, братья подтаскивают лодку к берегу, мужчины выпрыгивают на землю, пожимают руки.

— Смотрю, вас маленько потрепало, — Викентий Петрович узрел кровавое пятно на куртке у Антона.

— С собаками вновь сцепились, — словно он в чём-то виноват, несколько стыдливо произносит Антон, — мало мне прежних шрамов, теперь ещё один добавился.

— А второе весло, где потеряли? — батюшка легонько улыбается, но глаза цепкие и понимающие.

— Акуле понравилось, — ухмыляется Виктор. — Дел у нас теперь прибавится, — Виктор не стал развивать ту тему и начал с главного, — у Идара людей больше сотни, идти на него не реально, самим бы живыми остаться, необходимо эту полосу берега огораживать забором, иначе раздавит он нас как блох. И ещё... помимо собак тигр в окрестностях объявился и Антон, медведя разглядел, он котиков с берега согнал, худющий, вероятно очень опасный, теперь выходить за территорию нашего поселения будет весьма проблематично.

— Со зверями мы разберёмся, — не слишком обеспокоился Викентий Петрович, — а вот, то, что людей в лагере Идара прибавилось — нехорошо. Что делать будем?

— Корабль... на Кардаге крупное скопление людей, кстати, туда и Идар собирается.

— Корабль? Авантюрно, — чешет бороду Викентий Петрович, — а впрочем... попробовать стоит. В любом случае это хорошо, вот только строительство домов придётся тормознуть, — с некоторым сожалением произносит он.

— Потом отстроимся, пускай палатки утепляют и всем на строительство забора, Идар долго ждать не будет, наверняка попытается использовать своё преимущество. Надо бы ждать его разведчиков, думаю, скоро объявятся. Хорошо бы горячий приём им устроить.

— И чего людям не живётся? — вздыхает один из братьев.

— Хотя жить хорошо, но за счёт других, — несколько пренебрежительно глянул на парней Антон.

Оставив братьев на посту, Викентий Петрович идёт с Виктором и Антоном. Близится вечер, народ отдыхает, расположившись со спиннингами, мужчины ловят рыбу, горят костры, пахнет дымом, слышатся неторопливые разговоры и хорошо становится на душе, наконец-то они дома.

— Я не хотел при братьях говорить, — Виктор чуть замедляет шаг и поправляет на плечах огромный рюкзак, — мы нашли пещеру, а там целые россыпи огненных и чёрных.

— Интересно, — приостанавливается Викентий Петрович. — Надеюсь, вы опалы взяли?

— А как же, весь рюкзак забили, своей игрой света едва с ума не свели. Антон говорит они очень дорогие. Думаю их надо поделить и раздать.

— Весьма глупо решение, — усмехается в бороду батюшка.

— Почему? — удивляется Виктор.

— По паре штук, стоит дать, пусть потешатся, а из остальных необходимо сделать неприкосновенный запас, мало ли для чего они могут пригодиться, пускай они будут основой так называемого «золотого» запаса для будущего нашего государства.

— Где-то так я и думал, — сознаётся Виктор, — но считал, опалы на эту роль не подойдут.

— Сгодиться может всё, что имеет потенциальную ценность. У некоторых народов даже ракушки имеют хождение как деньги. А дай-ка я посмотрю на них, — любопытствует Викентий Петрович.

Виктор с усилием снимает рюкзак, сбрасывает на землю, щелкает застёжками, открывает молнию, достаёт горсть опалов, и они вспыхивают восхитительными огнями.

— Ничего подобного не видел, — жуёт губы Викентий Петрович, — пожалуй, я возьму этот камушек, в крест его вмую. Вы не возражаете? — он осторожно берёт опал и по нему пробегает волна света от лунного до ярко алого.

— Ещё один возьмите, — советует Антон.

— Хватит и одного, — хмурится батюшка, недовольный тем, что его так заворожили эти камни. — Вот что я думаю по их поводу, они действительно настоящая драгоценность, не стоит раздавать как конфеты, пусть будут служить наградой за какие либо заслуги перед нашим обществом. Но, а вы, так как их нашли, имеете право выбрать себе по несколько штук. Я считаю, вы это заслужили перед обществом.

— А сколько можно взять? — Антон вспоминает свою любимую Яну и готов забрать все опалы разом.

— Пусть Виктор решает, — склоняет голову батюшка, профессиональным движением поправляя на плече ремень от автомата.

Виктор задумывается, противоречия просто раздирают, в душе возникает образ Нины, её лучистые глаза: — С десятков в самый раз, — выпалил он и, заметив едва проскользнувшую насмешку на лице у Викентия Петровича, суетливо поправляется, — на двоих.

— Что ж, решение принято, — соглашается батюшка, — остальные в фонд государства.

Весть, что Виктор и Антон вернулись, разнеслась быстрее урагана, Нина и Яна, делают стремительный бросок из лагеря и едва не сбивают оторопевших от натиска мужчин. Виктор сгребает в объятия свою жену, да так, что она ойкает и грозит пальцем, глубокомысленно указывая взглядом на свой уже округлившийся живот. Яна резко останавливается напротив

Антон, он нежно берёт её за руки, локтем прикрывая кровь на своём боку. Они с жадностью смотрят друг на друга, затем она прыгает на своего мужчину и он вертит её вокруг, целуя в трепетные губы.

— У меня были нехорошие предчувствия, — шепчет Нина, — мерещились мрачные пещеры, и потом... словно ты зачерпываешь из воды огонь.

Виктор с удивлением глянул на Нину: — Огонь, говоришь? Было дело. Антон, ты как, сейчас подарим им или пусть помучаются?

— Это из-за чего мы должны мучиться? — отпрянула от Антона Яна и с любопытством скашивает взгляд на рюкзак, который с важностью матёрого индюка раскрывает Виктор.

— Что это? — невольно отшатнулась Нина, когда самоцветы поймали свет и заиграли неповторимой цветовой гаммой.

— Разновидность благородных опалов — чёрные и огненные, — с гордостью произносит Виктор, — это тот огонь, что тебе почудился, можете выбрать... э-э-э... семь штук.

Антон метнул насмешливый взгляд на Виктора и подмигивает, украдкой посмотрев на Викентия Петровича, который остановился у рыбаков, чтобы не мешать их встречи: — Вы тут, быстрее выбирайте... по восемь камней, — веселится он.

— Я думаю, если даже по десять штук возьмут, их не убудет, — в такт улыбается ему Виктор, скосив взгляд на батюшку.

Женщины забывают о монстрах и погружаются в сладостный мир созерцания и выбора самоцветов. Но вот, солнце устало проваливается за горизонт, и даёт шанс померцать на небе звёздам, луна сверкнула узким серпом и женщины, обливаясь потом, наконец, выбрали то, что им по душе, тяжёлая, видимо, это работа.

Викентий Петрович давно ушёл, рыбаки сворачивают удочки, цепляют на бечёвки рыбу, показывается Аня с Игнатом.

— Что, подруги, мужиков своих встретили? — она откровенно косится на их оттопыренные карманы.

— Это у тебя мужик, а у нас мужчины, — не преминула съязвить Яна.

— А какая разница, — повела выпуклыми грудями Аня и демонстративно обнимает ухмыляющегося бородача.

— Как сходили? — пряча в бороде злую ухмылку, спрашивает Игнат, его взгляд скользнул в сторону набитого рюкзака и неприлично долго на нём задерживается.

— С успехом, — осторожно произносит Виктор. — Как строительство? — задаёт он встречный вопрос.

— Стропила ставим, скоро крышу стелить будем, — кашлянув в кулак, отвечает Игнат.

— Это хорошо. Вот только, придётся повременить, с крышей Завтра отберёшь брёвна для постройки забора от кромки моря до тех скал.

— Зачем забор? — вскидывает взгляд Игнат, заметив помрачневшее лицо своей спутницы. — Так все брёвна туда уйдут, на личное жильё не хватит.

— Сначала Игнат, достроит мне мой дом... то есть наш, — поправляется Аня, — и только после этого я разрешу строить ваш забор.

— Не ваш, а наш, — поправляет её Виктор, с улыбкой глядя на её вздёрнутый носик. — Если его не возведём, твой Идар придёт со своей командой и будем мы жить уже не в домах, а в бараке.

— Неужели всё так серьёзно? — пугается Нина.

— Более чем, — не стал скрывать правду Виктор. — У Идара народу прибавилось и, скоро они вычислят наш лагерь, а тебя, Аня, он своим солдатам отдаст, или зекам.

— Как грубо, — фыркает женщина, но в глазах появляется дикий страх.

— Может, Алик найдёт людей? — откровенно трусит Игнат. Как это не вяжется с его лицом, словно неудачно высеченным топором из дубового пня.

* * *

— Чувствуешь дым? — Алик потянул ноздрями воздух.

— Ага, такой ароматный. Там люди, это точно! — радуется Маша и хочет ринуться сквозь каменные гребни, заросшие колючим кустарником, напрямик к струящемуся дыму.

— Коза, не газуй! — останавливает её Алик, а она не обижается на его высказывание и лишь улыбается, словно он сделал ей комплимент. — Мало ли кто там может быть. Сейчас я погляжу, а ты замри, — Алик нахлобучивает по самые уши панаму, вытягивает кривой нож и лезет между камнями.

За ним, суетливо ползёт Маша, обдирая локти в кровь, но старается не отставать от худощавого парня.

— Я тебе сказал остаться! — озирается Алик, тряхнув несуразной козлиной бородкой.

— Вот ещё! Ты один раз в попор едва не свалился, если б не я...

— Ладно, ползи, — неожиданно смиряется Алик, столкнувшись с её лучистыми глазами, ярко блеснувшими в свете молодой луны.

Они выползают к обрыву и замечают костерок, а над ним склонился тщедушный дед в спортивной куртке.

— Откуда он взялся? — удивляется Алик и хочет встать.

— Не двигайся! — Маша с силой дёргает его за пояс.

— Ты чего? Обыкновенный старик...

— Смотри! — Маша вытягивает тонкий пальчик. — Это, наверное, зеки? Тоже дым учуяли. Сволочи, сейчас дедушку убьют, — в её глазах появляется влага.

С обрыва видно, как к поляне, где греет руки старик, приближается группа людей, на их руках под всплесками отблесков от костра, виднеются синие перстни и другие наколки.

— Точно, это зеки-людоеды, — вздрагивает Алик. — Сейчас бы автомат! — он в бессилии закусывает губу и сдёргивает с головы панаму, утирает мокрое лицо.

— Надо его спасти, — всхлипывает девушка.

— Как? — чернеет лицом Алик.

Неожиданно старец встрепенулся, повёл головой, с трудом встаёт и идёт в сторону зеков.

— Что он делает? Бежать надо! — всхлипывает Маша.

Людоеды выбирают из зарослей, гнусно посмеиваясь, останавливаются.

— Ты кто, человече? — хохотнул Витёк, увидев бредущего навстречу старика.

— Дед явно не в себе, — Вагиз с жадным любопытством оглядывает его с ног до головы.

— Откуда это он? — удивляется Бурый.

— Какая разница, — тихо произносит Репа, глотая слюну, — жаль тощий, но печень и сердце должны быть большие, в углях запечём... вот и костерок так кстати.

Странно, но старик с такого расстояния услышал, что говорит Репа, но не пугается, а лишь устало улыбается и говорит, словно каркает простуженный ворон: — Людей есть нельзя, дети мои. — Я чувствую, вы голодны и злы. Злыми быть плохо, человек должен любить друг друга. А голод — явление проходящее. Слышите? Это стая собак, они тоже голодные, им нравятся ваш запах, скоро они будут здесь.

Витёк дёргается, с испугом смотрит на Вагиза, затем нервно оглядывается: — Точно, собаки, накаркал... старый хрен!

— Ты не суетись, сынок, от них не убежишь, место здесь поганое, равнина, — я вас спасу и накормлю, но вы обязаны принять мою веру.

— Какую веру? — изумляется Вагиз и откровенно заявляет: — Мы людоеды!

— Я очищу вас от этой скверны, и вы будете моими учениками.

— Какие, мать твою, ученики, я вор в законе! — порывисто выкрикивает Вагиз, но на его сердце словно ложится мягкая лапка, твердеет и выпускает стальные когти.

— Я тоже в законе... из тех времён... когда ты ещё малолеткой первый срок отбывал... Вагиз, — тихо, но с запредельной силой произносит старец.

— Ты меня знаешь? — зек теряет под его пронзительным взглядом.

— Ладно, потом разберёмся... с моей верой, от неё вы никуда не денетесь. Идите за мной, здесь есть пещера, господь указал на неё, когда меня выкинуло на этот берег Потопом. Я в ней немного обжился и даже дверь сделал, мы будем в полной безопасности.

— Да кто ты такой? — пристально смотрит на него Вагиз. Что-то знакомое мерещится в размытых временах старческих чертах, но такого быть не может, тот страшный человек, давно помер!

— Ты прав, — словно читая мысли, кивает старик, — я давно умер... в тюрьме, заточка прошла прямиком через сердце, и я был трупом несколько дней, но холодная земля могилы меня разбудила. Я выбрался, сделал пластическую операцию и убрал все наколки со своего тела... кроме одной. С тех пор я понял, что я святой человек должен нести веру заблудшим душам, — с этими словами, он стягивает с себя, полинявшую от времени спортивную куртку. Вагиз наклонился, рассматривая татуировку, и, сразу отпрянул, на тощей груди старика темнеет распятие, а в центре скорпион в прицеле, такая наколка принадлежала лишь одному вору в законе, легендарному Харитону.

— Это ты?! — крупно задрожал Вагиз, он был из тех, кто тогда готовил покушение. Новые воры решили воспротивиться законам старых воров, а Харитон был влиятельным законником старой формации, его необходимо было уничтожить первым, а оно вот как обернулось, Вагиза пробил холодный пот.

— Кто старое помянет, тому глаз вон, — хрипло засмеялся старик. — Ты не бзди, Харитон давно тебя простил, но теперь я обязан позаботиться о твоей душе.

Бурый с Репой почтительно застыли на месте, с глубоким уважением и восхищением смотрят на старца. Витёк, не понимая происходящего, удивлённо вращает головой, он из молодых зек и до него не докатилась слава легендарного вора в законе, но понимает, что-то происходит неординарное.

— Я вам не блядь, чтобы вы меня так рассматривали, а святой человек, — истово перекрестился Харитон. — Что рты раззявили, псы уже показались... бегом за мной!!!

Стая голодных собак врывается на поляну, замечает людей, несколько матёрых псов, делая огромные скачки, бросаются к оцепеневшим зекам.

— Здесь... она родимая! — Харитон раздвигает спутанные ветви можжевельника. — В

лаз лезьте... быстрее! Вагиз, толкай их вперёд!

Зеки исчезают в пещере, и старец суетливо задвигает изготовленную из толстых веток заслонку, фиксирует кольями. Вовремя. Свирепый кобель, прыгает вперёд, дверь содрогнулась, но бешеный натиск выдержала. Харитон простужено захохотал, резко сунул сквозь прутья остро заточенный штырь, отгоняя свирепого пса. Тот отскочил, припал на задние лапы, но прыгать вновь не стал, понял, его дичь ускользнула. Подвывая от злобы, кобель отвалил в сторону, вся стая, как по команде, залегла на поляне.

— Думают, мы отсюда когда-нибудь выползем. Хрен им! Здесь есть другой выход! — злобно сплюнул старец и, как бы устыдившись своих эмоций, поспешно перекрестился. — Вот что, дети мои, теперь вы мне обязаны жизнью... по закону, а рыпнетесь, кишки выпущу, — тихо и как-то немощно произносит старец, но зеков обдал ужас, до того гипнотически прозвучал его шёпот. — Располагайтесь в моём скромном жилище, отдыхайте, набирайтесь сил. Фраерок, — обратился он к Витьку, — звать то, тебя как?

— Витёк, — хлопнул глазами молодой зек, даже не обидевшись на такое обращение.

— Это хорошо, что Витёк. Ты костерок сооруди... поближе к выходу, да ту суку обсмали на огне. Недавно в яму поймал, ещё совсем свежая, — старец указал на труп собаки, замечает брезгливый взгляд Вагиза, морщится, словно от зубной боли, постанывая, опускается на колени, касается лбом каменистой земли, затем садится и раскачивается, заунывно распевая странную молитву. Глаза его закрыты, веки, вспухшие с чёрными пятнами. Но вот его ресницы дёргаются, словно в конвульсиях и показываются два тусклых глаза в кровавых пятнах, а угольно чёрные зрачки прицельно расстреливают окружающее пространство. Улыбка ползёт по его иссушенному лицу, он видит перед собой застывших в нерешительности зеков. — Что замерли, молитесь, грешные!!! — неожиданно сильно гаркнул он.

Вагиз, как паралитик, начинает креститься, за ним, неуверенно, остальные.

— Кто так креститься! Неправильно делаете, грешные!!! — свирепеет Харитон и наотмашь бьёт Вагиза, разбивая в кровь лицо. — Людей есть нельзя, — хрипло каркает он и, с отрешенностью отходит, вытирая руки о свою спортивную куртку, затем скидывает её, обнажая на груди распятие со скорпионом в центре.

Вагиз, роняя из носа капли крови, с лицом цвета грязной простыни, поспешно кивает: — Бурый, тащи сюда суку, — прерывистым голосом приказывает он, с ужасом поглядывая на старца.

— Кушайте, дети мои, — старик вновь крестится, — Витёк, поторопись с костерком, люди проголодались.

* * *

— Что это было? Людоеды на него не напали и вместе в пещеру спрятались, — трясётся Маша.

— Тише! Уходим. Здесь оставаться опасно. Надо об этом деде срочно доложить Виктору. Очень похоже, он стал их вожаком.

— Но он крестился?!

— Это ничего не значит. Боюсь, он создаёт новую секту и весьма гнусную.

— Здравствуй, человек, — старец склоняется перед Идаром. За ним стоят непривычно безвольные зеки, глаза у них пусты, губы сжаты и что-то шепчут, словно произносят молитву.

Идар цепко оглядывает тщедушную фигуру старика, отмечает про себя, что тот смиренно прячет взгляд и старательно кутается в полинявшую спортивную куртку. Тренер, что ли? Нет, вряд ли. Тоже зек... это точно, из старых, может даже вор в законе, но странно себя ведёт, словно какой-то монах. Может умом тронулся? Идару стало интересно: — Ты кто, отец? — мягко спрашивает он.

— Обычный человек, обиженный судьбой, но обласканный смертью, — старик быстро крестится.

— Так ты божий человек? — догадывается Идар.

— Я то? Да... я от него, — ещё ниже кланяется он.

— Что тебе надо? — Идар пытается разглядеть его лицо, но видит лишь кончик носа и старческий подбородок.

— Приюта, мне и моим несчастным ученикам.

— С каких это пор они стали несчастные? — насмешливо произносит Идар, скрещивая локти на груди.

— С тех пор как заблудились в своих душах, но я их выведу из этого лабиринта.

— Берёшь на себя роль Мессии? — Идар хочет говорить язвительно, но голос невольно дрогнул и от этого возникает злость.

— Что ты, я его лишь скромный слуга.

— Ты фанатик? — больше утверждая, говорит Идар.

— Фанатик это тот, кто верит, но не понимает сути своей веры, — смиренно произносит старец, — а я знаю суть Его и служу, без остатка отдав свою душу и жизнь.

— Значит фанатик, — утверждает Идар, но старик не стал спорить и наклоняется в поклоне ещё ниже. — Даже не знаю, — в раздумье говорит Идар, — чем вы можете быть мне полезными?

— Укрепив верой сердца людей своих, ты получишь ещё большую власть над ними, — старик впервые поднимает лицо и Идар встречается с его безумным взглядом и душа холодеет, словно качнулась в сторону открытого гроба.

— Ты странный старик, — он прикрывает глаза, словно в размышлении, но на самом деле невыносимо смотреть в воспалённые, красные глаза, в которых нет и следа от разума, но есть сила и она подавляет. — А если я не дам тебе приют, ты уйдёшь? — стараясь скрыть страх, произносит Идар.

— Я уйду... к твоему врагу.

— Что ж, я тебя не держу, — Идар отступает на шаг.

— Не делай опрометчивых решений, это может быть для тебя опасно, — впервые в голосе старца появляется металл.

— Тогда мне проще тебя убить, — усмехается Идар.

— Это невозможно, я давно мёртв.

— Живой мертвец? — Идар откровенно улыбается.

— Нет, я мёртв, в понимании этого мира.

— Ты безумен.

— А что такое безумие? — старец смеётся, словно простуженный ворон.

— Действительно, — задумался Идар. — Все мы в какой-то мере психи. А ты мне начинаешь нравиться, старик. Ты случаем... не урка? Впрочем, мне это не интересно.

— Ты проникателен, но я давно уже не мотаю срок, меня призвал бог и теперь служу ему, а не воровскому миру. К твоим услугам, правитель, — старец вновь кланяется.

— Пожалуй, я дам тебе приют и даже отдельный дом. Но мне не нужны эти людоеды, от них смердит мертвечиной.

— Они уже не едят людей, я им разъяснил, что это плохо, они на пути к очищению, они мои ученики.

— Это видно, — Идар скептически глянул в их тусклые глаза. — Ладно, веди своих... учеников.

Ворота со скрипом отворяются, и странная процессия молчаливо входит внутрь. Идар смотрит им в спины и ещё не совсем понимает, как извлечь из всего этого выгоду. Он раздражён тем, что в душе, словно хлопья жирного пепла, опускается страх. Старик ужасен своим безумством, и он может влиять на людей, даже зеки-людоеды и те, бредут за ним с покорностью жертвенных козлов. Ясно как день, он обладает внутренней силой, способной парализовать волю, но он не стремится её использовать против него. Может, он затеял собственную игру, а быть может, на роду вот таких необычных людей, прописано подчиняться воли всякого рода правителям? В любом случае отдавать его своим врагам не следует, пусть будет под присмотром. Если ситуация начнёт выходить из-под контроля, убью его.

Идар подзывает Дмитрия. Надсмотрщик, с недоуменным видом взирающий на тщедушного, на первый взгляд готового даже от громкого чиха отдать богу душу, старика, подходит к Идару, по привычке ударяя плёткой по своим сапогам: — Что за клоун? — осклабился он.

Идар недовольно нахмурился, обжигает пронизывающим взглядом Дмитрия, на лице которого застыло брезгливое выражение и тот с готовностью опускает взгляд, плётку засовывает за пояс, что свидетельствует о его растерянности: — Грот, что используем как тюрьму, — Идар задумался, он даже не спросил имя старца, — отдашь ему. Трёх рабов дай и охрану выставь. Обо всех его телодвижениях сразу докладывай.

— Зачем нам нужен старый дед? — пожимает плечами Дима.

— Если потребует каменщиков и плотников, выделишь, — Идар игнорирует его вопрос. — Иди, действуй.

— Хорошо, сделаю, — Дмитрий пожимает плечами и скорым шагом догоняет старика: — Эй, как тебя? Стой!

— Меня будешь называть старцем Харитоном, — глухо молвит тот. — Мне нужен грот, что используете под тюрьму, приведёшь мне трёх рабов, охрану выставь, а завтра, чтобы были плотники и каменщики, — после этих слов он продолжил путь, а за ним безвольно двинулись зеки.

— Ладно, сделаю, — в некотором потрясении говорит Дмитрий, а в животе становится гадко, словно выпил гнилой воды.

Алик мнёт панаму, трясёт козлиной бородкой и горячо говорит: — Так и было, дед глянул на зеков и те обсыкаться начали.

— А ты? — хохочет Антон.

— Что я? Мы с Машей в засаде сидели, — обижается Алик. — Сами у неё спросите!

— Утомонись, Антон, — Виктор вскользь улыбнулся, но в глазах поселяется тревога. — Что дальше было?

— Собаки на поляну выскочили, дед зеков в пещере спрятал. Да, вот ещё, дед постоянно крестился.

— Поп, что ли? — поджал губы Виктор.

— На попа совсем не похож, больше на старого вора... но крестится. Странно то, как! — Алик утёрся панамой.

— Бывали случаи, и преступники приходили к богу и становились на путь очищения, — глубокомысленно произносит Викентий Петрович.

— Не похож он на раскаявшегося, — упрямо мотнул козлиной бородкой Алик.

— Значит, сектант, — помрачнел батюшка.

— Кто ж его знает, может и так, — бородка понуро свешивается вниз, Алик обтирает вспотевшее лицо панамой и нахлобучивает её на голову. — Одно скажу, дед очень опасный, если пойдёт к Идару, проблем у нас прибавится.

— Сект нам здесь не хватает, — вздыхает батюшка. — Сейчас на свет повылезает такое, что и в годы Перестройки при Горбачёве не снилось.

— Дед старый, скоро сам заgnётся, — Алик стягивает панаму с головы, вновь обтирает лицо.

— Такие, как этот дед, из-за старческого склероза, забывают о смерти, и живут в одной поре, переживая своих нетерпеливо ждущих детей, а затем и внуков, — невесело хохотнул Антон.

— Мы не внуки, чтобы ждать его смерти, — невесело улыбается Виктор.

— А может его как-то нейтрализовать? — Алик скисает как молоко и становится лицом похожим на свою истерзанную панаму.

— Правильная мысль, — Виктор окатывает его внимательным взглядом, — мой приказ, как только он окажется в прицеле АКМА...

— Жестоко! — дёргается Алик и тихо добавляет: — Он такой старый... на моего дедушку похож... только он давно умер.

— А этот живой и с удовольствием заберёт твою молодую душу, — Викентий Петрович со вздохом погладил парня по голове. — Видно мне лично придётся идти на разведку, тучи над нами сгущаются, а с забором надо поторопиться.

— С тобой пойдёт тренер, — кивает Виктор. — И вот ещё, калаш возьмёшь, при случае деда ликвидируй и если получится, захвати... Идара.

— Для священника мне тягостно слушать твои слова, — вздыхая, крестится Викентий Петрович, — пойду, помолюсь, может бог даст мне какой-то знак. В раздумье я, всё переворачивается в моей вере, нельзя священникам убивать. Но и жизнь моих близких в смертельной опасности, не спасать её, значит быть сообщником убийцам и не будет за это прощения... но в то же время... ударили по одной щеке, подставь другую...

— Иди, молись, — мягко тронул его за плечо Виктор, — бог даст тебе знак. Я думаю, здесь иной случай.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Викентий Петрович, бледный словно смерть, обливаясь потом, молится, никто не имеет права его отвлечь. Душа в страхе, он ждёт божьего знака и истово верит, но сомнения терзают и выворачивают душу. Смирение — вот одна из главных заповедей, но тогда — смерть. И что останется? Неужели душа, безропотно, словно тупая овца, давшая убить её тело, созданное по божьему подобию, останется светлой и чистой? А может — это бог проверяет? Боже, дай мне знак!

Гадюка скользнула в щель, висает над виском священника, замечает бьющуюся жилку сонной артерии, бросается, но Викентий Петрович интуитивно улавливает движение и расплющивает её голову кулаком. Затем долго смотрит и с потрясением произносит: — А ведь это враг... знак свыше.

Лицо просветляется, всякие сомнения разлетаются, словно мрак ночи, Викентий Петрович достаёт нож, проверяет лезвие на остроту и решительно бреет бороду. Затем, вытягивает из рюкзака пятнистый камуфляж. На период военных действий, он снимает с себя сан священника и становится спецназовцем, прошедшим подготовку в мыслимых и немыслимых горячих точках, в данный момент он нужен именно в этом качестве. Его взгляд теряет всякое смирение, энергия звенит в теле, рефлексy вспоминают все навыки, несколько приглушенные образом смиренного священника. На самом дне рюкзака Викентий Петрович находит ящичек с длинными гвоздями — это не для плотнических дел, пальцами зажимает холодный стержень и, неуловимым движением швыряет. Резкий свист и жирный паук растёкся, проткнувший сталью.

— О, а это что за мужик? — Антон спотыкается о свою ногу, встречаясь с ясным взглядом безбородого Викентия Петровича, когда тот выходит из своего укрытия, похлопывая ладонью по бритым щекам.

— Одеколоном бы сбрызнуть, без бороды, словно без трусов, освежает и хочется скакать по росе, сверкая голой жо... — лучезарно улыбается Викентий Петрович.

— Ты ли это, батюшка? — Антон приседает от неожиданности.

— Стоп. Сейчас я не батюшка, я в миру, можешь меня называть Виком.

— Вик?

— Так меня на службе окрестили.

— Как скажешь, Викентий Петрович, — пожимает плечами Антон, пытается прихлопнуть веками свои округлившиеся глаза, но лишь икнул и неожиданно заржал как лошадь: — Ты словно сметаной отожрался, подбородок белый, а всё лицо — коричневое.

— Потемнеет, — отмахивается Викентий Петрович, — главное чтобы человек был хороший. Верно, Антоха?

— Это точно, — живо поддерживает его тот. — А ты как, надолго... в мир, или как?

— А это как бог подскажет. Виктор где?

— С Ниной шалаш утепляет.

— Это правильно, женщине в интересном положении необходимо тепло, — кивает

Викентий Петрович.

— В каком положении? — не расслышал Антон.

— Ну, она же интересная женщина, — спохватился Викентий Петрович, сам того не желая, едва не выдав чужую тайну. Хотя, какая тайна, скоро свой живот Нина не скроет.

— Да, тётка она классная, — с почтением шлёпает губами Антон, но Янка моложе, — с неким вызовом произносит он.

— Да кто ж спорит! — хохотнул Викентий Петрович. Он, по-дружески хлопает по спине Антона и идёт сквозь лагерь. Оглядывает незаконченные строения, хмурится, ведь совсем ничего осталось, крыши застелить и можно новоселье отмечать. Чуть-чуть не хватило, жаль. Теперь все брёвна на забор уйдут, но что делать, это сейчас важнее.

Ночь в разгаре, дымятся угли в затухающих кострах, из палаток доносится сопение и храп, почти все спят кроме выставленных постов. За день люди умаялись, работают на износ, темп на грани человеческих возможностей, ведь надо быть не только строителями, но и тренироваться как гладиаторы. Даже Гурий, постоянно доказывающий, что лучшим способом ведения военных действий, это дипломатия, а не лук и стрелы и тот овладел дубиной и отмахивается ею достаточно прытко от разящих тычков тупых концов копий. Метод тренировок Викентий Петрович избрал достаточно жёсткий, не увернулся — получай во всю дурь. На первых порах было много травм и даже весьма серьёзных, но затем возросшее мастерство свело все эти мелкие неприятности почти на нет. Особой гордостью для Викентия Петровича, это его два вертящихся тренажёра с цепями, летающих на различных уровнях. Вскоре он хочет на цепи приделать топоры, чтобы «жизнь мёдом не казалась». Ну, если серьёзно, он считает, что именно в смертельной опасности оттачивается настоящее боевое мастерство. Невероятно удивляет Виктор, у него какое-то безумное свойство организма, он учится невероятно быстро и условные рефлексы закрепляются как безусловные.

Викентий Петрович, неслышно приблизился к шалашу и словно слился со скалой, наблюдая, как слаженно работают Виктор и его удивительная женщина с грацией дикой кошки. Нина подносит охапки сена, а Виктор прутьями прижимает их между основными балками, стараясь, чтобы стебли ложились вертикально крыше. Что-то они сегодня завозились, очевидно, день был насыщенный до придела, а лезть в палатку им не хочется, всё же они полноценные муж и жена, Викентий Петрович недавно провёл обряд венчания.

Виктор слегка замедляет движения, словно почувствовал взгляд и действительно, говорит: — Что замер, Викентий Петрович?

— Зови меня Виком, — усмехается Викентий Петрович.

— Божий знак получил? — Виктор оборачивается и улыбается всю ширь лица, увидев белые щёки и подбородок своего друга.

— Ой, что это с вами? — роняет сено Нина.

— На тропу война вступил, в колючем кустарнике борода может запутаться, — шутит Викентий Петрович.

Нина оценивающе оглядывает его: — Я думала вы старше.

— Это плохо?

— Забавно.

— Значит, Вик, — Виктор хлопает его по жилистому плечу.

— Меня так в спецназе называли. А ты как почувствовал, что именно я подошёл? — любопытствует Викентий Петрович.

— Просто понял и всё. Хотя, — задумался Виктор, — ночная цикада на дереве замолчала, значит, кто-то её спугнул. Шагов не слышал, так бесшумно в лагере можешь передвигаться лишь ты.

— А если это был враг? — с некоторой иронией спрашивает Викентий Петрович.

— Агрессии не чувствовал, одно лишь нахальное любопытство, — улыбается Виктор.

— Чудесно. Наконец-то ты становишься настоящим профи.

— Учителя хорошие, — не думая льстить, обыденным тоном произносит Виктор.

— Нет, здесь что-то другое... хотя и учителя первоклассные тоже, — с самодовольством говорит Викентий Петрович и пытается по привычке пригладить несуществующую бороду.

— Когда уходишь? — Виктор в упор глянул в глаза Викентию Петровичу и неожиданно невозмутимый спецназовец чувствует дискомфорт, словно его вывернули наизнанку и швырнули как тряпку, с таким взглядом он в жизни ещё не сталкивался, даже у тигра он проще.

— Завтра под вечер, — Викентий Петрович с немалыми усилиями выдерживает его взгляд.

— Кроме тренера ещё будешь брать людей?

— Нет, с Николаем мне проще, другие мешать будут.

— Как знаешь, — Виктор крепит ещё один пласт сена.

— Уютный шалаш, получается, — вздёргивает подбородок Викентий Петрович, — почти как юрта.

— На одну комнату, но большую, — хмыкает Виктор.

— С милым и рай в шалаше, — тоскливо вздыхает Нина.

— Как разгребём дела, с забором закончим, вам дом построим в первую очередь.

— Это по благу или как? — ухмыляется Виктор.

— По положению, — Викентий Петрович многозначительно глянул на Нинин живот, и женщина смущённо прикрывает глаза пушистыми ресницами.

— Викентий Петрович, а что за знак был, вы так резко поменялись? — не в силах обуздать рвущееся любопытство, спрашивает Нина. Она выпрямляется, с гордостью разводит плечи, на груди полыхнули бусы из чёрных опалов. Их огонь, чарующим светом, пробегает по набухшим соскам, вызывая оттопыривших тонкую ткань лёгкой рубашки и, спецназовец мигом спекается, мямлит, не узнавая себя: — Пожалуй, я пойду, царица.

— Царица?! — опешила Нина, затем думает, что это шутка, смеётся, показывая ровные зубы: — И всё же, а знак, какой был?

Викентий Петрович выдёргивает из-за пояса шкуру змеи: — Она появилась в тот миг, когда меня сжигали сомнения, зависла над моей шеей.

— Это гадюка? — удивляется Виктор. — Но, на Караби нет ядовитых змей.

— И я о том же... ядовитая змея напротив сонной артерии... я раздавил её как врага и понял, я нужен Господу как воин.

— Даже озноб пробил, — Нина передёргивает плечами и прижимается к Виктору.

— Я пойду, выспаться хотя бы немного, — Викентий Петрович с грустью улыбается, старательно отводя взгляд от упругих прелестей невероятной женщины.

— Пока, Вик, — махнула рукой Нина и украдкой бросает жадный взгляд на Виктора.

Уходя, Викентий Петрович слышит возбуждённый женский шёпот: — Хватит с этим сеном возиться, завтра доделаем.

М-да, думает Викентий Петрович, пора бы и мне женщиной обзавестись, впору дрова

колоть, совсем немоготу становится. Он идёт к палаткам, садится у тлеющего костра, ворошит палкой, подкидывает веточек, дунул на мерцающие угольки, они ехидно перемигнулись быстрыми огоньками, и неожиданно вспыхнуло яркое пламя. Рядом с ним кто-то подсаживается и тоже бросает в огонь сухие веточки.

— Ты кто? — не оборачиваясь, недовольно спрашивает Викентий Петрович.

— А вам без бороды идёт, — слышится голос Алёнки.

— А, это ты, чего не спишь? — оборачивается Викентий Петрович.

— А вы, почему не спите? — шепнула одними губами девушка.

Викентий Петрович оборачивается к ней и внезапно шалее от её запаха и желания, силится отвести взгляд и проклиная себя, что сейчас напугает бедную девушку, но она внезапно кидается ему на грудь, словно жестокий вампир впивается в губы и заваливает на землю, ошарашивая его таким напором и неудержимой страстью. А ведь меня сейчас изнасилуют, мелькает удивлённая мысль и, Викентий Петрович с бесцеремонностью срывает с неё куртку, переворачивает бедную девушку, налегает на неё, плюща белые груди жёсткими пальцами.

— Давно тебя любила, — стонет Алёнка, истекая влагой.

— Прости меня, боже! — Викентий Петрович с силой придавливает её к земле и головешки в костре выдают безумную чечётку.

* * *

— Уф! — отдувается Алёнка, поправляет непослушную чёлку. — И что это с нами произошло?

— А ты меня действительно любишь? — Викентий Петрович внимательно глянул на девушку.

— Как только ты появился в нашей секции... сразу. Но ты был попом и мне казался недостижимым. А сейчас, без бороды... даже не знаю, что на меня нашло, — Алёнка стыдливо прикрывает глаза. — А я тебе нравлюсь? — внезапно она краснеет и шмыгает носом.

— Даже не знаю, что сказать, — искренне произносит Викентий Петрович, — мгновение назад любил тебя как сумасшедший, а сейчас меня терзают смутные сомнения, а прав ли я был?

— Ты мне скажи, — Алёнка ткнулась ему в плечо, — я хоть немного тебе нравлюсь?

— Немного? Хм. Да я готов тебя на руках носить! Ты мне послана свыше! От такого подарка большой грех отказываться, — искренне заявляет Викентий Петрович.

— Правда? Я подарок? — она счастливо смотрит на него и стыдливо улыбается.

— Ещё какой... подарок! Боюсь, после всего этого, мне придётся на тебе жениться... что и сделаю с большим удовольствием... если, конечно, ты согласна.

— А куда мне деваться, в животе сладко и я ещё тебя хочу, — Алёнка вновь налетает на Викентия Петровича и угли в костре опять заскакали как озорные чертенята.

Утро вновь радуется росой. Прозрачные капли материализовались из пустоты, и щедро облепили траву в долине, но ещё не сверкают. Солнце запаздывает, увязнув в тучах на горизонте и, лишь с трудом выталкивает жгучие лучи из немногих прорех. Игнат, вздрагивая от холода, стараясь, чтобы не промокла борода, изображает из себя индейца. Боевой лук

держит как грабли, на тетиве оперённая стрела, а в глазах горит желание порадовать несносную Аню жирным зайцем. По утрам эти ушастые твари повадились топтать поле, которое с такой любовью обихаживает красавица Нина, но Игнату на неё и это поле плевать, перед его глазами маячит капризное лицо Анюты. Как хочется, чтобы её губы улыбались, а во взоре горела любовь. Но, в последнее время она всё чаще сердится, а на её прелестных щеках пламенеет злой румянец. А когда Нина вышла в безумно красивом украшении, Аня впала в бешенство и, Игнату сильно досталось от её острых кулачков. После этого она отлучила его от своей постели, но, может, заяц как-то погасит гнев и счастливая улыбка скользнёт по её пухлым губам? Надо раздобыть зайца! Игнат в великом напряге, даже борода принимает боевую стойку.

Шорох в траве заставил в его артерии вылиться столько адреналина, что он едва не задохнулся, руки задрожали, пальцы оттягивают тетиву. Мгновение, и он едва не спускает стрелу, но в траве появляется рыжая собачья морда. Псына держит в пасти обмякшее тельце ушастого зверька, глянула на Игната затравленным взглядом и метнулась в густую траву.

Игнат сел, обливаясь потом, руки дрожат, в горле пересохло, грудь душит злость и досада. Затем его взгляд скользит по мокрой траве и, он чётко видит тропинку, что проделала собака. Почёсывая бороду, Игнат приподнимается, почему-то воровато оглядывается по сторонам и двинулся за собакой.

Тропа ведёт к дальним скалам, там обрывы и неприступные стены, груды камней от разрушительных обвалов, делают ту местность неприступной и опасной. Странно, что пёс туда стремится. А ведь там секретный лаз! Игнат хохотнул, представив, как его будут нахваливать товарищи, радость распирает грудь, от важности борода разлетается в разные стороны. Но, неожиданно он вспоминает, как Аня ему шептала на ухо: «Ты не хуже Виктора, при желании его можно спихнуть, заключить союз с Идаром Сергеевичем и я тебя сделаю царём». Игнат вздрагивает от видения рабов с опахалами, словно наяву видит рядом царицу Аню, челюсть отпадает, изо рта потянулась липкая слюна. А ведь это шанс! Глаза бегают по сторонам, он бежит по тропинке, видит в щели между камней собачий хвост, производит стремительный бросок и останавливается у широкого хода. Он сразу понимает, этот ход соединяет долину с противоположной стороной скал.

Некоторое время Игнат размышляет, тоска сжимает сердце, он вспоминает своих товарищей, с кем делил еду и кров, вспомнил и Виктора с Ниной, которые спасли его от голодной смерти, но внезапно всё заполняет сердитое Анино лицо и борода у Игната безвольно свисает и сам себе говорит: — Аня права, она достойна, быть царицей. Я выдам Идару Сергеевичу этот ход, а взамен потребую трон! — голос бородача звенит от возбуждения и от вождения.

Вдруг Игнат пугается, что его может кто-то слышать, приседает, озирается, но вокруг тишина, лишь ласточки шуршат крыльями почти у земли, к дождю должно быть. Он вползает в собачий лаз, бежит на четвереньках и оказывается в пещере, некоторое время бредёт в темноте, но вскоре замечает тусклое пятно, ускоряет шаг и вот Игнат широко вздыхает грудью свежий воздух с противоположной стороны скал. Вот он, его главный козырь! Теперь расклад сил резко поменяется и даже Викентий Петрович со своим автоматом ничего не сделает. Игнат смеётся, борода судорожно дёргается, теперь и заяц не нужен, Аня будет им довольна. Ай да я молодец, какая удача!

Игнат выбирается обратно, размышляет, а ведь если собаки вновь будут шастать по долине, рано или поздно, поп найдёт этот ход, а это совершенно неприемлемо. Обдирая

пальцы, скрипя зубами от натуги, Игнат заваливает лаз камнями, затем садится на корточки, отдыхает, на лице блуждает счастливая улыбка.

Нина сладко потягивается, улыбается с закрытыми глазами, шарит рукой около себя, с разочарованием вздыхает, не обнаружив рядом мужа. Садится, достаёт зеркальце, долго изучает своё лицо, затем глубокомысленно изрекает: — По-настоящему красивая женщина и без косметики должна быть блистательной, — она облизывает опухшие, после бурной ночи, губы, проводит по ним алым язычком. — А я красивая, хотя, чуть-чуть подвести ресницы, немного нос подпудрить... ой, а это что? — она натывается на кожаный мешочек, перевязанный ленточкой, сразу видно, это Виктор ей делает сюрприз. Во рту мигом пересыхает, она порывисто сдёргивает ленточку, прищурил глаза, слегка приоткрыв губы, просовывает длинные пальчики и, замирает. Она нащупала маленькие коробочки. Быстро переворачивает мешочек и смотрит ошалевшим взглядом, любой женщине это будет понятно — косметика! Открывает одну коробочку, она заполнена пастой чернее ночи. Тушь? Откуда? Фантастика! Лихорадочно сбивает крышечку со второй — в ней розовая пудра. Глаза у бедной женщины сходятся у переносицы, но когда в третьей она видит, пахнущую мёдом и воском красную с перламутровым оттенком пасту, она икает, быстро хлопает глазами и едва не теряет сознание от прилива чувств к мужу и радости к этим воистину — сокровищам.

Нина даже не может представить как долго и старательно Виктор сдирал сажу с обгоревших котелков. Затем, с маниакальным упорством толоч красноватый известняк, превращая его в тончайшую пыль. С опасностью для жизни влез на скалу, где роятся дикие пчёлы и разорил их гнездо, выживая мёд и воск. Из случайно забредших на отмель моллюсков рапанов, выдавил несколько капель настоящего пурпура, из мидий наскрёб перламутра, раскатав его в сияющие блёстки. И вот получилось — всё натуральное, никакой химии!

Нина делает стремительный бросок к роднику, старательно умывается, оглядывает проснувшийся народ, Виктора нигде нет, видно спустился с Викентием Петровичем к морю. Жаль, хотелось бы, чтобы он первый её увидел. Но искушение велико, Нина вновь ныряет в свой шалаш и... начинается волшебство перевоплощения.

Как обычно, завтракают все. На поляне сооружён длинный стол, покрытый брезентом, вместо скамьи, приспособили брёвна.

Народ тихонько рассаживается. Женщины разливают бульон по котелкам и мискам, дымится жареное мясо, лежат охапки очищенных съедобных корней, белеют сваренные вкрутую куриные яйца — подарок подводников с атомной подлодки, в большом котелке всё ещё булькает ароматный чай из душистых трав и даже есть мёд, но в мизерном количестве — по чайной ложке на человека. Люди негромко переговариваются, не спеша хлебают бульон, закусывая мясом и кореньями. Подростки с весёлым визгом крутятся под ногами, стараясь получить лакомство из-за стола, одним словом, жизнь налаживается.

Нина скромно присела рядом с Яной и та роняет ложку, с восхищением глядя на неё. Мужчины громко чавкают, но, то один, то другой замирает, не донеся ложку ко рту. Нина, словно царица, глаза удачно отненены, влажные губы пламенеют и переливаются перламутровыми блёстками, а на груди сияет украшение из чёрных опалов.

— Зайдёшь ко мне, я тебе немного дам косметики, — тихо шепнула Нина Яне.

— Откуда? — едва выдыхает подруга, она на грани обморока.

— Виктор сделал. Я долгое время не могла понять, куда это он сдёргивает по утрам,

даже ревновать начала, теперь ясно, — Нина с победным видом повела глазами и едва не подавилась, столкнувшись со жгучим взглядом Ани. Аня почернела и сморщилась как скукожившийся в огне пергамент, даже её выпуклые прелести обмякли и потеряли свой шарм, и, столько в её взгляде ненависти, что кажется, бульон сейчас скиснет, а мёд станет горьким.

— Чего это она? — толкнула Яну Нина.

— Будто не понимаешь, — фыркает Яна, — зависть, она... родимая. Как бы ни лопнула наша Аня, и силикон не вытек, — злорадно хихикнула она.

— Коза дранная, попросила бы, что, разве я не дала бы? — скривилась Нина.

— Удавится, а на поклон не пойдёт.

— Причём тут поклон? У меня этой косметики, на всех хватит, — простодушно говорит Нина.

— Слушай, а почему Игнат такой многозначительно довольный, даже борода распушилась. Анька гром и молнии мечет, а он словно кот чужую сметану сожравши. Во, что-то ей шепчет. Сейчас получит локтем под дых, — Яна приготовилась ехидно посмеяться, Аня действительно оголила свой локоток, но внезапно её глаза раскрываются во всё лицо, она ловит взгляд Нины, странно улыбается и, даже как помолодела. Затем обвиняет жилистую шею Игната, целует в жирные губы, бросая быстрые взгляды в сторону Нины и Яны.

— Никак, подлость, какую придумали, — презрительно улыбается Яна.

— Нет, наверное, обещанного зайца подстрелил, уже с неделю перед восходом солнца встаёт, Виктор его часто в долине с луком замечал, — с пренебрежением произносит Нина.

— За зайца она бы его не чмокнула при всех, — сузила глаза Яна.

— А, ерунда, что они там могут сделать, разве что нагадить на дороге, — фыркает Нина.

— Э, не скажи, Игнат тот ещё фрукт, за свою пассию на всё готов. Я бы посоветовала тебя предупредить Виктора, что бы приглядел за этой парочкой, — Яна всё ещё улыбается, но глаза становятся серьёзными. — Ты погляди! — Яна неожиданно резко переключается на другую тему, — у нашей Алёнки роман с попом.

— С чего решила? — удивляется Нина.

— Видишь, камешек такой же, как у нас у неё висит. Викентий Петрович хотел его в крест приделать, но видно нашёл ему другое применение. Во поп даёт! — хохотнула Яна. — А как же церковные заповеди? И его на сладкое потянуло, — цинично проговорила Яна.

— При чём тут заповеди? — пожимает плечами Нина. — Он не монах и ничто человеческое ему не чуждо... к тому же он уже временно не батюшка. А может, он её любит?

— В смысле, как это, временно не батюшка? — не поняла Яна.

— Бороду сбрил, надел камуфляж и с твоим тренером куда-то сдёрнул, — Нина не стала вдаваться в подробности.

— В войну играют, — ухмыльнулась Яна. — А кто такой Идар? Разговоров о нём много, утверждают, Рим свой строит. Неужели он так для нас опасен?

— Вероятно, да, — серьёзно произносит Нина, — мужчинам виднее. Наше дело женское, во всём поддерживать мужчин.

— Своих мужчин, — уточнила Яна.

— Ну, не этого же, козла, — Нина метнула взгляд на счастливого Игната, у которого от переизбытка чувств борода растопырилась как лопата для уборки снега.

Обе женщины весело смеются и... Аня тоже, но во взгляде столько скрытого торжества, что Нина с Яной невольно переглядываются друг с другом.

Как обычно, расслабление за завтраком сменяется тяжкой работой. Вновь стучат топоры, взвизгивают самодельные пилы, брёвна тщательно подгоняют друг к другу и на берегу растёт мощное сооружение, с лесенками и платформами для бойцов.

А в посёлке идёт свой процесс, женщины занимаются работами в поле и по хозяйству.....

Аня уединилась с Игнатом, жарко дышит ему в ухо, тот кивает, трясёт бородой и, раздувает ноздри, словно собирается заржать как конь и лягнуть копытами от переизбытка чувств. Наконец-то Аня соизволила его к себе приблизить и общается на равных, советуется, а если и возникают мелкие разногласия, покусывает ему ухо и Игнат мгновенно забывает о споре. Ведь как права Аня, думает Игнат, можно укрепить своё положение одним махом. Вот только в одиночку повернуть мероприятие сложно, нужны единомышленники. Гурий очень может подойти на роль дипломата, как-то надо к нему подкатиться, привлечь на свою сторону, пообещать должность главного правозащитника и послать на переговоры к Идару Сергеевичу. К сожалению, придётся пожертвовать Виктором и Викентием Петровичем, в принципе они неплохие мужчины и вот этим они чрезвычайно опасны, придётся их отдать в жертву обстоятельствам. Надо как-то так постараться их «обмазать грязью», чтобы большинство людей плевались от одного упоминания их имён. Нина, прелестная женщина, но ей не по пути с Аней — её туда же. Антон опасен, Алик ненадёжный, вроде как с Машей у него, что-то наклеивается, но вроде, она заглядывается на попа, вдруг Алик обидится и вновь к Ане ползет — от него необходимо избавляться и немедленно. Аня, правда, против, но в этом Игнат слушать, свою ненаглядную, не будет, в этом он примет самостоятельное решение, конкуренты в будущем не нужны. А то станет Игнат царём, а Алик и подкатится к Ане и, неизвестно как она поведёт, Алик — эта сволочь значительно моложе его Игната. Нет, не будет никакой жалости, как только усядусь на трон, я ему... э-э-э, Игнат задумался... а что, почему бы голову ему не отрубить? Народ должен бояться своего царя! От этих мыслей Игнат гордо вздёргивает бородой, целует Аню в губы, обмазав её подбородок слюнями. Она поморщилась, но стерпела и даже нежно улыбнулась.

— У тебя небывалый потенциал, любимый, — Аня незаметно обтирает подбородок об его бороду, а Игнат вновь целится в её губы, но она успешно уклоняется, прикладывает пальчик к его рту: — Ты несколько перевозбудился, остынь, у нас много дел, главное не наделать ошибок. Ты правильно решил собачий лаз засыпать, это говорит о твоём остром уме, мы с тобой такое замутим, любимый, — Аня с прищуром смотрит на Игната, а вспоминает Идара. Да, он гад ещё тот, отправил её к людоедам, но, если разобраться, Идар просто по достоинству не оценил её деловые качества, поэтому пожертвовал ею. Понять его можно, простить — нельзя, но использовать для своих планов можно, главное самой не наделать ошибок, прежде всего, сдержат пылкого Игната и не дать ему повода усомниться в её искренних чувствах к нему. Затем, этого козла можно и акулам скормить. Аня, нежно улыбнулась и слилась с ним в жарком поцелуе.

Как некстати появляется Нина с Яной. Аня с удовольствием отметила, что они косметику смыли, бусы с чёрными опалами сняли и сейчас грязные и мокрые от пота, что даже Игнат скривился, увидев их в таком качестве. Они где-то выкопали саженцы диких груш и волокут, едва не надрываясь.

Глазастая Нина узрела Аню с Игнатом, резко поворачивает к ним: — Привет,

подруга, — она скидывает молоденькие деревца. — Устали? — недоброжелательно спрашивает она.

— Тебе какое дело? — мрачнеет Аня.

— А тебя, кстати, уже обыскались, — Нина сурово глянула на Игната. — Мужчины начинают площадки крепить, а ты здесь.

Игнат поворачивается к Ане, раздувает ноздри, вроде хочет что-то сказать, но та кивает и многозначительно произносит: — Иди, мы с тобой потом договорим.

— Аня, я понимаю, ты постоянно пребываешь в нежном возрасте, — говорит Нина, а Яна обидно смеётся, поправляя сильными руками на плече саженцы, — но ты до борзоты ленивая, что даже тошнит, когда я вижу твою нахальную рожу и твой силикон. Все падут до потери пульса, а тебя постоянно надо где-то разыскивать. Допросишься, Аня, пайки лишим.

— Эй, помягче! — взрывается Игнат.

— Ты иди, дорогой, я как-нибудь сама разберусь, — цепенея от гнева, выговаривает Аня, но умудряется погасить в глазах вспыхнувшее бешенство: — Чего пристала, эти дрова надо посадить? — Аня ковырнула саженцы ногой. — Посажу, проблему наша.

Нина некоторое время ждёт, что ещё скажет Аня, но та демонстративно собирает саженцы и взваливает на плечо, вызывающе смотрит: — Где их воткнуть?

— У Яны тоже заberi, — властно произносит Нина, — а мы ещё за саженцами пойдём. А посадишь у тёрна, там уже несколько ям вырыто. Вечером проверим... подруга, — с пренебрежением произносит Нина и, они уходят обидно посмеиваясь.

— Ничего, мы скоро все посмеёмся, — лицо у Ани некрасиво дёргается, она злобно глянула на Игната: — Тебе сказали брёвнами заниматься, так иди и не мозоль мне глаза. Вечером Гурия ко мне позовёшь.

— Нахальные девицы, — вякает Игнат.

— Иди уже, и прошу, не производи резких телодвижений, строй забор, он нам самим понадобится.

Игнат медленно встаёт, чешет вспотевшую спину, оттопырив в сторону локоть, закатывает глаза от наслаждения, ласково смотрит на Аню и та, едва успевает скорчить доброжелательную мимику. Затем он громко скребёт кадык под густой бородой, затем...

— Милый, — не выдерживает Аня, — ты бы помылся.

— Зачем? К вечеру вновь вспотею, — искренне удивляется Игнат.

— Всё же я настаиваю, — хмурится Аня, брезгливо поджимая губы и морща аккуратный носик.

— Ладно, в море окунись, — слегка раздражается Игнат, гордо выставляет бороду и с важностью удаляется.

— Береги яйца от акул, — с иронией шутит Аня и с тоской смотрит вслед, вздыхает, произносит сама себе: — Что поделать, других нет, надо бы из этого козла всё выжать, затем пинком под зад, — она собирает саженцы, с пренебрежением смотрит на работающих вдали женщин, бредёт к ним пунцовая от раздражения и гнева. Сейчас бы выбросить эту охапку дров, но ведь Нина действительно лишит пайки, прецеденты место уже имели, а всё это быдло её поддержит... даже Алик, сволочь этакая, сошёлся с Машкой! А у той, ни рожи, ни кожи и даже веснушки есть. Пигалица, ей бы физиономию набить! К сожалению, эта дрянь, ногам дерётся словно лошадь и кулаки острые, это Аня испытала на себе, когда сунулась к ней со своими претензиями по поводу Алика. Ничего, к Идару подкачусь, всем достанется! Аня несколько успокаивается и даже улыбается.

Забор устанавливается ударными темпами, последние брёвна втыкают непосредственно в подводную гряду, идущую перпендикулярно берегу в море. В прошлом эта гряда являлась верхушкой скалы, под ней сразу начинаются обрывы — любимое место белых акул. Вот и сейчас они кружат в непосредственной близости от работающих людей, выискивая неосторожных. Но люди знают их коварство, способность акул выпрыгивать на сушу и вовремя отходят к берегу.

Викентий Петрович и тренер давно в пути, Виктор знает, что они профессионалы, но что-то гнетёт душу. Ему кажется, что всё пройдёт не слишком гладко. Беспокоит некоторая странность, разведка Идара всё ещё не нашла их поселение. Или уже нашла? Но тогда почему нет нападения? Виктор знает, Идар будет использовать любой случай, чтобы укрепить своё положение. А может он просто выжидает, ищет удобный случай, чтобы наверняка, накрыть всех махом. Людей у него сейчас в достаточном количестве и он может позволить себе подождать без особого вреда для себя. А ещё этот непонятный дед.

Старец Харитон почти не выходит из бывшей тюрьмы. В самом конце грота сложил из тяжёлых камней алтарь, на стене выцарапал изображение креста, а под ним разжёл очаг. Он не спешит, знает, рано или поздно, все с благодарностью примут его веру. Мир рухнул, а кто остался в живых, тот должен доказать свою веру в бога, а кто этого не сделает, заслуживает смерти в огне. Именно, в костре! Надо устроить показательную казнь, чтобы не нашлось ни одного фраера, который бы посмел усомниться во Всевышнем!

Старец тяжело вздыхает, вспоминая, как умер и был погребён в глубокую могилу, но черви не успели забраться в его нутро, сердце неожиданно проснулось и застучало мощно и без остановок. Определённо, это чудо, так долго клиническая смерть не может продолжаться, значит, ему помог бог и теперь он обязан ему жизнью, это закон.

С тех пор прошло немало лет, он сделал пластическую операцию, убрал наколки: звёзды под ключицами, многочисленные купола, синие перстни, но крест на груди уничтожить не посмел — это знак от Всевышнего. Теперь бывший зек святой человек и должен наставлять заблудших на путь истинный. Старый вор вздохнул, перекрестился, наклонился до земли, ударился о твёрдый пол, так и замер, воспоминания вновь заполнили его сознание. Он вспомнил, как первый раз пришёл в церковь, долго каялся и местный батюшка, с умилением глядя на его старания, принял послушником, затем разрешил стать монахом. Харитон так бы и служил верой и правдой, но один раз застал батюшку за тем, как тот тырил церковную кассу. Это было потрясением для бывшего вора в законе. Для него, что воровская касса, что теперь церковная — святое, а это, получается подлое крысятничество, воровство у своих, за это полагается смерть, но Харитон не успел совершить божий суд. Он смиренно стоял на отпевании у роскошного гроба, где крышка покоилась на особых навесах. В последний час, её незачем было прибавать специально подготовленными гвоздями, а лишь прикрыть и, защёлки всё сделают сами, плотно оградив покойника от живительного воздуха. Он всё стоял и смиренно бормотал молитву, а под полой держал острую заточку, скоро, очень скоро... но пришёл исполинский вал, со стоном качнулись церковные стены, парадную дверь выбило с петель, ворвалась пенная волна... Харитон мгновенно всё понял, бесцеремонно выбросил покойника из гроба и, занял его жилище, с усилием захлопнул крышку. Вовремя. Мир завертелся, посыпались удары за ударами, сознание померкло.

Харитон очнулся, глубоко вдохнул затхлый воздух, облизнул откуда-то попавшую на сухие губы солёную влагу, открыл глаза и долго смотрел на лучи света пробивающиеся сквозь щели гробовой крышки. Вскоре ему начали мерещиться оскаленные морды,

церковные купола, сметаемые волнами, падающие минареты и над христианским и мусульманским миром взметнулась великая тень единого Бога.

Старец прикоснулся костлявыми руками к дубовой крышке, но не стал биться в истерику, он точно знал, ему не дано умереть, потому что уже умер.

Летят дни и ночи, он ждёт своего часа, и вот, гроб налетает на берег и бьётся об острые камни, крышка разваливается, свежий воздух сметает тлен и смерть. Старик садится, оглядывается, пытаюсь сообразить, где он. Раздавшееся рычание его совсем не испугало, старец Харитон поворачивает голову и видит подбирающегося к нему тощего пса. Испытывая нечто странное в душе, он пристально глянул на возбуждённого зверя, готового в любой момент прыгнуть, пальцы привычно сжались на рукоятке заточки. Пёс прыгает, но что-то острое пробивает ему грудь, животное с визгом отскакивает, его начинает трясти от дикой боли, лапы онемели и невыносимая боль пронзает сердце.

Старец с трудом выползает из гроба, обтирает окровавленную заточку о полы рясы, в желудке мучительно ноет, хочется, есть и пить. Он ползёт к собаке и та дико взывает, пытается отпрыгнуть в сторону, но старец наползает на неё, впивается ртом в дёргающуюся глотку и долго пилит оставшимися зубами свою добычу. Наконец брызнула кровь, старик долго глотает и чувствует, как к нему возвращается сила, а у животного, напротив, быстро уходит.

Собаки ему хватило надолго, почти неделю он питался её мясом. Затем, он наткнулся на небольшую пещеру, там раньше останавливался отряд спелеологов, и, даже кто-то забыл спортивную куртку. Посчитав, что в ней будет удобнее охотиться, Харитон поменял на неё свою монашескую рясу. Затем, старательно обшарил пещёру, нашёл тайник, в нём верёвку, метров двадцать и два самохвата. Он аккуратно оставил их на прежнем месте, может когда, и пригодятся.

А как-то раз набрёл на старое кострище, палкой ворошил угли, вытаскивая обугленные человеческие кости. Радость всколыхнула сердце, на этой земле есть люди и с них он начнёт дарить миру новую веру.

Его воспоминания нарушают звуки шаги, бесцеремонно ворвавшиеся в храм. Старик поворачивается, грозно сверкнув воспалёнными глазами, но сразу гасит злобный взгляд и склоняется в поклоне: — Чем я удостоился такой чести, что ко мне пожаловал сам правитель? — его хриплый голос сопровождается покашливаниями и с трудом сдерживаемыми стонами.

Идар останавливается, внимательно смотрит на сторбленную в смирении фигуру, безгливость появляется в душе, но и страх так некстати болью резанул по жилам — чувство неприятное, мгновенно захотелось убить старика, но Идар лишь усмехнулся, поправил на плече автомат: — Что застыл, старый? Пора выполнять своё предназначение. У рабов... да и среди свободных, много лишних вопросов накопилось, надо к богу их привести, чтобы дурных мыслей не было.

— Бог голоден и требует жертву, — закаркал старик и Идар не сразу понял, что это смех. — Пусть мои ученики приведут того у кого скопилось много вопросов и народ собери... правитель. Сегодня вечером Бог покажет свою силу.

— Мне не нужны убийства, людей и так мало, — сверкнул глазами Идар, — что-то другое придумай.

— Лишь жертвенная кровь даст веру людям, — с нажимом произносит старец. Или ты хочешь, что бы безбожники снесли твою власть? Только страх удержит их от произвола и

поселит в их душах любовь к богу... и к тебе, правитель, — старец вновь смеётся, каркая как простуженный ворон.

— Это мне решать, как меня будут любить люди, — властно произносит Идар, а старец вновь заходится в кашле. — Ты болен, старик, — без сожаления добавляет он.

— Нет, это не кашель, это смех, — старец внезапно поднимает взгляд и внутри у Идара, словно прошипел раскаленный металлический прут. — Я здесь, прежде всего, чтобы служить Богу, а ты его избранник, но можешь впасть не в милость, — шамкает старец Харитон.

— Ты вздумал мне угрожать? — неприятно удивляется Идар, нехорошая дрожь пробегает по коже.

— Безусловно... нет, — старик опускает взгляд и Идар украдкой вытирает холодный пот со лба, — что я, такой же слуга как и ты, но я честно выполняю волю всеильного Бога, а он может вмиг выдуть душу у любого... и даже у тебя... правитель. Осмелюсь дать тебе совет, я помогаю тебе укрепить власть, а ты не вмешивайся в его божественные дела.

— И всё же, старик, ты наглеешь, — Идар незаметно цепляет пальцами курок автомата, мысль свербит, как шило в мягком месте, а может пустить очередь, прямо в его рот и головной боли конец?

— Братан, ты борзеешь! — из дальнего угла грота, где как крысы притаились зеки-людоеды, вырывается отважный голос Витька. Лучше бы он смолчал, злая очередь швырнула в него горячий рой из пуль, разрывая его рот до ушей, и Витёк становится похожим на страшного клоуна.

Старец Харитон даже не дёрнулся, лишь поджал сухие губы и укоризненно хмыкнул: — А говорил людей у тебя мало и бросает воспалённый взгляд на вскочивших со своих мест зеков и те безвольно опускаются на корточки у истекающего кровью трупа.

— Ему смешно, а мне уши заложило, — с мрачностью во взоре заявляет Идар, с интересом рассматривая разорванный рот Витька.

— Сволочь, — слышится безвольный голос Вагиза.

— На то воля великого Бога, — старец прилежно крестится.

В грот врываются бойцы, с копьями наизготовку, но Идар жестом решительно останавливает и те застывают, с ужасом глядя на сгорбленную спину старца, а затем замечают труп Витька.

— Нерадивые слуги бывают в каждом доме, — бросает Идар и стремительно уходит из душного грота, а за ним спешат его люди, судорожно сжимая копыя вспотевшими пальцами. Едва все уходит из пещеры, как слышится кашель старика, он смеётся.

— Кто у нас из людей подойдёт на роль жертвенного барана? — Идар оборачивается к Дмитрию и тот уныло опускает плётку. — Чего молчишь? — грозно глянул он на надсмотрщика.

— Старик у же жертвы нужны? — осторожно спрашивает Дмитрий. — Не нравится мне это, совсем с ума сходит. Может, лучше убить его?

— Время придёт, убьём, — соглашается Идар, — но пока хочу понаблюдать за процессом, а вдруг в этом есть своё рациональное зерно? Пусть дед потешится, а заодно и народ мой развлечётся. Есть кто у нас на примете?

— Есть, — Дмитрий опускает голову, а в глазах появляется страх.

— И кто? — замечает его состояние Идар и настораживается как питбуль перед броском.

— Идар, кое-что произошло, — надсмотрщик, словно перед смертью глотает воздух, — диверсанты проникли на наш объект, где хранятся надувные танки.

— И что? — напрягается Идар, глаза темнеют, ноздри хищно раздуваются.

— Пост, что их охранял, я арестовал, — заикаясь, еле выговаривает Дмитрий. Затем, хмуро добавляет: — Всё изрезали, суки, ни одного резинового танка не осталось.

Идар некоторое время молчит, от бешенства по телу пробегает судорога, но он сдерживает себя и как кобра смотрит на надсмотрщика.

— Ты меня убьёшь? — с обречённостью спрашивает Дима, и щёки колыхнулись, словно у огорчённого борова.

Идар с удивлением глянул на него, пожимает плечами: — Я что, зверь поганый? Пока нет, работай, но ещё один прокол старику отдам. Когда это произошло?

— Совсем недавно, — Дмитрий с удовольствием стегнул воздух плёткой, — изделия всё ещё сдуваются.

— Погоню организовал? — нетерпеливо говорит Идар, со странным выражением глядя на надсмотрщика. Дмитрий вновь скисает под его взглядом, засовывает плётку за пояс, нерешительно произносит: — Так мы бежали к тебе доложить, а потом выстрелы, зека ты замочил.

Идар морщится: — Не надо мне блатняк разводять, мочиться ты будешь в сортире... если сможешь, — непонятно произносит он.

— Идар, ты не злись, — колыхнул щеками Дмитрий, — мы давно знаем, друг друга, всякое было между нами, но даже когда ты работал на меня, я не срывался на тебе.

— А я, что, срываюсь? — Идар в удивлении округляет глаза, лёгкая улыбка пробегает по губам, но в глазах застыло нехорошее выражение. — В последнее время ты каким-то странным стал, жрёшь много, говоришь много, баб всех переимел, что-то цацкаюсь я с тобой не по делу, вот и результат, диверсанты у нас шkodить стали. Знаешь, вот что я сделаю, — Идар уже не улыбается, — ты пока каменщиком поработай, а Сеня, пусть вместо тебя посуетится, а там посмотрим.

— Идар, за что? — помертвел Дима.

— Временно! И ещё, с этой поры я для тебя Идар Сергеевич. Надеюсь, ты понял?

— Да, Идар Сергеевич, — опускает голову Дмитрий Леонидович.

— И ещё, чуть не забыл, свой дом освободи, пусть мент пока в нём поживёт, а ты со всеми, в бараке.

Идар повёл глазами и улавливает довольные улыбки солдат: — Что скалитесь, волки, за мной! Кто первый увидит диверсантов, дом подарю, — Идар перехватывает автомат и метнулся к воротам, которые уже поспешно открывают.

Небольшая бухточка, окружённая остроконечными утёсами, радуется своей первозданной чистотой. Море гладкое и ровное, словно прямая извилина прапорщика из анекдотов, чайки с важностью переваливаются у сдувающейся резиновой техники. Стволы надувных танков потеряли стояк и вяло свесились, пугая мир некой отрешённостью и безразличием, баллистическая ракета противно выхрюкивает остатки воздуха, съёживается и превращается в медузообразное полотно, которое уже заполняет морская вода и первые рыбки обследуют образовавшиеся ванночки.

Идар с усилием гасит в груди прилив бешенства, кусает губу, даже кровь брызнула, посылает бойцов к ближайшему лесочку, а сам спускается в бухточку, рыщет в округе, пытаясь разглядеть следы. С первого взгляда он понимает, это были профессионалы, работу

выполнили безупречно и даже камушек, случайно подцепленный ногой, аккуратно положили на место, а густую траву выровняли, словно никто и не продирался сквозь неё. Но Идар достаточно опытен и эти мелкие хитрости с толку не сбивают, но весьма настораживают, он узнаёт своего брата по ремеслу. Он свистит, подзывая бойцов, часть из них посылает прочёсывать берег, а сам, взяв с собой пару человек, уверенно идёт по едва различимому следу.

Диверсанты стараются выбирать каменистые участки земли, цепляются за скалы, пытаясь миновать густую поросль. А часть маршрута проделали по рядом стоящим деревьям, прыгая по веткам, но сбитая кора и мох выдаёт их передвижение и Идар криво усмехается, он знает, теперь они не уйдут, главное в ловушку не угодить, сам бы он поставил её, например, там: — Стой! — останавливает он резким окриком одного из бойцов. Осторожно подходит к застывшему человеку, замечает под его ногами гибкую лиану, бесшумно смеётся, тыча стволом вниз.

— Это ловушка? — молодой парень пятится, выставив копьё вперёд.

— Она, родимая, она. Ловко поставили, стоит лишь её коснуться, как то бревно разнесёт наши черепа в брызги, — Идар взглядом указывает, как её можно обойти, а сам заходит в сторону, прячась в густой поросли, начинает отслеживать путь своих бойцов. Он точно знает, его ребята дилетанты и обязательно подвергнутся первому удару, вот тогда можно будет неожиданно зайти в тыл диверсантам.

Внезапно в воздухе чувствуется свежий запах убитого зверька и на кусте Идар замечает заячью тушку. Что-то новенькое, и это пугает, Идар отступает в сторону и натывается ещё на одну тушку зайца. Неприятное предчувствие холодком пробежалось по коже, Идар вскидывает автомат, он догадывается, это очередная ловушка, но её функции понять не может. Если это для того чтобы их учуяли одичавшие собаки, это не эффективно, их он с бойцами разбрасает в два счёта и диверсанты это понимают. Других хищников на плато нет. Или есть? Идар застывает, капелька пота скользнула по чисто выбритому подбородку и срывается вниз. Он осторожно отступает к своим бойцам, но внезапно чувствует чей-то взгляд, вскидывает автомат, в зарослях колыхнулись молодые деревца и слабый ветер доносит острый звериный запах и он явно не собачий, Идар пятится, автоматом выискивая цель и она появляется в виде оскаленной морды тощего медведя. Зверь с невероятной быстротой выламывается из зарослей, Идар пытается нажать на курок, но ствол цепляется об ветку, и очередь радостно щёлкает по траве, выбивая листья и корни, а медведь уже нависает, разинув слюнявую пасть. Идар с размаху бьёт автоматом в его морду, чудовищные челюсти сжимаются, корёжа легированный ствол, делая оружие непригодным к стрельбе, и, с неистовством выдирают его из рук человека.

— Ко мне! — орёт Идар, но бойцы, забыв про копьё, в ужасе застыли.

Медведь поднимается на передние лапы, шерсть стоит дыбом, маленькие глазки красные от злости, из пасти вырывается такое зловоние, что Идара едва не выворачивает прямо в тощее брюхо голодному зверю.

На большом валуне, утопая в мягком мхе, прикрывшись срубленными ветками, замерли Викентий Петрович и Николай Андреевич.

— Как славненько получается, — шепчет тренер. — Не стреляй, медведь и так ему голову откусит, — видя, что Викентий Петрович едва не нажимает на курок, говорит он, трогая его за плечо.

— Это не по-божески, — непонятно произносит Викентий Петрович.

— Что ты имеешь в виду Вик? — тренер вскидывает на него недоуменный взгляд.

— Зря мы на него зверя вывели, бог мне не простит, — кривится Викентий Петрович и решительно стреляет.

Пуля как оса впивается в зад разъярённому медведю, выбивая шерсть вместе с клочьями мяса. От громогласного рёва содрогнулась земля, зверь молниеносно поворачивается, пытаясь зацепить зубами жгучий свинец. Ещё одна пуля вскользь цепляет ему морду и зверь жалобно ревёт, ломая деревья, с позором бежит. Идар мгновенно оказывается у своих бойцов, с силой вырывает копьё, направляет его в сторону валуна, где притаились диверсанты.

Викентий Петрович не таясь поднимается, держа Идара на прицеле: — Остынь, мы не в равном положении, что твои копьё против АКМА.

— Зачем мишку обидел, и объясни смысл своих действий? Кто ты? — Идар втыкает копьё в землю.

— Был священником, сам себя лишил сана, теперь просто воин, — Викентий Петрович улыбается, но продолжает держать на мушке Идара.

— Везёт мне на попов, — со смехом произносит Идар, цепко шаря взглядом по сторонам, — у меня тоже поп есть, правда странный какой-то... наверное, все священники дёрнутые.

— Ты в чём-то прав, поэтому пользуйся моментом и уходи, — Викентий Петрович недвусмысленно повёл стволом.

— Хорошо-хорошо, мы уходим, — Идар пятится, не сводя внимательного взгляда со странного человека, — и всё же, ты хоть и придурок, хочу сказать спасибо. Единственно, хочу тебя заверить, на ответный жест не надейся, я пока дружу со своей головой.

— Благодарю за искренность, теперь я буду знать, что от тебя ожидать, — со смехом произносит Викентий Петрович.

— Взаимно, — Идар не удерживается и со злостью сплёвывает.

— Какой шанс был, — вздыхает тренер.

— Был, — с грустью соглашается Викентий Петрович. — Но зато у нас абсолютное преимущество, его автомат безнадежно испорчен, и надувной флот пошёл ко дну.

— У них людей больше.

— Это правда, — Викентий Петрович попытался пригладить несуществующую бороду, но коснувшись отросшей щетины, и вовсе расстроился.

Гурий с тоской окинул взглядом на непонятно изменившуюся Машу. Что-то в ней появилось новое, её пугающе задумчивый взгляд вселяет смутные подозрения и этот сверкающий камень... ходят слухи, что раньше он был у попа: — Хорошая девочка Маша, — Гурий вздыхает, разговаривая сам с собой, — а туда же, за цацку продалась.

— Ты что-то сказал? — наострил уши Игнат.

— Нет... это я так, сам с собой, — Гурий в душе ругает себя, за то, что так неловко выронил фразу.

— Машка классная девочка, — Игнат ковырнул палкой горящие поленья, — и не стоит её осуждать. Ну, скажи мне, что мы можем дать своим женщинам, когда Виктор и его поп всем верховодят? Всё до сэбэ, ничего нам не дают. Я уверен, скоро нас будут заставлять дома им строить и помои выносить, а нам в землянках придётся жить. Неужели ты думаешь, твоя Маша в землянку к тебе зароется?

— Да ничего я не думаю! — окрысился Гурий. — И вообще, с чего ты взял, что я имею виды на эту... Машеньку?

— А что, девочка ещё то! — Игнат вызывающе вздёргивает бороду. — Молоденькая, может столько детишек нарожать. Жаль если от попа, по мне... ты лучше.

— Отстань, Игнатушка, в душу лезешь, — Гурий тягостно вздыхает.

— Вот-вот, устроили беспредел, царями хотят стать. А по мне, народ должен всё решать, демократия нужна, — Игнат качнул узловатым пальцем.

— Да сколько тут людей, до народа не дотягиваем, — хмыкает Гурий.

— Это сейчас, но корабль построим, начнём людей собирать, глядишь, до народа дорастём, а там институты демократического устройства понадобятся, правозащитные организации и прочие нужные вещи. Сам знаешь, не будет этих тормозов в тиранию можно свалиться, а первый претендент на монархию — Виктор, будь он не ладен. А ты, Гурий, мог бы следить за справедливостью и не допускать их обогащения и вседозволенности. Пускай они в землянках живут, а ты Машеньку в просторный дом приведёшь, — хитро улыбается Игнат. — Именно, в просторный дом! — с нажимом добавляет он.

— Надоела мне эта палатка, соседи, пускающие по ночам шептунов, — Гурий искоса глянул на Игната. — А с чего это ты такой разговор завёл?

— У меня есть к тебе дело, — Игнат глубокомысленно подбрасывает лохматые брови вверх, — пойдём к Ане, поговорим о том, о сём. Есть интересные предложения, думаю, тебе трудно будет от них отказаться, так как это на благо нашего народа, — высокопарно заявляет Игнат. — И будь спокоен, Машенька станет твоей, — подмигивает он.

— Послушай, Игнатушка, а какой твой интерес во всём этом, кем ты думаешь стать? — Гурий с пониманием смотрит рыбьим взглядом.

Всё существо Игната завопило, хочется с жаром выкрикнуть: «Царём хочу стать», но он скромно опускает взгляд и с некоторой неловкостью произносит: — Президентом.

— Что ж, как говорится: «Плох тот солдат, что не мечтает стать генералом», — с иронией усмехается Гурий. — Впрочем, мне эта шахматная партия нравится, можно попробовать её разыграть, но вдвоём или даже с твоей Аней у нас ничего не получится, фигур мало.

— Фигуры будут, к Ане пойдём, скоро всё сам поймёшь.

Вечереет. Ветер зачем-то разметал тучи и в образовавшиеся просветы с любопытством заглядывают чудовищно далёкие звёзды. Забор сделан, бойцы уже засели на площадках, готовые в любой момент подать сигнальный огонь. В посёлке спокойствие и умиротворение, можно несколько расслабиться от тяжкого труда и погреться у уютных костров. Декан, Павел Сергеевич, разошёлся не на шутку и шепчет стихи Есенина в мягкое ушко Виолетты Степановны, та млеет от восторга и как бы невзначай жмётся к его заросшей буйной порослью груди. Братья Семён и Виталий сосредоточенно выковыривают из рапанов запечённых моллюсков. Эдик с задумчивым видом правит нож с неприятно широким лезвием, Катя заглядывает ему через плечо, тихонько вздыхает, о чём-то думая. Маша слегка отодвигается от Алика, когда тот решил её о чём-то спросить, затем и вовсе встаёт и уходит к женщинам, поглаживая на ходу гладкий самоцветный камушек на своей груди. Вероятно, Алик единственный из всех, кто не знает, что Маша уже не с ним. В общем, в посёлке всё идёт своим чередом со своими проблемами и удачами.

Виктор и Нина как обычно прогуливаются вдали от всех, у моря, наблюдают за приливной волной, за крабами, которые уже успели обосноваться на новом месте и деловито бегают по скользким камням, выискивая кусочки пищи.

— Забор сделали и, сразу такую защищённость чувствую, на душе так радостно, — Нина прильнула к Виктору. — А ты знаешь, говорят уже дикие собаки не приходят в долину. Правда, здорово?

— Наверное, — неопределённо произносит Виктор, — странно только.

— Что именно?

— Что дорогу к нам забыли, словно кто-то лаз их засыпал.

— Ну, нормально, раз засыпали, — Нина хлопнула густыми ресницами.

— Да, но почему об этом никому не сказали, это более чем странно, — Виктор пощупал отросшую к вечеру щетину на подбородке. Сдаётся мне, кто-то непонятную игру затеял. Но зачем?

— Это сделали для того чтобы этот лаз никто не искал, — неожиданно выпалила Нина.

— Что ты сказала? — встрепнулся Виктор. — Ты знаешь, а ведь всё идёт к тому, сдаётся мне, кто-то предательство задумал.

— Боже, неужели это правда? — восклицает Нина.

— Есть вероятность, что собаки поменяли место охоты, медведь их сильно помял, а может, кто-то для Идара готовит подарок. Завтра попробуем поискать этот ход, только аккуратно, чтобы никто об этом не знал. Антона и братьев возьму, они надёжные ребята.

— Анька с Игнатом постоянно шушукуются, — вставляет Нина.

— Любовь у них, — ухмыльнулся Виктор.

— Чушь, Анька Игната едва терпит, он ей для чего-то нужен. А сейчас они с Гурием сошлись, сама видела, как Игнат с ним разговаривал, а потом к этой общались, — с пренебрежением произносит Нина.

— А по поводу Ани и Игната, а ещё вот Гурий... надо за ними понаблюдать, — задумался Виктор, а глаза темнеют и желваки пробегают на лице, словно стальные шарики.

Свист один длинный и два коротких всполошил часовых на площадке забора, затем слышится радостный окрик, натужно скрипят канаты, опускается тяжёлый мостик.

— Это Викентий с Николаем, — улыбается Виктор, но в глазах тревожное ожидание.

Знакомые голоса переговариваются с часовыми и вот два человека ловко спрыгивают на землю и, увидев Виктора с Ниной, спешат к ним: — Не спится? — Викентий Петрович с

радостью пожимает руки, целует в макушку Нину.

— Заснёшь тут, такой балаган устроили, — шутит Виктор. — Как экспедиция прошла? — пылливо спрашивает он.

— Обосновались они что надо, но мы лучше, — бесшумно смеётся Викентий Петрович. — Бухту с их надутыми гандо... извини, — осёкся он, метнув быстрый взгляд на Нину, — в смысле, с их резиновыми изделиями нашли достаточно быстро, разрезали так, чтобы восстановлению они не подлежали. А перед этим ловушек наделали и не зря, Идар быстро вострепнулся и за нами припустил. Но, кажется, он мастерство своё несколько растерял, в одну из них угодил...

— Ты ликвидировал Идара? — вострепнулся Виктор и его лицо мрачно осветилось.

Викентий Петрович, неожиданно опускает взгляд и это удивляет Виктора, но Николай быстро говорит: — Мы медведя к ним подманили, он автомат Идару испортил, изгрыз как леденец на палочке.

— А затем я медведя выстрелами отогнал, — глухо произносит Викентий Петрович.

— В смысле, как отогнал? — не понял Виктор, ещё сильнее мрачней.

— Не по-божески это, чтобы зверь рвал человека. Был бы открытый поединок, всё иначе произошло бы, — с грустью выдает он.

— Ты не воспользовался таким шансом? — вскричал Виктор, встряхивая его за грудки.

— Я не смог полностью стать мирским человеком, — искренне говорит Викентий Петрович, — мне для этого время нужно.

— Нет у нас времени, — опускает его Виктор.

— Теперь автомат имеем только мы, — вмешивается Нина, с уважением глядя на Викентия Петровича.

— Да, теперь имеем его только мы. Но автомат не панацея, пули закончатся, и станет он обычной дубиной, а у них людей больше. Корабль надо срочно строить, промедление смерти подобно, — он криво улыбается, глядя на поникшего друга. — Всё же я признаю, основную задачу вы выполнили и на том спасибо, — сухо произносит Виктор. — А автомат передай Николаю, а то он, что-то руки тебе жжёт, — с иронией добавляет он.

— Ты прав, жжёт, — с некоторым вызовом произносит Викентий Петрович и смертельно бледнеет, поняв, что сказал лишнее.

— Виктор, — Нина смотрит, раскрыв на всю ширь глаза, — ведь всё так хорошо прошло. Теперь мы успеем построить корабль и снарядить экспедицию, и они не смогут нам помешать.

— У них людей больше, если они решат тоже строить судно, спустят его на воду быстрее. Идара надо было ликвидировать, — жёстко произносит он и смотрит в глаза Николаю Андреевичу, — подготовь группу для решения этой задачи.

— А мне, что делать? — осторожно спрашивает Викентий Петрович.

— Как обычно, на тебе охрана посёлка и займись кораблём. Времени для этого тебе на раскачку не нужно.

Они уходят. Виктор хмурый, губы сомкнуты. Нину раздирают противоречивые чувства, с одной стороны она полностью оправдывает благородство Викентия Петровича, но с другой — понимает, сейчас не время для сантиментов. Окружающий мир также прекрасен, как и жесток и, как кто-то говорил: «Оказавшись в раю, рот не открывай, там разные бывают». Парадокс, но окружающая действительность многократно сложнее чувств и выработанных стереотипов. Главное сейчас, чтобы тебя не съели и в переносном и прямом смысле.

Нина трогает за плечо Виктора, он поворачивается, готовый встретить в её глазах непонимание, но она мягко улыбается: — Викентий Петрович хороший мужчина, но несколько зацикленный, — Нина прижимается к нему, смотрит ясными глазами, украшение на груди призывно переливается загадочными огнями.

— Вероятно, ему действительно необходимо время, — вздыхает Виктор и целует в мягкие губы, с наслаждением почувствовав привкус мёда и воска. — Ты настоящая женщина, — его охватывает неукротимое желание.

— Я до сих пор потрясена твоим подарком, — она скромно повела подведёнными ресницами. — А я Яне и Виолетте Степановне немного из косметики дала. Ты не против? — Нина подставляет смеющееся лицо для поцелуев.

— Я рад этому, тушь закончится, ещё сажи наскребу из котелков, — простодушно говорит Виктор.

— Ах ты бессовестный, всю романтику ломаешь, — притворно сердится прелестная женщина, ударяя его кулачком и, мигом оказывается в его объятиях.

— Пойдём к морю, — грубо волочёт её за собой Виктор.

— А ты зверь! — в притворном ужасе вскидывает она на него поплывший взгляд и прижимается к нему отвердевшими сосками, мигом оттопырившими лёгкую рубашку.

— Дорогая моя, единственная, ты для меня одна, — млеет Виктор и сжимает её напрягшуюся грудь. Она испускает стон и шепчет: — Уже не одна.

Виктор непонимающе глянул в её полузакрытые глаза, а она с нежностью опускает его ладонь своему животу: — Чувствуешь, как он округлился?

— Родная, — едва вымолвил Виктор, — я такой счастливый.

Море тихо шепчет, легонько набегаая на берег, им хорошо и ничто не мешает уединению, лишь луна с любопытством выглянула из-за сопки и, словно устыдившись, затянула себя лёгкими облаками. Через некоторое время ткнулись о берег две молчаливые косатки, вероятно приняв их за морских котиков, но странным образом узнают Виктора, не таясь, хлопают хвостами и выпускают волнующие трели на низких диапазонах.

— Они нас зовут, — встrepенулась Нина.

— Брось, что ты, — усомнился Виктор.

— Точно зовут. Как здорово, они приняли нас в свою стаю!

— Они просто голодные, нас увидели, вот и бурчит в животах, — шутит Виктор.

— Скажешь ещё, — насторожилась Нина.

— Послушай, а это не та самка с детёнышем, что я с отмели вытолкнул? — приподнимается Виктор. Он подходит к берегу и видит у огромной косатки знакомую отметину, рубец на плавнике. — Это они, — радостно произносит мужчина, — а малыш подрос.

— Давай с ними поплаваем? — неожиданно предлагает Нина.

— Ты чего, они хищники, неизвестно, что у них на уме!

— Это у человека неизвестно, что на уме, а они радуются... это так очевидно, — Нина даже дрожит от возбуждения.

— Ты куда? — пугается Виктор, но женщина решительно заходит в воду и ладошками игриво поднимает небольшую волну.

Косатки чуть отходят в сторону и повторяют движение Нины плавниками, взметнув в воздух, бурю из пены. Женщина весело смеётся и неожиданно лодочкой входит в воду, просияв в черноте ночи обнажённым белым телом.

— Вот кошка! — обомлел Виктор и с размаху прыгает вслед за женой, стараясь её обогнать.

Студёная вода захватывает дух, светящиеся пузырьки пробегают по телу, приятно щекочут кожу, возбуждение опасности и холода вызывает, чуть ли не экстаз и кружит голову как от хорошего игристого вина.

А Нина уже рядом с малышом, который возвышается словно огромный бурун над маслянистой гладью моря. Он приветливо стрекочет, почти как дельфин, но несколько грубее, басовитее и подплывает к бесстрашной женщине, а она гладит его упругую кожу и смеётся.

— Вот кошка! — вновь повторяет Виктор, в несколько гребков оказывается рядом с ними.

Большая самка, бесшумно приблизилась и Нина, ойкнув от страха, цепляется в Виктора: — Какая она большая, сейчас опишусь!

— А ты думала! — несколько встревожился Виктор, но знает, что кошатка ничего плохого им не сделает. — Давай-ка назад, не искушай судьбу.

Нина с сожалением отталкивается от детёныша и гребёт к берегу, повторяя: — Вблизи она такая огромная, я даже не ожидала, что настолько!

— Вот кошка, — в третий раз повторяет Виктор, — надавать бы тебе по заднему месту.

Он помогает её выбраться, накидывает на неё куртку, а она, мокрая и дрожащая с силой прижимается к нему.

— Ты совсем с ума сошла, — безумно возбуждаясь, целует её в солёные губы, а она тихо смеётся: — Я знаю, — и толкает Виктора на землю.

Косатки некоторое время фыркают у берега, разочарованные тем, что люди так быстро покинули их. Затем, словно поняв, что у них более важное занятие, кроме как нежиться с ними в ледяной воде, словно по команде уходят в сторону скал, где будут выискивать сонных котиков.

Удивительное положение, дни летят со скоростью барабанной дробы, а верфь строится медленно, словно навозный шарик, толкаемый жирным жуком в гору. Иной раз и брёвна не хотят становиться на свои места и падают вниз, рискуя покалечить людей, Игнат что-то часто скребёт бороду и спину, пожимает плечами, удивляясь, что так трудно идёт строительство. Вероятно знаний, когда-то полученных из интернета, всё же не хватает для успешного продолжения дела. Но, все же, контуры будущей верфи начинают вырисовываться, и Виктор несколько успокаивается.

Викентий Петрович всё так же тренирует, выжимая из людей последние силы. На крутящийся тренажёр уже прикрепил два топора и славно видеть, как бойцы подпрыгивают и уклоняются от свистящих лезвий, даже слёзы от умиления наворачиваются на глаза. Виктор лично тестировал тренажёр и остался доволен, но также посоветовал добавить скорости для большего эффекта, но Викентий Петрович лишь с сомнением покачал головой. Виктор не стал настаивать, потрогав макушку, где, словно бритвой срезана прядь волос.

Собачий лаз пока не найден, прочесали все мыслимые и немыслимые уголки, на этих склонах множество обвалов и почти везде есть какие-то щели, но все они заканчиваются тупиками. Загадка, но разгадать её необходимо. Виктор нервничает и собирает тайный совет, на него приглашает Викентия Петровича, Антона и братьев Виталия и Семёна.

— Я почти уверен, Аня и её шайка готовят предательство, но пока они сидят и не высовываются, мне это очень не нравится, — Виктор ковырнул копьём угольки в костре. —

Может с пристрастием допросить Игната?

— А вдруг он не станет петь, — ухмыляется Антон.

— Это, смотря как допрашивать, — оживляются братья.

— Идея не блещет остроумием, — качает головой Викентий Петрович. — Во-первых, это не по-божески, но если даже это опустить, то неизвестно как он себя поведёт. Игнат из породы фанатиков, если упрётся, то хоть жилы его накручивай на гвозди, будет молчать. Во-вторых, мы засветимся, и они будут осторожнее действовать. Необходимо за ними понаблюдать, а главное, чтобы из лагеря они не ушли. Тогда точно, к Идару пойдут и в скором будущем к нам нагрянут гости.

— Встретим, АКМ есть, — улыбается Антон.

— Из засады и стрела из лука может быть не хуже пули, — Викентий Петрович задумался. — А может действительно собаки по какой-то причине ушли, или ход обвалом засыпало?

— Собак видели, когда я с братом ходил к Голубянке, никуда они не делись, всё также промышляют, — говорит Семён.

— Здесь они, а ещё и подросшие щенята с ними, — кивает Виталий.

— Да знаю я, — хмурится Викентий Петрович, — плодятся, словно кролики... медведя бы на их тощие хвосты, — выругался он. — Вот что я думаю, раз отсюда ход не можем найти, попробуем поискать снаружи.

— Ага, ста лет не хватит, — с сомнением произносит Виктор.

— Старая собачья тропа должна сохраниться, её и поищем.

— Ты поищешь?

— Почему бы и нет. Давно пора использовать свои навыки следопыта, — усмехается Викентий Петрович, — а то засиделся в посёлке, размяться надо.

— С тобой пойдут Виталий и Семён, — мгновенно распоряжается Виктор.

— Только мешать будут. Дерутся они более-менее, но ходят по лесу как беременные слоны, — отстранёно произносит Викентий Петрович.

— Спасибо Вик, — криво ухмыльнулись братья.

— Нема за что, учитесь, дети мои, вся жизнь впереди, — Викентий Петрович попытался пригладить несуществующую бороду и вновь огорчился, не ощутив шелковистые пряди волос.

Виктор, заметив его жест, улыбается: — Обратно тянет в священники?

— Рано ещё, как народ успокоится, да детишки начнут рождаться, так рясу сразу и одену, а сейчас буду потеть спецназовцем, бог меня на это благословил, — со вздохом заявляет он и ловко крутит пальцами остро заточенный гвоздь. Затем, неуловимым движением его бросает, пронзив на дереве нахальную муху, но сразу встаёт, с тревогой глядя вдаль: — А ведь это сигнальный дым!

Виктор взлетает на ноги и тоже видит, как со стороны построенного забора с некоторым интервалом взлетают клубы густого дыма, затем зажигается сигнальный огонь на скале, передавая информацию жителям посёлка и вот уже бойцы, ломая кустарник, устремляются вниз.

Уже почти подбежав к забору, Виктор слышит свист и с трудом уклоняется от тяжёлого копья, перелетевшего через верхушки заострённых брёвен. Другое копьё Викентий Петрович отклоняет ладонью и хватает его в руки, прыгает на лесенку и в мгновение оказывается на площадке. У бойницы один из летчиков пытается перезарядить заклинивший автомат, на

правом плече у него торчит обломок стрелы, другая — дрожит в боку. Рядом, сражённый в грудь корчится от боли другой пилот, а Толик Белов с яростными криками швыряет вниз увесистые булыжники и горящие головешки.

Викентий Петрович вырывает автомат, ловко перезаряжает, спасительная трель громыхнула над морем и мгновенно слышатся вопли: — Отходим! Прикрывай меня! — ещё одно копьё напоследок втыкается в бревна, и неизвестные люди скрываются в зарослях.

Виктор прильнул к смотровому окну, но увидел лишь качающиеся ветви: — Нашли, злодеи, — он выдавливает горький смешок.

— Ага, это бойцы Идара, одного зацепил. Думаю, далеко не уйдёт, истечёт кровью. Надо организовать погоню.

Виктор отрицательно повёл головой: — А вдруг они ловушек наставили? Местность прочешем позже, а тот участок леса надо бы выжечь, мешает обзору.

— Всё бы не спалить, — ухмыльнулся Викентий Петрович, — но идея верная, тот лесок нам совсем некстати. А вот и бойцы наши подросли. Стоп, а где Игнат с Гурием? — Викентий Петрович напрягся, словно перед броском. — Где Игнат? — гаркнул он.

— Час назад он с Аней и Гурием в долину пошли, зайцев из силков доставать, — опешил от злого выкрика Павел Сергеевич.

— С Аней, говоришь? — сузил глаза Виктор. — Необычно как-то, Аня ленивая как медуза, а тут соизволила с двумя мужиками скакать по траве. Что скажешь, Вик? — обращается он к Викентию Петровичу.

— К Идару пошли, полезли через собачий лаз, теперь его найду.

— А вдруг он уже знает о секретном ходе? — цепенеет Виктор.

— Не знает, — уверенно произносит Викентий Петрович, — но если его не найдём по горячим следам — узнает.

— Антон, летчиков перевяжи, и срочно переправьте к Алёнке, усилие на берегу охрану и установи наблюдение за долиной. А калаш мы с собой заберём, боюсь, как бы наши друзья с тыла не вдарили, — Виктор спрыгивает с лестницы: — Чего ждём, пошли, Вик, копьё возьми, а я фонарь захвачу.

Трава в долине гуляет под порывами ветра и даже Викентий Петрович призадумался, где искать след: — Как некстати погода портится, — с озабоченностью произносит он, — двигаемся к обвалам, надеюсь, там что-то найдём.

— Как в этой мешанине можно что-то сыскать? — крутит головой Виктор.

— Уже нашёл, здесь они прошли, видишь, — Викентий Петрович раздвигает копьём траву, — стебли изломаны, даже ветром их не перемешало, значит, большая группа людей прошла, как раз укладывается в нашу троицу и... след ведёт в сторону обвалов. Сто пудов, теперь не уйдут, родимые.

Викентий Петрович уверенно идёт по следу и спустя час они утыкаются в осыпи.

— Эх, Анька, дура, мужиков с толку сбילה, замутила так, теперь не отмоются. Как их найдём, придётся показательный процесс делать, — с сожалением произносит Виктор.

— Что надумал? — осторожно спрашивает Викентий Петрович.

— Поступить не по-божески, — ухмыляется Виктор, — отвезём их на остров, где раньше тренер со своими бойцами жил, пускай там заговоры шьют.

— Помрут, — без особого страдания говорит Викентий Петрович.

— Нет, не помрут, там чайки на скалы гадят, иногда птенцов выводят. Если наши заговорщики будут суетиться, может чего и поймают.

— Осталось за малым, успеть их взять, до того как они к Идару попадут.

— Возьмём, куда они денутся, до их поселения далеко идти, по дороге перехватим, — самоуверенно произносит Виктор.

— Мы ещё собачий лаз не нашли.

— А что, есть такой вариант? — насторожился Виктор.

— Без вариантов, — бесшумно смеётся Викентий Петрович, — следы чётко ведут под те глыбы, там ход.

Действительно, под нависающими сводами виднеется груда каменных осколков — бывший завал, а за ним чернеет подземный ход и дует из него влажный ветер.

Викентий Петрович поднимает тонкий поясок: — Анькин, узелок развязался вот и соскользнул.

— Это от Анькиной злости он лопнул, — не преминул съязвить Виктор. Некоторое время подзаряжает аккумулятор, включает фонарь и уверенно лезет в узкую щель: — Настоящая пещера, а на полу чёткие отпечатки ног, — слышится его довольный голос.

— Какое счастье, что на свете существуют дилетанты, — Викентий Петрович быстро оказывается рядом, внимательно осмотрел следы. — Их точно трое, эти Игната, вот чёткий отпечаток от ботинка Гурия и вмятины от кроссовок Анюты, ты эти кроссовки с зека снял.

— Да, было дело, — мрачнеет Виктор, — ведь как жалко мне её тогда было, когда от людоедов спас.

— Зависть её губит, а так была бы весьма неплохой девицей, всё при ней...

— И это тоже искусственное, — сплёвывает Виктор, — мне противно было бы трогать её силикон.

— А Игнату нравится, — хмыкает Викентий Петрович, — совсем мужик голову потерял. Где мы теперь такого классного плотника найдём? Может не надо его на остров, пусть под присмотром у нас поживёт?

— Там видно будет, — задумался Виктор. — Сам по себе он безобидный человек, Аня муть навела.

— Ну, не совсем так, но проще Ани, с этим я согласен, — усмехается Викентий Петрович.

— А Гурий здесь, каким боком?

— Гурий тёмная лошадка, себе на уме, повидал в своё время таких, — неопределённо произносит Викентий Петрович.

Луч фонаря скользит по пещере и чем-то она напоминает длинную кишку, сырая, грязная, сталагмиты торчат, где попало, словно воспалённые отростки и тускло отражают свет мутные лужицы пещерных ванночек, на половину заполненных серой жижей.

— Неприятная пещера, — кривится Виктор, медленно продвигаясь вперёд, — а Гурий идиот.

— Действительно, пещера не блещет красотой. Нет, Гурий не идиот, он играет в собственную игру, — уверенно произносит Викентий Петрович.

— Проиграет, — Виктор светит фонарём, с напряжённым вниманием рассматривает высохшие сталагмиты, многие сломанные, словно некто тяжёлый продирался в темноте.

— Меня это тоже тревожит, — заметив нерешительность Виктора, произносит Викентий Петрович. Он неслышно двинулся по пещерному залу, выставив копьё далеко вперёд, шаг его лёгок, но в мёртвой тишине пещеры даже малейший звук усиливается и вкрадчивым шорохом разносится по всем уголкам, возвращаясь невнятным эхом.

Неожиданно присаживается: — Посвети фонарём.

Виктор направляет свет на грязную лужицу и замирает от неожиданности, в грязи, заполненный водой, чётко виднеется огромный след хищника.

— Они ведут из пещеры. Судя по отпечатку, зверь вышел отсюда пару дней назад.

— Кто... вышел? — бестолково спрашивает Виктор.

— Очевидно... медведь. Можёт он случайно набрёл на эту пещеру и больше сюда не вернётся, но не факт, вдруг он решит использовать пещеру под своё логово.

— А собаки? Они же здесь часто пробегали?

— Медведю они не помеха, лишь досадное раздражение... особенно раненому. Вероятно, именно в него я стрелял. Нехорошо. Я бы вернулся назад, — искренне говорит Викентий Петрович.

— Но Анька, со своими сообщниками, прошла!

— Просто повезло. Медведь может вернуться в любую минуту, ему надо отлежаться. В темноте мы его и из АКМА не завалим. Надо возвращаться за подмогой.

— А я думаю, стоит рискнуть. Эти же, прошли. Времени у нас мало.

— Опасно.

— Я бы попытался, — упрямо тряхнул головой Виктор.

Викентий Петрович некоторое время молчит, затем встаёт, оглядывается по сторонам, нюхает воздух: — Выход близко, — неопределённо произносит он. — Я пойду первым... не возражай. Иди следом. Переведи режим на одиночные выстрелы, в такой темноте, очередью меня можешь задеть.

— Неужели ты всё-таки думаешь, что медведь вернётся?

— Он раненый. Сейчас где-то кормится, но обязательно придёт... когда именно, неизвестно. В этом плане, пещера, для него, самое безопасное место... он так думает, — невесело хохотнул Викентий Петрович и, тихо пошёл вперёд.

Держа, в напряжённых руках, автомат, Виктор двинулся следом. Через некоторое время, в крошечной тьме, замаячил слабый свет. На душе стало теплее, почти вышли, Викентий Петрович зря так волновался, всё значительно проще.

Виктор некоторое время наблюдает за другом, его силуэт едва просматривается на фоне тусклого света льющегося из далёкого выхода. Вот его друг оказывается у входа и терпеливо ждёт. Виктор облегчённо вздохнул, опустил ствол вниз и, особенно не таясь, заспешил к выходу. Внезапно в нос ударил острый звериный запах, сбоку покатались камни, утробное рычание заставило в ужасе замереть. Из соседнего ответвления выдвинулась тёмная масса и вздыбилась как гора.

— А-а-а-а!!! — заорал Виктор и вскинул автомат, но нажать курок не успел, в неясном свете блеснули длинные когти и, оружие вылетело из рук, звякнуло о камни, скользнуло по ровному полу и плюхнулось в пещерное озерцо.

— Пригнись!!! — заорал Викентий Петрович. Злобно просвистело копьё и, пещеру сотряс оглушающий рёв.

— Беги!!!

Виктор, с ходу рвёт с места. Ломая гуровые ванночки, расплёскивая в стороны грязную жижу, вылетает из пещеры. Мужчины отбегают на значительное расстояние от пещеры и прячутся в камнях. Некоторое время выжидают. Зверь не показался, но это не значит, что он убит, вероятно,лизывает раны.

— А если б промазал? — вспоминая жуткий свист копыя, выдыхает Виктор.

— Ты меня удивляешь, — с укором произносит Викентий Петрович, — неужели ты подумал, что я внезапно сошёл с ума и ничего не просчитал. Всё было как в аптеке, до твоей головы было больше пяти сантиметров.

— Сколько?!

— Ну... может, три.

— Спасибо... Вик... что меня не убил.

— Нема за что! — как мерин заржал Викентий Петрович, — вот только калаша у нас теперь нет. Как говорится, картина Репина: «Приплыли».

— Хреново, — поник головой Виктор.

— Всё шло к тому, АКМ не панацея, а так, временное преимущество. Теперь другое что-то надо искать.

— Для начала Аню с её командой надо выловить.

— Зачем? — ухмыляется Викентий Петрович.

— В смысле? Они про собачий лаз знают, — удивляется Виктор.

— Очень хорошо, — бесшумно смеётся Викентий Петрович, — с нашей стороны ход замуруем, а здесь засаду сделаем, как только они войдут в пещеру, ловушку захлопнем. Вот они обрадуются, когда столкнутся с раненым медведем.

— Оригинально, — кивает Виктор, — но они снаружи пост оставят.

— Определённо, — соглашается Викентий Петрович, — но постараемся его тихо снять.

— Так что, пускай они идут к Идару?

— Бог им в помощь. Буду молиться, чтобы их дикие звери не растерзали, — Викентий Петрович привычным жестом попытался приладить несуществующую бороду.

Аня не собиралась уходить с Игнатом и Гурием, думала дожидаться результата здесь, но сил уже не было терпеть ежедневные издевательства. Нина совсем с цепи сорвалась, каждое утро посылает к ней Яну и дикую Машку и её выдёргивают с тёплой постели ещё до восхода солнца и на плантацию капаться в земле. Сами тоже работают как оглашенные, но это их дело. Но не в Анином характере ползать на четвереньках, ухаживая за растениями, которые пытаются окультурить эти дуры. Им надо, пускай сами зарываются в грязь. Анна каждую минуту чувствует, что рождена для большего, чтобы просторный дом, бассейн, клумбы, прислуга и молоденькие мальчики. А что имеем: Игнат с неухоженной бородой и от вьёвшейся грязи вечно почёсывающий бока, недостроенный дом с сеном вместо крыши и больше ничего — никаких перспектив. Тоска!!! А тут как-то вечером Нина протягивает ей коробочку с помадой и тушь для ресниц, а улыбочка такая покровительственная, вот наглая сучка! Так хотелось плюнуть ей в лицо, но пришлось выдавить улыбочку и с гордым видом отказаться. Ничего, скоро вы все получите по достоинству! Нину, Яну и Машку диким псам на растерзание дам... впрочем, Нину нет — я её шлюхой сделаю, и будут её иметь, все мужики, пока живот у неё не лопнет, а затем подвешу на дереве за ногу, пусть вороньё полакомится.

От сладких мыслей у Ани кружится голова и вот тогда в её грёзы врывается ехидный вопль Машки: — Что пупок оголила, на вот, обработай, — и кидает вонючие заячьи шкурки. Это было последней каплей, Аня долго на них смотрела, затем швыряет их в огонь, зная, что за этот поступок её могут даже высечь и с нетерпением дожидается Игната.

Используя древние женские чары, Аня елозит мягкими ягодицами по его окаменевшему детородному органу и даёт в полной мере мять свои выпуклые груди. Этим она вызывает у Игната затмевающий рассудок экстаз и согласие на немедленный выход к поселению Идара. Позже происходит решительный разговор с Гурием и тот нехотя соглашается, ему непонятны столь быстрые сборы, но у Ани так накипело, что, ни секунды она уже не может здесь находиться.

И вот их группа продирается сквозь густые заросли уже за территорией долины. А жутко было в той пещере, Ане всё мерещилось, что из дальних ходов кто-то подбирается к ним, нечто холодное и жестокое. Но спасительный выход развеял страхи и непонятные шорохи за спиной.

Приятно смотреть на бушующую впереди зелень, на горные цветы, которые вымахали в рост человека и свешивают к земле тяжёлые и красные как кровь лепестки. Аня даже остановилась, разглядывая это чудо, но Игнат торопит, судорожно дёргая кадыком: — Любовь моя, скоро всё это будет твоим, а сейчас не отставай, надо как можно быстрее пройти этот лес. Говорят, здесь поселились хищники с разбившегося о берег зоопарка.

Жутко становится у Ани на душе, она чувствует себя маленькой девочкой и глаза увлажняются от слёз. Внезапно захотелось обратно, и она повернула бы, так как сомнения с каждым шагом начинают разъедать душу, но она вспоминает пещеру и непонятный дикий страх заставляющий цепенеть всё её сознание и Аня поспешно идёт за мужчинами как несмышленный гусёнок за двумя матёрыми гусаками..

Игнат замечает её состояние, ободряюще вздёргивает широкой бородой, демонстративно поправляет на поясе тяжёлый топор и взглядом указывает на такой же у

Гурия: — Двумя топорами даже медведя изрубим, — хвастливо произносит он, и Аня даже верит ему, несколько успокаивается, и слёзы быстро высыхают на припухшем лице. Но Гурий покосился на них, вжимает голову в плечи и убыстряет шаг. Уверенность Игната он не разделяет и в душе ругает себя, что ввязался в авантюру с сомнительным результатом, но возвращаться ещё глупее, а идти вперёд ещё большее безрассудство. Почему же он прётся сквозь заросли, рискуя налететь на голодного медведя или на собак-людоедов? Демократические принципы? Гурий усмехается. Какие такие принципы может позволить диктатор Идар или Игнат, мечтающий стать... царём, Гурий чётко просчитал внутренний мир Игната, именно, царём хочет стать, придурок. Да и ладно, мне то что? Пусть изображает из себя тирана, а я под его прикрытием возьму всё что нужно, а первое — Машеньку. Как она мне нравится, мочи нет! Такая, блин, разэтакая! Всё при ней, а голос — в животе поднимает волну из наслаждения и хочется в тот же час овладеть Машенькой и долго-долго, до полного опустошения, а потом детки пойдут, такие славные и в папу и в маму. Вот оно счастье! Гурий вздыхает и уже с уверенностью ломится сквозь буйные заросли, но скоро тормозит, впереди стоит настоящая стена из травы вперемежку с кустарником и сочными деревьями. Он озирается по сторонам, страх тихонько поскреб его потные залысины, всё непонятное всегда пугало с самого детства.

— Что стал? — звучит грубый голос Игната.

— А раньше поле здесь было, — Гурий оттирает пот с залысин, достаёт флягу с водой, судорожно плотает. — Будешь? — протягивает её Игнату. Тот отрицательно качнул головой, но Аня быстро берёт флягу, брезгливо вытирает её края и делает пару больших глотков, возвращает, с недоуменным видом смотрит на Гурия.

— Дождей много, вот всё и выросло, — хмыкает Игнат. — Топором прорубаться надо.

— Ага, за полгода так махануло, как в тайге за полсотни лет. Поверьте мне, странно всё это. А может мы давно умерли и это рай?

— Дурак, — фыркает Аня, — кто нас в рай примет?

— Это верно, особенно после предательства, — соглашается Гурий.

— Какого предательства?! — мгновенно взрывается Аня. — Мы просто должны взять своё, а каким образом, это второстепенное.

— А если не дадут? — смотрит рыбьим взглядом Гурий.

— Кто не даст? — Аня даже заикаться начала.

— Виктор и его поп.

— Мы что, его спрашивать будем? У Идара сейчас столько народа...

— А вдруг, твой Идар, пошлёт нас и всё заберёт себе, — перебивает её Гурий.

— Как это заберёт? Мы договор заключим.

— Я на его месте чихал бы на все договора, — Гурий с иронией усмехается.

— Поэтому ты не на его месте, — со злостью произносит Аня, но под ложечкой неприятно засосало.

— Что-то ты Гурий не то говоришь? — с угрозой вскинулся Игнат, в глазах появляется недобрый свет.

— Мне то что, я многого не требую, Машеньку ну там... кое какие удобства, для Идара это мелочи, такое даст. А у вас далеко идущие планы, ему это может не понравиться... особенно если вы потребуете написать договор.

— Какие ещё планы? — с угрозой выставил бороду Игнат.

— Эти планы на твоём лице написаны. Царём хочешь стать, голубчик, царём! Глупо,

Игнат, дорасти до этого надо, действовать тихо, но верно, так, чтобы у Идара даже не шевельнулось подозрение на этот счёт, а после и его предать.

— Некрасиво говоришь, я не предатель! — набычился Игнат и отводит взгляд от Аниных глаз, в которых светится откровенная насмешка.

— Ах, вот о чём ты мечтаешь, Игнатушка, а кусок не жирный? — с иронией произносит она. — Смотри, своими амбициями всё не испорти, как мы и договаривались, требовать лишь, — она осекается, но затем поправляется, — не требовать, а просить некоторых привилегий: свободного гражданства, жильё и рабов... а там, правильно говорит Гурий, видно будет.

— Никаким царём я становиться не хочу, — пристыжено бурчит Игнат, почёсывая немытую шею под бородой.

— Ну, президентом, какая разница, — усмехается Гурий.

— И президентом не хочу, — врёт Игнат.

— А вот это напрасно, — блеснул зальсынами Гурий, — хотеть надо, но не сразу, иначе можно подавиться. Сначала обжиться, единомышленников заиметь, а затем Идара в расход.

— Гурий, я в тебе не ошиблась, — Аня с уважением глянула на бортмеханика, он в точности повторил её собственные мысли. Этого человека надо держать при себе, как-то поближе расположить. Может как-нибудь отдаться ему? Нет, это не пройдёт, ему Машеньку подавай. Что ж, пусть будет по твоему, эту дранную кошку я тебе отдам, пусть пока поживёт, но в любом случае она обречена, Аня хищно раздула ноздри.

— Напролом действовать нельзя, — Гурий снисходительно глянул рыбьим взглядом, — торопливость пагубна, затаиться надо. А скажи мне, Игнатушка, откуда у плотника такие амбиции? По мне, такие как вы, мечтают стать прорабами или даже мастерами участков, а ты вот так сразу в президенты метишь.

Игнат гневно блеснул очами, выставил бороду вперёд, но в глазах Гурия не видит насмешки, а лишь откровенное любопытство: — Что тут странного, я не всегда плотником был, к вашему сведению в своё время я юрфак закончил.

— А не скажешь, — искренне удивляется Аня, и, как-то по-новому, глядя на бородача.

— Что же ты в плотники пошёл? — пожимает плечами Гурий.

— Долгая история, — хмурится Игнат, поджимает губы, откровенничать он не собирается.

— Не хочешь отвечать и ладно. А отец у тебя кто?

— Политиком был, да не на ту партию поставил. Такое навесили, он за границу бежал, а меня со всех служб попёрли... на всякий случай.

— Очень интересно, — Аня улыбается. — Хочешь своё навестать?

— Наверстаем, любовь моя, обязательно наверстаем!

— А вот теперь я тебе верю, — Аня, не рисуясь, обнимает его за жилистую шею.

* * *

Виктор и Викентий Петрович своим появлением с противоположной стороны забора произвели настоящий переполох, ведь все знали, что они ушли в посёлок, а он огорожен от внешнего мира долиной и неприступными скалами.

— Что онемели, лестницу скидывайте! — нетерпеливо говорит Виктор.

— У вас что, крылья отросли? — Антон спихивает верёвочную лестницу. — А где калаш? — округляет он глаза.

— Арбалеты будем делать, время огнестрельного оружия прошло, — невозмутимо произносит Викентий Петрович.

— Как же так? — пугается Антон.

— Не дрейфь, прорвёмся, — Викентий Петрович поддерживает лестницу, ждёт, когда Виктор взберётся на площадку на заборе.

— Когда пещеру проходили, на меня медведь напал, автомат из рук выбил, — отдуваясь, произносит Виктор. — Так что прав Вик, арбалеты надо делать, скоро гости к нам пожалуют... а лесок тот надо сегодня сжечь.

— Какой, медведь, — вылутился Антон, — не тот, что собак разогнал?

— Может и он, — Виктор за руку выдёргивает на площадку Викентия Петровича, — если бы не его копьё, был бы я сейчас без головы, до сих пор вспоминаю свист когтей.

— Я когда метнул копьё, у него такой был вид, что я едва не обмочился от смеха, глаза, словно у какающего ёжика.

— Сравнил, — хмыкает Виктор и добавляет: — Я же видел, что ты целишь мне прямо в лоб, тут не только обмочишься, но и обделаться можно. Какое счастье, что у тебя рука не дрогнула.

— Да это произошло на автомате, рефлексы сами чётко сработали, мне даже думать не пришлось, — благодушно улыбается Викентий Петрович.

— Как там наши лётчики? — переводит на другую тему Виктор.

— Мирославу повезло, одна стрела в мякоть плеча вошла, а другая чётко между рёбер застряла, ранения не страшные, а Тимуру досталось больше, наконечник сантиметр до сердца не достал.

— Жить будет?

— Куда он денется, — вздыхает Антон. — Алёнка такие травки нашла, лучше антибиотиков. И почему раньше химией всякой лечили?

— Наверное, о травах забыли, — Алик удобно устроился в конце площадки и словно спит, нахлобучив панаму по самый подбородок. Очень похоже, по Аньке грустит, хотя и знает, что тварь она последняя. Рядом с ним, аккуратно укладывает увесистые камни Толик Белов.

— А я думал, ты спишь, — улыбнулся Виктор.

Алик снимает панаму: — У меня здесь два отверстия, так что я всё вижу. Вы... Аньку догнали и этих... козлов? — с какой-то тоской спрашивает он.

— Дали уйти, — настороженно произносит Викентий Петрович.

— Значит, они ещё живы, — напряжённым голосом говорит Алик. — А Аньку тоже убивать будите?

— Почему тоже? — быстро взглянул на него Виктор.

— Такое предательство... прощать нельзя.

— Мы не будем их убивать, они сами себя накажут, вот увидишь, — с сожалением глянул на Алика Виктор.

— А я бы убил, — он взмахивает козлиной бородкой и как бы невзначай закрывает панамой увлажнившиеся глаза.

Виктор с некоторым облегчением понимает, Алик любит всё же Аньку, а не Машу. Хоть в этом проблему можно избежать, не хотелось бы, чтобы у него с Викентием Петровичем

трения начались. Эх, вся беда от этих самых... а ведь без них, Виктор без насмешки глянул на Алика, что и говорить — влип парень.

— И чего людям неймётся, — Толик с силой грохнул тяжёлый камень на самую верхушку своей пирамиды, — нет, чтобы жить по-человечески, всякие козни строят друг другу. Вроде как объединяться надо, так выжить легче, а они нападают.

— Это ты про бойцов Идара? — ухмыляется Викентий Петрович. — Так они, как и мы зацепиться за свой уровень желают. Как закрепятся на данном этапе, так дальше и пойдёт развитие. Жаль, задачи у нас с ними не совпадают, вот и начали воевать. Это как в любой игре, удачный первый ход даёт преимущество и перспективу на победу.

— По-человечески надо жить, вот правильная перспектива, — сдвинул белёсые брови Толик.

— Когда я снова стану священником, возьму тебя в ученики, — непонятно в шутку или всерьёз произносит Викентий Петрович.

— Посмотрим, — неожиданно хмурится Толик и этим вызывает у всех улыбки.

Виктор бросает взгляд за забор, пристально осматривает примыкающий лес, затем смотрит в море: — Опять акулы появились, — замечает вдали чёрные плавники, — это хорошо, со стороны моря на нас нападать проблематично.

— Опять они кого-то жрали, — Антон ловко всаживает нож в бревно, — мне показалось людей.

— Да нет, то котики были, — Алик вновь натягивает на голову панаму.

— Так далеко они в море никогда не заплывают, — уверенно говорит Антон.

— Течением снесло, — буркнул Алик.

— Думаешь, то люди были? — напрягся Виктор.

— Очень похоже, хотя Алик со мной не согласен, — кивает Антон.

— Плот должен быть какой-то или лодка, в общем, что-то в этом роде, а этого там не было. Значит, то не люди были, — уверенно произносит Алик.

— Плот, говоришь? — Викентий Петрович напрягает зрение и замер, что-то разглядывая. — А там, что-то есть, может брёвна или доски.

— Неужели? — приподнимается на локтях Алик.

— Точно, что-то плавает, и акулы рядом шныряют, — утвердительно кивает Викентий Петрович.

— Решили морем к нам подойти, — недобро улыбается Виктор.

— Думаю, это не люди Идара, — заявляет Викентий Петрович, — на такое безрассудство они бы не пошли... это кто-то из новых. Хорошо бы лодку туда отправить, может, кто в живых остался, — без особого энтузиазма произносит он.

— Акулы лодку в хлам превратят, — морщится Виктор.

— То-то и оно, — соглашается Викентий Петрович.

Алик свешивается с площадки, цепляясь за сучок, небрежно заламывает края панамы и долго, до резей в глазах смотрит вдаль, затем вновь запрыгивает на площадку: — Скоро все обломки течением пригонит к берегу, тогда и узнаем, что произошло, а так ничего разглядеть невозможно. А людей, если и были, уже нет в живых, акулы оттуда уходят.

— Интересно, кто там мог быть? — страдальчески корчит лицо Толик.

— Действительно, акулы уходят, — игнорирует вопрос Виктор, наблюдая как чёрные плавники, исчезают из поля зрения.

— Там бочки какие-то, — умудрился их рассмотреть Антон.

— Глазастый, — хвалит его Викентий Петрович, — да, действительно, там металлические бочки. Они чем-то наполнены и герметичны.

— Акулы ушли, будем лодку спускать, — оживляется Виктор.

— Людей спасти? — встрепенулся Толик.

— К сожалению их не видно. Надо бочки на берег вытащить, — Виктор окидывает взглядом строящуюся верфь, замечает у причала покачивающуюся в такт приливной волны зелёный борт резиновой лодки, — очень кстати, рыбаки готовятся в море выходить. Кто на ней? — спрашивает он.

— Эдик с Геной, они уже на вёслах, я тормозну их, — подсказывает Толик Белов.

Он легко спускается по деревянной лестнице и бежит к ним, но лодка, повинувшись сильным гребкам, быстро заскакивает на волну, легко скатывается с неё и стремительно несётся прочь от берега. Создаётся такое ощущение, что мужчины не на рыбалку пошли.

— Эй! — Толик запоздало махнул руками и внезапно останавливается как вкопанный, он замечает, куда несётся лодка, это полузатопленный остов непонятного механизма. Внезапно он догадывается, на поверхности виднеется серое дно перевернутого самолёта-амфибии и под воздействием волн обнажаются крылья, а за них цепляются трое крепких мужчин и две женщины.

Толик едва не садится от неожиданности, в это время возле него оказываются Виктор с Викентием Петровичем.

— Похоже, живые, — в возбуждении произносит Виктор, — Толик, ты давай-ка обратно на пост, мы здесь как-то сами разберёмся. Больше самовольно поста не покидай, — строго произносит он.

— Так там вы были, — смутился молодой парень, но дальше спорить не стал, разворачивается и нехотя бежит обратно.

Тем временем лодка с Эдиком и Геной вплотную подходит к самолёту, мужчины её замечают, сползают с крыльев, помогают спуститься женщинам и цепляются за борт лодки. Самолёт-амфибия словно ждал этого, слегка поворачивается, с шумом подняв крыло и уверенно сползает в глубину, оставив на поверхности лишь большие пузыри и разноцветные разводы из топлива и масла.

События на море привлекает всеобщее внимание, работа на верфи застопорилась и все собираются на берегу, оживлённо переговариваясь, с нетерпением ждут, когда лодка доставит к берегу чудом спасшихся от гибели людей.

Мужчины, почувствовав под ногами дно, толкают лодку на отмель и, хмуро озираясь, помогают женщинам спуститься на землю, затем и сами выбираются, со странным недружелюбием оглядывая окружающих их людей.

Виктор выступил вперёд, некоторое время оглядывает их, усмехается: — Вы вроде как не рады, что мы вас спасли. Откуда вы?

— А кто вас знает, — сквозь зубы цедит мускулистый мужчина, демонстративно прокатив вал из напрягшихся мышц по всему телу.

— А вы крепкие ребята, — с иронией замечает Викентий Петрович, но те не поняли его иронию и на их лицах скользнули пренебрежительные улыбки, вероятно, они считали, что достойных им здесь не наблюдают.

Виктор прищуривает глаза, с некоторым недоумением произносит: — Я смотрю, вы несколько заторможены, наверное, из-за холодной воды, на простые вопросы ответить, не способны. Хорошо, вас отведут в посёлок, обсохните, поедите, после этого и поговорим.

— Посёлок? — встрепелулась одна из женщин, встряхивает мокрыми волосами и с надеждой смотрит на своих мужчин.

— Строящийся посёлок, — уточняет Виктор.

— Кто у вас главный? — бесцеремонно спрашивает мускулистый мужчина, вновь демонстрируя свои мышцы, но от пережившего холода, дрожь, как конвульсия искажает губы, делая лицо некрасивым.

— Ты на него смотришь, — улыбается Виктор, — но вам стоит быстрее к костру, иначе пневмонию схватите.

— Значит ты, — мужчина с бесцеремонностью смотрит в глаза.

— Значит я, — таким же взглядом отвечает Виктор.

— Ладно, ведите в своё село... а там посмотрим, — неопределённо произносит мужчина.

— Вы не ответили на мой вопрос, — с нажимом говорит Виктор, — откуда вы... такие?

— Борзые? — не удержавшись, выпалил Эдик.

Мужчина вздёрнулся и дёрнул плечом, словно был готов замахнуть рукой, но встретившись со змеиным взглядом Эдуарда, несколько засомневался в себе.

— Они просто перемерзли, — хохотнул Гена.

Одна из спасённых женщин жалобно посмотрела на мускулистого мужчину: — Юрий, хватит бычиться, нам ужасно холодно.

— Да-да, — слегка смутился он, — действительно, мы несколько подмерзли, как самолёт рухнул, так почти всё время в воде торчали. Значит ты главный, — примиряющим тоном произносит он, его лицо вновь искажает судорога. — Если бы мы сами знали, где были. Много месяцев назад торнадо захватил наш самолёт и швырнул на какой-то остров. Мы перевозили продукты на военную базу, поэтому жили в принципе без голода. Но недавно последний ящик с консервами оприходовали. От безысходности решили лететь, куда глаза глядят. Самолёт отремонтировали, да вот топлива маловато было, слегка не дотянули. Затем акулы появились, еле отбились, химию с банок вылили, им не понравилось, а мы под шумок отдрейфовали в сторону. А вы хоть что-то понимаете, что с миром произошло? — его голос невольно дрогнул, выдавая сильнейшее внутреннее напряжение.

— Война, наверное... была... но странная, однако, — невесело улыбнулся Виктор. — А сейчас и здесь воюем... друг с другом. Вот и вы, непонятные, появились. Мы тут немного освоились, не хотелось, чтобы вы нам дискомфорт вносили. У нас выработались определённые правила и все должны их соблюдать, иначе нам не по пути, вон забор, за ним можете строить своё светлое будущее.

— А что за забором? — не смущаясь, спрашивает Юрий.

— Лес, собаки людоеды, медведи, тигры, зверинец разбился... но главное люди, — зловеще улыбается Виктор.

— Интересно у вас тут, дух захватывает, — хмыкает мужчина.

— Не то слово! — просиял лицом Викентий Петрович.

Мужчина впервые внимательно посмотрел на него, на лице появилась понимающая улыбка: — Надо полагать... спецназ, — догадывается он, глядя на Викентия Петровича.

— А я, полагаю... СОБР?

— Не совсем... ПДСС.

— Звание, какое? — властно спрашивает Викентий Петрович.

— Старлей, — и вовсе примирительно отвечает Юрий.

— Я подполковник, краповый берет, — подводит итог Викентий Петрович.

— Я был нетактичен, товарищ подполковник, — без тени смущения произносит Юрий.

— Проехали, — отмахнулся Викентий Петрович.

— И здесь война, куда бы мы не пришли, везде одно и то же, — отрешённо произносит женщина со стрижкой под ёжик и слегка заторможенным взглядом.

— Сама себе такую профессию выбрала, Инга. Нас война любит, — глянул на неё мужчина с кривым шрамом на плече и, где-то в глубине глаз у него промелькнула жалость. — Она сейчас без своей снайперской винтовки совсем потерянной стала, словно невеста без фаты, — скупно улыбнулся он.

Инга глянула на него, словно в прицел: — Остап, ты как всегда прав, если у меня сейчас спросят, что ты больше хочешь, мужчину или винтовку, выберу последнее.

— А потом, в любом случае, возьмешь мужчину, — бесцеремонно произносит Остап.

— Это само собой, — без стеснения кивает Инга.

— Сработаемся, — делает вывод Виктор, со спокойствием оглядывая неожиданно-негаданно прибывший к ним спецназ. Те простодушно отвечают на его взгляд, пытаясь показать своё превосходство, но неожиданно сталкиваются с такой внутренней мощью, что невольно опешили. Что-то у Виктора есть нечто такое, что подавляет волю даже у таких как они. Странно, однако, но факт. Виктор сам понимает, в его характере словно произошла революция, и теперь он рассматривает людей, как фигуры на шахматной доске.

— И повоюем, — по-доброму улыбается Викентий Петрович, слегка цепляя взглядом пытающиеся замаскироваться под намокшей курткой крупные женские прелести, готовые вмиг прорвать жёсткую ткань и выстрелить твёрдыми сосками по обалдевшему взгляду бывалого спецназовца.

Инга отловила мимолётный взгляд и хотела съязвить по этому поводу, но решила тактично смолчать, всё ж, в звании он выше её, целый подполковник. А Викентий Петрович уже переключился на Наташу, пробежался взглядом по крепкой и гибкой как у кошки фигурке, с удовлетворением отмечая про себя: «Боец во всех отношениях, такие кадры нам нужны». Что говорить о мужчинах, то профессионалов видно невооружённым взглядом, таких уважать надо и всегда держать в тонусе, чтоб дурных мыслей не появлялось.

— Как вы уже догадались, лёгкой жизни ни у кого не будет, но мне кажется, вы даже рады этому, — уверенно говорит Виктор. — Ваши навыки пригодятся, для всех найдётся работа.

— Главное, чтоб мы жирком не заплыли, — добродушно произносит Юрий.

— На этот счёт не бойтесь, если жирок начнёт завязываться, Вик скорость на тренажёрах увеличит, со срезанными ушами, жир быстро рассосётся.

— И тренажёры есть? — удивляется Юрий.

— Ага... с топорами на верёвках, — дико округлив глаза, хохотнул Эдик.

— А вы мне нравитесь! — впервые искренне заявляет Юрий и с радостью улыбается. Он спокойно вздыхает, наконец-то они попали в знакомую среду, где рвущийся наружу тестостерон можно сполна напоить адреналином и от этого получить незабываемый кайф.

Словно в подтверждении его мыслей, содрогается даже земля, резко дёрнувшись под ногами. Люди не сразу поняли, что происходит, берег идёт ходуном, на строящейся верфи жалобно скрипнули брёвна и часть, соскользнула вниз, со звоном покотившись по камням. Широкие трещины ползут по земле, кроша скалы, вырывая деревья, обнажая корни, столбы пыли взвиваются ввысь и словно наступает глубокая ночь.

— Землетрясение! — звучат крики. Люди хватаются друг за друга, цепляются за камни и траву, чтобы не упасть в раздвигающиеся трещины. Ещё мгновение и всё перемелет в труху, а поверхность рухнет в жуткую пустоту. Но внезапно всё заканчивается и — звучит тишина.

Идар решил отдать старцу раба, который, по его мнению, не нужен обществу. Это пухлый парень с румянцем на щеках как у девушки и потерянным взглядом. Что бы тот ни делал, всё плохо. Очищая шкуру — обязательно её прорежет, укладывая камни на фундамент — ронял верхний на стоящих внизу людей, при ловле рыбы — рвал лески и терял драгоценные крючки. И после всего этого он так искренне переживал, что товарищи даже жалели его, но Идару не до сантиментов, старец торопит, говорит, что его бог требует жертвы.

В один из дней этот парень отошёл по нужде в сторону, страдая от невыносимой головной боли, которая в последнее время совсем не хочет его отпускать, со стоном и наслаждением прудил на камень, но рядом с камнем была канавка, ведущая прямо в водоём с питьевой водой. Несчастный как-то не связал одно с другим и поплатился за это. Новый надсмотрщик жестоко сбивает его с ног, в остервенении бьёт воющего парня и забил бы насмерть, если бы не подоспел Идар.

Парень долго и бессвязно благодарит, а Идар, усмехаясь, толкает его в руки зеков-людоедов и те волокут ничего не понимающего человека к старцу Харитону.

Старец ласково глянул на парня, пятернёй почесал распятие на своей груди, и тот обмочился от страха: — Ты меня не бойся, фраерок, — старец Харитон стягивает капюшон, обнажая мертвенно-белую кожу черепа и пристально смотрит воспалёнными глазами на сотрясающегося от ужаса парня. — Тебе несказанно повезло, ты скоро увидишь Бога.

— Дедушка, отпусти меня! — взмолился несчастный.

— Тебя как звать, корешок? — с мягкостью в голосе спрашивает старец, опуская страшный взгляд и парень, немного успокаивается и с трепетом произносит: — Илюша.

— Хорошее имя, богу понравится, — с удовольствием шамкает старик.

— Отпусти, дедушка!!! — с новой силой кричит парень и пытается убежать, но ноги словно прирастают к земле.

Старец оборачивается к Вагизу: — сынок, зашейте ему рот ниткой, мне тишина нужна.

Несчастливого сбивают на сырой пол, безжалостно наносят удар по голове и тот теряет сознание, а это благо для него. Бурый с хрустом прокалывает ему губы и туго затягивает рот толстой верёвочкой.

— Где так шить научился? — гнусно улыбается Репа.

— Не поверишь. Я когда-то медбратом был.

— Гонишь?

— Век воли не видать!

— Не накликай на свою голову беды, — ворчливо произносит старец. — Илюшу у алтаря привяжите, чтобы Бог его видел.

Бурый с удовольствием облизывает окровавленные пальцы и вздрагивает, замечая укоризненный взгляд старца: — Вновь на человечину потянуло? — грозно вопрошает он.

— В натуре, чисто случайно, — оправдывается Бурый.

— Ладно, уж, Илюша уже не человек. Завтра печень, сердце можете скушать, а сегодня народ подготовьте. Кого это несёт? — старец слышит шаги и с неудовольствием оборачивается.

В пещеру вваливаются несколько бойцов Идара и новый надсмотрщик. Они пинками

заталкивают Игната, Гурия и Аню: — Идар Сергеевич требует, что бы ты, — деловито произносит Сеня и неожиданно видит парня с зашитым ртом. Илья начинает приходить в себя, судорожно дёргает губами, тонкие струйки крови выбрызгиваются из-под ниток и через нос раздаётся глухой стон. Бывший милиционер многое видел на своём веку, но такое, в первый раз. Он в ужасе осекается от созерцания страшной картины и уже другим тоном произносит: — Идар Сергеевич просит, чтобы вы узнали, правду ли они говорят или гнусную ложь по поводу секретного хода в лагерь Виктора.

Аня вскрикивает, увидев несчастного, и с силой прижимается к Игнату.

— Однако, это уже за гранью, — шлёпнул губами Игнат, судорожно дёрнув кадыком.

Гурий бледнеет, но уверенно произносит: — Не нам решать и вмешиваться в чужие законы.

— Разумно, — оборачивается к нему старец. — Проходите, гостями будьте. А вы идите, — он кидает неприязненный взгляд на Сеню, — я понял просьбу правителя и всё сделаю... а завтра у нас праздник.

— Анька, ты что ли, — не верит Вагиз, — сама пришла?

— Уймись, не по тебе шалава! — строго глянул на него старец. — Илюшу привяжите к алтарю, да так, чтобы Бог его видел, напротив креста, а мне с гостями необходимо поговорить.

Старец Харитон жестом приглашает их пройти в глубину мрачного грота и предлагает сесть у высохшего пещерного органа. Затем долго смотрит на людей, выворачивая их души наизнанку, прессуя сознание и заставляя их выть и стонать от умопомрачающего ужаса.

— Кто вы, дети мои? — старец внезапно опускает взгляд и, люди испытывают настоящее блаженство от доброго и мягкого старческого голоса. — Зачем решили пойти на предательство? — с такой же мягкостью произносит он.

Игнат встрепенулся, смахивает пот с неухоженной бороды, смотрит с огромным почтением на сгорбленную фигуру немощного старца, который одним лишь взглядом может перекрутить все внутренности и размазать людей на пыльном полу.

— Разве он лидер, — хмыкает Игнат, — такого и предать не зазорно.

— А каким он должен быть в твоём понимании? — в смирении склоняет голову старец Харитон.

— Он должен обладать нечто запредельным... как вы. Вам готов служить без остатка, — вполне искренне произносит Игнат, слизывая с губ струящийся с лица солёный пот и, дрожащими пальцами приглаживая бороду.

— Нет во мне ничего такого... запредельного, — грустно улыбается старец, — а что я могу читать на ваших лицах, так это не моя заслуга, слишком долго я скитался по тюрьмам, а там, все души оголены, все мысли наружу. Затем... умер, может, даже два раза... Не надо смотреть на меня как на полоумного, — ужаснул своим взглядом Харитон.

— Я не... — икнул Игнат.

— Молчи, фраерок! — вздыбился Бурый.

— Ладно-ладно, не наезжай на честного пацана, — с издёвкой прошамкал старец.

— Да я за вас... да для меня будет большой честью... — залепетал Игнат.

— Верю... верю! — с нажимом произносит Харитон. — Куда ты без меня!

— Для меня это было бы большой честью и благом... — дико сверкну глазами Игнат, царственно вздёргивая бородой, окатывая брызгами пота старца, но тот не поморщился, напротив, улыбка растягивает тонкие губы, заострённый подбородок вытягивается вперёд:

— Вот какая твоя истинная причина предательства, царём хочешь стать, — утвердительно произносит он.

Игнат хотел было возмутиться, но неожиданно энергично кивает. Старец подходит совсем близко к Игнату, Аня и Гурий моментально отползают назад, но Игнат упрямо смотрит на старца, ожидая свой приговор: — Ты будешь царём, — старец ласково проводит костлявой рукой по его голове, но лишь в том случае, если во всём будешь слушаться меня.

Тяжёлый гул проносится где-то глубоко под землёй, Игнат в испуге взмахивает бородой, в суеверном ужасе глядя на старца, ему кажется, это делает он, но удивительно, старец Харитон в недоумении озирается, он явно озадачен. Внезапно сильный толчок сбивает всех с ног, пол в гроте идёт волнами, кроша высохшие сталагмиты, пещерный орган покачнулся и змеится трещина, всё расширяясь и приближаясь к бьющемуся в конвульсиях Илье, на алтаре перед уродливо изготовленным крестом.

Следующий подземный толчок сбивает с ног старца, он падает перед трещиной и долго всматривается в темноту.

— Там ад? — Игната от страха так сотрясает, что крошатся зубы.

— Да... там ад, — шамкает старец, — но его не стоит бояться, там тепло. Если он разверзается, значит на то воля всесильного Бога.

Зеки с воем отползают от ширившейся трещины, но не могут прорваться к выходу, лезут на стены, чтобы не упасть в ужасный провал. Аня вскрикивает, пытается вспомнить молитву, но старец с яростью шикнул на неё, плюща смертельным взглядом.

Землетрясение как началось, также внезапно заканчивается. Трещина вплотную подошла к алтарю и, словно окружило его. Илья с безумством обречённого дёргается, глаза в красных пятнах от многочисленных кровоизлияний, из сшитых толстой нитью губ прыскает алая кровь и капает в замерший, словно в ожидании, провал.

Внезапно старец что-то видит в глубине, быстро встаёт и отступает назад, бормоча странную молитву.

— Что там? — прерывистым голосом, всё ещё пребывая в ужасе, спрашивает Игнат.

— Бог решил принять жертву сейчас... царь, — старец без насмешки делает ударение на последнее слово. — Помолимся всесильному Богу, — старец Харитон лихорадочно крестится.

Вслушиваясь в жуткие шорохи, доносящиеся из глубин замершей трещины, сначала неуверенно, затем и все начинают креститься.

Внезапно на поверхность вырывается пенная волна, шлёпает в разные стороны, набирает силу, срывает с алтаря несчастного парня и, с шумом засасывается в чёрную трещину. Последние струйки, с довольным журчанием стекают в страшный провал, и возникает тишина.

— Бог принял жертву! — фальцетом выкрикивает старец Харитон, падает на колени, крестится, в кровь, разбивая лоб о каменистый пол.

Аня на грани обморока, Гурий тоже едва держится, зеки затаились в углу грота, но Игнат гордо скидывает бороду — он уже считает себя царём. А как же иначе? Сам старец провозгласил его им!

Старец Харитон поднимается, оборачивается, на его окровавленном лице блуждает улыбка: — С этой минуты ты царь!

— Я готов им быть! — поспешно отвечает Игнат, сверху вниз глядя на склонённого в поклоне старца.

— Но сначала ты должен привести к алтарю бывших правителей.

— Виктора и... Идара? — пугается Игнат.

— С Идаром тебе не стать царём, а мне послушный пацан нужен, ты подходишь на эту роль... у тебя всё получится... с божьей помощью... и с моей, — усмехается старец Харитон и поднимает воспалённый взгляд и ужас пронзает душу Игната, но старец уже вновь смотрит вниз. Он взглядом пытается проникнуть в бездну раскрывшейся трещины, но сил не хватает и разум мутнеет от удушливых испарений, медленно поднимающихся к поверхности. Что-то идёт не так, старец даже сам себе не может в этом признаться. Он склонился над трещиной и вслушивается в тишину, с неудовольствием жуёт губы: — Илюша до сих пор живой... вроде его мычание доносится. Может, зацепился, горемычный, за что-то? — с раздражением и страхом произносит он.

— А если туда кипящую смолу вылить? — Игнат спихивает ногой камень и прислушивается, когда он достигнет дна, но звука от падения не слышит, с недоуменным видом пожимает плечами и боком отходит, поняв, какая пропасть внизу.

— Там целый мир, смолой не зальёшь, — гримаса передёргивает лицо старца Харитона. — Адскую щель необходимо заделать брёвнами, иначе к алтарю не добраться. Но нам надо выходить, не нравится мне снаружи шум, да и представит тебя народу надо. Сегодня будет много крови, надеюсь, Бог, наконец-то сможет утолить свою жажду, — старец вздыхает и неожиданно чувствует такую дикую усталость, что едва не падает, хватается за стену и замирает, прислушиваясь к неравномерным ударам своего сердца. Неужели старость одолевает?! Харитон закрывает воспалённые глаза, пытается увидеть, что его ждёт после смерти. В сознании появляется чёрный, клубящийся туман и взгляд из угольной темноты... полный голодной ненависти. Старец в страхе открывает глаза. Слабость слегка отпускает, но ноги продолжают противно дрожать, а мысль, что сейчас на него смотрела смерть, ужасает до безумия. Он осторожно садится в плетёное кресло, с трудом переводит дух. Мысли проясняются, слабость временно уходит в сторону, но она вернётся и, с утроенной силой обрушится на дряхлое тело старика. Харитон это знает, но лишь раздул ноздри, да упрямо сжал тонкие губы: «ещё поборемся, надо успеть ещё очень многое!»

— Меня Идар устраивает, — Вагиз брезгливо высморкался. — Зачем нам пришлый козёл, из-за него на перья лезть, вот их и надо принести в жертву, а не искать из своих корешей козлов отпущения. Сходняк надо созывать и на нём решать, кого на трон сажать.

Игнат сначала не понял, что говорят о нём, но рядом вскрикивает Аня и начинает бормотать Гурий, ища взглядом путь для отступления. Но когда смысл дошёл до его сознания, быстро глянул на склонённого, словно в смирении старца и неожиданно усмехается.

— Что скалишься? — оторопел Вагиз и медленно поворачивается к старцу: — В натуре, зачем нам лишние проблемы? На перо их и дело с концом!

— Не забыл, значит, как ножиком пользоваться. Хотя... на руку ты не мастер, не смог меня тогда правильно прирезать, — шамкает старец. — Да ты не бледней, я тебя давно простил... но ты мне должен.

— Бля буду! — поспешно клянётся Вагиз.

— Ну-ну, хватит блатного жаргона, всё никак не выйдет из вас тюремная плесень, сильно в мозги въелась. Ты бы склонил колени, да покайся пока не поздно, может, царь Игнат Первый тебя простит.

— В натуре... — зек не договорил и сталкивается с раскалённым взглядом старца и

цепенеет как кролик перед удавом, внезапно судорога пробегает по телу, он с трудом произносит: — Я уважаемый вор, по мне лучше смерть, чем идти под этого козла.

— Что ты знаешь о смерти? — хрипло рассмеялся Харитон. — Там не рай, я видел, кругом морды оскаленные, и, каждый хочет содрать с тебя шкуру. Становись на колени перед царём Игнатом Первым! — в шелестящем голосе старца словно катятся стальные шарики.

— Так бы сразу и сказал, — воровато озираясь по сторонам, — приниженно произносит Вагиз.

— Я жду, — неожиданно раздаётся голос Игната.

— Мне что, в натуре на колени падать надо? — смертельно бледнеет Вагиз и во взгляде появляется странная отрешённость.

— Именно, — откровенно ухмыляется Игнат, а рядом стоящая с ним Аня тонко хихикнула.

— Сейчас опустят, — шепнул Репа Бурому, — кранты законнику.

Неожиданно для всех Вагиз срывается с места и, с возгласом: — Бля буду! — растопырив руки, прыгает в страшную трещину и без звука исчезает в темноте.

Старец в раздражении откидывает капюшон, осеняя всех раскаленным взглядом, он сейчас особенно страшен и, кажется, сейчас начнут плавиться камни. Но он быстро приходит в себя: — Эх, не раскусил я его... жаль. А вы чего стоите? — прошипел он оцепеневшим зекам. — На колени!

Зеки послушно падают на землю, в злости роняя слюни и сопли, но, не смея поднять глаза, на подходящего к ним Игната.

— Опускаю вас... в смысле, отпускаю вам грехи ваши, — с издевкой произносит Игнат и, удивляя даже старца, не обращая внимания на оторопевшую Аню, расстегивает ширинку и мочится прямо на их склонённые головы. — Теперь вы прощены, встряхивая здоровенным членом, произносит он, можете встать. И не дай бог, вы пойдёте против меня, все узнают, что вас опустили таким образом.

— Умно, — шамкает старец, с удивлением глядя на Игната, — далеко пойдёшь, сынок. Идите, умойтесь, от вас смердит, — обращается он к сотрясающимся от бешенства зекам.

Игнат с насмешкой подходит к своим товарищам, Гурий, быстро хлопнул глазами, почтительно склоняет голову. Аня порывается сделать то же самое, но Игнат удерживает её голову: — Тебе незачем это делать — ты царица.

— Игнат... я восхищена тобой и...

— Успеешь, любимая, для начала дом себе подберём... а лучше два, — ухмыляется в широкую бороду Игнат.

— Ты сначала головы обоих правителей мне принеси, а затем мечтай. Это для них ты царь, а для меня шестёрка, фраерок недоделанный! — отрезвляет их голос старца и, внезапно склоняет голову: — А у меня подарок для тебя, царь Игнат Первый, — старец, шаркая ногами идёт к каменной нише, заваленной землёй, подзывает зеков: — Копайте.

Бурый и Репа быстро освобождают нишу от земли, достают три тяжёлых свёртка, затем вытаскивают ящик, ставят на землю.

— Разворачивайте, — по губам старца блуждает улыбка.

Ткань сдёрнута и все видят, в оружейной смазке, новенькие автоматы.

— А ящик патронами забит. Так что неправ, ушедший в ад Вагиз, у нас найдётся, чем ответить.

— Откуда? — в потрясении выдохнул Игнат.

— Потопом занесло, — неопределённо прошамкал старик, но всё же нехотя говорит: — Схрончик давно здесь, на Караби воры тайничок имели, мне, по статусу, о нём было известно... ну, а сейчас он им не нужен, вода всех смыла... пусть послужат для благого дела... во имя Господа нашего, — Харитон быстро перекрестился.

* * *

Когда вода с шумом выплеснулась из страшной трещины, Илья хотел закричать, но его губы зачем-то сшили эти жуткие люди. Тогда он глубоко втянул воздух ноздрями, задержал дыхание и, скользнул в пенистый бурун, сейчас он мечтал лишь об одном, спрятаться, исчезнуть, бежать куда угодно, но не находиться в этом гроте.

Ледяная вода принесла небывалое облегчение его раскаленным губам, Илья даже попытался улыбнуться, но его стремительно волокло на огромную глубину, а там смерть. Изогнувшись, он растопырил руки и, внезапно цепляется за каменный выступ. Пенистый поток ухнул куда-то вниз, а он остался висеть на отвесной стене, жадно ловля ноздрями воздух. Когда пальцы стали уставать, юноша задумался: «а зачем он цепляется за жизнь, может прыгнуть вниз и конец мучениям?», но неожиданно что-то жгучее выползло из глубин сознания, Илья не сразу понял, что это ненависть. Он никогда не знал этого чувства, все люди, до этой поры, были для него прекрасными. Илья очень страдал, что из-за его нерасторопности, причинял всем неудобства. Безусловно, в этом виноват его незрелый мозг, но, странным образом он сейчас очищается и начинает работать, словно исправный механизм швейцарских часов. Он вспомнил свою жизнь, и все события разложил по полочкам, усмехнулся и, сразу скривился, почувствовав боль в проколотых губах: «теперь вы заплатите мне за всё!» — эти мысли заставили его лихорадочно искать ногами выступы, и он их нашёл. Осторожно хватаясь за неровности, Илья уверенно пополз по скале. Через некоторое время скользнул в горизонтальный ход пещеры и ввалился туда, обессилив, упал на спину, долго приходил в себя. После сел, нащупал на губах нитки, острым обломком камня срезал узелок, быстро выдернул нить, и, не обращая внимания на струящуюся кровь, в наслаждении открыл рот. Это мелочи, раны заживут, а ненависть останется, они за всё ему ответят.

Илья долго бредёт в кромешной тьме, часто натыкаясь на стены, разбивая лицо в кровь, но интуиция гонит вперёд, он знает, рано или поздно, выберется из пещеры. Для того, чтобы как-то отвлечься от страха темноты и неизвестности, он стал считать шаги... сто... двести... тысяча... свет! Чудесные лучи солнца ворвались в пещеру и юноша от радости засмеялся, но сразу скрипнул зубами, слизнул кровь с израненных губ, осторожно приблизился к выходу, задумался: «а что его там ждёт?», возвращаться в лагерь нельзя, жить одному сложно, если невозможно... впрочем, надо попробовать выжить в одиночку, другого пути нет. Жаль, что не накопил самостоятельности, умения, до этих страшных событий прозябал, как во сне, но сейчас с разума словно сдёрнута пелена, всё до безумия понятно.

Илья выбрался из пещеры, закрыл глаза, привыкая к яркому свету, затем, огляделся, он на берегу моря. Оставляя после себя пенный след, волна с шумом накатывает на берег. Краб увидел человека, попытался спрятаться в глубине, но Илья быстро его ловит, бьёт панцирем об острый камень, затем находит ещё с десятков крабов, обездвигивает, довольный

засовывает их за пазуху, удовлетворённо шмыгает носом, некоторое время, голод ему не грозит. Теперь необходимо быстро покинуть берег, но вначале надо как-то обработать раны на губах, проколы болезненно саднят, а кровь всё ещё капает. У едва заметной тропы натывается на заросли подорожника, вспоминает от бабушки, что это чудесное ранозаживляющее средство. Растирает листья в кашицу, отрывает от рубашки длинный лоскут, делает повязку. Боль немеет, процесс заживления начался, это приносит небывалое удовлетворение. Неожиданно его дорогу перекрывает поток воды, вырывающийся прямо из склона, Илья замедлил шаг, приблизился к подземной реке. Вероятно, это она, из-за землетрясения, ворвалась в пещеру, и стащила его с алтаря, тем самым, спасла от жуткой смерти... но не только его одного, Илья замечает на берегу неподвижно лежащего человека. В человеколюбивом порыве бросает к нему, но сразу отпрянул. Он узнал его, это один из зеков, Вагиз. В душе как волна накатывается ненависть и глубокое разочарование, тем, что тот умер. Вдруг Илья замечает, как шевельнулись пальцы. Неужели жив! Илья почувствовал возбуждение сродни с экстазом, воровато оглянувшись, он поднимает тяжёлый камень, подходит к зеку, замахивается, но неожиданно застывает, на него смотрит зек, взгляд тусклый, ничего не выражающий. Покачнувшись, Илья едва не роняет камень, но вновь, с остервенением замахивается и мычит сквозь повязку: — Сдохни, тварь!!!

— Где я, в аду? — неожиданно прохрипел Вагиз, щупает свой окровавленный затылок.

Эти слова выводят Илью из равновесия, он уже не может расплющить череп ненавистному врагу, со стоном отбрасывает камень, присаживается на корточки, стягивает с лица повязку, дрожа от ненависти, произносит: — Не узнаёшь меня?

— Где я, в аду? — вновь хрипит Вагиз.

— В аду нет солнца!!! — в исступлении выкрикнул Илья.

— Темно... очень темно... я знал, солнца здесь нет.

— Как нет, вот оно!!! — Илья вскидывает кверху руки.

— Темно, даже звёзд нет, — прошептал зек.

— Вот оно как? — Илья начинает догадываться, что тот попросту ослеп, склоняется к его лицу, смотрит в пустые глаза. — Вот оно как! — повторяет он, вроде и радоваться надо, небесная кара постигла негодяя, убийцу, людоеда, но на сердце ползёт печаль, его душа ужаснулась, представив: «в одно мгновение, и исчезли все краски мира, как это жутко!»

— Так я не умер? — неуверенно спрашивает Вагиз, пытается присесть.

— Ты давно умер, тварь, — тихо прошептал Илья.

— Где-то я слышал этот голос. Разожги огонь, я ничего не вижу. Мы в пещере? Но я вроде как... — зек начинает вспоминать произошедшие события. — Так я жив! — Вагиз вскакивает на ноги, и, растопырив пальцы, начинает щупать пространство. — Кто-нибудь, разожгите огонь! — дрогнувшим голосом произносит он.

— Тебе это не поможет, — уныло пробормотал Илья, — ты ослеп... неужели не чувствуешь, как припекает солнце?

Вагиз дёрнулся, слепо повёл глазами, остановился как вкопанный, его лицо словно окаменело: — Голос, я его слышал... ты Илья?

— Он самый.

— Что со мной сделаешь, убьёшь?

— Зачем? Живи... если сможешь. Всё... я уйду, — Илья вновь наматывает на лицо повязку.

— Ты не можешь меня бросить! — лицо Вагиза исказилось в злобе и страхе.

Илья, не оглядываясь, пошёл вперёд.

— Подожди!!! — в отчаянии выкрикнул Зек. — Вот так просто, ты бросаешь меня на произвол судьбы? Меня загрызут дикие собаки, я умру от голода!!!

Юноша не остановился, но непроизвольно замедляет шаг. Зек это понимает и, спотыкаясь, бредёт на звук шагов, не удержавшись, с издёвкой говорит: — Ты хоть и полоумный, но добрый. Какая для меня удача! — и, совсем тихо, чтобы не услышал его поводырь, произносит: — А может и зрение ко мне вернётся, и я, тебя обязательно отблагодарю.

Илья понял его шёпот, но никак не отреагировал, лишь убыстрил шаг. Зек, с проклятиями, побежал следом, периодически налетая на препятствия и разбивая лицо в кровь.

Землетрясение всколыхнуло всё плато, кое-где обнажив скрытые подземные полости, обезобразив крупными и мелкими трещинами дикие земли Караби яйлы и, с таким трудом строящемуся городу, крепко досталось. Идар, в окружении преданных ему людей, с мрачным видом взирает на покалеченный стихией город. Часть уже построенных домов рухнули, а по улицам течёт вода от разрушенных водоёмов.

— Старик колдует, — с суеверным ужасом произносит спецназовец по кличке Грач.

Идар с удивлением глянул на товарища: — Верно... шутишь?

— Какие тут шутки, все об этом говорят. Скоро народ бастовать будет, бояться они деда. В расход его надо пускать, иначе будет поздно.

— Я размышлял над этим, — сознаётся Идар, — но с его помощью хочу придумать такую религию, чтобы мой народ даже не помышлял о бунтах, а рабы думали, что их сегодняшнее положение, величайшее благо для них и, в перспективе, ждёт их «Царствие небесное», — с нескрываемой издёвкой, цитирует он.

— Перспективные планы, но не опоздать бы.

— Не опоздаем. Наверное, он уже разобрался с нашими гостями, возьми людей и притащи их сюда, — говоря это, Идар пристально смотрит в сторону грота — резиденции старца Харитона. Внезапно взгляд меняется, становится пугающе холодным: — Что-то происходит, у грота народ собирается... или их силком сгоняют. Возьми ещё людей, разберись, что там за сходка. И... разведку сначала пошли. Где Сеня? — Идар в раздражении озирается и замечает Диму. Бывший бизнесмен и бывший управляющий, зачем-то накинув на лицо тряпку, а в руках зажал чем-то плотно набитый мешок, сторбившись, бежит навстречу, укрываясь за стенами.

— Идар, предательство! Сеня повёл своих людей, к старцу... они перекрывают все выходы, — Дима сдёргивает тряпку и прячется за полуразрушенной стеной. — Они хотят тебя арестовать.

Идар, не выказывая никаких эмоций, вглядывается в глаза бывшего бизнесмена: — Зачем тряпку на голову одел?

— Это маскировка. У них автоматы, целых три, сам видел, — Дима ещё сильнее пригнулся, словно боится, что старец узрит его даже на таком большом расстоянии.

— А в мешке что?

— На всякий случай захватил копчёных голубей... мало ли что.

— Дед совсем из ума вышел, — Грач привычным движением проводит пальцами по рукоятке ножа.

— Жаль, конечно, но от него придётся избавляться. Как не вовремя! — неожиданно голос Идара дрогнул и он понял, что все это заметили, скривился, словно от зубной боли: — Колдует... говорите? План по ликвидации произвести немедленно.

— Против трёх автоматов у нас нет шансов, — отрешённо произносит Грач.

Идар каменеет, он и сам это прекрасно понимает, не в полной мере оценил потенциал старца, непростительная самоуверенность и глупость с его стороны, в один миг рушится всё, что он с таким трудом создал. Он оглядывает свою группу: четверо профессионалов и один, ни на что не способный, бизнесмен. Впрочем — он не предатель и это ценно, хотя и задвинул его, по самое не хочу. Странные, однако, люди, — Идар криво улыбается: —

Ворота ещё не перекрыты, уходим, — решительно произносит он.

— Куда... куда уходим? — едва не всхлипывает Дима.

Идар не отвечает, он знает, сейчас ситуация сродни лесному пожару и осталась единственная дорога и ведёт она в лагерь Виктора. Придётся расстаться со своими амбициями и принять условия игры главного соперника, чтобы выжить и возродиться вновь: «из пепла, как птица Феникс».

* * *

Сеня переминается с ноги на ногу, боится поднять глаза, бывший мент всё ещё не совсем для себя понял, зачем он предал Идара Сергеевича. Какой-то театр абсурда, приходит большой неухоженный мужик и провозглашает себя царём, впору посмеяться, но за тем мужиком стоит старец Харитон, который одним лишь взглядом может вытряхнуть всю душу и низвергнуть разум в глубокое сумасшествие. Даже грот, где он обосновался, вызывает ужас, словно охраняют его мёртвые.

Игнат, теперь имеет собственный автомат, Бурый, по требованию старца Харитона, лично передал ему оружие, правда как-то мерзко ухмыльнулся, словно гадость задумал... или сделал. Игната обеспокоил его взгляд, но сурово сдвинул брови, как-никак — он царь и, придёт, то время, когда старца Харитона и его отмороженную команду он будет судить, и народ станет кричать «ура».

Положив между ног АКМ, Игнат развалился на плетённом из лозы кресле, раньше на нём восседал Идар Сергеевич. Справа, на ящике, покрытым шкурой собаки, сидит Аня. Её взгляд горит торжеством, выпуклые прелести словно хотят разорвать лёгкую блузку, стоит лишь ей сделать более глубокий вздох, но присутствующие старательно отводят глаза, не понимая главная самка царя Игната Первого. Слева, на неудобном камне, елозит задом Гурий. Весь его вид выражает печаль и великую скорбь. Залысины блестят от пота, и он часто промокает их несвежей тряпочкой. А сзади, в окружении крепких мужчин, опирается на посох сам старец Харитон. Бурый и Репа, с закинутыми через спины автоматами, маячат у небольшой рощицы, они с энтузиазмом выстругивают кольца из стволов молодых деревьев.

— Как же так, — с хрипотцой в голосе допытывается у Сени Игнат, — первым делом людей к воротам надо было послать, теперь разыскивай его по всему Караби.

— Виноват... э-э-э... — Сеня не знает, как обращаться к Игнату.

— Называй меня просто, — Игнат покровительственно улыбается, но вы глубине глаз затаилось ожидание, вперемешку с иронией и каким-то холодом, — государем или — Вашим Величеством.

В толпе раздаются смешки, но Игнат небрежно поправляет автомат и смех замолкает.

Сеня несколько секунд собирает духом и с трудом выдавливает: — Он от нас никуда не денется... Ваше Величество.

— Надеюсь, — с угрозой произносит Игнат, затем внимательно оглядывает толпу: — Почему здесь не все?

— Почему не все? — удивляется Сеня. — Здесь собралось все свободные граждане города... до единого человека.

— А те кто? — Игнат указывает на людей, привязанных к огромному бревну.

— То не люди... в смысле, неграждане, они не имеют право голоса — это рабы... Ваше

Величество.

Игнат хмурится, о чём-то думает, усмехается, поднимает взгляд на Сеню: — Всех освободить, я рабство отменяю.

Его слова встречают тягостным молчанием, и никто не сдвигается с места. Аня с недоумением быстро глянула на Игната, даже плечами повела, Гурий, напротив, светлеет лицом.

— Я что-то не так сказал? — тихо произносит Игнат.

— А кто камни будет крошить, котлованы копать, да те же помои выносить? — вкрадчиво вопросом на вопрос спрашивает крупный мужчина с одутловатым лицом.

— Хамишь. Где: Ваше Величество? — наклоняет голову Игнат.

— Да брось ты... Ваше Величество! — с насмешкой заявляет мужчина. — К чему нам этот цирк?

— Ты считаешь это цирком? — Игнат запускает пятерню себе в бороду, глаза краснеют от гнева.

— Нет, ну действительно, а вам самому не смешно, — несколько обескуражено говорит мужчина и ищет глазами поддержки, но все почему-то отводят глаза.

— Подойди, — приказывает Игнат.

Мужчина оглянулся, криво усмехаясь, выходит вперёд, с некоторым вызовом смотрит на Игната.

— Раз такой умный, помои будешь выносить ты... Анькины, — хохотнул Игнат, целуя женщину в пухлые губы, она сразу отвечает, затем облизывает язычком губы: — В принципе, такой расклад меня устраивает, — Аня, с обидной насмешкой, смотрит на мужчину, по возрасту годному ей в отцы.

— Рабство я отменяю, но слуги остаются, — внушительным тоном произносит Игнат. — Тебе выпадает великая честь, будешь служить при дворе, по утрам выносить ночные горшки.

— Да мне лучше издохнуть, чем убирать за твоей шлюхо... — мужчина резко осекается, но слово вылетело.

Игнат порывисто встаёт, скидывает автомат, ещё мгновение и прозвучит выстрел.

— Не убивай его, — бледнеет Аня.

— Нет, дорогая, это вызов и я его принял, — но внезапно опускает ствол, жестом подзывает Бурого и Репу.

Зеки не спеша подходят, озираются по сторонам, словно собираются совершить кражу.

— За вашу преданность, я думаю сделать вам небольшой подарок. Этот... уже не человек, — Игнат покосился на старца, тот благосклонно кивает, — он ваш... можете его даже сожрать, но прежде на кол посадите, но так, чтоб сразу не умер.

— Ты чего? — Аня дёргается, словно от удара током. — Ты шутишь?

— Сейчас не надо вмешиваться, — Игнат смотрит на неё и впервые от его взгляда Ане становится так страшно, что хочется убежать, спрятаться и забыться. Но она находит в себе силы и лепечет: — Игнатушка, не делай этого, пусть он лучше помои мои выносит.

— Я найду тебе другого, любимая... больше ни слова.

Аня видит в его взгляде нечто такое, что душа покрывается инеем, она смиренно замолкает и опускает голову, а Гурий, тем временем, незаметно соскользнул со своего места и словно исчезает. Игнат недовольно поджимает губы, но приказывать его искать не стал.

Бурый приносит кол, несчастного сбивают с ног и связывают руки и ноги, в толпе

взвизгнули, но старец метнул испепеляющий взгляд и воцаряется тишина.

— Ты жиром остриё смазал? — по-будничному спрашивает Репа.

— А то, стягивай с него штаны!

Мужчина дико кричит, извивается всем телом, но с него сдёргивают одежду.

— Я буду держать, а ты камнем бей, — приказывает Бурый, — только вгоняй сантиметров на пятьдесят, не более.

Слышится первый удар, в толпе вскрикнули, и мгновенно раздаётся душераздирающий вой обречённого человека. Аня, не в силах сдержаться, её тошнит прямо себе на ноги. Игнат смертельно бледнеет, но взгляда не отводит, его борода промокает от пота, руки трясутся. Но вот мужчина теряет сознание и замолкает. Игнат глубоко вздыхает, непослушным голосом произносит, заикаясь от напряжения: — Кол... между... камней... закрепите... чтобы все видели.

Так называемый дворец бывшего правителя Идара Сергеевича, состоящий из двух просторных комнат, огороженной по периметру крепкой оградой, по праву достаётся Игнату. Он заводит в дом Аню, на губах играет довольная улыбка: — Это лучше нашего шалашика? Видишь, как оно славненько вышло, всё и сразу. Ты довольна? — он испытующе смотрит на её бледное лицо.

— Ты меня пугаешь, Ваше Величество, — она склоняется перед ним.

— Тю, не разочаровывай меня, ты же царица, — Игнат со скрипом чешет заросшую шею.

— Но от того что мне страшно... мне становится так сладко, — добавляет Аня, — скорее снимай одежду... я изнемогаю!

— Потерпи, я хочу тебе сделать сюрприз, подожди меня в этой комнате, — загадочно улыбается Игнат.

— Ты куда, Игнатушка? — Аня уже оголила огромную грудь и в нетерпении покусывает губы.

Игнат нерешительно останавливается, бросая жадный взгляд на круглые пятна цвета кофе с молоком и торчащие по центру напряжённые соски, но сурово сдвигает брови: — Жди, — уходит в другую комнату и решительно закрывает за собой дверь.

Аня в раздражении натягивает на себя кофту, на губах появляется язвительная ухмылка и она шепчет: — Козёл бородатый... ничего, найду момент и я наставлю тебе рога... большие, ветвистые, как у лося, — Аню так проняло, что она, от переизбытка чувств, даже всплакнула.

Тем временем Игнат достаёт самую настоящую бритву, долго на неё смотрит и наконец-то решается, поглядывая на себя в осколок зеркальца, начинает с усердием бриться. Через некоторое время он уже рассматривает себя и не узнаёт. Лицо бледное, но достаточно мужественное, квадратный подбородок с ямочкой в центре, ярко выраженные скулы, а зеленоватые глаза на фоне не загоревшей кожи и вовсе позеленели.

— Теперь пора, — улыбается он, отворяет дверь. Аня едва удерживается на ногах, разум мутнеет, а сердце срывается в бешеный галоп.

— Ты ли это? — едва не со страхом выговаривает она.

— А вот теперь иди ко мне, — Игнат резко разворачивает её к себе спиной и решительно сдёргивает её потёртые джинсы, оголяя белоснежные ягодицы.

— Ты настоящий царь, Ваше Величество! — стонет Аня, поминутно теряя сознание от дикого наслаждения.

— Любовь моя! — рычит Игнат, налегая на неё всем телом: — Ты родишь мне наследника!

— Я согласна, мой государь, — Аня уплывает в сказочные дали. Как не странно, но сейчас она искренне этого желает и внезапно по-настоящему в него влюбляется.

Давно ночь, но Игнат не спит, странно смотрит на спящую Аню, во взгляде и любовь, и подозрительность. Хорошая она женщина, вот только несколько мутноватая, себе на уме... но красивая, дух захватывает! Игнат вздыхает, поправляет махровое полотенце, которое наглым образом сползло с её прелестей, наклоняется, ласково целует в пухлые губы. Аня капризно морщится и пытается перевернуться на другой бок, он не стал ей мешать, тихо отпрянул, прошёлся по комнате: «надо сказать старцу Харитону, чтобы он их обвенчал. Старец...», Игнат вздрагивает, «он явно умалишённый зек. Возомнил, что он Мессия, на этом и надо сыграть... а после, церемониться с ним не буду, скормлю акулам, а попа другого найду, более покладистого, но сейчас рыпаться не стоит, необходимо выражать полную покорность и рвение. А в данный момент, следует с народом позаигрывать, «кнут» я показал, теперь надо «пряниками» одарить, чтобы знали, царь он грозный, но справедливый. А с Репой и Бурым что делать? Они только и мечтают, как вцепиться в глотку. С моей стороны был явный перебор... но зато как эффектно получилось, да и мочевого пузыря себе облегчил, давно маялся!!!», Игнат тихо засмеялся, «пока старец жив, они не представляют опасности, у зеков в крови, подчиняться вору в законе».

* * *

Давно скрылась возвышенность, где располагается город Идара, впереди, покрытые густой травой, зеленеют бескрайние просторы плато. В сочных зарослях скрываются одичавшие собаки, и могут находиться другие звери, Илья вспомнил разговоры о зверинце, что выбросило, с остатками корабля, на берег, в раздумье остановился. Если идти около моря, можно легко встретиться с людьми, а это сейчас совсем не входит в его планы, лезть в центр плато — абсурдно. Надо искать пещеру, только так можно выжить. Но где её найти? Илья оборачивается, долго смотрит на бредущего к нему уголовника, с холодком в сердце замечает, что тот уже старается фокусировать взгляд на ближайших предметах, утраченное, вследствие удара, зрение, возвращается. Может его убить, пока не поздно? Но Илья неожиданно понимает, что, даже испытывая к этому негодю, дикую ненависть, пойти на этот шаг не сможет.

Вагиз подбредает ближе, подслеповато огляделся, в глазах мерцает радость, он понимает, что будет видеть, совсем скоро он свернёт шею этому «курёнку» и соорудит костерок. Зек пощупал затылок, пальцы вляпались в кровь, которая всё ещё продолжает сочиться из открытой раны: — Ты где? — покровительственным тоном спрашивает он, поворачивает голову в бок. — перевяжи мне рану.

Илья не сводит с него ненавидящего взгляда, кулаки сжались, возникает острое желание ударить в мерзкую ухмыляющуюся морду, но шансы даже с полуслепым зекем, весьма неопределённые, Илья с детства не занимался физически, а сейчас и вовсе ослабел... но разум небывало окреп. Он подходит к зеку, снимает свою повязку: — Сядь, я тебя перевяжу.

— Молодец, быстро просекаешь! — хвалит Вагиз.

Илья огляделся, замечает небольшой камень, таким не убьёшь, но сознание, на время,

выбьешь. Он подбирает его и, испытывая омерзение, опускает на голову зека. Тот лишь охнул и завалился на спину. Не дав время себе на размышление, Илья связывает ему руки и лишь затем, облегчённо выдыхает, но от возбуждения руки всё ещё трясутся. Дело сделано, теперь он вновь в выигрышном положении. Когда очнётся, надо его спросить на предмет убежища, плато он, естественно, хорошо знает. А если не скажет? Илья загрустил и с сожалением глянул на измазанный кровью камень. Неужели вновь придётся использовать этот аргумент? Придётся!!! Неожиданно решает он и на душе становится легче, словно лопнула последняя струна и руки перестают трястись.

Вагиз застонал, резко открывает глаза, прицельно фокусирует взгляд на Илье: — Это ты зря сделал! — резко дёргает плечами, но, на перетянутых за спиной, руках, лишь вздулись мышцы.

— Лежи и не дёргайся! — Илья облизнул свои израненные губы.

— И что дальше? — к зеку полностью вернулось зрение, и он с любопытством смотрит на юношу, затем, с трудом садится. — Почему голову мне не перевязал? Гудит... словно медный таз. Зачем меня ударил? За это можно серьёзно ответить. Развяжи меня.

— Говоришь много, как болтливая шлюха, — Илья сам поразился своим словам, но не менее этому, удивился тому, что совсем не боится страшного зека, в груди, как девятый вал, поднимается целый шквал из радостных эмоций.

— О, как! Не узнаю тебя! Случаем, головой сильно не ударился? Ты сейчас понимаешь, с кем разговариваешь? Да я из тебя жилы вытаскивать буду...

— Спорный вопрос, — загадочно произносит Илья.

— Ты... о чём намекаешь? — Вагиз неожиданно почувствовал пустоту в животе, ему страшно не понравился взгляд, который метнул на него юноша.

— А не зашить ли твой рот, болтаешь много, — зловеще улыбается Илья.

— Стоп. Подожди... ты, ведь, нормальный пацан, на это не пойдёшь, верно? — Вагиз конкретно струхнул.

— Почему нет? Мне, ведь, зашили.

— Это была не наша идея.

— Ладно, я повременю... если скажешь, где можно укрыться. Тебе самому выгодно, иначе, ночью, собаки нас точно растерзают.

— Определённо, — Вагиз огляделся. — Места нехорошие, псы любят здесь охотиться. Помоги мне встать.

— Как-нибудь сам, — Илья с прищуром посмотрел на жилистые ноги зека.

— Смотри, как поумнел, — удивляется Вагиз.

Илья подбирает камень, крепко сжимает в ладони: — Попытаешься меня ударить ногами, проломлю череп.

— Да и не думал, — ухмыльнулся зек. — А ты совсем другим стал.

— Учителя были хорошие.

— Значит, не отрицаешь? Так спасибо скажи.

— Опять много болтаешь, поднимайся! — Илья замахнулся камнем.

— Псих... однако, — прошипел Вагиз и, легко встаёт, оглядывается по сторонам. — Знакомые места, сопка, тур... там мы с Харитоном пересеклись, есть неплохая пещера.

— Так, топай, давай.

Вагиз усмехнулся: — Как скажешь, братан.

— Меня Ильёй зовут.

— Знаю, — вяло отмахнулся зек. Он с опаской входит в высокую траву: — В прошлый раз обычная степь была, как всё вымахало.

— Постоянно льют дожди.

— Всё поменялось: климат, жизнь, даже ты.

— Только ты не изменился, от тебя за километр трупам смердит.

— Ничего... отмоюсь, — ухмыльнулся зек.

— Это не вымывается.

— Интересный у нас получается разговор, — Вагиз словно невзначай разворачивается, напрягает правую ногу для смертельного удара, но, неожиданно видит в руках Ильи тяжёлую палку — О как! Где нашёл?

— Вовремя, да? — улыбнулся юноша.

— Быстро просекаешь. А ты знаешь, мне такой кореш нужен. Готов тебя взять на поруки. Из тебя может нормальный пацан получиться.

— Да, пошёл ты!!!

— Уже иду! — со злобой сплюнул зек.

Через пару часов пути, трава поредела, на смену ей выдвинулись небольшие можжевеловые рощицы, стадо мустангов, увидев людей, сорвалось с места и исчезло за ближайшей сопкой.

Вагиз лезет между корявыми деревьями, останавливается у грубой двери, слизнул с губ капли пота: — Мы пришли. Что дальше?

— Ложись на живот.

— Зачем?

— Я тебе ноги свяжу.

— Как скажешь, — Вагиз покорно ложится, Илья отрывает от своей рубахи рукав, ловко крутит узлы, после этого с облегчением вздыхает.

— Боишься меня? — хохотнул зек.

— Обычная предосторожность... а тебя я не боюсь.

— Понятное дело, руки-ноги связаны, — с иронией проговорил Вагиз.

Илья не стал спорить, поднимает дверь вверх: — Заползай!

— Как скажешь, — зек, извиваясь словно червяк, вползает в пещеру, переворачивается на спину, тихонько напрягает запястья, и понимает, узлы сильно ослабли, это его невероятно обрадовало. Он начал осторожно вращать ладонями, один узел соскакивает, затем слетает вся повязка. — А ведь ты прав, — осмелев, начал разглагольствовать Вагиз, — ты никогда не станешь нормальным пацаном, по жизни, ты жертва. Послушай, — неожиданно осекается он, — голова нестерпимо болит... кстати, благодаря твоим стараниям... прояви милосердие, перевяжи, — он театрально застонал и, видя, что Илья в насторожился, примирительно продолжает: — Ладно, я, зверь, но ты нормальный человек, зачем тебе скатываться до моего состояния... я полностью связан... или ты боишься?

— Тебя? Нет! — юноша внимательно оглядел пленника, тот беспомощно дёрнул ногами, скривился от боли, с затылка всё ещё стекают капли крови. — Хорошо, — Илья откладывает палку, делая узкую полоску, безжалостно кромсает свою рубаху. Зек, повернув голову набок, с каким-то торжеством наблюдает, Илье не нравится его взгляд, но идёт к Вагизу. Тот застонал, с трудом приподнимает голову, но внезапно освобождает свои руки и, с торжествующим рычанием, хватает юношу за шею, резко прижимает к груди, начинает с остервенением душить.

Беспомощно отбиваясь руками, Илья трепыхается как курёнок, на глаза накатывает красная пелена, в душе возникает всепоглощающий ужас, дикая боль и удивление. Юноша пытается кричать, но из горла вырываются лишь булькающие хрипы. Зек, с хохотом, ещё сильнее прижимает к себе несчастного парня и, неожиданно Илья ощущает в своём рту, какой-то пульсирующий комок. Вагиз так увлёкся, что притянул голову юноши прямо к своей шее. Вот он уже сцепил крючковатые пальцы в смертельное кольцо, ещё один нажим и, позвонки хрустнут. Илья, теряя сознание, из последних сил сжимает челюсти. Зек взревел, ещё сильнее сцепил пальцы, но его кадык хрустнул, а из шеи выплеснулась горячая кровь. С хриплым бульканьем, Вагиз отпихивает от себя Илью, беспомощно хватается за своё горло, но, вместо воздуха, в лёгкие засасывается кровь, зек корчится в конвульсиях, глаза горят дикой злобой, но вот они белеют как у тухлой рыбы, закатываются под веки и Вагиз, изогнувшись в агонии, замирает в невероятной позе.

Илья, отплёвываясь и откашливаясь, отползает назад, всё ещё не полностью соображая, что произошло.

Идар с горечью понимает, его молниеносно сместили, причём никто из живущих людей, в построенном им городе, даже ради приличия, не воспротивился. Ладно, рабы, доля у них такая, но свободные горожане! Что-то он делал не так, раз с таким удовольствием его поменяли на сумасшедшего деда. Насчёт удовольствия, это вряд ли, размышляет Идар, вероятно напугали людей какими-то решительными действиями. Может, показательную казнь сотворили? Это действует... но временно. Затем, вспыхивает бунт, это мы уже проходили. Идар скрипнул зубами, прокусил губу, слизнул кровь, глянул на своих бойцов, это единственные люди, которые его не подведут, ни при каких раскладах, по крайней мере, на это хочется надеяться.

Идар увёл свой отряд к затопленному лесу. Раньше здесь заканчивалось плато Караби яйлы, вниз спускались извилистые тропы, а по склонам рос достаточно мощный сосновый лес. Сейчас, над водой, виднеются лишь колючие верхушки деревьев, которые, как легендарные богатыри из сказки Пушкина, пытаются выбраться из пучины морской. В результате Потопа, получился идеальный лабиринт, внизу масса полузатопленных островков, сверху — переплетение из стволов и веток, найти в этой мешанине людей, нелегко. Место для жизни непригодное, но на некоторое время укрыться, просто подарок судьбы.

Несколько дней, спецназ Идара, прощупывал оборону города, но он укреплен в высшей степени профессионально. Все посты, секреты, не исчезли, а ловушки дополнились новыми и более изобретательными. Игнат, к большому удивлению, оказался неплохим стратегом, лихо развернулся и, по некоторым признакам, народ его принял. Была ещё надежда, что тот пойдёт войной на Виктора, ведь есть преимущество в людях и оружии. Тогда, пользуясь моментом, можно было захватить город, но тот, словно читает мысли Идара, даже этого не помышляет, лишь продолжает заниматься укреплением своей обороны.

— Всё правильно делает, гадёныш, — после очередного разведывательного рейда, с прискорбием сообщает Идар, — сейчас к нему не подступиться. И ведь не торопится, укрепляет свою власть, не спешит. Знал бы тогда, что под личиной обычного чухны, скрывается такой острый ум, порешил бы на месте.

— После драки кулаками не машут, — ухмыльнулся спецназовец Грач.

— Всё правильно, но кулаки чешутся. Но мы тоже не будем спешить, нам поможет Виктор.

— Наш враг?

— Соперник. Я думаю заключить с ним союз, и он мне поможет вернуть мой город... а потом как пойдёт.

— Тоже решение, — соглашается Грач.

— По горячим следам, надо зарисовать план нашего города, особенно, места, где расположены секреты и ловушки, а так же, всю территорию, прилегающую к городу. Так что, приступай уже сейчас, — Идар глянул на Диму.

— А почему я, да и к тому же, на чём рисовать? Ни бумаги, ни карандашей нет, — осмелился заикнуться Дима.

Идар смерил его взглядом: — Ты, вроде, в своё время архитектурный заканчивал?

— Это в прошлом, — вздыхает бывший бизнесмен.

— Пршшлое, настоящее! — неожиданно вспылл Идар, но быстро успокаивается. — А ведь действительно, на чём? Ни бумаги, ни кожи нет... кору срежь, попробуй из неё сделать, наши предки раньше изготавливали, а мы что, хуже? А рисовать угольками можно. Ты займись, всё равно из тебя охотник никакой, а мы попробуем раздобыть что-нибудь из еды, твоего последнего голубя ещё вчера съели.

Дима сглотнул липкую слюну, в животе давно идёт революция, нестерпимо хочется есть. Идар понимающе глянул на мрачного бизнесмена, ухмыльнулся: — Улиток собирай, тоже еда. В прошлом, деликатес был. Небось, за большие деньги заказывали в ресторанах? А здесь, такое счастье, и бесплатно!

— Меня тошнит от них... костерок бы... хотя бы пожарить.

— А и с чего его разжечь? Мы опять в начале пути, пока что-нибудь придумаем с огнём, придётся жрать сырых голубей и дохлых собак, — откровенно издевается Идар, но затем становится предельно серьёзным и обращается уже ко всем: — У кого-то есть, по этому поводу, предложения?

— Всё сырое, постоянно льют дожди, ни палочку не потрёшь, ни... — пробасил один из спецназовцев.

— Три себе кое-что другое, извращенец, это мы уже проходили, — зло перебил его Идар.

— Надо проникнуть в город и украсть уголёк, — бесстрастно заявляет Грач.

— Опасно, — отрицательно качнул головой Идар.

— Другого выхода не вижу, иначе голубей сырыми жрать будем. Так орнитоз можно подхватить.

— Дикие голуби, орнитозом не страдают.

— А кто его знает? — почесал за ухом Грач. — В нашем случае, действительно, лучше есть насекомых и змей, так безопаснее.

— Ладно, сходим на охоту, а там будет видно, — раздражаясь от навалившейся безысходности, произносит Идар.

* * *

Илья, испытывая омерзение, обшарил мёртвого зека. С пояса снял острый нож, в одном из карманов нашёл пачку долларов. Презрительно улыбнувшись, отшвырнул в сторону, но вот натолкнулся на целый патрон от АКМА. С усилием вытащил пулю, высыпал на ладонь порох, в раздумье поводит по горстке пальцем, затем, осторожно засыпал порох обратно в патрон и аккуратно заткнул его кусочком материи. Теперь будет огонь, стоит лишь изловчиться и правильно ударить по капсюлю. А сейчас надо куда-то деть мёртвого Вагиза. Хоронить — желания нет, рядом выбросить — собаки учуют, а они здесь совсем не нужны. Илья долго странным взглядом смотрит на труп и неожиданно улыбается во весь рот, проколы на губах надорвались, кровь опять начинает сочиться. Юноша скривился от боли, облизывает губы языком, подходит к зеку и вслух произносит: — Будешь пугалом, я твоих друзей до смерти напугаю, — после этого, протыкая мертвецу рот, начинает его зашивать, используя вместо ниток, гибкие стебли травы. Решение, которое задумал Илья, в высшей степени безрассудное, проникнуть в пещеру и втащить мертвеца в темницу старца Харитона.

Верёвку и даже пару ржавых самохватов, он находит в дальнем углу пещеры. Долго

пытается понять, как ими пользоваться, наконец, соображает, как расположить в самохвате верёвку и довольно улыбается, теперь будет неизмеримо легче подняться наверх.

Привязав к ногам Вагиза верёвку, Илья перекинул её через плечи и поволок мертвеца сквозь зелёные заросли, в душе, ужасаясь своему, мягко сказать, нестандартному решению, но у него сейчас всё нестандартно — вся жизнь...

Старец Харитон, в который раз за этот день, чувствует прилив слабости, ноги задрожали, на лице выступил холодный пот. Он с усилием садится на деревянную кровать, до боли в сердце напоминающую тюремные нары. Как это неприятно, но физиологическая старость крепко давит его к земле. Внезапно старец осознаёт, что сегодня решится всё. Неужели пришла Смерть? Он пытается найти в себе умиротворение и спокойствие, но на душе покоится нечто гадкое и тревожное, нет мира и покоя, хочется стонать, метаться, молить о пощаде... но нет сил.

У входа маячат Бурый и Репа, автоматы на изготовку, словно чувствуют приближение чего-то опасного. Харитон неприязненно глянул на них, проклял себя, что не может совладать со своим телом. Плохо, очень плохо, нельзя быть слабым. Бурый и Репа, перед ним, подчёркнуто заискивают, но старец часто ловит на себе пытливые взгляды, они чувствуют, что он уже отжил своё и, скоро станет обузой, как бы, ни помогли ему отправиться в мир иной раньше, чем это угодно Богу. От этих мыслей, стало жарко. Нет, не от страха за свою жизнь, он сейчас часто путает жизнь со смертью, каждодневно находясь в пограничном состоянии между светом и тьмой. Нет, он страдает за веру. Что после него будет, он так мало успел сделать, а эти, Харитон пронзил взглядом зеков. Безбожники, хотя и крестятся, но это от страха перед ним, а не перед Богом! Какой у человека маленький век! Старец тягостно вздыхает.

— Заболел, что ли? — Бурый повернул голову, цепче перехватил автомат.

— Пустое... просто устал... отлежусь и буду как прежде, — зло пробормотал Харитон.

— Может, чё надо? — немигающими глазами, уставился на него Репа.

— Это вам надо, а не мне! — лицо старца, перекосила гримаса, но зеки, как это было прежде, не испугались, понимающе переглянулись друг с другом.

«Вот и всё» — подумал старик, — «секунды пошли. Не повезло Игнату, скоро кожу живьём с него будут снимать. Это, конечно, правильно, обидел он их сильно... но вера пострадает... кто бы убил их!» — Харитон лёг на кровать, закрыл воспалённые глаза и, вновь увидел чёрный туман и ощутил, холодящий его душу, голодный взгляд.

— Скоро загноётся, — шепнул Репа, — может, помочь, чтоб не мучился?

— Подождём до утра... Игната на кол, его бабу пустим по кругу, а после, живот ей вспорем. Затем, терпил к рукам приберём. Мы здесь такую зону устроим!

— Это по понятиям, — кивает Репа, но надо Идара как-то достать.

— А чего его доставать, у нас два АКМА... и один у Игната, но его можно легко забрать, — ухмыльнулся Бурый. Дебил, до сих пор магазин не проверил, я патроны из него все вынул.

— Когда успел? — хохотнул Репа.

— Да сразу же! — Бурый заржал как жеребец.

— Только бы он не догадался, а то у Харитона потребует, а дед сейчас часто в маразм впадает, может и даст ему жменю.

— Уже не успеет, — Бурый, с каким-то сожалением, оглянулся на старца.

— Так я об Идаре, а вдруг он заныкал АКМ, был ведь, правда сейчас, что-то его не

замечал, а он профи, перестреляет нас, как зайцев, из засады, — сплюнул Репа.

— Команду надо делать.

— Кроме нас, других воров нет. — Бурый присел к затухающему костру, отложил автомат, подкинул в огонь несколько сухих веток.

— Надо на облаву терпил снарядить, — Репа тоже отложил автомат, достал кусок подвяленного мяса.

— Многих положат... а нам рабы нужны, — задумался Бурый.

— Всех не перестреляют... впрочем, и хрен с ними, главное Идара и его команду замочить, а рабов мы ещё наберём.

— В лагере Виктора? — насмешливо спрашивает Бурый.

— А почему нет?

— Крутой он мужик, сейчас прыгать на него не стоит, позже замочим. Мы на плато терпил наберём, говорят, дым в степи видели, значит, люди, по воронкам, ещё шхерятся.

— Как скажешь, Бурый, — Репа всем видом показывает, что принимает его главенство. — Послушай, — тихо произносит он, — меня Харитон, в натуре, достал, лежит, шиптунов пускает, совсем от старости разложился.

— Он из последних настоящих воров, — мечтательно говорит Бурый. — Жаль, их эпоха уходит. А он действительно уже надоел, от понятий отходит, на почве религии умом тронулся.

— Так может, сейчас замочим? — у Репы, от предвкушения, из-за рта потянулась тягучая слюна.

— Он вор в законе, — неуверенно произносит Бурый.

— Был когда-то...

— Подождём до утра... мочить вора в законе, полный беспредел. Звук какой-то, — внезапно насторожился Бурый, встревожено оглядел пещеру, уткнулся взглядом в брёвна, которыми заделали трещину после землетрясения.

— Вода булькает, — ухмыльнулся Репа.

— Я что-то слышал, возможно, снаружи. Поди, глянь.

— Как скажешь, — Репа выхватил нож, тихо скользнул к выходу и замер.

— Что там? — поинтересовался Бурый.

— Тёлка хворост собирает. Одна. Надо бы развлечься.

— Давно пора, — с готовностью вскакивает Бурый.

— Вы куда! — неожиданно раздаётся голос старца Харитона.

— Баба бесхозная гуляет, — хихикнул Репа.

— Я запрещаю насильничать! — старик хотел приподняться, но не смог.

— Да ладно, дело молодое... да и ты напоследок посмотришь... грехи юности вспомнишь, — откровенно издевается Репа.

Зеки уходят, через некоторое время слышатся сдавленные крики и возня. «Совсем от рук отбились» — старец Харитон с усилием дышит, мир вновь поплыл, появляются видения, словно брёвна зашевелились, и возникает лицо Илюши, рот в кровотокающих проколах, глаза страшные, без признаков душевного расстройства. Старик хотел перекреститься, но сил нет. Призрак Ильи долго на него смотрит, неожиданно прикладывает палец к губам и выбирается из трещины, цепляет за колышек верёвку, замечает автоматы, оттаскивает их в сторону, прячет хворостом, находит ящик с патронами, и его уносит туда же. Затем, начинает выбирать верёвку. Видно, как нелегко даётся это призраку, он вспотел, но упрямо тянет

верёвку. Неожиданно из провала появляется синее лицо Вагиза, (о, ужас!), его губы зашиты. Старик захрипел от дикого страха, теперь он понял, это мёртвые лезут к нему из ада.

— Я не хочу туда, — едва слышно шепчет он.

Призрак полностью вытягивает мертвеца, подволакивает его к ложу старца, усаживает на плетёное кресло.

— Прочь, идите обратно в ад, — старик хочет перекреститься, но пальцы сводит судорога.

— Да у тебя начинается агония, — произносит Илья и неожиданно его жалеет. Он вспоминает своего деда, сейчас такого далёкого, но дорогого и любимого. Дед, на ночь, часто рассказывал сказки, а когда приносил гостинцы, лукаво улыбался и говорил: «это от зайчика», и Илья, тогда верил. Ах, дедушка, мой дорогой дедушка, и почему тебя со мной нет! Илья вытирает соскочившую на щёку слезу, вздыхая, смотрит на старца Харитона, дрогнувшим голосом спрашивает: — Тебе воды принести? — но у того стекленеют глаза и его душа, словно проваливается в бездонную пропасть.

— Ты что, умер? — наклоняется над ним Илья. — Плохой ты был человек, но всё равно тебя жалко. Ладно, покойся с миром, — юноша хотел его перекрестить, но раздумал, лишь закрыл ему глаза.

— Да не брыкайся! Репа, дай ей в морду!

Илья едва успевает спрятаться, зеки вваливаются в пещеру, волоча за собой несчастную женщину.

— Эй, Харитон, может, напоследок, кинешь пару палок! — весело восклицает Репа и, обмер от ужаса. У постели старца сидит Вагиз, его рот зашит, а горло разорвано в клочья.

— Что за... — обмирает Бурый и пятится.

Репа отпускает женщину и та, метнув безумный взгляд на сидящего мертвеца, неожиданно быстро бросается вон из пещеры, а зек даже не замечает, как обмочился, и горячая моча ошпарила ноги.

— Вагиз, ты как здесь оказался, ты живой? — с трудом выговаривает Бурый.

— Он мертвец, — прошептал Репа, — он пришёл за Харитоном.

— Мертвецы не ходят! — Бурый стряхивает с себя оцепенение. — Его кто-то сюда притащил!

— Никто в пещеру не заходил, он из трещины выполз!!! — истерически выкрикнул Репа.

Бурый резко разворачивается и наносит сильную оплеуху: — Уймись, придурок, живых мертвецов не бывает! Его кто-то сюда приволок... надо прошерстить пещеру, он точно ещё здесь... ты чё, обоссался?

Репа с усилием выдохнул, пощупал штаны и взрывается от праведного гнева: — Я сейчас его на ремни рвать буду, глотку перегрызу!!! — но как стоял на месте, так и торчит, словно зубочистка в зубе, вопросительно поглядывая на Бурого.

— Слизняк! — ругнулся Бурый и достаёт нож. Он медленно подходит к трещине, прикрытой брёвнами. — Так и знал, верёвка! Он туда спустился, сейчас его подстрелю! Автоматы, где автоматы?!!!

Илья притаился за плохо выделанными шкурами. Всё нутро выворачивает от мерзкого запаха, но эта вонь, волшебным образом, перебивает, поднявшийся как лавина, возникший страх, и юноша успокаивается, он приподнимает автомат и передёргивает затвором, в полутьме послышался характерный щелчок.

— Репа, шухер!!! — Бурый кидается вон из пещеры.

Словно кто-то извне толкает Илью, он вскакивает на ноги и, судорожно нажимает на курок. Когда в магазине закончились патроны, на ватных ногах, подходит к убитым зекам: — Сволочи, вы сделали из меня убийцу! — рыдая, говорит он. Затем, почти шёпотом произносит: — Ну, что ж, раз у меня такая судьба, то так тому и быть, — юноша привязывает автоматы и ящик с патронами к верёвке, спускается в трещину.

День, с божьей помощью, закончился удачно. Игнат успешно провёл переговоры с людьми, в которых несколько сомневался, наобещал всяческих благ и, заручился их поддержкой. Вёл он пропаганду с таким остервенением и убеждением, что как-то быстро ему поверили, а ещё, его новый внешний вид, без бороды, короткая стрижка, воздействовал на людей мощнее гипноза.

На удивление, Игнат оказался невероятно фактурным, лицо дышит благородством, а в осанке такая царственная стать, что даже скрытые недруги приняли его главенство... осталось за «малым», разоружить уголовников и низложить старца Харитона. Игнат, пока, не знает, как это сделать, но считает, что следует поторопиться, иначе все его труды будут напрасны. Стоит Харитону шевельнуть лишь пальцем, и его скинут с «трона», более того, под улюлюканье толпы, посадят на кол. Народ любит развлечения, принцип: «хлеба и зрелищ» — никто не отменял, это мощное отвлекающее действие от всяких народных волнений.

Игнат обнял Аню за плечи, женщина потянулась к его губам, глаза лучатся восторгом и надеждой.

— У нас всё получится, любимая, — он нежно поцеловал её в губы, отметив про себя, с какой страстью она отдалась на его ласку. Неужели она, по-настоящему, полюбила его? Игнат не удержался, крепко обнял её и, закрутил вокруг себя.

— Отпусти, задушишь, чёрт бородатый... тьфу ты, уже безбородый! — засмеялась Аня.

— Мы с тобой такие дела совершим... царица!

— Даже не верится... я царица! — Аня впилась в его губы с таким остервенением, что Игнату показалось, ещё мгновение, и она его проглотит целиком.

— А кто ж ты ещё, конечно царица!

— А наши дети будут царевичами!

— Это так... только с уголовниками надо разобраться, — неожиданно суровееет Игнат и у Ани гаснет счастливая улыбка.

— Не только с ними, — жёстко произносит она, — Нину надо собакам бросить... Идара и Виктора тоже, а там... дальше по мелочи...

— А почему Нина на первом месте? — улыбнулся Игнат.

— Она дрянь.

— Понятно, — усмехнулся Игнат.

— Ты обещаешь? — не унимается Аня.

— Воля твоя, Ваше Величество, как скажешь, так и сделаю.

— Вот за это я в тебя так влюбилась! — горячо зашептала женщина.

Неожиданно слышится какой-то странный звук, как трель цикады, но более сухая и громкая. Игнат отпускает Аню, вздрагивает всем телом: — Ты слышишь?

— Что это? — пугается женщина.

—словно выстрелы.

— Наши уголовнички развлекаются, — неуверенно произносит Аня.

— Что-то происходит не то, очереди длинные. Ты пойдешь в дом, а я за людьми схожу, надо проверить, что происходит в гроте старца Харитона.

— Ты думаешь, они деда убили? — в страхе говорит женщина.

— В любом случае мне необходимо туда идти, — Игнат снимает с плеча автомат. — Может, это мой шанс, застать их врасплох.

— Не ходи!!! — неожиданно вцепилась в него Аня.

— Если хочешь, чтобы наши дети были царевичами... отпусти! — твёрдо произносит Игнат, и женщина, всхлипнув, опускает руки.

— Храни тебя бог! — она крестит его.

— Это правильно, — смягчился Игнат, — в бога надо верить... но не в того, которого навязывает Харитон... будь он проклят, сумасшедший дед... надеюсь, эти выродки, его убили.

— Ты как зайдёшь в пещеру, не раздумывая, стреляй, сразу... тогда у тебя будет шанс, — у Ани потяжелел взгляд.

— Сегодня ночью, решится всё, — Игнат оборачивается, к спешащей к нему, охране, которую он создал лишь сегодня днём. Ладно, проверим, на что она способна, подумал он: — За мной! — коротко приказал он.

Игнат подбегает к пещере, снимает автомат с предохранителя, переводит в режим «очередь», как учили, передёргивает затвором. По идее, теперь оружие на боевом взводе.

— Всем ждать снаружи, — приказывает он и, дрожа от возбуждения и всплеска адреналина, вбегает в пещеру, судорожно нажимает на курок... но слышится звонкий щелчок... выстрелов не произошло. Игнат вновь и вновь передёргивает затвором, но результат прежний. Это всё! Игнат понимает, что сейчас его будут убивать, он роняет автомат, отшатывается назад, интуитивно закрывается руками, в глазах появляется влага, но внезапно, при скудном освещении затухающего костра, замечает, распостёртую на земле фигуру Бурого — с прострелянной головой, а дальше лежит Репа — вся грудь в кровавых пятнах... а у постели, где лежит старец — сидит Вагиз. Игнат, от пронзившего ужаса, хотел закричать, но не может, в горле мгновенно пересыхает. Перед глазами поплыли чёрные пятна, где-то в глубине сознания раздаётся вопль: «оживший мертвец!!!»

Вагиз неожиданно кренится вбок, как страшная кукла, падает на пол, голова задирается и, чётко виден рот, зашитый гибкими стеблями травы.

— Уф!!! — Игнат утирает со лба липкий пот. — Он мёртвый! Как я испугался, какой я болван! Эй, Харитон, ты жив? Неужели помер? Какая удача! А кто стрелял? — Игнат начинает бешено вращать головой, но вот, взгляд натывается на раздвинутые брёвна. Он подбегает к трещине, с опаской заглядывает в чёрную щель и старательно сдвигает брёвна. Затем ищет автоматы, но быстро понимает, ни оружия, ни патронов нет. Возникшая радость меркнет, неприятный холодок вновь скользнул между лопаток. Кто же убил зеков? Неужели Идар? Нет. Получив в руки оружие, он бы, не задумываясь, вошёл в город. Это не он. Тогда Виктор? Защитить Вагизу рот? Бред. На это он не способен. Тогда кто? Игнат задумался. Илья? Неужели он остался жив. М-да, вот это сюрприз, непонятно только, хороший или плохой? Илья полоумный дурачок... но такая месть! Что-то в его мозгах перевернулось. Игнат задумался и не сразу отреагировал на шорох, поэтому сильно вздрогнул, когда услышал за спиной приглушенное восклицание. Его охрана, послушавшись приказа быть у входа, вошла в пещеру.

— Я вам приказал быть снаружи! — Игнат сурово сдвинул брови.

— Было тихо... вдруг что-то произошло, — блеет один из людей.

— Произошло, — ухмыльнулся Игнат. — Уголовников насадите на колья, деда повесть за ноги. Расположить их на площади... пусть народ порадует. Этот день я объявляю

всеобщим праздником, мой народ избавился от зек-упырей. Теперь мы заживём нормальной жизнью, и религия у нас будет правильной, христианской, а не бредом, в исполнении вора Харитона, — он широко перекрестился.

— Я знала, что ты с ними покончишь, — в пещеру тихо вошла Аня и остановилась рядом с Игнатом.

— Да уж... вот так и всё сразу, — он обжёг её взглядом, суетливо перекинул через плечо автомат. Теперь, без единого патрона, его оружие, не более чем пугач. Игнат искоса глянул на свою охрану, и видит в их глазах страх и почтение.

— Выгони их всех! — в полный голос требует Аня.

Игнат царственно повёл плечами, сурово посмотрел на притихших людей: — Вы слышали, что царица сказала? Всем вон!

Оставшись наедине, Аня прижимается к Игнату, не обращая на мертвецов, целует его в губы и шепчет в ухо: — Вот теперь ты настоящий царь.

— Удержаться бы, — с горечью вырывается у Игната.

— Удержишься, ещё как удержишься! Ты только напрасно не свирепствуй, но и не будь добреньким.

— Это понятно, — опускает голову Игнат.

— Ну, чего скис? — понимает его состояние Аня.

— Автоматы исчезли, а в этом, ни одного патрона.

— Как?! — Аня отступает на шаг. — Значит, это не они сами себя перестреляли? Есть кто-то ещё?

— Он из этой трещины выбрался, вероятно, завладел оружием, и всех положил. Ломаю голову, кто бы это мог быть? Но, судя по тому, что он зашил рот Вагизу, на ум лезет бредовая мысль, это сделал Илья.

— Илья? — Аня округляет глаза. — Странно, у этого мальчика не всё в порядке с головой... всегда был таким спокойным... хотя, в тихом омуте... — она задумалась, затем с жаром восклицает: — Его надо поймать!

— Каким образом, у него два АКМА и куча патронов!

— Он один.

— С двумя автоматами.

— А ты царь, мать его или того?!!! — заорала Аня и мгновенно прикусила язык.

— Ладно, не кричи, разберусь с этим Илюшей, ловушки поставим, ямы выроем, поймаем... страдальца, — мрачно произносит Игнат.

— Вот это слова настоящего мужа! — Аня переводит дух и, с любопытством смотрит на мёртвого старика, ловит себя на мысли, что чужая смерть теперь её не тревожит, словно она поднялась над всеми и способна теперь сама даровать жизнь или смерть. Странное чувство радости захлестнуло её сознание, нечто напоминающее экстаз, она спокойно подходит к старцу, долго вглядывается в застывшие черты лица и задумчиво говорит: — Странно как-то, такой тщедушный старикашка, а ужас наводил. У нас сосед был, тоже худой и лысый, жил один, дети его не навещали, голодал, я ему иногда супчик приносила, котлетки... жалела его.

— Что, совсем дети не приходили? — равнодушно интересуется Игнат.

— Внук иногда за пенсией приходил. О, как радовался тогда старикашка, всё рассказывал мне, какие у него хорошие дети. А потом и внук перестал ходить, вероятно, стариковская пенсия его уже не впечатляла. Как-то раз, сосед засобирался, галстук одел и

спускается по лестнице, опирается о трость, ноги дрожат. Я его спрашиваю: «Куда идёте, дедушка?», а он мне: «Внук что-то не приходит, наверное, болеет, надо навестить его». Но сосед не дошёл до своего любимого внука, когда сел на троллейбус, трость обломилась, и он головой влетел под переднее колесо, а водитель его и не заметил, только лопнуло что-то, под колесом, и женщина, какая-то истерично заорала. А хоронить его пришлось мне, никто из родни этого деда не пришёл, — Аня задумалась, неожиданно что-то кольнуло её душу, она вздохнула: — А давай, Игнатушка, мы его просто похороним.

— Дикий случай, — кивает Игнат, — у себя такого не допущу... а вот старца Харитона к земле предавать не позволю, подвесим за ноги... это политика, дорогая, проявлять жалость опасно.

— И всё-таки жалко его, — Аня даже всхлипнула.

— Какая ты у меня добрая, — Игнат обнял её за вздрагивающие плечи.

* * *

Изнемогая от усталости, Илья с трудом доволоч до своей пещеры автоматы и тяжёлый ящик с патронами, задвинул перегородку и, в изнеможении повалился на пол. На удивление, он не испытывает никакой радости, больше опустошённость, вроде и расквитался с мерзкими людьми, а никакого удовлетворения. Теперь надо отыскать Идара, он главный виновник его бед. А стоит? Илья задумался и сам себе отвечает: — Стоит. Ведь я убийца.

Он проспал остаток ночи и весь день, очнулся вновь в темноте, некоторое время соображал, почему опять вечер. Затем улыбнулся, он понял, теперь его время бодрствования — ночь.

Илья поднялся, сладко зевнул, выглянул наружу. От голода, жлудок, судорожно свело. Юноша прислушался, некоторое время, жадно ловит ночные звуки. Вдали слышится лай собак, они кого-то гонят. Илья берёт автомат, отстёгивает магазин, полностью забивает патронами, после этого, решительно выбирается наружу. Особо не скрываясь, идёт в направлении темнеющих сопков, туда, где охотится стая одичавших собак.

Ночь в разгаре, недавно прошёл дождь, и одежда промокла, но неудобств не приносит, напротив, появляется прилив бодрости и возбуждения. Несмело скрипят ночные кузнечики, кое-где вспыхнули холодные огоньки светлячков. Илья не удержался, поймал несколько жучков, некоторое время гоняет по ладони, восхищаясь их таинственным зеленоватым свечением, затем пожалел, и аккуратно ссадил под широкий куст, некоторое время понаблюдал, как они разлетаются, словно угольки потухающего костра, под порывами ветра. Вспомнив детство, ностальгически вздохнул. Илья часто гостил у деда в деревне и иногда собирал «живые огоньки» в огороде, это было такое счастье. Юноша вздрогнул, погасил улыбку, поправил сползающий с плеча автомат и поспешил на шум собачьего лая.

Он уверенно идёт между сопками и не испытывает страха, так как теперь точно знает — ночь, его время. Серебристая луна показалась из-за холмов, окрасила склоны и бархатистую степь серебром, но вскоре, словно, чего-то испугавшись, нырнула в густые тучи и темнота, как по мановению волшебной палочки, окутала долину угольно-чёрным покрывалом. В тот же час раздаётся злобный лай, визг и бешеное рычание, псы нагнали свою жертву и теперь рвут несчастное животное. Сильное ржание, перекрыло рёв стаи диких собак, но лишь на миг, затем смолкло.

Илья ускорил шаг, почти побежал, автомат уже держит в руках, палец уверенно покоится на спусковом курке. Он неожиданно выбегает из узкой ложбины и нос к носу сталкивается с голодной стаей собак. На боку лежит истерзанный жеребец, а псы, с неистовством рвут его тёплую плоть.

— Пошли вон, дворняги! — смело выкрикнул Илья и пошёл прямо на стаю.

Одичавшие собаки от неожиданности отпрянули, и быть может, у них проснулась память того времени, когда, от мусорных ящиков, их могли разогнать обычные бомжи, поэтому они не напали сразу, а огрызаясь, припали на передние лапы. Но вот, крупный вожак опомнился, в бешенстве оскалился, выплюнув из пасти густую пену, вперемешку с кровью, и прыгнул. Илья не ожидал такой резкости, но инстинкт срабатывает помимо его воли, палец мгновенно нажимает курок и веер из смертельных пуль врезается в грудь вожаку, перебивая кости, мышцы, разрывая лёгкие и трахеи. Пёс рухнул в метре от человека, в конвульсиях скрутился, процарапал когтями землю и испустил дух. Илья выпускает вторую очередь по стае, раздаётся жалобный визг и предсмертный скулёж. Псы отступили, злобно лая, прячутся в высокой траве, но попыток нападения, не предпринимают. Юноша улыбнулся, уверенно подходит к труп лошади, достаёт нож и начинает отрезать заднюю часть. Собаки взвыли, вновь лезут к человеку, но ещё одна автоматная очередь, загоняет их обратно в траву и, с безопасного расстояния, они со злобой смотрят на то, как Илья неторопливо разделяет тушу лошади, выбирает лучшие куски, привязывает к верёвке. Как не странно, собаки признают в этом человеке ещё более страшного хищника, чем они сами, поэтому терпеливо ждут, когда тот насытится и уйдёт.

Илья закончил свою кровавую работу, вытирает о траву нож, закидывает через плечо верёвку и, сгибаясь от тяжести, потащил часть добычи в свою пещеру. За спиной вновь началась свара, псы накинулись на труп лошади, а Илья даже не оглянулся, он прекрасно понял, его не станут преследовать, собаки приняли его главенство.

В пещере тепло и уютно, горит костёр, на тонких палочках, распространяя умопомрачительный аромат, румянятся кусочки мяса. Илья сглотнул слюну, но не торопится, ждёт, когда еда полностью прожарится. Юноша пытается вслушаться свои ощущения, понять, нравится ему всё это или нет. Вот так, в один момент, перевернулась вся его жизнь. Был он странным, не в ладах со своей головой, человеком, бесхитростным, простодушным, но добрым. Его мысли были сумбурными, он с трудом находил связь слов и вещей, будто мозг был заблокирован, но неожиданно оковы спали и Илья стал обладателем весьма острого ума. Как такое может быть? Юноша многократно над этим задумывался. Быть может, так повлиял ужас и стресс, прочистив мозги у полоумного дурачка и сделав из него полноценную личность. А так ли это? Илья усмехнулся. Вопрос риторический, но в новом качестве он сам себе больше нравится, хотя, иногда, на сердце, опускается непонятная грусть и возникает хандра... да бог со всем этим!!! Юноша снимает с палочки шипящее, разбрызгивающее сок, мясо, и, закатывая от наслаждения глаза, ест. Определённо, жизнь прекрасна... только Идара надо разыскать.

После еды, юноша отдыхает, старается, чтобы и мозг расслабился, но мысли лезут, как назойливые мухи, все прошедшие события расставляют «по полочкам», сортируют, анализируют... как непривычно. Что б как-то отвлечься, Илья начал отжиматься от пола, качать пресс, сила сейчас особенно нужна. За неполные двадцать лет, он ни разу ни занимался спортом, днями сидел за компьютером, пялился в экран, проглатывая огромные потоки информации, и они, непостижимым образом, практически не усваивались в его

голове, но оседали где-то на периферии, лишь изредка радуя их обладателя, редкими выбросами. А вот сейчас, все хаотично приобретённые знания, словно выплыли из подкорковой области и, уютно разместились в центре мозга. Теперь Илья мог без проблем решить многие задачи: разобрать и собрать различные типы стрелкового оружия, добыть всевозможными способами огонь, заготовить лекарственные растения и многое другое. Юноши очень нравилось приобретённое состояние, вот только теперь надо основательно заняться своим телом. Он вскакивает на ноги, делает несколько боксёрских выпадов, затем отмахну ногами, получилось не слишком умело, но Илья знает, настанет день, и всё у него получится — время достаточно.

* * *

Этот день для Идара и его людей не заладился, только они отправились на охоту, как столкнулись с голодной медведицей. Она, увидев людей, встала на задние лапы, затем с силой опустила на передние, демонстрируя своё нерасположение. Охотники замерли, не смея даже дышать, что против такого огромного зверя хлипкие копья и луки... был бы автомат, но теперь это лишь мечта.

— Сейчас бросится! — пугается Грач. Он выхватил нож, зная, что им он лишь разозлит хищницу, но инстинкт самосохранения заставляет делать безрассудные жесты, размахивая лезвием впереди себя.

— У неё след от ошейника, она дрессированная! — несмело предполагает Геннадий, мужчина средних лет, со шрамом на скуле, за что получил прозвище Меченый Гена.

— Этот факт из биографии она давно забыла, медленно отходим. Грач, хватит смешить Машку своим ножиком! — сквозь зубы процедил Идар.

Медведица вновь становится на дыбы, губы завибрировали от мощного рёва, один из людей не выдерживает, и стремглав несётся сторону.

— Юра, стой, дурак, замри!!! — завопил Идар, но медведица, повинувшись инстинкту, бросилась за убегающим человеком и легко догоняет, щёлкнули челюсти, звучит истошный крик и он прерывается злобным рычанием.

— Назад!!! — Отдёргивает Идар своих людей, которые хотели броситься на помощь своему товарищу. — Он уже мёртв! Кретин, зачем побежал, мы бы тихо отошли... всё бы обошлось! Уходим!

В потрясении люди ретировались с этого ужасного места, а на их души опустилась пустота и пожирающий волю страх. Идар, впервые за долгое пребывание на плато Караби яйла, почувствовал себя словно голым. От безысходности сжимает челюсти, едва не кроша зубы, вот так просто, какой-то вонючий мужик, выбросил их из города, без средств на существование. И всё почему, автоматы... Какой сильный аргумент для слабого!

От голода развивается злость, животы свело, а ещё хочется пить. Прошелестела трава, Идар вскользь увидел хвост змеи, скидывает лук, но Гена Меченый успевает метнуть нож и вот, спецназовцы достают из зарослей, огромного полоза, и их лица расцветают в улыбках.

— Мы что, это будем есть? — сиротливо спрашивает мужчина в помятом офицерском мундире.

— Причём в сыром виде и без соли, — хохотнул Грач. Он ловко отрезает у змеи голову, быстро снимает кожу, потрошит и делит на равные куски.

— Гадость, конечно, но какая это прелесть! — Идар с жадностью впивается в сочный кусок зубами. — Жизнь налаживается, вы не находите, бойцы? — мрачно улыбнулся он.

— Не совсем, — встрепнулся Грач, — слышите, собаки.

— Нас сейчас четверо, не густо, но всё равно, псы не посмеют на нас напасть, — уверенно произносит Идар, — так что не дёргайся, жри свою змею и не порть нам аппетит.

— Я не дёргаюсь, просто хочу заметить, люди наблюдали стаю в тридцать голов, а это уже серьёзно, причём, псы привыкли к человечине...

— Отстань, что б мы, ещё дворовых собак боялись! — отмахнулся Идар, но всё же даёт команду на отход.

— Мы Диме ничего не оставили, — равнодушно произносит военный в помятом мундире.

— А чего ты не оставил, Олежка? — скривился в ухмылке Гена Меченый.

— Жрать самому хотелось.

— О, как! Тогда нечего языком болтать! — зло бросил Идар. — Впрочем, сейчас ночи холодные, поутру кузнечиков насобирает, может, лягуху поймает, сейчас их много.

— В сыром виде их есть, перспектива тухлая, — Грач быстро обглаживает свой кусок змеи и выкидывает хребет в траву, сыто отрыгнул, старательно вытер липкие пальцы об одежду. — Нам нужен огонь, — он пристально глянул на Идара.

— Будет вам огонь, — раздражённо буркнул Идар.

— К Виктору надо идти, — гнёт свою линию Грач.

— Ещё не время, мы не всё выяснили, карты надо составить, подсчитать новые посты, определить время дежурств и прочее, они, естественно, всё поменяли.

— А может, и нет, — усомнился Гена Меченый, — зачем менять то, что так исправно работало.

— Они не дураки и знают, я их, просто так не оставлю, всё изменят и ловушки новые соорудят.

— Юрика жалко, — внезапно поник головой Олег, — как же так... дикая смерть.

— Сам виноват, — зло сплюнул Идар, — если б от страха не обделался, с нами змею жрал и жизни радовался. А так и нас чуть не подставил... впрочем... жалко, — соглашается он.

— Всё же надо было завалить медведицу, размеренно произносит Гена Меченый.

— Из наших луков? Дёрнулся, что ли? Американских фильмов насмотрелся?

— Про индейцев, — нервно хохотнул Грач.

— Если попасть в глаз или в ухо...

— Дурак, ты, батенька, — вздохнул Идар, — давно из лука научился стрелять?

— Всё равно, друга своего, надо было спасти, — твёрдо говорит Гена Меченый.

— Может быть, — неожиданно соглашается Идар, — если б у нас было время, но всё произошло слишком стремительно, медведица успела ему позвонки перегрызть. А так, спасти труп, пусть даже мёртвого друга, глупое решение, — цинично добавляет он и прислушивается к далёкому лаю.

— В нашу сторону направляются, — насторожился Грач.

— Как бы путь нам не перерезали, собак нам ещё не хватало! — скривился Гена Меченый.

— Надо признать, день не удался, — Идар замечает старое кострище, и уже несколько отстранённо продолжает говорить, — с охотой, пока, повременим, слишком опасно, даже

сам не ожидал, что настолько. Уходим в лагерь, попробуем рыбы наловить... или мне кажется, но в золе что-то блестит! — встрепенулся Идар и, быстрым шагом, направился к заброшенной стоянке, разворошил старые головешки, резко нагнулся и поднимает доньшко от трёхлитровой банки.

— Я так понимаю, готовая линза? — неуверенно спрашивает Грач.

— Ты самый догадливый из моей группы, — Идар счастливо улыбнулся. — Как я и обещал, огонь, у нас, будет!

Дима долго мучился с корой, пытаясь изготовить из неё подобие бумаги, но ничего не получается. Сколько он содрал её со стволов сосен, наверное, метров десять, но вся она непригодная, в трещинах, разваливается, к тому же, пропитанная смолой. К сожалению, по близости, других деревьев нет, и Дима, горько вздыхая, залез в свою кожаную сумку и начал перебирать свой нехитрый скарб. Внезапно всё вытряхивает и начинает рассматривать сумку и, со смехом, сильно стучит кулаком по голове. Кожа на сумке ровная и гладкая, лучше всякой бумаги! Вот, кретин, полдня занимался ерундой, а здесь столько места для записей и схем! Не жалея своего имущества, он распарывает сумку по швам и, вскоре, раскладывает на траве несколько листов из кожи. Хорошо чертить раскалённым кончиком ножа, думает он, жаль, огня нет, но Идар должен решить эту проблему, с уверенностью думает он.

Если бы желудок не сводило от голода, настроение было бы просто превосходное, а так, Дима уселся у воды, внимательно наблюдая за проплывающими рыбами. Есть захотелось ещё сильнее. Тогда он попробовал проткнуть их копьём, но рыбы быстро ушли на глубину. Чертыхаясь, он вновь начал рассматривать свои вещи, надеясь найти что-то, из чего можно изготовить крючки. Не нашлось ни одной проволоки, ни одного гвоздя, хотя, моток тонкой капроновой верёвки, нашёлся. Дима задумался, а что может заменить крючок? На глаза бросилась костяная расчёска, давно хотел выкинуть, на ней зубьев осталось не так много, но, зачем-то, оставил. Он некоторое время вертел её перед глазами, гнул пальцами зубья, но они не принимали форму крючка, а один, со звонким щелчком, сломался. Дима хотел его выкинуть, но неожиданно задумался. Он разматывает верёвку и привязывает зуб расчёски прямо по центру, некоторое время вертит в пальцах, крутит его как лопасть вертолёт. Вот если бы он так развернулся во рту, точно заклинило в нём. А если зуб приложить к верёвке параллельно, насадить дождевого червя, чтобы он не давал зубу развернуться перпендикулярно? Если рыба его всосёт, то есть вероятность, червь соскользнёт, и зуб расчёски встанет перпендикулярно! У Димы даже дух перехватило от такой новаторской идеи. Недолго думая, он занялся поисками червей, благо земля влажная и, под корнями кустарника, он находит с десятков крупных червей. Раздувая ноздри от возбуждения, он изготовил закидушку, как хотел, насадил дождевого червяка, и забросил подальше от берега. Боясь разочароваться, затаил дух. Поклёвка произошла неожиданно быстро, Дима подсекает и сразу понимает, приспособление сработало, зуб расчёски занял перпендикулярное положение и зафиксировался в глотке рыбы. С радостными криками, бывший бизнесмен, вытягивает трёхкилограммовую рыбку, испускает ликующий вопль и начинает приплясывать вокруг своей добычи. Сработало! Сработало!!! Это круче, чем то, когда он заработал свой первый миллион!!! Дрожащими руками он вновь пытается насадить червя, пальцы не слушаются, он изводит несколько штук, затем садится на траву, сильно вдыхает воздух, наконец-то успокаивается, насаживает червя, закидывает. Вновь сильная поклёвка, рыбок, и Дима выбрасывает на берег ещё одну рыбы, даже больше первой. Закусив губу, готовит следующую приманку, вновь вытягивает, затем... сорвалась, ещё раз сорвалась,

вновь получилось. Вот так, часа за два, Дима наловил шгук двадцать рыбин, от килограмма и выше, а потом всё закончилось, косяк ушёл. Сидя над своим богатством, бывший бизнесмен испытал нечто средне оргазму, даже голод отошёл куда-то в туманную даль. Костерок бы, вздохнул он и, недолго думая, начал ломать с сосен сухие ветки, раздобыл пару, высушенных солнцем, заброшенных гнёзд, заполненных невесомым пухом и мягким мхом, всё это сложил в кучу и обложил камнями, теперь Идар, пусть попробует отвертеться, он обязан разжечь огонь! Со сладкими мыслями, предвкушая какое ликование испытают его товарищи и, как будут благодарить, Дима, погрузился в крепкий сон.

— Что спишь, доходяга? — его сильно пинают, Дима с испугом вскакивает, замечает устремлённый на него взгляд Идара. — Ты наловил?

— Я, — грустно отвечает Дима.

— А чего костёр не разжёт?

— Так... я...

— Понятно, тямы не хватило. Ждёшь, когда придёт добрый дядя, и всё сделает за тебя.

— Я... я рыбы наловил!!! — в великом возмущении выкрикивает Дима.

— А мы товарища потеряли. Его медведица убила.

— Как... это? — Дима растерянно повёл глазами. — Юру? — его взгляд потемнел.

— Сам виноват, — бросил Идар, поглядел на солнце, — ещё сильное, надо попробовать, — и достаёт доньшко от трёхлитровой банки, присаживается к будущему очагу, ловит доньшком луч, пытается сфокусировать на комке из пуха и мха. Луч превращается в огненную точку, и заструился дым, внезапно пух словно взрывается огнём, искры перекидываются на мох, пламя усиливается, бежит к тонким веткам и вот, вспыхивает настоящий костёр.

Грач с Геной Меченым нарезает тонких прутьев, а Олег ловко выпотрошил пару рыбин и нанизал на шампуры. Дима в каком-то трансе смотрит как, испуская дивные ароматы, жарится, пойманная лично им, жирная рыба. В животе начинается настоящая революция, возникает нестерпимое желание отломать кусочек подгоревшего плавника, давясь от избытка слюней, Дима отворачивается.

— Грач, что расселся, видишь, наш рыбак скоро на нас бросаться будет! Дай ему поесть, вон та рыба уже готова! — приятной музыкой звучит голос Идара и, ошалевшему от счастья Диме, дают целую рыбину.

— Смотри не объешься, — с насмешкой произносит Грач.

Дима, не обращая на хохот товарищей, вцепился зубами в сочное мясо, ещё чуть-чуть и зарычит. Он ловит своё состояние, внезапно становится стыдно, так можно скатиться до животного уровня. А ведь были прежние времена, где он восседал во главе стола, в различных блюдах покоились деликатесы, но Дима демонстративно пил газировку, в душе потешаясь, как его подчинённые, вроде как с независимым видом, украдкой таскают бутерброды с красной и чёрной икрой и запивают дорогим виски за тысячу баксов. Сейчас он готов, не разжёвывая глотать жареную картошку, хлебать постный борщ, есть ржаной хлеб, и объедаться яичницей... м-да, как давно это было. Дима обтёр рукавом жирные губы, в глазах появляется тоска. Как же так, его начальник охраны, сейчас понукает им, словно сопливым мальчишкой?! Почему всё поменялось?

— Чего не ешь, устрицы в лимонном соке вспомнил? — словно читая его мысли, насмешливо спрашивает Идар.

— Причём тут устрицы? Шёл бы ты отсюда! — неожиданно вспыхнул Дима и внутренне

сжался от своих слов.

— Ты, я смотрю, переел, дерзить начинаешь! Допросишься, на диету посажу! — театрально поднимает брови Идар, рядом заржал Грач и Гена Меченый, а Олег удивлённо фыркнул.

— Извини, — еле выдавил Дима, лицо покрылось красными пятнами.

— Это у него от переедания! — ещё сильнее заржал Грач.

— Нет, — неожиданно серьёзно произносит Идар, — это у него проявляются атавизмы прошлой жизни. Забудь, Дима, нет её, канула вместе с Потопом, захочу, рабом тебя сделаю.

— Я извинился! — теперь уже бледнеет Дима.

— Знай, своё место... а вообще, теперь сидеть за общим столом ты не будешь. Брысь, отсюда! — брезгливо махнул рукой Идар.

Дима, сатанея от гнева, но тщательно скрывая свои чувства, опустил глаза, схватил недоеденный кусок рыбы, быстро отвалил от костра. Идар некоторое время наблюдает за ним, рядом посмеиваются спецназовцы, затем, жестом подзывает обратно: — Ладно, проехали, седи с нами, но фамильярности больше не допускай.

— Спасибо, — еле выдавил Дима.

— Нема за что, — усмехнулся Идар, — а теперь расскажи, как рыбу наловил, крючок сделал?

— На расчёску.

— Что?

Дима показывает своё приспособление, рассказывает принцип действия, чувствует удивлённые взгляды, его распирает от удовольствия, но, скромно опускает глаза.

— Чем больше с тобой работаю, тем больше удивляюсь, умеешь нестандартно мыслить, если б не твоя спесь, был бы уже моим замом, — и непонятно, с иронией говорит Идар, или серьёзно. Рядом гоготнул Гена Меченый, но столкнувшись со строгим взглядом своего жоака, произвёл губами непонятный звук, срезал ножом лишний волосок на своей руке, затем, лениво метнул нож в ствол рядом стоящего дерева, пронзив, уснувшую на коре, стрекозу. Дима тоскливо глянул на дрожащую рукоятку, и чётко понял, замом ему никогда не стать.

Идар перехватил его взгляд, улыбнулся: — Метать ножи, и прочие острые предметы, наука небольшая, на это натруженных мозгов не требуется, лишь длительные тренировки, доводящие движения до рефлексов. Кстати, ты изготовил, на чём будем рисовать карту?

Дима утвердительно кивает, вытаскивает из кустов несколько скрученных рулонов.

— Определённо, твоя голова, в наших хозяйственных делах, вещь нужная, — хвалит Идар.

Карта зарисована, с подробным указанием всех постов и ловушек, на это ушло чуть больше недели, теперь можно и к Виктору.

Караби яйла не слишком большая территория, но сплошь в скальных образованиях, множество карстовых воронок, путаница из ущелий и долин — настоящий лабиринт. Не зная местности, можно несколько часов плутать вокруг да около, а то, и серьёзно заблудится, но Идар хорошо знает путь к лагерю своего врага, с которым собирается заключить перемирие.

Небольшой отряд Идара останавливается на кромке леса, впереди виднеется мощный забор и дымится сожженный участок леса.

— Неужели это тот парень, что собирал у нас огрызки? — задумчиво произносит Идар и не ждёт ответа.

— Ему не огрызки были нужны, а косточки, — охотно говорит Дима.

— Зачем? А... понятно, — кивает Идар, — яблоневый сад решил вырастить, а здесь лес сжѐг... стратегически правильное решение. А где он столько брёвен взял?

— Очевидно, море выбросило, — Дима со страхом смотрит на забор, где в бойницах виднеются лучники.

— Хорошо укрепился, — благожелательно произносит Идар и добавляет: — Нам бы пришлось повозиться, чтобы сломить их оборону.

— К чему сейчас такие мысли? — хмуро улыбается спецназовец Грач.

— Так... по привычке. Теперь, если нас сразу не утыкают стрелами, будем «дружить семьями», — шутит он и серьёзно добавляет: — У кого-нибудь есть белая тряпка?

— У меня трусы белые... почти белые, — внезапно краснеет Дима.

— Что ж, для белого флага пойдёт, — невозмутимо произносит Идар, а в отряде негромко заржали.

Мужчины выломали длинную ветку, Дима, под нарастающий хохот, снимает трусы, стыдливо прикрывая ладонью переднее место. Идар тоже посмеивается, но вскоре ему это надоедает, и он резко обрывает смешки. Импровизированный флаг гордо развернулся на древке и призывно затрепетал на ветру. Идар суёт его Диме: — Твои трусы, вот и будешь парламентѐром. Давай... вперѐд! — выталкивает он его на открытое пространство.

Дима, суетливо затянул ремень на своих штанах, неуверенно выбирается наружу и взмахивает белым флагом.

— Ближе подойди, тебя не видят! — требует Идар.

Со свистом проносится стрела, втыкается в опасной близости, Дима отчаянно закричал и лихорадочно машет флагом.

— Стой! — Виктор удерживает Антона, который собирается выпустить ещё одну стрелу. — Не иначе... белый флаг... это парламентѐр. Странно, почему они через подземный ход не пошли... дай отмашку, — приказывает он.

Антон подвязывает к копьё цветастую тряпку и взмахивает над забором. Некоторое время человек с белым флагом стоит, сжавшись от страха, косится назад, но вот появляется ещё один человек. Виктор обомлел — это Идар.

— Что за... — Виктор озирается и не может понять ситуации.

Викентий Петрович снимает стрелу с тетивы, опускает лук: — Что-то произошло, не нравится мне это.

Алик судорожно сдёргивает белую панаму: — Так может воспользоваться моментом и... — внезапно он устыдился своих мыслей и густо краснеет.

— Нет, стрелять в высшей степени непорядочно, — понимает его Викентий Петрович, — они парламентёры. Антон, ещё раз взмахни тряпкой, — приказывает он и ногой скидывает верёвочную лестницу.

Идар махнул рукой, вышло ещё с несколько человек, Виктор напрягается, рука тянется к луку, но больше людей не появляется. Они медленно приблизились к забору и тут, Виктор разглядел, что за флаг у парламентёра и, не выдержав, захохотал, затем, и все на заборе.

Идар кисло улыбнулся: — Спешили очень, не подготовились, приносим извинения... что не выстиранные! Так нам можно подниматься?

Виктор обрывает смех: — Сначала ты.

— Это правильно, — улыбается Идар, прыгает на лестницу, легко взбирается, перескакивает через остро заточенные концы брёвен, доброжелательно смотрит на Виктора: — Здравствуй, Виктор... как тебя по батюшки?

— Николаевич... но можешь называть меня просто по имени.

— Демократично, — хмыкает Идар. — Зёрнышки от яблок посадил?

— Ты для этого пришёл, чтобы спросить? — с иронией спрашивает Виктор.

— М-да... много времени прошло. А ты здорово изменился, — Идар смотрит прямо в глаза и чувствует в них силу и власть. — Короче, ты прав, не прошлое меня интересует... обозначилась третья сила, был вынужден бросить всё. Я готов заключить с тобой союз.

— Неуместное заявление, — Виктор также смотрит прямо в его глаза. — Какой союз? Это, что, все твои люди?

— Они профессионалы, — Идар старается говорить непринуждённо, но внутренне напрягается.

— Согласен. Но их мало, — Виктор равнодушно глянул через забор, но про себя отметил, люди непростые, могут пригодиться.

— В свете новых событий, это лучшее, что я могу предложить.

— Ты поделись секретом, что за третья сила появилась?

Идар облокачивается о забор, на волевом лице мелькает кривая улыбка: — Секта Харитона, а при ней три калаша.

— Дед власть захватил? — хмыкает Виктор.

— Как-то мутно получилось, всё с прибытием Игната произошло. Они на вас пойдут, это точно, вопрос лишь во времени. Против их калашей ваш один не потянет. Кстати, не вижу его, — Идар стрельнул взглядом по платформе.

— На другом объекте, — уклончиво проговорил Виктор.

— Калаш понадобится... и мы тоже. Я повторяюсь, давай заключим союз, но, с существенной поправкой, — Идар замолкает.

— Продолжай, — в глазах Виктора появляется интерес.

— Так как моя команда действительно небольшая, я готов пойти под твоё командование.

— А не сложно понижать себя в должности, — слегка улыбнулся Виктор.

— Я человек военный, мне не привыкать. К тому же, это условие будет действовать на время союза. Затем, мы разойдёмся, но думаю, у нас будут уже иные отношения, может не дружеские, но, уважительные... составим договор о ненападении.

Виктор глянул на Викентия Петровича, тот демонстративно поскрёб гладковыбритый

подбородок: — Тема интересная, профессионалы нам нужны, а вот договор о ненападении составит надо сейчас, а не потом.

— Да не вопрос, — не слишком охотно соглашается Идар.

— Что есть этот договор, фикция, нарушить можно, — нервно улыбается Алик.

— Как сказать, — внимательно смотрит на него Викентий Петрович, — для предателей... да, а для офицеров, — он быстро глянул на Идара, — нарушить честь, хуже смерти.

Идар неожиданно грустно улыбается: — Ты прав, мы офицеры, а честь превыше всего.

— Что ж, — Виктор протягивает руку, — теперь вы в нашей команде.

Бойцы Идара быстро перемахнули через забор, ловят его взгляд, тот успокаивающе кивает. После знакомства с новой командой, Виктор и Викентий Петрович ведут их в город. У верфи Идар останавливается, с удивлением смотрит на Виктора: — Настоящий корабль делаете?

— Больше кораблик, не более тридцати метров, но по морю ходить будет, да и в управлении не сложен, при желании, четыре-пять человек, вполне могут справиться. Осталось палубу настелить, надстройки... мачты уже готовы к креплению, паруса делаем из брезента, у вертолётчиков разжились.

— Решил организовать экспедицию на ближайшие острова? — догадывается Идар.

— Народа маловато, без него империю не построить, думаю на других землях людей поискать, предложить им дружбу. Да и рыбачить на нём безопаснее, чем на лодках, местные акулы совсем нюх потеряли, на любую щепку кидаются, — спокойно произносит Виктор.

— Идея хорошая, правильная, — вздыхает Идар, он оглядывает свою небольшую команду. Все, за исключением Димы, уверенные в себе люди, вооружённые луками и ножами. Невольно шевельнулась мысль, был бы хоть один автомат, и они быстро бы захватили поселение Виктора, но Идар оттолкнул дурные мысли и встречается с понимающим взглядом Викентия Петровича. Бывший батюшка как бы невзначай глянул на ближайшие кручи, заросшие бархатистым лесом и там, качнулись ветки, указывая, что там затаился пост. Затем, из ближайшего укрытия показались двое мужчин, вооружённые топорами и копьями, доложили обстановку и словно растворились в густых зарослях.

— Неплохо посты расставлены, — со странным облегчением проговорил Идар, внимательно осматриваясь по сторонам.

— Единственным уязвимым местом был лес, который мы сожгли, — кивает Викентий Петрович. — Ещё забор чуть выше сделать надо и дальше в море выдвинуть и можно несколько передохнуть. Весь упор на это поставили, поэтому с жильём пока проблемы, придётся вам самим строить, лишних домов нет.

— Нам не привыкать, некоторое время можем и под звёздами заночевать, — спокойно говорит Идар.

— Нет, до такого беспредела мы не опустимся, пару палаток выделим, — усмехнулся Виктор.

Крутая тропа выводит отряд к долине, на которой виднеются уже построенные дома, но большей частью незаконченные. Идар с пренебрежением поджимает губы, но внезапно видит несколько тренажёров и людей упражняющихся на них. На верёвках со свистом летают топоры, качаются тяжёлые мешки с камнями, крутятся волчки с брёвнами и цепями. Рядом лучники пускают стрелы по мишеням, другие бойцы схватились в рукопашном бою.

— Серьёзно! — не удержавшись, выдохнул Идар.

— Приходится форму поддерживать, а то лишний жирок начал завязываться, — простодушно улыбается Викентий Петрович.

Ноги сами ведут тренажёрам, люди Идара, улыбаются словно дети, увидевшие крутящуюся карусель со слониками, жирафами и прочими игрушками. Только здесь режут воздух острые лезвия и стремятся раздробить рёбрадвигающиеся брёвна, а цепи — вырвать мясо из плоти.

В настоящий момент на тренажёрах вертятся недавно прибывшие мужчины: Юрий, Остап и Артём, а их боевые подруги: Инга и Наташа — вбивают стрелы прямо в яблочко мишеней.

— А это наши новички, — с гордостью произносит Викентий Петрович, — такие же ненормальные, как и все мы.

Юрий ловко увёртывается от лезвия сверху, подпрыгивает, уклоняясь от топора, несущегося на нижнем уровне и, вываливается в сторону, отряхивается, вытирает пот с лица, простодушно улыбается: — Товарищ подполковник, у нас новенькие? — с интересом оглядывает группу Идар, те, в свою очередь, бесцеремонно пялятся на него.

— Не совсем. Это благодаря их стараниям я тренажёры изготовил.

— Не догоняю ваших мыслей, Петрович, — Юрий косит под простачка, но глаза цепкие, изучающие.

— Вот так и понимай, это наши «хорошие друзья». Мы заключили с ними союз.

— Против кого? — Юрий быстро скользнул взглядом на Виктора.

— Появилась третья сила, и они вооружены автоматами.

— Серьёзно, но не смертельно, — соглашается Юрий.

Глубоко отдуваясь, подходят Остап и Артём. Остап сильно надавливает пальцем на рассечение на скуле, а у Артёма наливается жизнерадостным цветом синяк на плече.

Викентий Петрович неодобрительно качнул головой: — Придержите темп, касатики, при таком энтузиазме когда-нибудь убьёте друг друга.

— Так это... для яркости, чтоб жизнь мёдом не казалась, — Остап размазал кровь. — Новенькие?

— Старенькие, — хмыкает Идар и взглядом цепляет Ингу. Женщина с такой же бесцеремонностью, смотрит в ответ. Её взгляд холоден, словно она собирается стрелять из снайперской винтовки. Затем Идар видит Наташу, щурит глаза, поджимает губы: — А у вас тут неплохо, пожалуй, я у вас подольше задержусь.

— На что намекаешь, браток? Может, как-нибудь поспаррингуем? — без всякой злости спрашивает Артём, видя нескрываемый интерес новичка к их женщинам и, решив слегка убавить его прыть.

— Зачем тянуть, можно прямо сейчас, — загадочно улыбается Идар.

— А с дороги не устал? — оживает Артём, оглядывая несколько худощавую фигуру, но про себя оценивая замаскированный потенциал его мышц.

— Есть немного, но это разные ощущения.

— Знакомые чувства, — соглашается Артём и жестом приглашает пройти на небольшую площадку.

Грач оживает, толкает Диму, желая заключить с ним пари, но тот отнекивается. Наташа с Ингой спокойно садятся под деревьями, рядом расположилась и вся группа бойцов Идара и тихо посмеиваются.

— Что, новичок, становись в стойку, — Артём слегка сгибает ноги и как кошка отходит

в сторону, не сводя насмешливого взгляда со своего противника.

— Да я как-то забыл об всяких стойках, — спокойно произносит Идар и мгновенно уходит от проверочного выпада Артёма. — Явно не каратэ, — с одобрением констатирует он.

— Каратэ для самураев, а мы же русские люди, — ухмыляется Артём.

— Что верно, то верно, — русский стиль... однако, — кивает Идар. — Мне он тоже нравится, — Идар внезапно преображается, взгляд холодеет, едва заметная дрожь пробегает по телу, и он легко отводит новую атаку, едва коснувшись ладонями предплечья соперника. Артём теряет координацию и заваливается на спину, но мгновенно вскакивает, пытается сделать подсечку, но на полдороги встречается с ответным финтом, умело отражает разящий кулак, но его достаёт локоть, а затем проходит удар коленом по печени, и, словно случайно, в пах. Артём скрючивается, в голове вспыхивают чёрные вспышки, возникает, мешающая разуму, злость, но слышится команда Викентия Петровича и скоротечный бой заканчивается.

Зрители рассмеялись, Грач дурашливо выкрикивает: — Ты как, браток, яйца целые? — Артём трясёт головой, шатаясь, встаёт, очумело глядя на Идара.

— Будем продолжать? — улыбается Идар.

— Я согласен... но чуть позже, — с недоумением произносит Артём, щупая своё сокровище.

— На пятках попрыгай. Ещё желающие есть? — со спокойной уверенностью спрашивает Идар.

Инга оглянулась и хмурится, не видя среди своих мужчин достойных противостоять этому наглому новичку.

Викентий Петрович, оглядывает всех просветлённым взглядом и останавливается на Идаре.

— Ты хочешь попробовать? — Идар внимательно смотрит ему в глаза, что-то в них видит, хмурится.

— Придётся, — просто отвечает Викентий Петрович и выходит на импровизированный ринг.

На этот раз Идар первый производит необычную атаку, плавно взмахивает руками и, словно вдавливая ладонями воздух, но Викентий Петрович также производит мягкие движения и делает рывок на себя и внезапно Идар качнулся и с трудом удержал равновесие. В ответ, излишне поспешно проводит контратаку, но его знаменитая «троечка» с подсечкой и с захватом кисти на излом, не получается, Идар вновь встречается с пустотой. С усилием справившись с возникшим раздражением, он отскакивает в сторону, напряжённо смотрит на Викентия Петровича, стараясь отыскать в его обороне слабые места. Тот, стоит спокойно и расслабленно, как турист, глазающий на Эйфелеву башню. Но вот он качнулся вправо, Идар встрепенулся, сейчас соперник раскроит свои «карты», но Викентий Петрович вновь расслабляется и смотрит добрым взглядом, словно батюшка на исповеди. Напряжение растёт, надо что-то предпринимать. Наконец Викентий Петрович качнулся влево... и вновь застыл.

«Да он издевается!» — понимает Идар. Как некстати появляется, сжигающая душу, ярость, с ним так ещё никто не поступал, он да, но не в отношении к нему! Может, усталость, скопившаяся за всё время пребывания на плато, сыграла с ним злую шутку. Идар бросается вперёд, резко подпрыгивает, в полёте, разворачивается, чтобы ногами сокрушить

«доброе» лицо Викентия Петровича. Но тот легко ныряет вбок, резко отбивает одну ногу, другую ловит руками и стремительно переводит её на своё плечо и... производит бросок. Идар во мгновение увидел приближающуюся землю и понял, сейчас его шейные позвонки хрустнут и всё... Но его соперник, неожиданно подбивает его голову ногой, и удар пришёлся не на подбородок, а на затылок и плечи, чем уберегает от неминуемой смерти. Идар перекатился через спину и позорным образом остался сидеть на заднем месте.

Немая сцена, Грач, собирающийся отпустить язвительную шуточку, остаётся с открытым ртом, Дима заёрзал, с суеверным страхом смотрит на Викентия Петровича, бойцы Идара хмурятся, Инга ухмыляется, посылает воздушный поцелуй растерянному хлопающему глазами Идару.

— На любую хитрую гайку, найдётся ещё более хитроумный болт, — мягко произносит Викентий Петрович и помогает подняться своему сопернику.

— А ты кто? — с недоумением интересуется Идар.

— Я то? — Викентий Петрович некоторое время размышляет, — раньше священником был, а до того — служил в той же системе, что и ты.

— Странно, а почему наши дороги не пересекались?

— Почему... не пересекались, я знал о тебе, — загадочно произносит Викентий Петрович.

— А ты случайно не Вик? — осторожно спрашивает Идар.

— И так меня называли, — улыбается Викентий Петрович и добавляет, — друзья.

— Знал бы, что это ты, не стал спаринговать, — у Идара впервые во взгляде появилось что-то подобия уважения.

— Стал, — мягко улыбается Викентий Петрович.

Идар отводит взгляд, жёсткая складочка обозначается у плотно сжатых губ, ему сейчас одновременно и всё нравится и не нравится. Обстановка знакомая, люди понятные, но как-то он теряется среди них, а это не может вызывать беспокойства. Он сильный лидер, а положение, в которое он попал, серьёзно покачнули его амбиции.

— Знакомьтесь, моя жена, Нина, — Виктор притянул к себе великолепную женщину, которая незаметно приблизилась во время поединка.

Идар встрепенулся, глаза вспыхнули, оценив про себя её безупречную фигуру, которую совсем не портит беременность, без изъянов лицо и независимый взгляд, вероятно, такой бывает лишь у цариц.

— Право... я потрясён, — он в поклоне целует ей руку. — Меня звать Идаром, — отступает он на шаг, откровенно ею любясь.

— Так вот какой вы... наш враг, — шевельнула губами Нина.

— Это в прошлом, — энергично склоняется в поклоне Идар и даже щёлкает каблуками.

— Мы заключили союз, дорогая, — слегка улыбаясь, произносит Виктор.

— Зачем? — искренне спрашивает женщина. — Я бы не стала, — она холодным взглядом окинула Идара и его бойцов.

Идар пожимает плечами, в глазах искрится веселье: — Настоящая валькирия, я восхищён вами, сударыня.

Нина фыркнула, требовательно смотрит на мужа. Виктор, слегка раздражаясь бесцеремонностью Идара, сухо отвечает: — Общий враг появился.

— Кто? — удивляется Нина.

— Секта сумасшедшего деда... а при ней три автомата, не иначе Игнат им помог, —

Виктор брезгливо сплюнул.

— Этот плотник? — Нина округляет в удивлении глаза.

— Не без помощи нашей Аньки.

— Этой... драной курицы?

— Ну, может и драная, но не курица, — ухмыляется Идар. — Она знает, что делает. Уверен, не без её участия Игнат такую комбинацию провернул. Надо было тогда Аньку при себе держать, — он сузил глаза.

— Нельзя так разбрасываться кадрами, сударь. Так значит, вы низложены? — с ехидством произносит Нина.

— Временное отступление. Как известно, и Москву французам отдавали, а затем Наполеона на остров сослали. Так что... ещё не вечер, будет и на моей улице праздник.

— И вновь будем друг с другом воевать, — с иронией произносит Нина.

— Не будем, — неожиданно серьёзно говорит Идар.

— Ну-ну, — с бесцеремонностью оглядывает его Нина, затем, с деланным безразличием отворачивается, устремляет ясный взор на Виктора: — Какая-та ерунда происходит, женщины боятся в долине работать, говорят из щелей, что образовались после землетрясения, вода вырывается. В подземных полостях что-то происходит, как бы вся поверхность не провалилась.

— Дима ты чего задумался? Медитируешь или приспичило? — видя его округлившиеся от испуга глаза, усмехается Идар.

— Его в Nirvanу снесло, — хохотнул Грач.

— А пошёл ты! — внезапно очнулся Дима и этой реакцией вызывает всеобщее ржание.

Нина с брезгливостью глянула на бывшего бизнесмена, отметила про себя его потухший взгляд, горестные складки под губами и в душе даже пожалела. Человек, когда-то обладавший большим состоянием и властью, вынужден, с отчаянной обречённостью, отбиваться от насмешек суровых мужчин, которые одинаково комфортно себя чувствуют и среди женщин, в роскоши, и где-нибудь на задании, рискуя получить пулю от таких же отмороженных на голову авантюристов, как и они сами. Нине не нравятся вновь прибывшие, от них веет скрытой угрозой, которую не могут спрятать их добродушные улыбки и подшучивания. Достаточно часто она ловит на себе их оценивающие взгляды, и холодок скользнул между лопаток. Она интуитивно прижимается к Виктору, заглядывает в глаза и неожиданно видит такую мощь во взгляде, что все страхи мгновенно испаряются, словно роса под жгучим солнцем.

Виктор едва заметно улыбается ей и вновь останавливается на Идаре: — Свой лагерь разобьёте в долине у пещеры, место вам покажет Викентий Петрович, он и будет вашим командиром. Надеюсь, вы не будете это оспаривать?

Дни спешат, пытаюсь, перегнать друг друга, пока всё спокойно. Викентий Петрович с Идаром занимаются укреплением лагеря с тыла, а у моря, забор поднимается выше, площадки, доверху нагружены крупными булыжниками, у бойниц закреплены арбалеты на подвижных рычагах — изобретение Викентия Петровича, теперь прицел можно держать не усилием в руках, а рычагом, поворачивая его в разных направлениях. Не имея автоматов, это скудное преимущество, хотя, брёвна задержат любые пули. Но, пока всё тихо, единственно, ожидание приближающихся событий нервирует. Почему старец Харитон не спешат нападать? И Виктор и Идар несколько озадачены, на их месте они давно, пользуясь моментом, разгромили бы неприятеля. Но раз есть отсрочка, её надо использовать в полной

мере.

На случай осады, усиленно заготавливаются продукты. Рыба и мясо морских котиков коптится и вялится, искусственные водоёмы заполняются родниковой водой, изготовили инкубатор для куриных яиц и теперь, радуя Яну многоголосым писком, в изобилии появляются цыплята. Подрастают деревья и плодовые кустарники. Благотворный климат творит чудеса, ростки из яблоневых косточек превратились в крепкие саженцы, глядишь, первые яблоки будут уже через год. Плодородная земля долины превращает каждый посаженный глазок от картофеля в два ведра полноценных клубней. Недавно нашли подсолнух уже со зрелыми семечками, когда-то давно, кто-то из людей вытряхнул карманы и, завалывшееся семечко, попало в подходящее место. Теперь есть надежда на будущие урожаи и, соответственно, на подсолнечное масло.

В море всё также выходить опасно, никто не может объяснить такого агрессивного поведения белых акул. Почти в каждом случае они нападают, акулы привыкли к человеческому мясу, всеобщая катастрофа погубила большую часть людей и эти хищники взяли на себя роль чистильщиков. Вероятно, у них поменялись приоритеты, человек для них стал пищевым звеном. Четырёх-шести метровые хищницы легко переворачивают любые плоты и лодки, нужен корабль, чтобы успешно заниматься ловлей рыбы, а строится он в хорошем темпе, уже мачты стоят, настраивается такелаж, палуба грубоватая, но прочная.

Щенки подросли и, становятся серьёзными собаками, а дрессурой занимается Антон. Когда ходили к Голубянке, охотится на птицу, натолкнулись на медведицу с двумя медвежатами, если бы не псы, были бы большие проблемы. Хотя, проблемы могут появиться оттуда, откуда их не ждут. Опасения вызывают разломы, образовавшиеся после необычно скоротечного землетрясения. Изредка, в тихие безлунные ночи, можно услышать неясные звуки, словно кто-то пытается выбраться на поверхность. Все понимают, это плещется вода, которая неумолимо размывает долину снизу.

Долго скрывать от Идара, что у Виктора автомата нет, не пришлось, он и так понял. Его реакция была, на удивление, спокойной, но во взгляде появился нехороший огонёк, он посчитал, что его обманули, не специально, но это так. Смысл военного союза с Виктором пошатнулся. Единственно, что его удержало от ухода, хорошо укреплённая территория и, немало людей, среди которых имеются настоящие профи. Хотя, если Харитон предпримет попытку штурма, имея на руках целых три АКМА, участь города будет печальной. Почему он не торопится, странно. Значит, в их среде, что-то происходит.

Идар аккуратно провёл лезвием ножа по щеке, пощупал чистую кожу, осторожно продолжил бриться, затем, сбрызнул лицо родниковой водой, но вытираться не стал, подставив лицо утреннему солнцу, что едва показало светлый краешек. Мысли вновь нахлынули. Конечно, сейчас самое правильное решение, организовать диверсионные группы и, поодиночке убирать людей Харитона, но, опять же, это палка о двух концах, тогда они точно спровоцируют их идти на лагерь Виктора. Нет, здесь необходимо придумать что-то другое, но что? Идар впервые не может справиться с этой задачей, уж слишком неравные силы: у них три автомата, луки и копья, а у него с Виктором только луки и копья, да ещё несколько арбалетов. Как-то надо заманить автоматчиков в ловушку и, создать такие условия, чтобы те не успели воспользоваться своим оружием. Легко сказать «заманить», они сейчас будут максимально осторожны. Почему не нападают, это так не логично? Идар ломает голову и не находит ответа. Он откинулся назад, прислонился к тёплому валуну, прищурив глаза, стал наблюдать за тем, как Гена Меченый, с утра пораньше, учит Диму метать ножи. На удивление, бизнесмен показывает неплохие результаты, как говорится, постоянными тренировками, можно и кота научить профессионально, ругаться матом. В последнее время Дима несколько изменился, замкнулся и стал осторожнее в высказываниях. Странное дело, Гена Меченый проникся к нему уважением. Олег, вообще, в друзьях ходит, вот и сейчас, рядом, делает нехитрую гимнастику. Один лишь Грач, как всегда подкалывает его, и по делу и без дела — сейчас притаился в соседних зарослях, пусть посидит в засаде... так... на всякий случай, Идар не слишком доверяет Виктору и осторожность всегда нужна.

Утро набирает обороты, народ разводит костры, на вертелах поджаривается мясо морских котиков, деловито звучат голоса людей, послышался скрип лебёдок и удары кувалд, Идар ностальгически вздохнул и ловит себя на мысли, что ему, определённо, здесь нравится. А может, ну его, этот Новый Рим, что мечтает он построить? Влиться в команду Виктора и стать как все? Идар тягостно вздыхает, он понимает, его амбиции не позволят это сделать. Однажды, вкусив власть, с ней уже невозможно расстаться, это как наркоман без очередной дозы, может начаться ломка. Идар прекратил копание в своих мыслях, и сразу стало легче. Он усмехнулся, поняв одну важную истину, почему у психов, обычно счастливые лица, они не напрягают мозги — вот где ключ к всеобщему счастью.

Виктор замечает Идара, некоторое время наблюдает за ним. Викентий Петрович тихо подходит, кладёт руку на плечи: — Не веришь ему? — задумчиво спрашивает он.

— Не верю, — просто отвечает Виктор.

— Зачем тогда его принял?

— Лучше когда враг на виду, чем в засаде.

— Мудро, — кивнул Викентий Петрович.

— Никак не могу его понять, вроде умный мужчина, а такие проколы. Как ты думаешь, что он, в ближайшее время, предпримет?

— Мы ему интересны лишь количеством людей. Про то, что у нас нет автомата, он уже знает, и, в некотором роде, посчитал, что его предали. Значит, союзнические обязательства под вопросом, и, даже дело не в чести офицера, для таких людей, как Идар, это, конечно, не пустой звук, но если, с его точки зрения, нужно будет выбирать между честью и властью, выберет последнее.

Виктор усмехнулся: — Безусловно, он так и сделает. Идар опасный человек, мы не уживёмся на одном плато.

— И он это понимает, — кивает Викентий Петрович.

— Если в его руки попадёт всё оружие, он мгновенно расторгнет союзнические обязательства и нам не помогут ни забор, ни арбалеты.

— Всё верно. Нам надо опередить его. Необходимо провести разведку, узнать, что творится в лагере Игната, а затем, провести захват оружия, своими силами.

— Без Идара не получится, у него имеются подробные карты, — задумался Виктор.

— Тогда карты надо изъять.

— Давай поставим точки над «и», я не собираюсь обманывать Идара... у нас, всё же союз, с ним, мы поделим оружие, один автомат ему, другой нам.

— Это справедливо, хотя и глупо, а с третьим как быть? — насмешливо вздёрнул подбородок Викентий Петрович.

— С третьим? Можно жребий кинуть.

— А ты игрок, — внимательно глянул на Виктора Викентий Петрович.

— Или разобрать на запчасти, часть ему, другую нам.

— Не думаю, что Идару это понравится.

— А у него есть выбор?

— На ультиматум похоже, — криво усмехается Викентий Петрович.

— А другого выхода нет, и он спорить не будет, — уверенно произносит Виктор. — Для него, сейчас, лучше синица в руках, чем журавль в небе.

— Всё верно, выбора у него особого нет, — погладил подбородок Викентий Петрович, — а по поводу синицы, или журавля, всё так зыбко, пожелай Харитон, со своей бандой, к нам нагрянуть, из трёх автоматов, нас перестреляют как кур на птичьем дворе. Что-то неладное происходит в их «королевстве».

— Похоже на то, — задумался Виктор.

— И пока они там улаживают свои дела, надо воспользоваться ситуацией, иначе, поздно будет, — продолжил Викентий Петрович.

— Всё верно, Вик, в разведку идти просто необходимо, — Виктор вышел из-за деревьев, приветливо махнул Идару и, не торопясь пошёл к нему, а следом выдвинулся Викентий Петрович.

Идар мгновенно понял, что за ним некоторое время наблюдали, это ему не очень понравилось, но, ни взглядом, ни жестом не показал своё неудовольствие, тоже махнул, быстро встал, небрежно отряхнул с куртки прилипшие травинки, вышел навстречу, пожал руки Виктору и Викентию Петровичу, слегка прищурившись, интересуется: — Я так понял вы не зря меня с полчаса рассматривали, словно стыдливую монашку на общественном пляже. Есть предложение?

— Не с полчаса, минут пять, не более, не хотели вмешиваться в процесс бритья, — по-

доброму улыбнулся Викентий Петрович.

— Пойдём к нашему костру, перекусим, заодно общую проблему решим, — предлагает Виктор.

— Мои люди в обсуждении нужны? — Идар глянул на Гену Меченого, который прекратил тренировку с Димой, и сейчас внимательно на них смотрит.

— Эти... пускай тренируются, Грача возьми, он уже совсем засиделся... в тех кустах, — с мягкой усмешкой произносит Викентий Петрович.

Идар резко свистнул, Грач, словно призрак из тумана, материализовался из соседних кустов, рука скользнула к ножу на поясе, но застыла на полпути. Спецназовец лениво отряхнулся, скрывая напряжённость на лице, дебиловато улыбнулся.

— Что лёжку устроил? Со мной пойдёшь! — не скрывая неудовольствия, приказывает Идар.

Нина выглянула из дома, увидев неприятных, для неё, гостей, нахмурилась, нехотя поздоровалась, и сухо бросила: — Схожу к Яне.

— Очень кстати, скажи Антону, пусть подойдёт, — мягко просит Виктор.

Поддерживая рукой живот, Нина поторопилась уйти со двора.

— Красивая женщина, и беременность её не портит, — вполне искренне произносит Идар, обжигая пальцы, сдёргивает с прута мясо, с аппетитом ест, затем отшвыривает недоеденный кусок в огонь, требовательно смотрит на Виктора.

— Автоматов у нас нет...

— Я знаю, — перебивает его Идар.

— Каждый день, словно на пороховой бочке.

— Именно так, — кивает Идар.

— Но мне кажется, там что-то происходит... или произошло, иначе, у нас давно были бы гости, — Виктор рассеянным взглядом проследил, как Идар швыряет, второй недоеденный кусок, в огонь.

— Сам ломаю голову, эти отморозки, получив столько оружия, должны были немедленно к тебе нагрянуть, ничто б их не остановило... словно убил их кто, — Идар в раздражении сплёвывает в костёр.

— Это тоже вариант, — серьёзно произносит Викентий Петрович, — переворота нельзя исключать.

— Там нет желающих, кто посмел бы пойти против безумца Харитона, — в размышлении ковырнул ножом землю Идар. — Даже если это произошло, ничего бы не поменялось, твоё поселение давно бы захватили, если не Харитон со своими блатными, то другие.

— А если Игнат, с помощью своей Аньки, ухитрился с ними покончить? — неожиданно предполагает Виктор. — Амбиций у него, хоть отбавляй, а Анька не такая простая, как я это давно понял. Они, как раз, не будут торопиться с нападением. Если Игнат захватил власть, то будет её укреплять, а не кидаться на нас, он подождёт, встанет на ноги, тогда и нагрянет.

— Бред... но если это так, Игната акулам скормлю, Аньку мужикам отдам, а после... тоже в море. Ты не против? — Идар с насмешкой смотрит на Виктора.

— Мне то что, — Виктор пожимает плечами, — со своим уставом в чужой монастырь не ходят, но по мне, я бы, не стал так свирепствовать, Игнат первоклассный плотник, а Анька детей может рожать, женщин нельзя убивать.

— Я подумаю, — неожиданно серьёзно произносит Идар.

— Хотелось бы, но верится с трудом, у тебя... — Виктор хотел сказать, «руки по локоть в крови», вспомнив изувеченный труп Марины, но лишь мотнул головой.

— Что «у тебя»? — насторожился Идар.

— Хочешь, чтобы я сказал? Ладно, — пожал плечами Виктор. — Я до сих пор вспоминаю ту женщину, которую ты зверски замучил... поверь, за это тебе не будет прощения... мы только сейчас союзники... поневоле.

— Какую женщину? — изумился Идар?

— Та, которая меня спасла. Забыл? Мариной её звали. Ты вдоволь над ней поиздевался. Нет, Идар, дороги у нас диаметрально противоположные.

— Марина? Была такая. Она, когда решила бежать, под камнепад попала, без моей помощи.

— Так ты... её не убивал?

— Нет, — просто ответил Идар, — наказал, да. Её высекли, затем, я даже хотел дать ей свободу, из таких людей как она, рабы не получаются.

— Странный ты человек, — облегчённо вздыхает Виктор, — вроде адекватный, но зачем у себя завёл рабство?

— Хочу выжить. Рабы, явление временное, построю свою цивилизацию — всех освобожу. На данном этапе, нужны бесплатные рабочие руки.

— Но я, без рабского труда, справляюсь, — нахмурился Виктор.

— Плохо справляешься. Мой город развивается быстрее твоего.

— Ты заблуждаешься...

— Ладно, что нам спорить, у каждого своя дорога, а мне так проще решать свои проблемы, — с некоторой нервозностью, перебивает Идар. — Кстати, надо оговорить, как поделим автоматы, их три, а нас двое.

— Почти как со шкурой неубитого медведя, — улыбнулся Виктор.

— Захват оружия, вопрос времени, а проблему с делёжкой автоматов/ надо решить сейчас.

— Всё верно... их три. Один тебе, другой нам, третий разберём, часть останется у нас, другая, у тебя.

— Остроумно.

— Вполне, — охотно соглашается Виктор.

— А если меня это не устроит?

— У меня людей больше, значит и прав тоже.

— Мы союзники, или ты забыл? — вкрадчиво произносит Идар. — А может, сделаем иначе, на третий автомат бросим жребий.

— Оригинально, но не ново.

— Зато демократично, — широко улыбнулся Идар.

— Но ты не демократ.

Идар задумчиво почесал щёку: — Так ты, тоже, не демократ.

— Что верно, то верно, — охотно сознаётся Виктор, — поэтому остановимся на первом варианте. А сейчас надо добыть языка, чтоб как-то понять обстановку. Пойдём малой группой, думаю, с твоей стороны — Грач, а со мной — Антон, он знает короткий путь через Чёрный монастырь. А ты, Вик, останешься здесь... мало ли что, может произойти в наше отсутствие.

Идар вытирает пальцы о траву: — Если мне память не изменяет, это пещера. Зачем

такие сложности?

— Идти через поле, как-то напрягает, там видели медведицу со своим выводком, а в соседнем лесочке слышали рёв голодного тигра, да ещё и собаки всюду шастают. А если идти берегом, можно легко на засаду напороться, а пещера прямо к склонам выведет, так Антон утверждает, и я ему верю.

— Когда выходим? — нахмурился Идар, затея с пещерой его не вдохновила.

— Сегодня и пойдём, чего тянуть.

Во двор, в сопровождении Антона, входит Нина, она направилась к мужу, с подозрением оглядывая мужчин. Виктор здоровается с Антоном, целует жене запястье руки, вопросительно смотрит: — Почему такая хмурая?

— Да сон неприятный снился, — она, вздрагивая плечами, присаживается рядом, ладонью отмахивает дым.

— Смотри не застудись, — как-то необычно глянул на неё Идар.

Нина хотела в ответ что-то сказать резкое, но лишь поморщилась, внимательно смотрит на Викентия Петровича: — А вы, почему так рано заседаете, случилось чего?

— Нам придётся уйти, ненадолго... наверное. Пусть Яна с Алёнкой с тобой побудут.

— Ты меня пугаешь.

— Да нет, обычная разведка... иди в дом... нам ещё поговорить надо, — с нажимом произносит Виктор.

— Ладно... не буду мешать, — поддерживая живот, она встаёт: — Не наигрались ещё в войну, мальчишки? — резко произносит она.

— Что делать, прекрасная валькирия, — неожиданно грустно улыбается Идар, — женщины рожают, а мужчины воюют.

— Это из-за таких как ты мы теряем своих детей, — гневно произносит Нина. В последнее время она часто не в силах совладать с эмоциями, срок беременности подходит к концу и страхи усиливаются.

Нина уходит в дом, слёзы так некстати скатываются по щекам, опять глаза будут опухшими. А правильно она делает, что решила родить? Что ждёт её ребёнка? Нина упала в постель и навзрыд плачет, так и заснула. На этот раз ей снятся сочные луга и яблоневые деревья, сплошь увешенные наливными яблоками. Нина набрала целый подол и ни одного червивого.

Воронка Чёрного монастыря окружена сочными зарослями и скрывает влажные природные плиты, уходящие в чёрный зев пещеры. Сейчас она и вовсе опасна, можно совершенно случайно ступить на мокрые камни, скрытые широкими листьями и как по льду скользнуть к отверстию, которое переходит в вертикальный ход и... почти сто метров падения.

Старый след от костра изрядно побелел от многочисленных ливней, что так часто проливаются над Караби, но останки от страшных пиршеств зеков-людоедов всё ещё полностью не растащили одичавшие собаки. Проломленный череп злорадно скалится среди обглоданных фаланг пальцев, через нижнюю челюсть пророс ярко красный горный пион и качается под тихим ветром, словно язык чудовища.

Идар бесцеремонно ткнул копьём в золу, вороша её, раздвигая обгоревшие кости, выкатывая мелкие косточки на изумрудную траву: — Сколько людей зря сгнуло. А ведь из них получились бы прекрасные рабы.

— Ты, верно, шутишь? — темнея лицом, вскидывает голову Антон и встречается с ясным взглядом Идара: — Может, и шучу, — неопределенно произносит тот, тщательно вытирает копьё о траву.

— Шутки у тебя... не очень, — Антон скидывает с плеча рюкзак-станок, снимает верёвку, достаёт четыре беседки с накрольниками, дельты, жумары разных предназначений, спусковые устройства, муфтованные карабины и прочее спелеожелезо, а также, пару динамо-фонарей.

— Весьма неплохо, — одобрительно кивнул Идар. — Фонарей только мало.

— На остальных аккумуляторы сдохли, — спокойно отвечает Антон, поглядывая за стрелкой на компасе, который он носит на руке вместо часов.

— Хорошо хоть эти остались, — Виктор выбирает беседку по размеру, стягивает на поясе, умело навешивается железом.

— Да уж, дымить факелами в пещере, лишнее внимание, — Грач не торопясь разматывает верёвку, привязывает к дереву и ловко закидывает её конец в пещеру. Верёвка со свистом юркнула вниз и через некоторое время натягивается как струна.

Антон первый прыгает в пещеру, отталкиваясь ногами от скользких стенок и, вскоре дёргает верёвку несколько раз.

— Он на дне, — Виктор прислушивается. — Вроде спокойно, теперь ныряем мы.

Мужчины застыли на дне пещеры, прислушиваясь к звукам, оглядываясь по сторонам, подсвечивая фонарями стены в причудливых каменных наростах.

Идар держит руку у пояса, где пристёгнут острый нож без ножен. На лице нет испуга, лишь азарт как у игрока в казино, желающего сорвать весь банк. Он внимательно следит за лучом фонаря, черты лица разглаживаются: — Здесь понятно, пещера необитаемая, не вижу ни одного следа. Я, так понимаю, нам спускаться в другую полость.

— Правильно мыслишь, — Антон направил свет на компас, с удовлетворением улыбается: — Работает... по крайней мере сейчас. Сифон пронырнём, а там поглядим.

— Надо идти, — Виктор решительно направляется к застывшему пещерному органу, величественно возвышающемуся над идеально ровным полом.

— Невероятная красота, даже сплюнуть хочется, — не сдерживается в эмоциях Грач. Он

оглядывает сталагмиты, напоминающие огромных гномов, которые выросли в разных местах пещерного зала, как шампиньоны сквозь асфальт.

— Это не наш мир, здесь необходимо проявлять уважение, — Антон медленно двинулся за Виктором, который уже нашёл пробой в пещерном органе и светит внутрь.

— Что там? — Антон направляет луч света в полость в органе, но и сам видит, вода вышла из сифона, и заполняет весь пол.

— Прошли сильные дожди, — Виктор передёргивает плечами, — немного подтопило.

— Так... на пару метров вода вышла, может больше... гипервентиляцию сделаем... мужики у нас все крепкие, — осторожно произносит Антон.

— Будем сюда нырять? — недоверчиво спрашивает Идар.

— Нет, рыбу ловить, — огрызнулся Антон. — А ты что, уже обделался?

Идар криво улыбнулся: — Да нет, просто промокнем, одежду не просушить, а там и насморк можно заработать.

Антон, презрительно глянув на Идара, вытягивает четыре резиновых мешка: — Одежду сложим сюда, потом оденемся в сухое.

Он первый начинает раздеваться, аккуратно укладывает одежду в мешок, зашвыривает туда увесистый бульжник и стягивает верёвкой.

— Я иду первый, Виктор замыкающим. Мешки толкать перед собой и следить за световым пятном и лучше не отставайте, иначе в другую полость заплывёте.

— Авантюрист, — с уважением фыркает Идар и выбирает увесистый камень, запихивает в мешок. Грач несколько замешкался, но тоже решается, качая головой, стягивает мешок верёвкой, произвольно бросает фразу: — Спелеологи хреновы!

Мужчины начинают усиленно дышать, пытаясь под завязку наполнить кислородом кровь. Спустя три минуты Антон оборачивается, взгляд слегка заторможенный, он улыбается, смотрит на таких же осоловелых, словно от алкоголя, товарищёр, делает последний глубокий вдох и бросается в воду.

Вода обжигает, ощущение, что она сейчас закипит, но это обманчивое чувство, просто организм ошарашен таким леденящим холодом и подаёт неверные сигналы. Но вскоре жуткий холод даёт о себе знать, проходит вторая минута смертельного заплыва. Энергии расходуется невероятно много и поэтому воздуха в крови уже нет, счёт идёт на секунды, но световое пятно, впереди упрямо двигается и это вселяет надежду, вспыхивает злость и отбрасывает отчаянье на задворки сознания. Знали бы в этот момент мужчины, что Антон... заблудился в этом лабиринте, но, ни жестом, ни лихорадочными движениями это не показывает, он плывёт уверенно, стиснув зубы, поглядывая на стены сквозь кровавый туман, застилающий мозг. Но невероятное чутьё, близкое к запредельному, находит верный путь, и Антон выныривает на поверхность, с усилием выбрасывает вещи, не ощущая, ни холода, ни радости, выбирается на ровную площадку.

Выныривают и остальные члены группы, выползают как бледные слизняки, не могут отдышаться, кашляют, стараются быстрее обтереться и натянуть тёплые вещи.

— В прошлый раз как-то легче было, — Виктор застёгивается на все пуговицы, зубы неприятно простучали дробь.

— В прошлый раз я без проблем нашёл выход, а сейчас слегка заблудился, — хрипло произносит Антон.

— Заблудился? — едва ни с восхищением переспрашивает Идар.

— Во, клоун! — со злостью воскликнул Грач.

— Мужчины, мне гопака охота сплясать! Сам авантюрист, но с таким ещё не встречался! — продолжает восхищаться Идар.

— У тебя есть ко мне претензии? — вяло спрашивает Антон.

— Да нет, просто думал, что я один такой.

— Какое счастье, — фыркает Антон.

— Да мы, я погляжу, родственные души, — улыбается Идар.

— Нет уж, уволь, — с неприязнью покосился на Идара Антон, — души у нас разные.

— Не возражаю. А теперь куда идти, Сусанин хренов?

Антон прогоняет реплику мимо ушей, смотрит на компас: — Нам туда, — показывает взглядом в чёрный провал, к которому ведут природные ступени.

— А ты уверен, что нам туда? Вдруг заведёшь в тупик, а сам тихонько сбежишь? — вроде шутя, произносит Идар.

Антон резко разворачивается: — Если б не перемирие, так бы и поступил.

— И откуда такая неприязнь? — пожимает плечами Идар.

— Я не забуду тебе Маринку, — прошипел как змея Антон.

— Опять Маринка! — выдыхает Идар. — Помешались что ли, на ней?

— Помешались! — Антон скрипнул зубами, отворачивается, не в силах скрыть ненависть в глазах.

— Ты не гоношись, представь, а если б ты был на моём месте?

— На твоём? — Антон приподнимает брови. — Да от тебя трупами смердит!

— О, как! — скривился Идар.

— Хватит собачиться! — не выдерживает Виктор.

— А мне то что, — пожимает плечами Идар, — это у мальчика гормоны бурлят. У меня лейтенант такой же был, мы, в одной спецоперации, девку снайпера, из Прибалтики взяли, эта сучка, нашим ребятам, ради смеха, яйца отстреливала. Её, в сарае, хотели по кругу пустить и затем замочить. Но наш лейтенант не поверил, что это она стреляла, не позволил над ней надругаться, даже сопли ей вытер. А ночью, она каким-то образом освободилась от верёвок, завладела оружием и, будете сейчас ржать как лошади, яйца ему отстрелила. Ей, конечно, горло сразу перерезали, но лейтенант уже никогда не имел детей, более того, — Идар весело рассмеялся, — всех баб суками стал считать.

— А причём тут Марина? Она не снайпер из Прибалтики, — зло выпалил Антон.

— Далась тебе эта женщина, — мрачнеет Идар, — не хочу перед тобой отчитываться, но не я её убил. Под камнепад попала, я её уже мёртвой на вашу тропу выкинул, глупо, но хотел страх на вас навести, но не очень хорошо получилось, — сознаётся Идар.

— Весьма глупо, — укоризненно покачал головой Виктор, — но её смерть на твоей совести.

— Много раз уже покаялся, — неожиданно серьёзно говорит Идар.

— Так это не ты её убил? — с растерянностью смотрит на него Антон.

— Да и высекли её не сильно, так, для острастки, — вполне искренне вздыхает Идар.

Грач хмыкает, смачно сплёвывает под ноги: — Нашли тему для разговора, одной бабой больше, одной меньше. Сейчас не об этом надо думать, на кону наши жизни.

— Урод! — вырывается у Антона.

Грач мгновенно выхватывает нож, но Идар легко выбивает его из рук; — Угомонись, Птица, поножовщины нам ещё не хватало!

— Сопливый щенок! — громко прошипел спецназовец.

— Ах ты, гадёныш! — в ответ выкрикнул Антон.

— Стоп! — вмешивается Виктор и уже тише произносит: — Потом разберётесь, время будет, а сейчас у нас перемирие, так что, Антоша, придётся потерпеть.

— Потерпит он, — скривился Грач.

— Вперёд топай! — подталкивает его Идар.

Спецназовец вновь демонстративно сплёвывает, лезет в чёрный провал.

— В пещерах не свинячат, всё уже заплевал! — зло произносит Антон.

— Лучше посвети, а не изображай из себя умника! — огрызнулся Грач.

— Что-то ты не на шутку разошёлся, — озабоченно замечает Идар, — у тебя было такое состояние, когда нас едва не замочили у села Кувиг. Помнишь?

Грач обернулся, странно глянул на Идара: — Там мы попали в засаду... меня бронник спас... а сейчас на мне его нет, чувствую себя, словно без кожи.

Спуск был недолгим, буквально метров через тридцать, отряд натывается на тупик, Идар с Грачом насторожились, но Виктор уже знает способности Антона. Так есть, он хмыкает под нос: — Что застыли, пригнитесь, там лаз.

— Нам что, туда? — не поверил Грач.

— Со спины всё снять и впереди себя толкайте. Это шкуродёр... не бойтесь, он не слишком узкий. Метров через десять он сомкнётся, надо перевернуться на спину и, вползти в верхнее отверстие. Дальше придётся перемещаться на спине, развернуться на живот вы не сможете, будет слишком узко. И ещё, одежду необходимо снять и трусы тоже, они могут завернуться в трубочку, и вы завязните в шкуродёре навсегда, — с мрачной усмешкой произносит Антон.

— А дальше что? — не выдержал Грач.

— Дальше? Дальше подземное озеро, постарайтесь в него не упасть, а то переохладение схватите. За озером ход, как раз к склонам, где вы обосновались, через часок доберёмся, где-то к ночи.

— Знал бы, что здесь такой маршрут, пошёл бы по поверхности, явно безопаснее, — невольно вырывается у Грача.

— В штаны наложил? — вкрадчиво спрашивает Антон.

— Да пошёл ты! — спецназовец начал энергично скидывать с себя одежду.

Кошмар перехода позади, группа выбирается на поверхность. Люди с облегчением вдыхают свежий воздух, стараясь быстрее прийти в себя, один лишь Антон, невозмутим и спокоен, для него подземные миры, что квартира в обычном доме.

Очень быстро темнеет, звёзды исчезают, луна прячется за сопки, небо затягивается мощной облачностью и ночь густеет, словно гудрон в цистерне, даже дышать стало тяжело, деревья замерли, листья застыли, ни малейшего дуновения ветра — полный штиль.

Виктор с тревогой оглядывается, ему не нравится такая резкая перемена погоды: — Вероятно к шквалу, не находишь? — обращается он к Идару.

— Похоже на то, — он потянул носом воздух, — скоро здесь будут плясать молнии, как дикие кавказцы лезгинку в центре Москвы.

— Бардак! — не по делу зло сплёвывает Антон. — Надо переждать в укрытии, если ливень начнётся, по откосам не пройдем, да и в понор может затянуть. Действительно, надвигается такая буря, на открытом месте оставаться — самоубийство, вы уж поверьте моему опыту, я большую часть жизни провёл в горах. Придётся ждать утра.

— День, не наше время, — мрачно заявляет Грач.

— Всё верно, — кивает Идар, — но Антон прав, сейчас дёргаться не стоит, а пока не начался ливень, мы прочедем окрестности, да хвороста насобираем, после ваших шкуродёров до сих пор знобит.

— Тоже дело, — Виктор выходит из пещеры, оборачивается к Антону: — Очаг сооруди, так, чтобы с открытого места его не было видно.

Грач, пружинистой походкой двинулся вперёд, внимательно осматриваясь и нюхая воздух.

— Стой! — резким выкриком останавливает его Идар, он что-то заметил в траве.

Грач как вкопанный останавливается, мгновенно приседает, в руках блеснуло лезвие ножа: — Что случилось, вроде тихо? — но вот он замечает в траве бесформенный предмет, раздвигает стебли: — Дохлая собака, мужчины, всё в порядке.

— Подожди, — Виктор присаживается рядом, с лёгкостью переворачивает труп собаки.

— Труп свежий, — в размышлении произносит Идар, — в брюхе пулевое отверстие, с АКМА подстрелили, причём, совсем недавно. Отходим.

Илья, шедший по следу, подстреленной им собаки, на поляне натывается на людей. Порыв ветра, на миг, разгоняет тучи, луна заливает светом поляну, но этого хватило, чтобы юноша мгновенно узнал среди них Идара. Его сразу кидает в дрожь, руки стискивают автомат, вот так удача! Илья затаился в можжевельных зарослях и пытается унять стук собственного сердца, такое ощущение, что он звучит как набат и люди, рассматривающую убитую им собаку, могут его услышать. Вот он, его враг, поднимается, явно что-то чувствует, Илья слышит его тихий возглас: «отходим». Сейчас или никогда! Вскидывает автомат и нажимает на курок.

— Командир, засада!!! — Грач увидел, как разошлись ветви можжевельника, и появляется человек с автоматом.

Идар попятился... глаза слепит вспышка, он приготовился встретить боль, стискивает зубы.

— Пригнись!!! — эхом проносится крик Грача, он кидается вперёд и грудью ловит рой пуль, падает на Идара и, последнее, что видит командир, застывающую улыбку и слышит шёпот его друга, Грача: — Жаль... нет... бронника...

Первые капли дождя тяжело шмякнулись о землю, порыв ветра мощно ударил по поляне, в мгновение, разметав ветки, листья и прочий мусор и, как залп корабельных пушек, громыхнул гром, а в следующую секунду проскакивает зигзаг молнии и задевает ближайшие сопки. Небо словно лопается и низвергается водопадом, с яростью вгоняя влагу в землю и заполняя водой все ложбины. Молнии впиваются в поверхность плато, как десятки тысяч огненных столбов, кажется, всё пылает и даже вода вскипает. Вдали вспыхивают деревья, но быстро гасятся льющимися сверху потоками.

Идар, не отрывая взгляда от Грача, застывает на месте, на глаза опускается красная пелена.

— Как же так? — шепчет он. — Ведь предчувствовал и, всё равно пошёл впереди меня.

— Уходим! — сдёргивает его с места Виктор.

— Прости, браток, — у Идара неожиданно сводит скулы. Уже не оборачиваясь, бросается вслед за Виктором и Антоном.

Разбрызгивая грязь, путаясь в мокрой траве, люди в несколько прыжков добираются до пещеры и затаились у входа, пытаясь высмотреть врага.

— Ливень почти как в тропиках, он, конечно, ушёл... надо Грача похоронить, —

потухшим голосом произносит Идар.

— Похороним. Он был непростым человеком, но правильным, — соглашается Виктор.

— Невероятно сильный дождь, — тоскливо произносит Идар.

— Вся скверна вычищается, — заморожено глядя, на ослепительные молнии, кивает Виктор.

— Вода и огонь — жуткое сочетание... и необыкновенно красивое, — задумчиво заявляет Антон.

— А ты поэт, — несколько нервозно говорит Идар и отодвигается от ручейка, ворвавшегося в пещеру. — Скоро весь пол зальёт, надо повыше перебираться.

— Ливень утихает, — в буйстве молний Виктор замечает некоторое торможение. — А как ты планируешь жить после окончания нашей операции? — глянул он на Идара.

— Интенсивно буду жить, — пытается шутить он, но голос напряжённый. — Ты что имеешь в виду?

— С кем останешься, с нами, или и наши пути вновь разойдутся?

— Там видно будет, — пожевал губы Идар, — но в любом случае уважение к вам у меня останется, а это дорогого стоит.

— Откровенно, — прищуривает глаза Виктор.

— Мы разные, у нас иные подходы к жизни, — вздыхает Идар, — нам дружить необходимо на расстоянии, возможно, я вообще уйду с Караби яйлы.

— И куда именно? — с плохо скрываемой иронией, спрашивает Виктор.

— Островов много, где-нибудь обоснуюсь, а здесь нам будет тесно.

— Хочешь строить свой Рим?

— Есть такая мечта, — грустно улыбается Идар.

— Что ж, неволить не буду, мы даже тебе построим большую лодку.

— Даже так? — усмехается Идар и в глазах промелькнуло странное выражение.

— Что-то другое хочешь предложить? — уловив иронию, спрашивает Виктор.

— Да нет, в принципе я согласен... лодка, конечно здорово, — Идар криво ухмыляется. — Ты смотри, а ливень заканчивается, — он решительно встаёт.

— Ты куда? — задерживает его Виктор.

— Стрелок ушёл, это сто процентов... Грача надо похоронить, а потом я один схожу в разведку.

— Считаешь это правильно? — спрашивает Виктор.

— Вполне. Зачем всеми рисковать, а я там все потайные ходы знаю, одному легче проскользнуть.

— Хорошо, но если через три часа тебя не будет, мы выдвигаемся к тебе.

— Отлично, — Идар наблюдает, как ливень гаснет, переходит в слабый дождь, последний раз громыхнуло, и шквал из молний удаляется за горизонт.

Постояв над холмиком, под которым упокоился, беспокойный в прежней жизни, Грач, Идар просит: — Он был крещённым, крест сделайте, а мне пора, — Идар прыгает в темноту и растворяется во мраке.

— Не верю я ему, — словно размышляя, заявляет Антон.

Виктор внимательно глянул на друга, он прекрасно понимает его состояние и, в душе, согласен с ним, Идар что-то задумал, это будет предательство или нечто другое, в любом случае, сюрприз неприятный. Виктор с задумчивым видом кивает: — Я ему тоже не верю. Он прав, нам будет тесно на этой земле.

— Сделаем ему лодку, и пускай сваливает со своими бойцами, — зло произносит Антон.

— Мне кажется, я уже знаю, куда он хочет направиться, — входит в разговор Викентий Петрович, — на Карадаг.

— А вот это уже пересечение наших интересов, — мрачнеет Виктор и с уверенностью добавляет: — Нет, на Карадаг он не поплывёт, на лодке не получится, слишком далеко, Идар обоснуется где-нибудь на ближайшем острове... но, в перспективе, Карадаг у него на прицеле, поэтому нам первыми туда необходимо попасть. Наш корабль почти готов, когда уходили, там уже оснасткой занимались.

Томительно идёт время, постепенно светлеет, Виктор с беспокойством встаёт, вглядывается вдаль: — Больше трёх часов прошло, — произносит он.

— Ещё час ждём и выходим, — кивает Антон.

— Вы не меня высматриваете, — раздаётся весёлый голос, — Идар словно выныривает из зарослей, от неожиданности Антон вздрагивает, недовольно поджимает губы: — Вот чумной, как кошка.

— Тогда уж кот, — неожиданно весело смеётся Идар. — А у меня новость, не знаю хорошая или нет, — он подходит к мужчинам: — Советую сесть, — ухмыляется он и присаживается на замшелый камень, достаёт флягу с водой, жадно пьёт, остатками поливает голову, встряхивает волосами, платком вытирает лицо, ещё раз ухмыляется, видя напряжённое внимание в лицах товарищей, — ладно, тянуть не буду, Игнат повесил старика на дереве и табличку прицепил: «Богоотступник и государственный изменник», а рядом, на колья насадил Репу, Бурого и Вагиза..

— Как повесил, какие колья?! — у Антона вырывается удивлённый возглас.

— Как именно, не знаю, может, молча, а может с гневными воплями, но как факт, старец мёртв и уголовники тоже, а Игнат, судя по всему, за главного... он сейчас... настоящий царь.

— Неплохо для плотника, — испытывая неприятное удивление, произносит Виктор. — Но как ему удалось убить старца и его команду?

— Может, его во сне замочил или другой подходящий момент нашёл, в любом случае, этим он укрепил своё положение. И вот ещё, у меня получилось подслушать разговор, он не собирается идти на твой лагерь, — Идар изучающее посмотрел на Виктора и неожиданно добавляет: — У меня зреет ощущение, у них кто-то похитил автоматы и слинял с города.

— А вот это новость. Значит, мы недавно, с третьей силой столкнулись?

— Очень похоже на то, — соглашается Идар. — И как ты поступишь? — без насмешки спрашивает он.

— Пока не знаю, — искренне произносит Виктор.

— Да, мужчины, интересная вас жизнь ждёт.

— Каждому своё, — кивает Виктор.

— Это верно, но «своё» я буду делать на другом острове, — многозначительно говорит Идар.

— Как и договаривались, лодку мы построим, — с некоторым сожалением произносит Виктор.

— Лодка... это хорошо, — задумчиво изрекает Идар. — Скоро появится солнце, больше ловить нам нечего, пора в лагерь, — излишне настойчиво требует он.

Глава 28

Нина, бережно придерживая свой живот, осторожно взбирается по лестнице на площадку забора. Она так делает каждое утро, в надежде встретить Виктора. Яна с укором качает головой: — Тебе не стоит так напрягаться, подруга, — она помогает ей взобраться.

— Если Виктор не придёт, у меня смысла не будет рожать, — сдувая со лба пушистую чёлку, решительно говорит она.

— Это ты зря так, — с беспокойством произносит Яна, отпихивает в сторону Семёна и Виталия, чтобы удобнее посадить на скамеечку свою подругу. Яна с трудом сдерживает горестный вздох и старается непринуждённо улыбнуться: — Наши мужчины вернутся, я в этом уверена, иначе быть не может.

Нина долго смотрит в прорезь забора: — Опять никого, — слезы сверкнули на ресницах.

Яна присаживается рядом: — Они не так просты, чтобы погибнуть, утри слёзы, подруга.

— Ты права, я совсем расклеилась, чуть что, сразу слёзы капают. Представляешь, ничего с собой не могу поделывать, какое-то настроение плаксивое, — кивает Нина.

— При беременности такое часто бывает, — улыбается Яна, — ты ещё хорошо держишься. А знаешь, — чтобы отвлечь Нину от горьких дум, Яна резко переводит разговор на другую тему, — ребята выловили несколько бочек с керосином.

— Зачем они нам, — Нина пожимает плечами, — дров и так достаточно.

— Мирослав и Тимур говорят, что оно подходит для заправки вертолёт.

— Какого вертолёт? — Нина в удивлении округляет глаза.

— Ты что, забыла? У них на острове разбитый вертолёт, Тимур говорит, что есть шанс его починить.

— Ах, тот вертолёт, — Нина задумалась, прищурила глаза, выражение лица становится жёстким, она с расстановкой произносит: — А случайно люди Идара о нём не знают?

— В их присутствии не говорили, — Яна внимательно посмотрела на Нину, у которой мигмом высохли слёзы, и она вновь стала как прежде решительной и уверенной в себе.

— Это хорошо... ты поговори с нашими людьми, чтобы эту информацию держали в тайне. Не следует, чтобы чужаки об этом знали, мало ли что может случиться, а я им не доверяю, особенно Идару, — Нина решительно встаёт, собирается ступить на лестницу, но напоследок бросает взгляд за забор и видит выходящих из леса людей. Она моментально узнаёт Виктора, дыхание сводит от счастья, Яна перехватывает её взгляд и с радостью восклицает: — Я знала, они придут... Антон! — выкрикивает она и машет рукой.

Семён и Виталий встрепенулись, некоторое время высматривают людей, на всякий случай, вытащив стрелы, затем улыбаются и спихивают верёвочную лестницу.

— Виктор! — выкрикивает Нина, примкнув к смотровому окну, и у неё вновь текут слёзы. Внезапно она хватается за живот, охает и сползает на пол.

— Что с тобой, подруга? — всполошилась Яна и с возбуждением выкрикивает: — Неужели схватки?

— Я боюсь! — стонет Нина.

— Ребята, спускайте её и Виолетту Степановну зовите. Что рты разинули, вы что, ни разу не видели как женщина рождает? — возмущается Яна.

— Ни разу, — испуганно пролепетали Семён и Виталий.

— Я Виктора дождусь, — закатывает глаза от боли Нина.

— У тебя сейчас воды пойдут, ребёнка потеряешь. Спускайте её вниз! — рявкнула на оторопевших парней Яна, а сама энергично замахала руками.

— Что за суета? — Виктор замечает прыгающую за забором женщину.

— Это Яна, — расплывается в улыбке Антон.

— Чего это она так скачет? — удивляется Идар.

— Бегом! — Виктор сбрасывает с плеча автомат и первым бежит к болтающейся верёвочной лестнице, прыгает, лихорадочно лезет наверх, с удивлением оглядывает площадку: — Ты здесь одна, где пост?

— Поволокли твою жену рожать, — со смешком произносит Яна.

— Как это? — обомлел Виктор, даже губы затряслись.

— Молча, а может с криками, — шутит Яна. — Ты поторопись, её уже по тропе ведут.

— А-а-а! — Виктор бросается следом.

— Вроде мужчина разумный, а голову вмиг снесло, — ржёт Идар и прыгает на площадку.

— Здорово! — сияет Антон и влипает в Янины объятия.

— Антон, любимый, как я тебя долго ждала!

— Мексиканский сериал, — веселится Идар. — Вот что, мужчины, вы там разбирайтесь со своими жёнами, а я пока здесь подежурю, моим людям скажите, пусть подойдут, — непринуждённым тоном продолжает говорить он.

Лагерь бурлит, почти всё население собралось у дома, где уже третий час старается Нина. От её криков едва не разлетаются стены, жалобно скулят прирученные собаки, а Виктор бледный и несчастный, переминается с ноги на ногу, Яна бежит за водой, собирает чистые тряпки, Виолетта Степановна ни на шаг не отходит от роженицы. Внезапно Нина затихает и звучит крик младенца, а ещё через некоторое время... ещё один.

— Двойня, — улыбается Викентий Петрович и обнимает ошалевшего от счастья Виктора.

На пороге появляется Виолетта Степановна, раскрасневшаяся и мокрая от пота, в руках держит два свёртка: — Что стоишь, папаша, принимай детей... мальчики, на тебя похожи, — она устало смеётся.

— Виктор с трепетом берёт своих детей, долго всматривается в их лица и счастливо улыбается.

— Они первые дети этого мира, — с какой-то грустью произносит Викентий Петрович.

— Как там Нина? — всполошился Виктор.

— Она молодец, с отдачей постаралась, сейчас отдыхает. Можешь зайти, папаша, — глубоко вдыхает грудью Виолетта Степановна и прижимается к Павлу Сергеевичу.

— Ви, — Павел Сергеевич целует Виолетту Степановну в щёку, — а давай и мы заведём ребёнка.

— Не знаю как ты, — усмехается она, — а я уже завожу.

— Не понял? — отстраняется он от неё.

— От тебя, глупый... с месяц уже.

Антон слышит разговор, вздыхает, Яна загадочно глянула на него, лёгкая улыбка пробежала по губам.

— Ты чего такая загадочная, — насторожился Антон.

— А ты догадайся, — с победным видом Яна вздёргивает нос.

— Ты тоже? — Антон едва удерживается на ногах.

— Так мы... каждую ночь старались, — довольная произведённым эффектом, снисходительно хмыкает Яна.

Виктор останавливается на пороге, с обожанием смотрит на жену: — Как себя чувствуешь, любимая?

— словно в стиральной машине побывала, затем в мясорубке, после — как по булыжникам возили, затем отжали, растянули, и повесили сушиться... в общем, вполне сносно, — слабым голосом говорит она.

— Ты ещё можешь шутить? — Виктор улыбается и с нежностью прижимает к себе завозившихся мальчиков, которые безошибочно почувствовали свою мать.

— Как я тебя ждала, — влюбленным взглядом смотрит Нина, — столько мыслей разных было... ты положи ко мне детей, — услышав, что мальчики начинают хныкать, протягивает она руки. — А я знала, что у меня будет двойня, — подвигая к себе малышей, — слабым голосом произносит она.

— И не говорила, — укоризненно качает головой Виктор, — он присаживается рядом и осторожно целует жену.

— А ты рад? — отвечает на поцелуй она.

— Мне кажется, это какой-то чудесный сон... такое счастье. Теперь я горы сверну, чтобы у нас всё было хорошо.

— Виктор, выйди, — неожиданно слышится голос Викентия Петровича.

— Что случилось? — с неудовольствием отрывается от жены Виктор.

— Ничего особенного... так... текущие дела.

В комнату заходит Яна и Виолета Степановна: — Мы присмотрим... там уже, все мужчины собрались, — как-то натянуто говорят они.

Виктор встречается с понимающим взглядом жены, она грустно улыбается: — Опять проблемы, иди, тебя ждут.

— Сейчас выясню, что там и сразу приду обратно, — Виктор быстро выходит во двор, настороженно смотрит в озабоченное лицо Викентия Петровича.

— У нас проблема, — он с досадой кашлянул, потёр отрастающую бороду, — Идар, со своими людьми, угнал корабль.

— Как?! — вскричал Виктор.

— Воспользовались моментом, когда почти все были в лагере, связали плотников и спустили корабль на воду... а ведь через неделю собирались проводить швартовые испытания, на сегодняшний день, корабль, в принципе, был уже готов... даже паруса почти все закрепили на реях. Они смогли их поднять и сейчас в хорошем темпе уходят в море.

— На Карадаг пойдут, — скрипнул зубами Виктор.

— В ближайшие две недели не смогут, — ухмыльнулся Викентий Петрович, — сейчас образовался циклон и ветер, минимум, дней десять будет дуть в противоположную сторону, они даже галсами не смогут двигаться, у них ещё нет опыта в навигации, пока её освоят, — как-то мстительно произнёс он.

— Освоят, — мрачнеет Виктор, — у них есть всё, а главное — время, а мы не сможем им помешать, на плотях к ним не подобраться. Как же я упустил этот момент! — Виктор в великом сокрушении разводит руками.

— Не всё потеряно, — Викентий Петрович неожиданно широко улыбается и подзывает

Мирослава и Тимура: — Значит, две бочки с керосином на берегу нашли?

— Для заправки вертолѐта подойдѐт, — кивают они.

— Какого вертолѐта, того что на вашем острове остался? — Виктор едва не подскакивает на месте. — Но он разбит!

— Нет, там небольшие поломки, за пару дней справимся, надо только до острова добраться, — улыбаются лѐтчики.

.....

Илья видит, как спецназ Идара расправляется с рабочими, поправляет на плече автомат, понимающе ухмыльнулся. Прячась за неровности и скальные образования, он подполз ближе к берегу и затаился, наблюдая, как выбивают стопора, и корабль легко сползает на воду. Пользуясь тем, что люди Идара занимаются парусами, пытаясь их правильно расставить, чтобы поймать ветер, он скользнул в воду и незаметно подплыл к борту, долго искал как забраться на палубу, но на счастье нашѐл конец троса и быстро залез наверх, прыгнул в недостроенный трюм и затаился среди различного хлама. Радость и ненависть бушует в крови, теперь он знает, Идару от него не спастись.

Идар и доволен и озабочен одновременно, корабль угнали, продуктов дней на десять, впору идти к Карадагу, но образовавшийся циклон, будь он не ладен, не даѐт этого сделать. По опыту Идар знает, дуть ветер будет недели две. Ну, да ладно, время есть, можно потренироваться идти галсами, глядишь, и за неделю можно будет управиться. Он прошѐлся мимо открытого трюма, поскользнулся на досках, с удивлением хмыкнул, разглядывая мокрые следы, но шальная волна перескакивает через борт и всё смывает. Нерешительно постояв с минуту, Идар решает, что это следы от прошлых волн, но в душе остаѐтся нехороший осадок. Надо бы обыскать корабль, вдруг какой-то незамеченный плотник остался здесь, впрочем, это беда его. Идар с удовольствием глянул на свою немногочисленную команду, которая начинает понимать, как управляться с корабельным оборудованием, крикнул, чтобы отпустили перетянутый конец паруса, вновь глянул в трюм и направился к ходовому мостику, сменить рулевого.

Илья почувствовал близость своего заклятого врага, появилось нестерпимое желание разрядить в него весь магазин, но благоразумие заставило ещѐ сильнее забиться в щель и забросать себя различным хламом, непонятно где сейчас остальная команда, да и качка усилилась, прицельно не выстрелишь.

Под вечер море успокаивается. Илья тихо подползает к трапу, осторожно поднимается, с опаской выглядывает, готовый, в любой момент, применить оружие.

На палубе собралась вся команда. Идар с Олегом, привязывают к верѐвке якорь, который, представляет собой, обычный длинный камень со сколотым краем, а Дима с Геной Меченым, настраивают якорное устройство. Вскоре камень подвешивают к лебѐдке и заводят за борт, слышится громкий всплеск. Сейчас или никогда! Илья выскакивает на палубу, Идар медленно оборачивается, глаза в глаза встречается с взглядом юноши, замечает направленный на них автомат.

— Илья? — удивляется он. — Ты что хочешь сделать? Зачем? — Идар незаметно обхватывает рукоятку ножа.

— Руку убери... и ты тоже, — обращается Илья к Гене Меченому, — не успеете, пули быстрее.

Дима смертельно бледнеет, в животе холодеет, он пятится, упирается о леера, но неожиданно его разум переклинивает, и он с вызовом выкрикивает: — Недоумок, автомат

брось, иначе до смерти запорю!

У Идара округляются глаза, теперь отвлечь внимание не получится, Гена Меченый это тоже понимает, они оба хватаются за ножи, но из ствола вырывается пламя и град из пуль сбивает с ног. В предсмертном вопле забился Дима и выпадает за борт, Идар с удивлением наблюдает, как из его живота выплёскивается горячая кровь, Гена Меченый, успевает выхватить нож, но его руку перебивают пули, потом что-то щёлкнуло в голове...

Илья опускает дымящийся ствол, безмолвно поглядывает на убитых врагов и, сам себе говорит: — А что дальше? — затем смотрит на тёмный берег, пошатываясь, подходит к борту, в море уже хозяйничают две белых акулы, они с жадностью рвут человеческое тело.

— Какой ужас, что я натворил!!! — Илья выбрасывает автомат в море, обхватывает ладонями голову и съезжает вниз, так и заснул, прислонившись к мокрому борту.

В плот загрузили бочки с топливом, столкнули с места, уключины вставили самодельные вёсла и, погребли к далёкому островку, где находится неисправный вертолёт. Дай бог, чтобы Мирослав с Тимуром смогли его починить, тогда есть шанс подняться в воздух. На плоту, из-за недостатка места, разместился самый минимум людей, естественно лётчики, Викентий Петрович и Виктор.

Гребли всю ночь, по координатам, островок давно должен был показаться. Неужели прошли мимо? Виктор останавливает плот, осматривает светлеющую гладь моря, скоро поднимется солнце.

— Что-то не пойму, — он посмотрел на компас, протянутый Мирославом, — где остров?

— Где-то здесь, — развёл руками Тимур.

— Но его нет, — Викентий Петрович погладил колючий подбородок.

— Мы что, мимо прошли? — Виктор оглядел людей.

— Нет, это здесь! — Мирослав встряхнул светлой бородкой.

— Он что, утонул? — скептически спрашивает Виктор.

— Как ты прав, — неожиданно произносит Викентий Петрович. — Под водой, не иначе... лопасти? — он свесился с борта и, внимательно смотрит в глубину.

— Остров опустился?! — хором восклицают лётчики.

— Но это факт! Помните, было землетрясение? — Виктор тоже разглядел под водой контуры вертолёта.

— Это полный трюндец! — выругался Викентий Петрович.

— И что дальше? — застонал Мирослав.

— Был бы пистолет, я бы застрелился, — в каком-то безумии, произносит Тимур.

— Верх идиотизма! Хватит распускать нюни! — громко выкрикнул Виктор.

— Вся надежда была на него... даже не Карадаг, а найти большую землю с людьми, — опустил голову Тимур. — У нас, теперь, даже корабля нет.

— Мы его построим, — угрюмо говорит Виктор.

— Успеть бы. Сволочи, увели такое хорошее судно! — неожиданно вспыхнул, обычно всегда спокойный, Викентий Петрович.

— Подло поступил Идар, нет ему за это прощения, — сузил глаза Виктор и окинул взглядом морские просторы, неожиданно встрепенулся, словно споткнулся о кочку, приподнялся на локтях, раскрывает глаза на всю ширь: — Корабль... точно он, смотрите, вон силуэт, ближе к берегу... сейчас туман сойдёт... Это наш корабль!!! — в великом возбуждении выкрикивает он.

— Якорь бросили, ждут смены ветра, — дрожащим голосом произносит Мирослав.

— Надо брать его штурмом, другого у нас нет пути, — Викентий Петрович снимает с плеча лук, аккуратно расшнуровывает кожаный мешок, плотно забитый стрелами. — Необходимо подойти с кормы, может получиться незаметно... хотя вряд ли, Идар, достаточно опытный человек, без охраны судно не оставит... но у нас безвыходное положение.

— Значит, будем рассчитывать на чудо, — криво усмехнулся Виктор.

— Не люблю я эти слова. Боюсь, у нас будет серьёзный бой, — поморщился Викентий Петрович.

— Я им своего вертолёт не прошу! — будто это они виноваты, что остров ушёл под воду, злобно скрипнул зубами Тимур.

— Решено, будем штурмовать корабль, — в каком-то бесшабашном веселье произносит Виктор, его глаза загораются мрачным огнём.

В диком напряжении, часто меняя друг друга на вёслах, плот погнали к застывшему, в утреннем тумане, судну. Через несколько часов подошли к корме, и стали готовиться к штурму, размотали верёвку с крюком, чтобы перекинуть через борт. Пока тихо, к большому удивлению, никто из команды Идара, на палубе так и не появился. Неожиданно, течением, плот срывается с места и, его выносит прямо под самый борт.

— К бою! — крикнул Виктор, ожидая, что сейчас, на них обрушится море из стрел и смертельные копьё.

Ничего не произошло, скрипят лебёдки, хлопают плохо закреплённые паруса, о борт лениво плюхается волна и, с пеной отступает прочь.

— Странно, у меня ощущение, что на борту никого нет, — пробормотал Викентий Петрович.

— Бросай крюк, — решается Виктор.

Викентий Петрович, с отяжкой, швыряет его за борт. С громким звуком он цепляется за доски, команда Виктора замерла, приготовившись отразить атаку. Ничего не произошло, всё так же тихо.

— На корабле никого нет, — уверенно произносит Викентий Петрович, крепит натянутую верёвку к плоту и, ловко лезет наверх, перебрасывается через борт, выхватывает нож, но сразу его опускает. У якорного устройства, с простреленной грудью, лежит Идар. Рядом, с дыркой во лбу, в неестественной позе, замер Гена Меченый. Димы нет, но борт и леера в крови, значит выпал за борт. Кто же это сделал? Викентий Петрович вновь поднимает нож, быстро оглядывается и сразу замечает спящего юношу, ни автомата, ни другого какого оружия, по близости нет. Он тихо приближается к спящему парню, осторожно трогает за плечо.

Илья сразу просыпается, с безразличием смотрит на склонившегося перед ним человека.

— Это ты их убил? — спрашивает Викентий Петрович.

— Я.

— Автомат где?

— Выкинул за борт.

— Зачем?

— Я не хочу быть убийцей.

— Это хорошо. Звать тебя как?

— Илья.

— Вот что, Илья, я не знаю причин того, что побудило тебя, их убить, думаю, они достаточно веские, — Викентий Петрович пристально рассматривает шрамы на губах юноши. — В любом случае, тебя, уже, никто не обидит. А вот автомат ты зря выкинул, нам бы он пригодился. Получается, проблема от нас не ушла, у врагов есть оружие, а у нас нет.

Юноша посмотрел на странного человека, в котором совмещается и доброта и строгость, глаза затуманились и, неожиданно он верит ему и решает открыться: — Нет у них оружия. В моей пещере спрятан ещё один автомат и ящик с патронами.

— Это всё меняет, теперь понятно, почему они не напали, спасибо что сказал, — Викентий Петрович подходит к борту. На плоту, в напряжённом ожидании, замерли его товарищи: — Корабль наш! — с радостью выкрикивает он.

Идара и Гену Меченого, завернули в мешковину, привязали к ногам камни, Викентий Петрович тихо прочитал молитву, и их выбросили в море. Затем, вымыли палубу, чтобы и следа не осталось от крови. Выбрали якорь, а утренний ветер быстро наполняет паруса силой, корабль торжественно сдвигается с места. Вот, появляются знакомые утёсы, на берегу встречает ликующий народ, на море спускают лодки.

Виктор, взглядом, отыскивает Нину, она стоит с Яной и держит в руках его сыновей. Гордость и счастье поднимается в душе, теперь Виктор знает, всё будет хорошо.

— Вот мы и дома, — улыбается Викентий Петрович. — Правда, здесь здорово?

— Этот мир нас принял, теперь людей ничто не остановит, мы выжили, — шепчет Виктор, но его услышали все.

Больше книг на сайте - Knigolub.net